

Русская поэзия Китая

Вступительная статья

ВСЕ ЗВЕЗДЫ ПОВИДАВ ЧУЖИЕ

Мы обрели тебя, Россия,

Мы обрели самих себя!

В. Перелешин

Русскую литературу Китая справедливо считают отдельной ветвью богатейшей словесности Зарубежья. В Харбине, Шанхае, Тяньцзине, Пекине, так же, как и в западной диаспоре, издавались русские книги самого разного содержания — от записок военного летчика до математического трактата. Выходили воспоминания, дневники, исторические исследования, политические брошюры, детективные романы, оккультные сочинения, любовные повести, сборники рассказов, книжки для детей, отечественная классика, очерки писателей-натуралистов, работы по востоковедению. И как везде в русском рассеянии — многочисленные сборники стихотворений. «В 20-е — 40-е годы в Харбине и Шанхае было издано около 60 поэтических сборников», — писала исследовательница культуры русского Китая Е. Таскина[1]. Уточним: за тридцать лет (1918–1947) их вышло в три раза больше — авторских и коллективных, талантливых и посредственных, заслуживших известность и оставшихся в тени. При этом некоторые талантливые поэты не сумели или не успели издать ни одного поэтического сборника. Литературоведам еще предстоит собрать и выпустить стихи Г. Гранина, М. Коростовец, И. Лесной, Н. Петереца, С. Сергина, Н. Щеголева. До эмиграции опубликовал во Владивостоке свой единственный сборник «Стихи таежного похода» Леонид Ещин; то, что он написал за семь лет жизни в Харбине, отдельным изданием никогда не выходило.

Пишущих стихи, как и везде в русском рассеянии, было много: поэтов, конечно, раз в тысячу меньше. Наша антология включает 58 поэтов. При менее строгом подходе имен набралось бы больше. Но слишком легко соскользнуть в сомнительную сферу, где краски меркнут, где разбросаны искусственные цветы, а сама суть понятия «антология» (в буквальном переводе — букет цветов) обесмысливается. Много или мало 58 поэтов на эмиграцию количеством от ста до четырехсот тысяч согласно двум крайним исчислениям? Во всяком случае, словесности русского Китая хватило бы для создания не слишком бедной литературы какой-нибудь богатенькой страны. Примечательно, что и В. Перелешин пришел примерно к той же цифре. «...Мне известно, — писал он, — около шестидесяти имен поэтов, как пользовавшихся широким признанием в дальневосточных центрах русского рассеяния — Харбине, Шанхае, Тяньцзине и Пекине, так и малоизвестных и оставшихся вовсе незамеченными»[2].

Могут ли ввести в заблуждение миниатюрные тиражи поэтических книг? Число экземпляров несмеловского «Полустанка» и «Песен земли» Н. Резниковой — 150. По 200 экз. издавал

свои первые книги В. Перелешин («В пути», «Добрый улей», «Звезда над морем»). Посмертная книга Нины Завадской «Светлое кольцо» выдержала тираж в 350 экз., а «Желтая дама» М. Спургота — 375. Цифры типичные. Нетипичным был пятисотенный тираж «Стихов» Ю. Крузенштерн-Петерец. Но и это далеко до рекорда, принадлежащего популярному С. Алымову: 1200 экз. его «Киоска нежности». В первые годы пореволюционной эмиграции Алымов слыл кумиром харбинской молодежи, и тираж его «Киоска» был рекордным. Если Алымов на том фоне — тучная гипербола, то Лев Гроссе — тощая литота. Его «Мысли сердца» вышли «в количестве пятидесяти нумерованных экземпляров, из коих лишь двадцать пять поступило в продажу». А ведь тиражи в этой затонувшей «Атлантиде», или, как писал Несмелов, «в затонувшей субмарине», вполне соответствует тиражам поэтических сборников в сегодняшней России при соотношении населения 1 к 300, а может, 1 к 1000. Благодарный читатель у «китайских» поэтов был. Поэтические вечера хорошо посещались; случалось, что чтение стихов проходило в переполненном зале, стульев не хватало, люди стояли у стен, собиралось до тысячи слушателей. Стихи заучивали наизусть, переписывали в заветные тетрадки, читатели радовались, когда находили имя любимого поэта в журнале.

Журналов, относительно стабильных либо вполне эфемерных, существовало так много, что и до сих пор не все они описаны. В начале двадцатых годов возникли и быстро ушли в небытие «Дальневосточный прожектор», «Студенческая жизнь», «Даль», «Китеж», «Фиал» — все они окончились на первом выпуске. Открывались и закрывались более стабильные «Гонг», «Вал», «Баян», «Маяк», «Родная нива». Рекорд принадлежал «Новостям жизни» — вышло по крайней мере 57 номеров[3]. Сравнительно долго выходил «Дальневосточный синий журнал» (30 номеров). Первым ежемесячником стал харбинский журнал «Окно»; в нем можно найти стихи живших тогда во Владивостоке футуристов С. Третьякова и Н. Асеева, а также В. Марта, С. Алымова, Вс. Иванова, поэму А. Несмелова «Смерть Гофмана», «Стихи императора Юань Хао-сянь» в переводе М. Щербакова. Но читатель отреагировал вяло, и «Окно» на втором номере захлопнулось.

В газетах тоже порой находим стихотворения местных поэтов (впрочем, и газеты учтены библиографами не все). В одном только 1922 г. в Харбине выходило 60 периодических изданий, в 1923-м — 53 и столько же в 1925-м. Современный китайский исследователь Дяо Шаохуа называет такое обилие «редким явлением в истории мировой журналистики»[4]. О расцвете печатного дела свидетельствует, например, факт издания в Шанхае тридцатых годов четырех ежедневных русских газет одновременно. Не в каждой стране, где находила приют эмиграция, издавался толстый литературный журнал. В Китае такой журнал возник уже в 1920 г. Назывался он «Русское обозрение»; в нем, в частности, печатались стихи А. Несмелова, А. Паркау, Т. Баженовой. «Русское обозрение» — не единственный толстый журнал, был и «Понедельник», в котором появилась поэма А. Несмелова «Через океан», впоследствии вышедшая отдельным изданием. Русский Китай мог позволить себе даже литературную газету — редкость из редкостей в эмиграции. Называлась газета «Молодая Чураевка», а с 27 декабря 1932 г. просто «Чураевка». Журналов насчитывают около 170, называют и цифру 200. В отличие от литературной молодежи Запада харбинским поэтам было где печататься.

Общий культурный уровень диаспоры превышал дореволюционный среднероссийский. В эмиграцию хлынули образованные классы, процент читающей публики был высок. Литературные произведения различных жанров находим в еженедельных и ежемесячных, в казачьих и детских, военных и железнодорожных, в младоросских и в русско-еврейских журналах. На этом пестром фоне высится «Рубеж». За годы его существования (1927 — август 1945) вышло более 860 номеров — рекорд жизнестойкости. «Рубеж» имел читателей во многих уголках Китая, посылался он в Японию, в Корею и в другие страны, практически повсюду, где обосновалась эмиграция. Являясь коммерческим изданием, тематически и в жанровом отношении «Рубеж», казалось, был всеядным. Все, что редакции представлялось сенсационным, интригующим, вызывающим интерес читателя, шло в печать. В каждом

номере появлялось шесть-семь, а то и больше стихотворений. Здесь часто печатался Арсений Несмелов, лучший из поэтов дальневосточного Зарубежья. Здесь начал свой творческий путь Валерий Перелешин. «Рубеж» гостеприимно открыл двери поэтическому содружеству «Чураевка». Все участники этого кружка печатались в «Рубеже». Перечень авторов «Рубежа» представляет собой поистине «кто есть кто» в литературе русского Китая.

И еще выходили альманахи — «Костер порыва», «Сунгарийские вечера» и др. Первый поэтический коллективный сборник «Арс» появился в 1920 г., когда пореволюционная эмиграция еще распаковывала чемоданы. Последний сборник вышел в Шанхае в 1946-м, когда, со вступлением Смерша в Маньчжурию, невозможно было и помыслить о свободном издательском деле в Харбине. Этот последний коллективный сборник — «Остров» — лебединая песнь дальневосточной диаспоры. Культурнейший из альманахов, шанхайские «Врата», публиковал произведения разных жанров. Оба выпуска открывались подборками стихотворений; их авторы: Т. Андреева, Т. Баженова, К. Батулин, Б. Волков, Л. Ещин, Вс. Иванов, А. Казанский, А. Несмелов, В. Обухов, М. Щербаков, В. Янковская — именно те поэты (кроме Казанского), которые вошли в нашу антологию. Средоточием собственно поэзии явились коллективные сборники. Два из них — «Семеро» и «Излучины» — издал известнейший кружок дальневосточных поэтов «Чураевка».

До японской оккупации русские жили в Китае в условиях духовной свободы, вполне сравнимой, а в чем-то даже превосходящей степень свободы на Западе. Китайская республиканская администрация доброжелательно относилась к выходцам из России. «Нет харбинца, который не вспоминал бы с глубокой благодарностью годы жизни, проведенные в Харбине, где жилось привольно и легко... Можно сказать с уверенностью, что на всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой степени дома, как в Харбине... Только теперь я вижу, как мало мы ценили, как принимали за должное великодушное отношение китайских властей...» — вспоминала Наталия Резникова. [5] Это великодушие со временем иссякает. Китайская администрация в Харбине, когда возник советско-китайский конфликт 1929 г., стала настороженно относиться к культурным начинаниям эмиграции, подозревая во всяком коллективном действии «политику». Но русский язык оставался официально признанным, врачи и юристы могли свободно практиковать, деловые люди открывали свои магазины и предприятия. В гимназиях преподавание велось на русском языке, по программам, учрежденным в дореволюционной России. Китайская администрация не вмешивалась в школьную программу. Впрочем, китайский язык в ряде учебных заведений стал обязательным предметом. Оторванность от родной почвы в Харбине переживалась не столь остро, как в Западной Европе. Харбин был русским университетским городом и вместе с тем многонациональным культурным центром, в котором находились землячества и общины выходцев из Российской империи — поляков и латышей, евреев и грузин, армян и татар. Когда СССР начал на паях с китайским правительством контролировать работу КВЖД и в Харбине появились советские служащие, даже и тогда атмосфера терпимости оставалась прежней. Русское население в городе, основанном русскими, было огромным, жили как у себя дома. Так продолжалось до 1932 г., когда Маньчжурию проглотил великий Ниппон. С приходом японцев началось разорение русских и вытеснение их из Харбина.

Даже в самый благополучный период, как и везде на свете, существовало имущественное расслоение. В крайней бедности жили Леонид Ещин и Борис Бета, перебивалась скудными литературными заработками Марианна Колосова. Василий Логинов, по словам Перелешина, «ходил в жутком тряпье». Но и плохо обеспеченные литераторы чувствовали себя здесь не так, как в русских диаспорах Европы. Ещин все же кормился журналистикой, а не изматывающим трудом на заводе Рено. Логинов, до того как впал в крайнюю нищету, работал в газете «Гун-бао» и сводил концы с концами. Парижские судьбы суровее. Борис Бета, переехав во Францию, стал бездомным бродягой, затем портовым грузчиком в Марселе, где вскоре умер. Поэт князь Косаткин-Ростовский за стол и кров, без зарплаты, обслуживал в

детском приюте сорок несчастных паралитиков и дебилов; Юрий Софиев чуть свет уезжал на велосипеде мыть окна больших парижских магазинов. Для всех оставалось загадкой, как мог выживать на те ничтожные гроши, что зарабатывал, поэт Михаил Струве, Газданов долгие годы работал ночным таксистом. Литераторы-харбинцы в большинстве своем занимались профессиональным трудом или подрабатывали в газетах и журналах.

В эмигрантской литературе Франции долго существовала окаменелая иерархия. Писатели и поэты делились по поколениям на тех, кто начал печататься в России, и тех, кто стал писателем за границей. Существовали ограничивающие возрастные и иные деления. Молодые находились в тяжелом, порой безысходном положении. В Китае не было «незамеченного поколения», хотя Ю. Крузенштерн-Петерец и писала о таком под впечатлением от нашумевшей в эмиграции книги Вл. Варшавского «Незамеченное поколение»[6]. Идеиные противостояния отцов и детей в Харбине не принимали напряженных форм, как это случалось в Париже. «Живя в одичавшей Европе, в отчаянных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться... молодое поколение было обречено», — писал Г. Газданов в парижских «Современных записках». Русская молодежь в Харбине имела возможность учиться; ей были открыты двери трех университетских факультетов, Политехнического института и др. Чувство обреченности в целом им было чуждо. Порой и оно импортировалось в Харбин в прекрасной упаковке «парижской ноты»:

Все какое-то русское —

(Улыбнись и нажми!)

Это облако узкое,

Словно лодка с детьми.

И особенно синяя

(С первым боем часов...)

Безнадежная линия

Бесконечных лесов.

Жили харбинские поэты не в «одичавшей Европе», а в стране древнейшей культуры. Совершенно особый вопрос, в какой мере умели они ее ценить. Глядя на китайские социальные низы, не будучи, как правило, знакомы с китайской интеллигенцией, русские считали себя носителями передовой культуры. В отличие от европейских стран, где уже второе поколение эмигрантов заметно ассимилировалось и часто стремилось раствориться в массе местного населения, в Китае русские не смешивались с коренным населением. В творческой и общественной жизни русского Китая молодежь участвовала наравне со старшими. В тридцатые годы в печати говорилось «об определенно повышающемся уровне культурной жизни дальневосточной ветви русской эмиграции»[7]. В богатой, но недолгой 28-летней истории пореволюционного Харбина далеко не все обстояло благополучно: серьезный советско-китайский конфликт 1929 г., сильное наводнение, разрушившее часть Харбина, экономическая депрессия тридцатых годов. Худшей из всех бед была японская оккупация: 6 февраля 1932 г. японские армейские подразделения вошли в Харбин и через три недели объявили о создании марионеточного государства Маньчжоу-Го, вскоре переименованного в Маньчжурскую империю.

Старшее поколение поэтов в Китае — это поколение Арсения Несмелова (род. в 1889). К нему можно отнести Н. Алла, С. Алымова, А. Ачаира, Т. Баженову, Б. Бета, Б. Волкова, Л. Ещина, Вс. Иванова, Ф. Камышнюка, В. Логинова, В. Марта, А. Паркау, М. Щербакова. Все они проявили себя в двадцатые годы. Младшие, вошедшие в литературу в следующем десятилетии, — это поколение Валерия Перелешина (род. в 1913): Л. Андерсен, В. Ветлугин, М. Волин, Г. Гранин, Е. Даль, Ф. Дмитриева, Н. Ильнек, И. Лесная, Е. Недельская, И. Орлова, В. Померанцев, Н. Резникова, Г. Сатовский, Н. Светлов, С. Сергин, О. Скопиченко, В. Слободчиков, О. Тельтофт, Л. Хаиндрова, М. Шмейссер, В. Янковская. Как видим, младшие — более многочисленная группа. Были еще и «средние» — поколение Марианны Колосовой, родившейся в начале XX в.: К. Батулин, М. Визи, В. Иевлева, Ю. Крузенштерн-Петерц, В. Обухов, Е. Рачинская, М. Спургот. При любой классификации кто-ни-будь остается за ее рамками. В нашем случае это те, кто заметно старше несмеловского поколения: Я. Аракин, Е. Яшнов, А. Серебренникова; а также родившиеся в двадцатые годы Н. Крук, А. Кондратович, Н. Завадская. Возрастная разница между старейшим поэтом Аракиным и юнейшей поэтессой Завадской — столетия. Один этот факт свидетельствует о насыщенной протяженности исторического опыта, вплетенного в ткань дальневосточной поэзии.

Часто говорилось о том, что русскому литературному Востоку повезло меньше, чем Западу. Знаменитые дореволюционные писатели эмигрировали в Европу. Восточная ветвь литературы оказалась предоставленной себе самой. Париж слабо замечал «провинцию», мало следил за харбинской и шанхайской литературной жизнью. Все-таки Ачаир, Несмелов, Перелешин, Щеголев были включены в антологию Адамовича «Якорь». Щербаков печатался в «Современных записках», Щеголев — в «Числах», Рачинская — в «Иллюстрированной России». Адамович опубликовал в «Последних новостях» статью о литературной газете «Чураевка», которая «действительно говорит о литературе, действительно проникнута заботой о ней, пониманием ее, любовью к ней»[8]. Об основанном в Шанхае журнале «Феникс» писал в «Последних новостях» М. Осоргин: «На этот раз парижским „китам“ придется заметить китайских сородичей и поздравить их с начинанием»[9]. Антонин Ладинский рецензировал коллективный сборник чураевцев «Излучины»: «Почти все стихи сборника очень высокого качества»[10]. Двумя неделями раньше в той же газете появился отклик на «два прекрасно изданных тома» сборника «Врата». В 1937 г. в Париже был основан толстый журнал — «Русские записки». Целью нового издания было наведение мостов между столицей Зарубежья и дальневосточной эмиграцией. Благих намерений хватило лишь на три номера. Впрочем, и в дальнейшем здесь появились рецензии на «Тропы» А. Ачаира, «Ступени» Л. Хаиндровой, «Северные отблески»

А. Жемчужного, «Цветы китайской поэзии» супругов Серебренниковых.

Тема литературных связей европейского и азиатского Зарубежья остается неразработанной. Но и с первого взгляда видно, что парижанами русский Харбин и Шанхай воспринимались как провинция, от которой в культурном плане многого ожидать не приходится. В своей большой статье о новых эмигрантских изданиях книге Несмелова Адамович посвятил одну-единственную небрежно брошенную фразу: «Экзотична на гумилевский лад поэма Арсения Несмелова „Через океан“»[11]. Сравним с отзывом в шанхайских «Вратах»: «Поэма Арсения Несмелова... не может не взволновать каждого мыслящего эмигранта... Это одна из лучших вещей талантливого дальневосточного поэта, воплотившего в себе все характерные и положительные черты, которые отмечает в нашем дальневосточном творчестве западная критика: энергию, объективность... настойчивую волю к жизни»[12]. Нельзя сказать, чтобы творчество русского Китая в Европе не замечали — замечали недостаточно, вспоминали мало, любознательности не проявляли. Все-таки дело шло к признанию, которому воспрепятствовала начавшаяся в 1939 г. глобальная война. После войны, когда Европа лежала в руинах, когда русская литература недосчитывалась многих умерших в военные годы, когда писатели находили пристанище в лагерях перемещенных лиц и когда начала заявлять о себе вторая волна эмиграции, о русском Китае уже никто не вспоминал. В первой

послевоенной антологии «Эстафета» нет ни одного дальневосточного имени. Точно так же нет ни одного и в антологии Ю. Иваска «На Западе» (1953), включившей 88 поэтов. Составитель упоминает о русском Китае единственный раз в подстрочном примечании: «Данные о харбинских поэтах, к сожалению, отсутствуют». Составителю словно не было известно, что русская литература Китая уже окончила свое существование.

С Востока глядели на Запад с ожиданием, приятием, восхищением, даже когда парижские «Русские записки» в решительных тонах писали о провинциальности Дальнего Востока, где «литературная жизнь Запада и России проходят, почти не оставляя следа»[13]. Но, взглядыываясь теперь сквозь десятилетия, мы четко видим иную картину. К российской и западной эмигрантской литературе поэты-дальневосточники относились с живым интересом. Л. Ещин знакомил Харбин с Маяковским. Логинов мог часами говорить о любимом им Брюсове. Общеизвестным мэтром считался А. Белый. Несмелов переписывался с Цветаевой. Сергин, по словам мемуариста, «брехал Цветаевой». Ранний С. Алымов весь во власти И. Северянина. Следовал Северянину и Михаил Спургот. Сатовский, по словам Перелешина, обожал стихи Поплавского и знал их все наизусть. Яш-нов, когда еще жил в Петрограде, встречался с Вячеславом Ивановым, Сологубом и Блоком; память о встречах осталась у него на всю жизнь. Влияние Блока испытали на себе поэты чурьевского сборника «Излучины». Не избежала этого влияния и Мария Визи, которая первой переводила Блока и Гумилева на английский. Блока называл среди своих учителей Перелешин. Блоковские отражения находим в одном из самых первых харбинских сборников — в книге Ф. Камышнюка «Музыка боли» (1918). Л. Хаиндрова, Н. Резникова, а позднее О. Тельтофт продолжали акматовскую лирическую линию. Н. Петерек восхищался стихами Г. Иванова. Н. Светлов вдохновлялся Есениным, М. Спургот написал о Есенине поэму. Пристальное внимание вызывали многие парижане — В. Ходасевич, А. Ладинский, Г. Адамович, В. Смоленский, Довид Кнут, А. Штейгер, Л. Червинская. Все они «воспринимались живо и радостно»[14]. Наталия Резникова помещала в «Рубеже» отзывы на новые книги поэтов-эмигрантов, живших на Западе. При всем знакомстве (порой недостаточном) с культурной жизнью эмиграции на Западе с конца 1920-х гг. участились попытки осознания своей региональной самооценности. «...На Западе русское творчество получает некоторый изломанный, туманный, пессимистического характера оттенок. Разочарование в русском опыте, с одной стороны, раздражение против союзников, с другой, и наконец, пресыщенное искусство западноевропейских соседей-писателей — все это налагает на русское западное творчество свой особый отпечаток... На Востоке нет и не может быть западного урбанизма... Жизнь здесь бесппроблемнее, проще, суровее, но красочнее... Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию»[15].

Над многообразием пристрастий и вкусов царил Гумилев. В представлении харбинских акмеистов его творчество связывалось «с той стальной деловитостью, которой характеризуются хотя бы фигуры наших дальневосточных деятелей — мореходов и землепроходцев»[16]. В стихах Гумилева привлекало чувство уверенности в себе и в жизни, сила, широта и смелость порыва. Учениками Гумилева считали себя Волков, Обухов, Перелешин, Андреева. Акмеистическое направление оставалось в дальневосточной поэзии преобладающим. В конце 1920-х гг. возник кружок «Акмэ», выпустивший свой сборник «Лестница в облака», который открывается стихотворением, посвященным Гумилеву. В 1930-е образовался «Круг поэтов», следовавший традициям «Цеха поэтов», основанного Гумилевым. Перелешин до своего отъезда из Китая определенно считался акмеистом. В 1937-м вышел «Гумилевский сборник» с участием Несмелова, Ачаира, Хаиндровой, Перелешина. Число харбинских и шанхайских стихотворений, связанных с именем Гумилева, таково, что можно было бы составить целую книжку — «Образ Гумилева в эмигрантской поэзии».

Отсутствие настоящей литературной среды восполнялось литературными кружками. Еще в 1919 г. образовалась недолговечная студия «Кольцо». Из поэтов, оставивших свой след в

литературе, в кружок входили Алымов и Камышнюк. Алымов любил разговоры с начинающими поэтами. «Говорил он о хаосе, из которого родится космос, о звуках сфер, слышных лишь артисту, о том, что говорил Блок. Для харбинской молодежи все это было ново... беседы с Алымовым оставляли в умах след несравненно более глубокий, чем его стихи»[17].

Харбинская поэзия начиналась с модернизма, если не принимать во внимание любительских версификаций в дореволюционных газетах Харбина. Под влиянием футуристов находился молодой Венедикт Март. Он печатался в Харбине с 1918 г., еще когда жил во Владивостоке. Под влиянием Игоря Северянина находился «кумир молодежи» Сергей Алымов. В Харбине он поселился в 1917 г. после долгих странствий по Востоку и Австралии. Его «Киоск нежности» (1920), весь полный изысков в духе отца эгофутуризма, мгновенно стал местной сенсацией и принес автору ни с кем не сравнимую в городе славу. Впрочем, на заре харбинской литературы был еще один популярный поэт — Владимир Танин. О нем известно в основном из воспоминаний Крузенштерн-Петерец: «Бывший белый офицер из отряда не то атамана Семенова, не то Унгерна, чахоточный, начиненный наркотиками». Он издал в 1920 г. свои «Грустные песенки», и эти песенки пел «весь Харбин». Они исполнялись в кинотеатрах, в барах и вышибали слезу своей надрывной сентиментальностью. Через пятнадцать лет, когда Харбин напрочь забыл Танина, его «грустные песенки» пережили второе рождение в Шанхае в репертуаре прибывшего туда в 1935 г. Вертинского. Авторство песенок приписывали Вертинскому, о настоящем авторе знали лишь бывшие харбинцы[18].

Ко времени отъезда Алымова в СССР (1926) возникло в Харбине по-настоящему стабильное литературное содружество, просуществовавшее девять лет. Первое собрание проходило 20 марта 1926 г. еще под неопределенным названием — «Кружок ХСМЛ-журнала». Основателем был тридцатилетний хорунжий Сибирского казачьего войска, участник Гражданской войны поэт Алексей Алексеевич Грызов, писавший под псевдонимом Ачаир. Его творчество вплотную связано с личным жизненным опытом; в стихах представлены темы казачества, сибирского областничества, Гражданской войны, миссии России. В Харбин он попал в 1922 г. и вскоре нашел работу в Христианском союзе молодых людей. Генеральным секретарем этой организации являлся американец Хэйг, Ачаир долгие годы был его помощником. Организация, ее цели пришлись Ачаиру по душе, так что уже в следующем году он опубликовал брошюру «Русский христианский союз молодых людей в Харбине». Ему же пришла мысль основать кружок молодежи на базе ХСМЛ. Сначала это были более или менее регулярные, без четкой программы «вечера под зеленой лампой». Речь шла только о кружке любителей литературы. Но на первом же вторнике выяснилось, что собравшиеся не только любители, но и сами поэты. Ачаир предложил назвать кружок «Молодой Чураевкой». Его любимый писатель, сибиряк Георгий Гребенщиков, в 1925–1926 гг. прославился первыми книгами своей многотомной эпопеи «Чураевы». Тогда же внимание эмиграции было привлечено к работе Гребенщикова по основанию русского культурного центра — деревни Чураевки — в штате Коннектикут. По мысли Ачаира, подобные центры должны возникать и в других местах русского рассеяния. Гребенщиков писал Ачаиру: «Вот и давайте, и открывайте там в Харбине отделение Чураевки — свой кусок земли, свой дом, своя инициатива, творчество — и теорию, словом, прямо в действие, в веселую забаву»[19].

О «Молодой Чураевке», позднее называвшейся просто «Чураевкой», оставили мемуары поэты Резникова, Слободчиков, Крузенштерн-Петерец, Перелешин, Волин, Андерсен. У Слободчикова находим воспоминание, относящееся к моменту зарождения «Чураевки»: «Однажды после очередной встречи у Александры Паркау группа молодежи, не желая расходиться, еще долго толковала на улице возле ее дома. Как передавали, к группе подошел поэт Алексей Ачаир (Грызов) и предложил продолжить дискуссию в помещении гимназии Христианского союза молодых людей...»[20]. По словам Лариссы Андерсен, в «Зеленой лампе», которая вскоре превратилась в «Молодую Чураевку», сначала по инициативе Ачаира, читались вслух и обсуждались русские книги. «В Чураевке мы читали

доклады, выступали со своими стихами, занимались студийной работой»[21].

Первое время встречались раз в месяц, но вскоре стали собираться дважды в неделю. По вторникам организовывались открытые вечера, на которые собиралась харбинская публика; исполнялись музыкальные произведения, поэты читали стихи. Зал всегда был полон. — Выступали с докладами А. Ачаир, Вс. Иванов, журналист Д. Сатовский-Ржевский. Побывал в «Чураевке» и живший некоторое время в Харбине Н. К. Рерих. По пятницам в узком кругу поэтической молодежи шла студийная работа, чтение, разбор и критика новых стихотворений чураевцев, обсуждение теоретических работ по стиховедению. Как некогда в гумилевском «Цехе поэтов», в «Чураевке» лейтмотивом студийной работы служил вопрос поэтического мастерства. В пятницах участвовали Андерсен, Волин, Обухов, Резникова, Светлов, Хаиндрова, Шмейссер, а также П. Лапикен (не поэт, позднее он проявил себя как критик и прозаик). Постепенно число участников росло, к кружку присоединились Ветлугин, Гранин, Иевлева, Ильнек, Коростовец, Недельская, Орлова, Перелешин, Петерец, Померанцев, Сергин, Соболева, Тельтофт, Виктория Янковская, жившая в Корее и бывавшая наездами в Харбине. Некоторые поэты приходили от случая к случаю: Андреева, Визи, Колосова, Копытова, Крузенштерн, Логинов, Несмелов, Рачинская, Г. Сатовский, Упшинский, Яшнов. Трудно назвать имена тех, кто не посетил в «Чураевку» ни разу. Перебывало на вторниках немало и стихотворцев, чей след в литературе остался едва различимым. Приходили и прозаики — исключительно талантливый Б. Юльский, А. Хейдок, В. Рамбаев. Избрали некий средний путь: в «Чураевке» исключались богемность, авангардизм, гражданская тема, политика, ориентация на литературную моду. «Характерной особенностью работы студии, — вспоминал В. Слободчиков, — было попеременное увлечение поэтами разных направлений» [22]. Увлечения сменялись: Блок, Брюсов, Белый, Пастернак, а также Г. Иванов, Ходасевич, Цветаева, Адамович и другие парижане. «Чураевка» заменяла собой настоящую воспитывающую литературную атмосферу, играла формирующую для молодежи роль.

Перемена произошла в начале 1933 г., когда Петерец и Щеголев надумали преобразовать «Чураевку» в «Круг поэтов». Хотя это общество и просуществовало очень непродолжительное время, его создание означало раскол, смещение Ачаира как руководителя, смену вех, политизацию. С упрочением власти японцев в Харбине «Чураевка» стала хиреть. ХСМЛ, при котором сформировался и собирался кружок, подвергся нападкам со стороны монархистов и фашистов за свое якобы западное влияние на русскую молодежь. Конец «Чураевки» обозначился внезапно — 6 декабря 1934 г. город облетела весть о двойном самоубийстве поэтов Сергина и Гранина. Регулярные встречи по пятницам прекратились. К тому времени многие чураевцы уже уехали из Харбина, закрылась и «Чураевка», единственная литературная газета русского Китая.

Кружок оставил после себя многообразное наследие. Он воспитал два поколения дальневосточных поэтов. В конечном счете ему обязана своим расцветом поэзия не только Харбина, но и Шанхая. За годы существования «Чураевки» в Харбине вышло более сорока поэтических сборников. Многие из них принадлежат перу связанных с «Чураевкой» поэтов старшего и среднего поколения: «Кровавый отблеск» и «Без России» Несмелова; «Створа триптиха» Логинова и его же «Харбин в стихах» (под псевдонимом Капитан Кук); «Беженская поэма», «Поэма еды» и «Сонеты» Вс. Иванова; «Стихотворения» М. Визи, «Ключи» Е. Рачинской; «Армия песен», «Господи, спаси Россию!», «Не покорюсь» и «На звон мечей» М. Колосовой. Из поэтов младшего поколения выпустили книги Скопиченко, Гроссе, Орлова, Светлов. Десять бывших чураевцев издали свои первые книги (а в некоторых случаях единственные) уже после закрытия кружка: Андерсен, Дмитриева, Недельская, Обухов, Перелешин, Резникова, Сатовский, Тельтофт, Хаиндрова, Энгельгардт. В их сборниках чувствуются атмосфера, настроения, интонации, усвоенные на чураевских встречах. Чураевцы много печатались в периодике, без них немыслим литературный облик журнала «Рубеж». Они участвовали в альманахах «Лестница в облака» и «Багульник», выпустили коллективные сборники «Семеро» и «Излучины», в которых представлены счастливые удачи

тогда еще очень молодых поэтов.

«Китайская культура прошла мимо почти всех нас, выросших в Харбине», — вспоминала Н. Резникова[23]. Скорее всего, поэтесса имела в виду лишь свое ближайшее окружение. В действительности же далеко не все поэты оказались в такой степени изоляционистами. Интерес к приютившей их стране проявлялся в двух направлениях. Во-первых, осуществлен перевод на русский язык большого числа поэтических произведений разных периодов китайской литературы. Во-вторых, в оригинальных стихах многих поэтов присутствует местный колорит, образность, реалии. Первым по времени переводчиком был поэт Семен Степанов. Первую антологию китайской поэзии издал в 1926 г. Яков Аракин. Еще одна антология — «Цветы китайской поэзии» — вышла в 1938 г. под редакцией супругов А. и И. Серебренниковых. «Перед нами встает новый, незнакомый, прекрасный поэтический мир», — писал об этой антологии рецензент «Русских записок»[24]. Была издана еще одна антология — «Стихи на веере» Валерия Перелешина, но вышла в свет она, когда переводчик жил уже вне Китая. Книгу переводов издал в 1946 г. Н. Светлов (Ай Цин. К солнцу). Превосходно знал китайский язык и переводил древних поэтов Ф. Камышнюк. Среди других переводчиков китайской лирики — В. Март и М. Щербаков. Все эти и прочие переводы, собранные вместе, могли бы составить отдельный томик — ценный и сам по себе, и как особый жанр в творчестве наших дальневосточников, и как источник знакомства русских поэтов с лирической традицией страны их обитания.

Тысячи и тысячи раз дальневосточные реалии, мотивы, пейзажи входили в стихи русских поэтов Китая. Сопки Маньчжурии, желтая Сунгари, лица, виды, уличные сценки, китайские виньетки, музыка, праздники, заклинания, тайфуны, драконы, храмы, рикши и даосские боги — все это густо, цветисто, одушевленно впервые пропитало ткань русского стиха. Каждый поэт открывал свой заветный уголок «второй родины». Николай Шиллов находит окрыляющее вдохновение в горах Хингана:

Молчи! И стой! И внемли тишине

И эху дальнему Осанны.

Когда нельзя молиться в глубине,

Молись на паперти Хингана.

Т. Андреева репродуцирует старинный пейзажный свиток, которым она залюбовалась в храме Ми-Син:

Пейзаж китайский примитивно прост.

Тут верная жена нашла блаженство.

Чешуйчатый дракон свивает в кольца хвост

И тайных знаков страшно совершенство.

В одеждах длинных старец и монах.

Безмолвные, о чем-то грозно спорят;
Потоки золота в округлых облаках
Бросают свет на розовые горы...

В. Перелешин вдохновляется пением китайской скрипки хуцинь:

Чтоб накопить истому грустную,
Я выхожу в ночную синь,
Вдали слышу неискusstную
И безутешную хуцинь...

...Так сердце легкое изменится:

Я слез невидимых напьюсь
И с музой, благодарной пленницей,
Чужой печалью поделюсь.

Повезло в русских стихах Пекину. Русскими ритмами Перелешин прославляет храм Лазурных Облаков. В его же изображении встает перед нами тенистая пекинская улица, где вяза над головой срослись в сплошной навес:

Ночь, весна. От земли тепло.

Эта улица — «чжи жу фа»:

выпеваётся набело

поэтическая строфа.

Ностальгически вспоминает старый Пекин Мария Визи:

На закате побренчав гитарами,
рано спать ложились старики;
молодежь прогуливалась парами,

и в садах пестрели цветники...

...А потом зарделось в небе зарево,
донеслась до города беда —
отобрали новые хозяева
нажить многолетнего труда...

Для Марии Коростовец Пекин — самый странный город на свете; там

...задумчивые ивы
В зеркале озер
Наблюдают сиротливо
Лотосов ковер.

И

...влекут по глади четкой —
Тсс... не надо слов...
Ярко убранные лодки
Вглубь восьми веков.

Из больших городов — на полустанки. В желтых маньчжурских равнинах находит Сатовский-Ржевский «русский печальный оазис» — станцию Аньда, где «в любом из домов здесь пришельца зовут /К бесконечному русскому чаю». Или станция Цицикар, там

...и тысячу лет назад:
Шли они, опутив глаза,
Наклонив над дорогой лбы,
Человек и тяжелый бык.

А. Несмелов

А вот станция Барим в предгорьях Хингана:

Как горячи лучи! Как крепок запах хвои

И терпкий аромат багульника и трав!

Какая полнота в сияющем покое,

Топазов, бирюзы и хризолитов сплав!

Е. Рачинская

Вошла в русскую поэзию и отъединенная от мира маньчжурская степь, где долгие годы жила
Ирина Лесная:

Над розовым снегом, в закатной тени

Низать вдохновенные строки...

Ах, эта влюбленность в алмазные дни

Из детства берет истоки.

Или:

Пахучий воздух никнет горячо

К ветвям, которых ветер не колышет.

Мой домик, как в майн-ридовском ранчо,

Зарос травой почти до самой крыши...

Всего больше написано было стихов о Харбине — то изысканных, то незамысловатых, как вот
эти строки Елены Даль:

За годиной пронеслась година —

Мирный труд, покой и благодать...

В Харбине я вырастила сына,

В Харбине похоронила мать.

И теперь ни от кого не скрою,
Милым городом покорена,
Что мне стала Родиной второю
Приютившая меня страна.

Реалии Харбина врываются даже в молитву русского беженца:

И, занывши от старых ран,
Я молю у тебя пред иконами:
Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами.

Л. Ещин

Китайской кистью рисует Вс. Иванов эмалевые сумерки:

Изогнутое дерево
Прорисовала кисть.
Лазорево и хмелево
В полях дымки свились.

И близко над оврагами

Из глины битый дом
Уж светится бумагою
Заклеенным окном.

Харбин Варвары Иевлевой — город на скрещении пыльных дорог, яркий, шумный, наводящий дурманные сны, город, который непременно вспомнится в последний смертный час. Та же

уверенность и у Перелешина:

Невозвратное счастье! Я знаю спокойно и просто:

В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай.

Харбин Георгия Гранина — утренняя Сунгари, где «что-то радостно-немудрое /поет китаец вдалеке». И такой прозрачный, задумчивый, легкий покой, что: «Вот так, не думая о будущем, /я просидел бы сотни лет». Или импрессионистическая харбинская зарисовка Алексея Ачаира:

Мы будем пить пиво
в китайской лавчонке,
где фрукты и гвозди
лежат меж сластей.

Смотри, как красиво
у острова джонки
слепились, как грозди,
в ажуре сетей!..

Рыбацкая воля,
купцовая леность,
буддийская вечность
и желтый закат.

И нежные зори.
Кристалльность. Нетленность.
Нирвана. Беспечность.
Нефрит и агат.

Знаменитые «Стихи о Харбине» — грустный, мужественный, провидческий триптих Арсения Несмелова. Поэт делится своими горькими предчувствиями:

Рок черту свою проводит

Близ тебя, Харбин.

.....

Милый город, горд и строен,

Будет день такой.

Что не вспомнят, что построен

Русской ты рукой.

Пусть удел подобный горек,

Не опустим глаз:

Вспомяни, старик историк,

Вспомяни о нас.

В марионеточном государстве Маньчжоу-Го вводилась назойливая цензура. Власти проводили политику японизации. Почтовое сообщение между Харбином и Шанхаем неоднократно приостанавливалось. Японцами был закрыт Юридический факультет, замечательное культурное достижение харбинцев. Русские интересы систематически ущемлялись. На харбинских книгах местом издания иногда стали указывать Шанхай. Несмелов (под псевдонимом Н. Дозоров) выпустил в Харбине поэму «Георгий Семена», обозначив местом издания город Берн.

В 1935 г. СССР продал долю КВЖД Маньчжурской империи, что дало толчок великому харбинскому исходу. Задолго до того уехали в США Визи, Андреева, Алл, Волков, Баженова. Некоторых поэтов к тому времени уже не стало в живых (Ещин, Б. Бета). Еще в 1920-е гг. вернулись в СССР Март и Алымов. Вс. Иванов перебрался в Мукден, позднее в Шанхай. Вынуждена была уехать в Шанхай и Паркау. Из немолодых поэтов только Аракин, Несмелов, Ачаир и Логинов до конца оставались в Харбине. Многие уезжали в СССР, другие, не желая жить под японским прессом, разъезжались по большим китайским городам. Большинство устремилось в Шанхай, который давал больше возможностей. Русское население Шанхая стремительно росло. Сохранились статистические данные: в начале XX в. русских здесь было 47 человек; в начале Первой мировой войны — 361; в начале Гражданской войны — 700–800; в 1937 г. русская колония насчитывала уже 27 000; в числе этих тысяч — много бывших харбинцев.

После уютного патриархального, наполовину русского города на Сунгари гигантский муравейник на Вампу представлялся чуть ли не столицей мира. Уезжали, сознавая безрадостность перспектив в городе, который для многих стал родным, в котором прошли детские годы. В сравнении с полурусским Харбином Шанхай оказался настоящей границей. Русский язык мог быть в помощь только в тех случаях, когда ищущий работу находил ее на русских предприятиях, в магазинах, ресторанах, редакциях. Англоязычное влияние доминировало. Ради трудоустройства нужно было срочно учить английский. Даже на статистическом пике число русских в этом четырехмиллионном городе никогда не доходило до одного процента. Раньше других перебрался в Шанхай К. Батулин. В 1929-м появился там Спургот и стал работать в газете «Шанхайская заря». В 1933 г. через Корею приехала Л. Андерсен. В 1934 г. Колосову выселили из Харбина японцы, она вынуждена была уехать в Шанхай. В 1937-м сюда перебрался М. Волин. К этому времени в Шанхае образовалась уже значительная русская колония. В разные годы сюда переселяются Иевлева, Вс. Иванов, Лесная, Крузенштерн-Петерек, И. Орлова, Н. Петерек, Померанцев, Резникова, Светлов, Скопиченко, Слободчиков, Тельтофт, Шилов, Щеголев, Щербаков, Яшнов. В 1940-м — Сатовский. Последними, в 1943 г., появились в Шанхае Хаиндрова и Перелешин. Русский литературный Харбин основательно опустел. Почти вся «Чураевка», которая составляла ядро литературы русского Китая, обосновалась в Шанхае. Процесс оказался аналогичным переселению эмигрантской культуры Европы за океан, только в Китае исход начался несколькими годами раньше.

Литературная жизнь теперь протекала в двух руслах — харбинском и шанхайском. В Харбине прояпонское Бюро по делам российских эмигрантов прибрало к рукам все организации, включая несколько маленьких литературных кружков. Русское творчество, однако, не иссякло. Как это ни парадоксально, в подневольном Харбине, а не в более свободном Шанхае вышли почти все лучшие поэтические книги русского Китая: «Лаконизмы», «Полынь и солнце», «Тропы», «Под золотым небом» А. Ачаира; «Полустанок», «Протопопица», «Белая флотилия» А. Несмелова; «В пути», «Добрый улей», «Звезда над морем» В. Перелешина; «Песни земли» и «Ты» Н. Резниковой; «Ступени» и «Крылья» Л. Хаиндровой; «Цветы в конверте» Ф. Дмитриевой; «У порога» и «Белая роща» Е. Недельской; «Бренные песни» О. Тельтофт; «Золотые кораблики» Г. Сатовского; «Песчаный берег» В. Обухова. Последними поэтическими книгами русского Харбина были «Жертва» Перелешина, жившего уже в Шанхае, поэма Г. Сатовского «Великая Восточная Азия» и посмертное «Светлое кольцо» Нины Завадской. Эти три книги изданы в 1944 г. Совсем под занавес, в 1945-м, вышел харбинский коллективный сборник «Лири»; его участники: Фаина Дмитриева, сестры Алла и Вера Кондратович, Елена Недельская, Арсений Несмелов, Елизавета Рачинская, Михаил Шмейссер и еще два стихотворца, кажется, случайные гости в поэзии.

Мемуаристы вспоминали о Харбине ностальгически. «Прелесть Харбина, — писала Е. Рачинская, — заключалась в сочетании всех атрибутов больших культурных центров, где люди нередко задыхаются от одиночества, с прочно налаженным патриархальным, чисто русским бытом, в котором было что-то уютно провинциальное. Царило широкое русское гостеприимство... Люди... поддерживали между собой живую связь, и каждый чувствовал себя членом одного большого целого, в котором и ему находилось место»[25]. Русский Харбин как бы ступенями приближался к своему концу, но настоящий конец пришел в августе 1945 г. Ачаир и Несмелов в числе других 15 000 харбинцев были насильно увезены в СССР. Логинов через несколько месяцев после прихода советских войск умер в харбинской больнице. Тогда же «на крыльце чужого дома» умер и Яков Аракин. Харбин. Вид от Яхт-клуба на железнодорожный мост через реку Сунгари. Построен в 1900 г. Харбин. Вокзал. Построен в 1903 г. Харбин. Железнодорожное собрание. Построено в 1903–1906 гг. Современный вид. Харбин. Площадь, на которой до 1966 г. стоял Свято-Николаевский собор. Харбин. Свято-Николаевский кафедральный собор. Построен в 1899 г., взорван в 1966 г. Харбин. Отель «Модерн». Построен в 1913 г. Здесь выступали Ф. Шаляпин и А. Вертинский. Харбин. 1900 г. Китайская улица. Пристань. Харбин. Госпиталь Красного Креста. В прошлом — отель

«Эльдорадо». Построен в 1916 г. Харбин. Магазин «Чурин и К°». Построен в 1904–1906 гг. Современный вид. Здание в районе Пристани. Построено в 1909 г. На верхнем этаже некоторое время жил Арсений Несмелов. Харбин. Благовещенская церковь. Построена в 1934 г. Харбин. Алексеевская, церковь в Модягоу. Построена в 1935 г. Харбин. Храм Св. Софии. Построен в 1923–1932 гг. Собрание литературно-художественного кружка «Чураевка» Михаил Рокотов (Бибинов), главный редактор журнала «Рубеж»

Шанхай — вторая часть поэтической диалогии. Литературная деятельность в Шанхае вспыхнула в тридцатые годы и длилась до начала пятидесятых. Говорить в отдельности о шанхайской или харбинской ноте невозможно. К тому же это даже не два периода, разделенных во времени, хотя литературный Шанхай и просуществовал на два, на три года дольше. Независимо от города в Китае, где жили поэты, их творчество отличалось определенной тональностью. Их редко спутаешь с поэтами других культурных центров эмиграции — Берлина, Парижа, Праги, Белграда, Варшавы, Риги, Ревеля. Из всех культурных центров русский литературный Китай отличался наибольшей изолированностью, даже провинциальностью (хотя не в такой степени, как довоенная Америка) и наименьшим следованием литературной моде. От культурных центров Харбин был отделен расстоянием, но не обделен талантами. Талантливых поэтов здесь оказалось больше, чем, скажем, в Польше или на Балканах. «Они принесли с собою из России символизм и акмеизм, влияние Маяковского, Есенина, Пастернака и даже Северянина, а затем изживали эти влияния каждый по-своему»[26]. Однако именно литература, и прежде всего поэзия, стала ведущей формой творчества. Набережная Шанхая. 1930 г.

Насколько известно, первым русским стихотворцем, издавшим свои сборники в Шанхае, является Лев Гроссе, сын бывшего российского консула, поэт неопушкинского направления, с безразличием прошедший мимо поэтики серебряного века. В 1926-м одна за другой вышли четыре его книги: «Грехопадение», поэма «Кремль», «Песня жизни» и «Видение». Плодовитый Гроссе продолжал выпускать в Шанхае свои книги и в конце 1920-х гг. Первый шанхайский сборник, вышедший в тридцатые годы (если не считать того же Гроссе), — «Путь изгнанника» Ольги Скопиченко. В 1934 г. вышла отдельным изданием поэма А. Несмелова «Через океан». В том же году выходит «Сторукая», окрашенная восточным колоритом любовная лирика Николая Светлова.

Точно новый будда Сакьямуни,
Я пленен надмирной красотой.
Пусть зима, пусть холод... Я — в июне!
Я уже за радостной чертой.

В 1936 г. изданы «Стихотворения II» Марии Визи — холодный огонь, прозрачные, хрупкие строки, предвещающие значительного поэта.

Что же помнить солнечные дали
В той стране, где вечный май блестит,
Где в оправе розовых азалий
Голубое озеро лежит.

Самым щедрым на поэтические сборники, изданные в Шанхае, стал 1937 г.: «Дорога к счастью» В. Валя, «Огонь неугасимый» А. Паркау, «Медный гул» М. Колосовой, ее пятый, последний сборник. Печатавшая множество стихов ради заработка, в собственных книгах Колосова оставалась верной своей тематике. Ее тема варьирует, и варианты можно проследить по названиям разделов «Медного гула»: «О державе Российской», «Старая и новая Россия», «Под властью интервентов», «На страже России»... Говорили, что Колосова исписалась, но лирический напор по-прежнему ощущался.

Копыта цокали о камень...

Нас двое в мире — конь и я;

А там, в пространстве за хребтами,

Темнеет Родина моя.

Значительная в истории дальневосточной поэзии книга Лариссы Андерсен «По земным лугам» вышла в 1940 г. в Шанхае. «Она принимает жизнь как светлую, но суровую епитимью... Она монолитна. Ее вещи как бы вырезаны из одного целого куска материала», — писал о стихах Андерсен А. Вертинский[27].

Затем вышли еще «Остывшие ночи» Л. Энгельгардт; второй (более слабый) сборник Паркау «Родной стране»; «Отгул» опытного М. Щербакова и «Мистические розы» Изиды Орловой, метавшейся между йогой и искусством. Последние сборники, выпущенные в Шанхае, — это «Стихи» Крузенштерн-Петерец, «Сердце» Хаиндровой (тираж этой книги был уничтожен и сохранились только несброшюрованные экземпляры, привезенные автором в СССР) и «Стихи» Е. Яшнова, изданные посмертно в 1947 г. Посмертное издание лирики старейшего поэта воспринимается как полный символика заключительный аккорд шанхайской ветви русской поэзии.

В Шанхае выходили журналы — «Парус», «Прожектор», «Феникс», «Сегодня». Вышло два солидных выпуска альманаха «Врата». Развивалась кружковая жизнь. Вместо одного объединяющего центра появилось несколько кружков. Эмиграция, заметно раздробленная еще в Харбине, и на новом месте консолидироваться не могла. «Литературные кружки, — писал Волин, — можно было считать по дням недели: были „Понедельники“, „Вторники“, „Среды“, „Четверги“, „Пятницы“ и, если не ошибаюсь, было также литературное объединение „Суббота“». [28] Недолго просуществовал отличавшийся богемными наклонностями ХЛАМ (художники, литераторы, артисты, музыканты).

В 1933 г. организуется недолговечная «Шанхайская Чураевка» с участием Гроссе, Петереца, Крузенштерн, Светлова, Скопиченко, Слободчикова, Спургота, Петрова, Сухатина. Как в свое время в Харбине, они начали с «вечеров под зеленой лампой». В 1934 г. после кончившейся ничем попытки объединиться с кружком «Понедельник» они основали «Цех поэтов», в котором ведущую роль взял на себя динамичный Н. Петерец. Он сознательно стремился к тому, чтобы литература Китая переросла свою ограниченность, преодолела провинциализм. Его главной ориентацией стало качество, художественность.

Содружество «Понедельник» было организовано Щербаковым. В «Понедельнике» участвовал Слободчиков. Кружок собирался в квартире Валентина Валя, прозаика, журналиста и поэта, впрочем, поэта слабого. Одновременно существовал кружок «Среда», встречался он у

Александры Паркау. Выступать со стихами она начала еще в 1917 г. в харбинской прессе. Возможно, именно ее можно считать первым по времени профессиональным поэтом, из всех когда-либо печатавшихся на русском на китайской земле. Ни к какому литературному направлению она не примыкала. Переводила Блока и Брюсова на французский, читала доклады о символистах, но ее собственных стихов новые течения XX в. вряд ли коснулись.

В годы войны эмигрантская литература Балкан, Польши, Прибалтики, Франции молчала. Закрылись ведущие газеты — «Последние новости» и «Возрождение»; прекратили существование «Русские записки», а в начале 1940-го — важнейший журнал Зарубежья «Современные записки». Писатели перестали печататься. Исключение составляли те немногие, кто начал сотрудничать в оккупационной прессе, например в издававшейся нацистами газете «Парижский вестник». Литературная жизнь Зарубежья питалась воздухом свободы. Когда свободы не стало, литературная жизнь замерла. В военные годы оставалось только два культурных центра эмиграции — один в США, другой в Шанхае. Но война подошла вплотную и к Шанхаю. Японская оккупация разрушила экономику города. Началась полуголодная жизнь. Над всем Китаем нависла угроза стать составной частью «Великой Восточной Азии» под властью Японии. «Эти годы в Шанхае и других городах Дальнего Востока, — писал Н. Щеголев, — многих русских людей „с душой и талантом“ подкосили, обескрылили, обескровили, надорвали, опять-таки или физически, или морально»[29]. Как бы продолжая Щеголева, В. Перелешин вспоминает: «От тогдашней шанхайской действительности хотелось бежать, но бежать было некуда. На севере было еще хуже, еще голоднее и холоднее, а границы были закрыты»[30]. И тем не менее в те голодные и холодные годы литературная жизнь Шанхая достигла своего апогея. Перед Второй мировой войной она как бы набирала силы, в военное время и в первый послевоенный год она жила наиболее интенсивно. В ту пору написано немало превосходных стихотворений, которые останутся в русской литературе.

В 1943 г. возник кружок «Пятница», участниками которого являлись Л. Андерсен, В. Иевлева, М. Коростовец, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешин, В. Померанцев, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев — бывшие харбинцы-чураевцы, кроме Коростовец и Иевлевой. Сперва устраивались литературные среды, а когда встречи перенесли на пятницу, название кружка окончательно определилось. В течение двух лет поэты собирались по пятницам и занимались студийной работой. Это служило им единственной возможностью, так как «работать литературно, высказываться художественно было негде из-за цензуры, безбумажья и прочих скорпионов войны»[31]. Жили надеждой на скорое военное поражение Японии. «Пятницу» справедливо считают младшей сестрой «Чураевки». Эту преемственность признавали сами участники кружка. И там и здесь следовали заветам акмеизма и меньше, реже наследию символизма. И в «Чураевке», и в «Пятнице» ценились культура стиха, ремесло, не только талант, но и умение мастерски использовать его. Во время студийных занятий возникла литературная игра: назначались темы и, написав их на клочках бумаги, вытягивали наугад одну, на которую все участники должны были написать стихотворение к следующей встрече. Стихи разбирались, критиковались. Всего можно проследить около двадцати тем, таких, как Россия, поэт, колокол, зеркало, светильник, море, химера... Сборник «Остров» вышел в 1946 г. и весь составлен из стихотворений, написанных участниками «Пятницы». Помещение перестроенного гаража, в котором два года собирались по пятницам поэты, представлялось им островком в бурном опасном океане. На этом островке несколько человек, преданных художественному русскому слову, чувствовали себя дома, в безопасности, в окружении друзей, в отрешенности от страшного мира. Несмотря на то что стихи «Острова» написаны на заданные темы, сборник включил довольно много сильных стихотворений уже сложившихся поэтов.

В 1947 г. начался второй «китайский» исход. Первым был харбинский, вторым стал шанхайский, также растянувшийся на несколько лет. Перелешин, например, покинул Китай в 1952-м. Многие репатриировались в СССР: Гроссе, Вс. Иванов, Иевлева, Померанцев,

Светлов, Слободчиков, Спургот, Хаиндрова, Щеголев. Во Францию уехала вышедшая замуж за француза Л. Андерсен, в Копенгаген — Н. Резникова вместе с мужем-датчанином. С трудностями выбрался в Сайгон Щербаков. Многие уезжали в Южную Америку: Изида Орлова — в Аргентину, Батурин, Крузенштерн-Петерец, Перелешин — в Бразилию. Колосова попала в Бразилию через Филиппины и закончила свой жизненный путь в столице Чили Сантьяго. И. Лесная эмигрировала в Парагвай. Ольга Скопиченко в числе других пяти с половиной тысяч шанхайцев выехала на принадлежавший Филиппинам остров Тубабао. Некоторые русские литераторы в конце концов оказались в Австралии (Недельская, Коростовец, Волин, Рачинская, Софонова). Несколько поэтов окончили свой жизненный путь в США: Батурин, Крузенштерн-Петерец, Резникова, Скопиченко, Визи, Янковская. Все они продолжали писать и печататься в Америке, но китайский период русской поэзии кончился, когда последний из русских поэтов покинул оказавшуюся к ним гостеприимной китайскую землю, «ласковую мачеху», по словам Перелешина.

Харбинско-шанхайскому Зарубежью суждено было пережить три исхода (из России, из Харбина, из Шанхая), два периода рассеяния (один по Дальнему Востоку, другой — по всему миру), а если говорить об индивидуальных судьбах, то на долю людей выпало по две-три, а то и по четыре эмиграции. Провидчески по мысли, чеканно по форме сказал Ачаир (Иван Калита поэзии русского Китая):

И за то, что нас родина выгнала,

Мы по свету ее разнесли.

Вадим Крейд 18 мая 2000

Русская поэзия Китая

КИТАЙ

Это небо — как синий киворий,

Осенявший утерянный рай,

Это милое желтое море —

Золотой и голодный Китай.

Я люблю эти пестрые стены,

Эти дворики, сосны, цветы.

Ах, не всем же, не всем же измены:

Сердце, верным останься хоть ты!

Сердце мудрое, где ни случится,

Как святыню ты станешь беречь

Этих девушек, кроткие лица,

Этих юношей мирную речь.

И родные озера, озера!

Словно на материнскую грудь

К ним я, данник беды и позора,

Приходил тишины зачерпнуть...

Словно дом после долгих блужданий,

В этом странном и шумном раю

Через несколько существований,

Мой Китай, я тебя узнаю!

Валерий Перелешин 1942

НИКОЛАЙ АЛЛ

«Я выпил стакан эмигрантской отравы...»

Я выпил стакан эмигрантской отравы,

Я высушил сердце в ненужных боях.

А там все другое — и птицы, и люди, и травы,
Там, в наших родных и далеких краях.
Все чаще и чаще мне память приносит
Степной аромат зеленеющих трав.
А годы летят и летят — их уносят
Осенние жуткие злые ветра.
Я помню — лягушки кричат на болотце.
День тихий и жаркий. Желтеет ковыль.
Скрипит журавель над студеным колодцем,
А тройка вздымает горячую пыль.
Белеют вдали деревенские хатки,
Стада разбрелись по широким лугам.
А запах полей — одуряюще сладкий,
И птиц над полями торжественный гам...
А здесь, на чужбине, все скучны и странны:
Я им непонятен, они мне чужды...
Я знаю, что скоро затянутся раны
Слепой, безрассудной и тяжкой вражды.

«Что я могу еще сказать...»

Что я могу еще сказать —

оторванный, забытый...

Туман невзгод в моих глазах —

они еще открыты.

Кто шепчет мне о прошлых днях

среди бессонной ночи,

Ах, кто преследует меня,

кто нож о сердце точит!..

Куда летит мои мечты,

былое воскрешая...

Родные степи, Кремль, Батый —

то ты, о Русь святая.

Средь ночи слышу перезвон

московских колоколен...

Москва, Москва — ты мой амвон,

люблю тебя до боли.

Горит сильнее в моей груди

сжигающее пламя.

Не мучь меня, оставь, уйди,

предательская память...

«Эх, Москва, Новгород Великий да Суздаль...»

Эх, Москва, Новгород Великий да Суздаль,

Эх, Россия-матушка, горемычная земля —

Прокатилась по тебе молодецкая удаль,

По твоим богатым и широким полям.

А теперь — по бесплодному и мертвому полю,

По ровным и бескрайним степям

Песня гуляет про позор да неволю,

Плач несется вслед гремячим цепям.

И куда ни кинь — все тюрьмы да остроги,
И куда ни глянь — все могилы да кресты,
Обиваешь теперь ты другие пороги,
И по-прежнему свет тебе опостыл.

И не оставили тебе ни хлеба ковриги,
Не забыли разметать по полям стоги...
Ну что ж, надевай теперь железные вериги,
Да плачь безысходно у придорожных могил...

ПЕТЕРБУРГ

На дальнем севере плывут пучки туманов,
Гранит, омытый кровью, дремлет в берегах,
И бродят по ночам в причудливейших снах
Лишенные покоя призраки титанов.

Кругом мертво. Смолк хохот ураганов,
Сметен былого раболепный прах;
По Невскому, по островам ползет унылый страх
И щелкают курки заржавленных наганов...

Нева катит во мгле чернеющие воды,
Над ней, дремля, висят ажурные мосты,
Покрылись плесенью старинных храмов своды,

И улицы широкие и темны, и пусты.
И даже кладбищ нет, везде растут кресты —
Живые памятники умершей свободы.

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

ЧЕРЕМУХА НА АСФАЛЬТЕ

I

Я купил тебе черемуху у китайца на панели.
Ты букетик положила на такой же белый стол...
Мы в кафе провинциальном за пирожными сидели,
Мимо ярко продельфинил с офицерами авто...

Раньше, в книжном магазине, мы достали том о Гойе...
Над «Капричос» наклонившись, ты пила несладкий чай —
Ах, какой ты мне казалась бесконечно дорогою!..
«Барельеф... офорт... Одно ведь?» — ты спросила невзначай.

Я был счастлив. Ведь в наивном, детски глупеньком вопросе
Было столько от заката, от черемухи, от снов... —
Что я мог лишь погрузиться в дым каирской папиросы
И прижать уста любовно к белым звездочкам цветов.

Да, душа твоя простая, хоть прическа — стиль Медузы...
Хотя рот твой ярко алый — губка жадная на все,
Хоть ты смотришь с вождельем на военные рейтузы,
Но черемухи безгрехье — это истинно твое.

А черемуха лежала, разметавшись шаловливо,
Как ребенок в белом платье на квадратике стола —
И из глаз циклонноспящих, что как в тропиках заливы,
Все грехи твои земные сдула, выпила, смела...

II

Мы сидим и глазами обнимаем друг друга,
Я гляжу на тебя... Ты глядишь на меня...
Мы — закатные блики... Мы — предзорья фуга.
Мы уже молодые, нашу дряхлость сменя.

Размечтались, как дети: «Вот отправимся в Чили,
Там брюнетные души и агатотела».
Мы фантазную повесть в один миг настрочили...
И сию я лазурный, и сидишь ты светла.

За столом в гиацинтах — офицеры румыны...
Атакует блондинку щуплый юнкер в пенсне.
Ты в шуршащем тальере, но с душою ундины,
Над черемухой грезишь в экзотическом сне.

«Мы отправимся в Чили, — повторяешь ты тихо
И я буду рыбачкой, и ты будешь рыбак...»
И блестит, как надежда, вызывающе лихо
На ногтях твоих острых пламенеющий лак.

«Бунгало из гранита мы построим в долине,
И постель у нас будет из волнующих трав...
Как мы души расправим прямоюй прямолиний!..
Мы отправимся в Чили... зов фантазии прав...»

Я молчу. Мне поэмно... Я в черемухотрансе,
И кафе завертелось карусельчатей сна...
Мы лишь в мае сменяем груз наук на романсы...
Анатомий не знает лишь чилийка-весна!

«Торопливо светало... проходили китайцы...»

Торопливо светало... проходили китайцы,
Виновато-конфузно двери хлопали клуба,
Я ласкал, словно четки, твои длинные пальцы
И читал, как Псалтырь, потускневшие губы...

Небо было измято, как кровать после оргий...
Облака, излохматясь, разорвались нелепо...

А мы двое сидели в предрассветном восторге,
Еще грезили ночью и к заре были слепы.

«Ничего... Только шорохи флейтно-вдумчивой страсти...»

Ничего... Только шорохи флейтно-вдумчивой страсти.

Только тонкие контуры прихотливо-изящные...

Мы себя не втокнули в расширенные пасти

Непродуманных пошлостей, остротою звенящие.

Мы сидим на окошке у заснувшего домика

И, дымя папироской, созидаем поэмы, —

Два бродящих эксцентрика, два хохочущих комика...

Два ребенка чудесных непогибшей богемы...

На матрацах убийственных спят убийцы эстеток.

Спят уроды храпящие, заплевавшие радость, —

И луна льет шампанское в рты восторженных деток,

Для кого сумасшествие — еще мудрая сладость.

«Я — Пьеро хромой и одноглазый...»

Давиду Бурлюку — моему другу и взрывателю во Имя Пресветлой Красоты

Я — Пьеро хромой и одноглазый...

Волосы — один хвостатый клочок.

Я люблюсь на детей в салазках

Через мой опаловый монокль.

Я люблю, чтоб радужнилась серость,

Чтобы клячи будней мчались вскачь...

Подойдя к измызанной гетере,

Я шепчу внимательно: «Не плачь!

Всунь свой профиль в синий нимб витрины

И святися нежностью греха...

Не вдыхай магнолий кокаина!

Будь — как я — трепещуще тиха».

Я хотел бы видеть нежность всюду...

(Соглашусь на маленький клочок).

Но в опале нежность, и покуда

Заогнюсь единственной свечой.

Разверну мечту на тротуаре

И прочту ее на нежный глас,

Кто же?.. Кто!., со мною станет в паре?..

Столб афишный — мой иконостас.

Никого!.. А сумерки сереют,
Непахучим ладаном кадя...
«Нежности давно свернули шею!» —
Пробурчал какой-то фронт, идя.

Провезли салазки дети цугом.
«Дети!., нежность... нежность жду в храм мой!»
Над домами вечер каркнул глухо:
«Долго ты прождешь, Пьеро хромой...»

ВЕРЕСКНОЙ ДЕВУШКЕ

Мойчи Ямагучи как воспоминание о задушевных беседах под шелест бамбуков у его дома

Вы вся, как поэта Альфреда Мюссе, —
Душевно-прозрачная, зябнуще-астровая...
С мечтательным бантиком в русой косе,
Червонноволосая, звонко-пиастровая...

Быть в комнате вашей — фантазы читать
Тильтильно-Митильные, полные грации...
Склоняться к вам близко — экстазно вдыхать
Сурдинно-щекочущий запах акации...

Глядеть в ваши очи — купаться в вине...

Они ведь не ваши, вакхически лавные!
Вы вся из батиста, как греза Мане...
И только глаза ваши — пики агавные,

Они — две агатовых, черных стрелы,
Готовые взвиться с мучительным пением.
Они обжигают, как капли смолы,
Стекаая мне в душу в кричащем кипении...

Они, как румяна на щеках Мадонн!
Они — барабаны в интимной литании...
Я ими замучен!., разбит!., оглушен —
Но сблизьте ресницы, и вы — обаяние...

Живут в вас причудно Уайльд и Мюссе,
Провинции лирик с эстетиком, ересь в ком,
Ах, сложные прелести в русой косе
Мечтательной девушки, пахнущей вереском!

ЛАРИССА АНДЕРСЕН

ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

Месяц всплыл на небо, золотая,

Легкою палаткой кочевой;
Разговор таинственный затеял
Ветер с потемневшею листвою...
Ведь совсем недавно я мечтала:
Вот как будут яблони цвести,
Приподнимет предо мной забрало
Рыцарь Счастье на моем пути.
Говорят, что если ждать и верить,
То достигнешь. Вот и я ждала...
Почему бы счастьем день мой серый
Не осыпать искрами тепла?
Тихо, тихо шевелятся тени...
Все, как прежде... Сад, кусты раки...
Только май, верхушки яблонь вспенив,
Лепестками белыми кружит.
Месяц по стеклу оранжереи
Раздробил хрустальный образ свой,
Маленькие дымчатые феи
Реют над росистою травой...
Надо быть всегда и всем довольной.
Месяц — парус, небо — звездный пруд...
И никто не знает, как мне больно
Оттого, что яблони цветут.

Ларисса Андерсен

«Только в заводи молчанья может счастье бросить якорь...»

Только в заводи молчанья может счастье бросить якорь;

Только тихими глазами можно видеть глубину;

Знак молчанья, как молитва, как печать, лежит на всяком,
Кто свернул тропинкой тайной в заповедную страну.
В молчаливый час рассвета, озаренный солнцем ранним,
Там, где синие лагуны спят в оправе синих гор,
Так бросаются с обрыва в синеву летящим камнем,
Замирая, саланганы, и вонзаются в простор.
Как писать стихи о счастье? Как сказать о несказанном?
Разве можно в миг полета разъяснить — куда летишь?
Это — скрыть в усталых веках синь лучистых океанов
И врезаться грудью лодки в остро пахнувший камыш.

ПО ВЕЧЕРНЕЙ ДОРОГЕ

В час, когда засыпает усталое зрелое лето
В окропленных росой и пахнувших медом лугах,
Я иду за Тобою немеркнувшим благостным следом,
Ускользящим вдаль, где так светлы еще облака.
По затихшей, поросшей немудрой травой дороге,
По холму, где спускается стадо спокойных овец,
По деревне, где в сумерках грезят простые пороги,
Где вздыхает полынь у вечерних прохладных крылец...
Не Твои ли шаги? Где-то радостно лает собака
И смеется ребенок. Не Ты ли взошел на крыльцо?
Я повсюду ищу, не оставил ли светлого знака
Ты, с пастушьей котомкой и ясным вечерним лицом...
И тропю с шуршащей по платью мерцающей рожью
Возвратившись домой, я меняю в кувшине цветы,
Зажигаю лампаду... Я медленней, тише и строже...

И вечерние мысли, как травы дороги, просты...
В час, когда замирает земное согретое лоно,
И звенит тишина, и проходит вечерний Христос,
Усыпляет ягнят, постилает покровы по склонам,
Разливает в степи благовонное миро берез
И возносит луну, как икону...

«Огоньки... огоньки... огоньки...»

Огоньки... огоньки... огоньки...
Перезвон... Озаренные лица...
Пламенеющий очерк руки
И склоненные к свету ресницы.
Ореол освещенных волос,
Приоткрытые губы немножко
И, застывшими каплями, воск
На твоих полудетских ладошках.
...Пробудился от вечного сна
И упал преграждающий камень...
Наверху, невидимкой, весна
В синеве проплывает над нами.
У складного поют алтаря,
Что в затерянном времени оном
«Смертью смерть победил». И земля
Нарастающим плещется звоном.
У плеча дорогой огонек,
И глаза озаренные верят:
Охраняет твой ласковый Бог

И сиротку, и птичку, и зверя.
Огоньки... огоньки... огоньки...
И мелькающий свет на ресницах...
Научи же меня без тоски
Успокоенным сердцем молиться.

НАРЦИСС

Моей маленькой подруге Шу-хой

Шуй-сен хуа — цветок нарцисса.
Это значит — водяная нимфа.
Одинокий, молчаливый символ
В плоской чашке, расширенной снизу,
Шуй-сен хуа — цветок нарцисса...
Тонкой струйкой вьется запах сладкий,
Словно чье-то вкрадчивое пенье,
И ведут дремотные ступени
Вас в страну мерцающей загадки,
Где поет, колдуя, запах сладкий...
Словно стебли, ваши пальцы гибки...
На халатике, как в пестрой сказке,
Бродят взбудораженные краски,
Плавают серебряные рыбки
Меж стеблей, как ваши пальцы, гибких...
Вы окликнули меня: «Лалисса!» —
Сделав имя кукольным и ломким,
И у вашей гладенькой головки

Дрогнул в чашке, расширенной снизу,
Шуй-сен хуа — цветок нарцисса.

КАПЛИ

День так тих... На лужице крути.
День так сер... Ныряют капли с крыши.
Танец их — звенящие шаги
Тех секунд, что мы в апреле слышим.
День так свеж... Прошел весенний дождь.
Вяз надулся. Почки ждут приказа.
День так хмур, как осенью, но все ж
Знает вяз, что это — лишь гримаса.
Глянь в окошко — даль уже ясна;
Так чисты и так спокойны краски...
Там, у речки, девочка-весна
Протирает заспанные глазки.

«Ветер весенний поет...»

Ветер весенний поет
По большим и пустынным дорогам...
Солнце, протаявший лед —
Это так много, так много!
Как мне об этом сказать?
Как бы пропеть мне об этом?

Надо, чтоб стали глаза
Брызгами яркого света.
Разве глаза у людей
Могут казаться такими?
Белое платье надеть?
Выдумать новое имя?
И закричать, зазвенеть
Ветру, дороге и полю...
Слов человеческих нет
Этому счастью и боли!

В ПУТИ

Лишь избанникам дано, — не многим, —
Обновляться с каждой волной...
Разве не был месяцем двурогим,
Вещим знаком, путь отмечен мой?
И глаза молитвенно смотрели
На мелькающую рябь воды,
И колеса вдохновенно пели,
Заметая старые следы,
И неслась неокрыленной птицей
Тень моя по рисовым полям,
И дрожали синие зарницы,
И чертили сумрак тополя.
Паровоз выхватывал пространство
И швырял его по сторонам...

Но наивному людскому чванству
Улыбалась мудрая страна.
Могут ли гордиться человеком,
Что по карте разузнал про все,
Эти вот оранжевые реки,
Размывающие краснозем?..

И в колесной напряженной песне
Пробивался беспощадный такт:
Мертвый не воскреснет.
Никак...

Никак...

«Земля порыжела...»

Земля порыжела...
Вода холодна...
Мы выпили счастье и солнце до дна.
И ветер тревожен,
И зябка заря,
О чем-то, о чем-то они говорят;
О чем-то покорном,
О чем-то простом,
О чем-то, что мы неизбежно поймем...
О том непреложном,
Что близит свой срок,

Что каждый из нас — одинок... Одинок.

Что скоро мы станем

У темной реки,

Посмотрим, как стали огни далеки,

Как бьется о стены

Ивняк, трепеща,

И скажем друг другу:

«Прощай...

Прощай».

КОЛДУНЯ

У меня есть свой приют —

Ближе к звездам, ближе к тайне...

Звезды многое дают,

Тем, кто жизнь не просит: дай мне!

Там очерчено кольцо,

В нем омытый ветром камень,

Я — лишь бледное лицо

С расширенными глазами.

Приникает мрак к губам

Терпким звездным поцелуем...

Вот на этом камне, там,

Я колдую, я колдую...

Под текучим сводом звезд,

Расплавляя в ветре тело,

Я прокладываю мост

К ненамеченным пределам.

В темноту моих волос
Ветер впутывает песню —
Кто ответит на вопрос,
Тот исчезнет, тот исчезнет...
И верна лишь ветру я,
Он с меня смывает нажить.
И всегда я, как струя, —
Обновленная и та же.

МОЕМУ КОНЮ

Благодарю тебя, осенний день,
За то, что ты такой бездонно синий,
За легкий дым маньчжурских деревень,
За гаолян, краснеющий в низине,
За голубей, взметающихся ввысь,
Как клочья разлетевшейся бумаги,
За частокол, что горестно повис
Над кручей неглубокого оврага,
За стук копыт по твердому шоссе,
(О, как красив мой друг четвероногий!)
И за шоссе, за тропы и за все
Ухабистые славные дороги.
Я о судьбе не думаю никак.
Она — лишь я и вся во мне, со мною.
За каждый мой и каждый конский шаг
Я и мой конь — мы отвечаем вдвое.
Кто дал мне право знать, что жизнь — полет?

Кто дал мне тело, любящее солнце?
О, это солнце, что так щедро шлет
Счастливой луже тысячи червонцев!
Еще одним спасибо лик укрась
От луж, от брызг, от зреющей боярки,
Ты, беззаботно сыплющее в грязь
Такие драгоценные подарки!
Поля и степь... Взгляни вперед, назад...
О, этот ветер, треплющий нам гривы!
Коню и мне. Скажи, ты тоже рад?
Ты так красив! И я, и я красива!

ПЕРЕЛЕТ

Зазимую я, поздно иль рано,
На приморском твоём берегу;
Ты увидишь в закате багряном
Ожерелье следов на снегу.
Будут волны шуршать, как страницы,
А весной, в потеплевших ночах,
Пролетят одинокие птицы,
О знакомом о чём-то крича.
И, встревоженным сердцем почуяв
Зов далеких неведомых мест,
На березе кольцом начерчу я
В знак прощанья условленный крест.
И уеду. А ветер раскинет
Вереницы твоих телеграмм —

Ты вернешься к печальной полыни
И к туманным приморским утрам.
Вдоль по берегу поезд промчится,
Прогудит телеграфная сеть,
Да прибой отсчитает страницу,
Прошуршав по песчаной косе...

ТАМАРА АНДРЕЕВА

ЛЕСТНИЦА В ОБЛАКА

Всхожу, бледнея, на ступени,
Конец которых — в облаках,
Под шепот, трепеты и пенье
Многокрылатого стиха.
И, запахнувшись вместе с музой
В широкий эллинский хитон,
Иду вперед, ресницы сузив,
Мельканьем светов ослеплен...
Когда же перейду преграду,
Готов молиться, петь готов —
Из поэтического сада
С улыбкой выйдет Гумилев,
И, поманив меня рукою,
Он скажет тихое: «Войди...»
Кругом — благоуханье хвои
И хор бессмертных впереди.

«Волнистой линией тянулся горизонт...»

Волнистой линией тянулся горизонт,
Холмы сияли тусклой позолотой,
Над зеркалом черневшего болота
Раскрыло небо лиловатый зонт.

А в городе, по тротуарным латам,
Мелькают кляч избитые бока,
И рикши потные, в подоткнутых халатах
Глядят в заплаканные облака.

ЭПИТАФИЯ

О, да, я была гетерой!
О, да, я была блудницей!
Жила я водной из улиц
На западной стороне...
Когда я кордакс плясала —
Мужчины менялись в лицах,
Кусали женщины губы
И перстни бросали мне...
Про мой синеватый пеплум,
Следы от моих сандалий

И голос, что был то нежен
Или по-мужскому груб, —
Теперь вы слышите в песнях,
Которых много слагали
За мой поцелуй поэты —
За детскую жадность губ.

Раскопки Ольвии

В ЧЕРНЫХ ДЖУНГЛЯХ

«...В мерных джунглях, мерная девушка». Райдер Хаггард

Тут плясала Джинна, блестело лицо,
Она — красивее всех...
У нее в губе золотое кольцо
И бусина, как орех.

Нагуа живого львенка принес —
Недовольна осталась она:
Захотела серьгу разноцветную в нос
И много клыков слона.

Потом пришел белый, бил Нагуа в спину,
А Джинне дал много бус...
Она пошла к сиди, в его долину,
Сказав: «Нагуа — трус».

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР

Холодный ветер все продул насквозь,
Туман завесою спустился над бульваром,
Пора бы, кажется, уж расходиться врозь
Так странно медлящим в задумчивости парам...

Как холодно!.. Как воздух мокр и стар!..
Полоски розовые на востоке встали,
Чуть слышно сквозь осенний мерзлый пар
Печальной песней блики заиграли...

РОДИНЕ

Мерцающее марево закатов,
Чернеющий зазубринами лес
И холст оранжевых небес —
Все в памяти ненарушимо свято.

Но почему мы все тоской объята?
Здесь облака такие же, как там,
Легки, округлы и крылаты,
Подобно нашим русским облакам...

Нет! наши облака — сияющие латы,
А здесь они, как жертва под ножом,
И мы — в тоске, за дальним рубежом,
О том, что в памяти ненарушимо свято...

«Китайцы тихо пели песню...»

Китайцы тихо пели песню
Печальную — из одних гласных.
И в полосах вода лиловых
У берега, а дальше — в красных...

О, почему, глазами щуря,
Мы сотнями проходим мимо,
Не зная ни того, что буря —
Сиянье крыльев серафима,

Что свет на небе не погашен
И в облаках, плывущих сонно,
Отражены громады башен,
Рекой когда-то поглощенных?

МИ-СИН

По вечерам, средь запаха растений,
Обрюзгший бог, скрестивши ноги, спит.
Он очень стар. Отяжелел от лени,
Раскормленный, как годовалый кит.

Пока он спит, медлительные бонзы
Сжигают свечи, ударяют в гонг.
Но замер он, весь вылитый из бронзы,
Под медленно струящийся дифтонг.

Он слушает несущий звуки вечер
Отвисшим ухом с золотым кольцом...
Рокочет барабан. Трещит, пылают свечи
Пред сонно улыбнувшимся лицом.

1931

В ХРАМЕ МИ-СИН

Г. Д. Гребенщикову

Пейзаж китайский примитивно прост.
Тут верная жена нашла блаженство,
Чешуйчатый дракон свивает в кольца хвост
И тайных знаков страшно совершенство.

В одеждах длинных старец и монах,
Безмолвные, о чем-то грозно спорят;
Потоки золота в округлых облаках
Бросают свет на розовые горы.

И женщины, сгибая тонкий стан,
Храня торжественность на плоских лицах,
Следят, как медленно уходит караван
Нестройною и пестрой вереницей.

1931 Харбин

СОН

Крутом пустынно. Снег и снег.
И я бегу. Лицо закрыла.
И мне навстречу человек,
Но он не тот, кого любила...

А вот еще — чужой старик...
Кругом — так тихо и пустынно,
И месяц высунул свой длинный
Такой опошленный язык...

ЯКОВ АРАКИН

ИЗ БИРМАНСКИХ ПЕСЕН

Под сенью ночи серебристой
Призналась лотосу луна,
Как к грезе ясной, грезе чистой,
К цветку любви она полна...

От брака лотоса с луною
Познала радость бытия,
Блестая чудной красотою,
Она, избранница моя!

Лицо ее, как вечер, нежно,
Подобны ночи волоса,
И лоно глаз ее безбрежно —
В них отразились небеса.

Другой такой искать напрасно —
И в мире целом никого
Нет лучше, радостней, прекрасней
Царицы сердца моего!

ЛЮБОВЬ

Как в час золотого заката
Мир в кружеве красок блестит
И после, темнее агата,
Луну поджидая, стоит —

Так в жизни любовь золотое
Есть кружево, в сумраке свет,
Сиянье небес огневое
На блеклой одежде сует!

ВОСХОД ЛУНЫ

Вот кроваво-красная
Выплыла луна.
Пепельно-неясною
Кажется она...

Но недолго — чистая —
Ввысь она плывет,
Ярко-серебристая,
Свет волшебный льет

В мир, вокруг стихающий
В густолистый сад,
К грезам призывающий

В глубине оград.

И с луной высокою
Светл вокруг небосвод,
Звезды с ясноокою
Встали в хоровод —

Лишь в саду сгущается
Меж деревьев тень,
В тайну облакается
Кущ зеленых сень!

С суетой воинственной
День отогнан прочь —
Над землей таинственно
Распростерлась ночь.

АЛЕКСЕЙ АЧАИР

ПО СТРАНАМ РАССЕЯНИЯ

Эмигранты

Дорогому моему отцу

Мы живали в суровой Неметчине,
Нам знаком и Алжир, и Сиам;
Мы ходили по дикой Туретчине
И по льдистым Небесным Горам.

Нам близки и Памир, и Америка,
И Багдад, и Лионский залив.
Наш казак у восточного берега
Упирался в Дежневский пролив.

Легче птиц и оленей проворнее,
Рассыпаясь по тысячам мест,
Доходил до границ Калифорнии
Одинокий казачий разъезд...

И теперь, когда черные веянья
Разметали в щепы корабли, —
Снова двинулись в страны рассеянья
Мы от милой чумазой земли...

На плантациях, фармах, на фабриках, —
Где ни встать, ни согнуться, ни лечь, —
В Аргентинах, Канадах и Африках
Раздается московская речь.

Мы с упорством поистине рыцарским
Подавляем и слезы, и грусть,
По латинским глотая кухмистерским
Жидковатые щи ? la russe.

И в театрах глядим с умилением
(Да, пожалуй, теперь поглядишь!)
На последнее наше творение —
На родную «Летучую мышь».

В академиях, в школах, на улицах, —
Вспоминая Кавказ и Сибирь, —
Каждый русский трепещет и хмурится,
Развевая печальную быль...

Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
И за то, что нас Родина выгнала, —
Мы по свету ее разнесли.

Алексей Ачаир

ИГРА

Это я первый придумал игру...
Как же случилось, что я проиграл?
Лунную высь, бирюзовую мглу

Слушает губ Твоих сонный коралл...

Это я первый придумал — сидеть,
Слушать, как гулко поют петухи.
Вон на востоке раскинулась сеть
Жилками бледной Господней руки...

Это я первый лежал на полу...
Видел, я видел глубокую боль...
Если Ты хочешь, мы кончим игру:
Я проиграл — Ты свободна, изволь!

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

По небу белогривые несутся табуны —
Знамена белопенные оконченной войны...

На озеро, на западе, в мозаичной дали, —
Трепещущие, плещущие входят корабли...

Осока низко стелется вдоль топких берегов —
Застенчивая девица снимает свой покров,

Встает замороженная и медленно плывет —
Вся в розовом, вся в золоте, огнем зари зовет.

А из лесу, а по степи, по травам и цветам —
Летают звоны тихие, щебечет птичий гам.

На листьях и на венчиках огнем зари блещут
Камень самоцветные упавшего дождя.

В них — озеро, осока в них, в них — синь небесных круч,
В них серебро червлёное у шедших черных туч,

В них — ярко отраженные, в мозаичной дали —
Спокойные и стройные сверкают корабли

И в золоте, и в розовом — цветные паруса...
«Любимая, любимая, смотри: прошла гроза!..»

По небу белогривые несутся табуны,
Знамена белопенные оконченной войны.

ЗВЕНО

Мы Радостью повенчаны — не Горем,
Наш путь — к огням.
И на тропе пред бесконечным морем —
Расстаться ль нам?

Пред пропастью, пред горем ли, пред мукой —
Немы пути.
Мы скреплены, мы связаны друг с другом —
Нам не уйти.

Безмолвные — пред небом и пред морем, —
Стоим в тоске.
И злобствуем, и плачем мы, и спорим —
Рука к руке.

И радостью сияет бесконечной
Грядущий Свет.
Окончен путь, чтоб стать отныне — вечным:
Возврата нет.

Мы Радостью повенчаны — не Горем,
Наш путь — к огням,
И на тропе пред бесконечным морем —
Расстаться ль нам?

ПРОЩЕ В ЛЕСУ

А было б, должно быть, проще
По крышам гонять голубей
И бегать босым по роще,
Где травы цветов голубей.

Иль в черной и душной хате,
Где мухи съедают живьем,
Лезть в сумерки на полати
И спать, укрываясь тряпьем.

Играть в орлянку весною
И семечки лихо щелкать...
И жизнь была бы иною,
И нечего было б искать...

Лишь став большим человеком
(Примерно в одиннадцать лет),
Скакать бы на старом пегом
На пашню, где варят обед.

И ждать, когда бабы ложку
Дадут, обтерев о траву,

И есть из котла картошку,
И слушать, как дети ревут.

И верить, что в аде черти
Живут под землю внизу.
И жить самому — до смерти —
В прекрасном дремучем лесу!

ТРОПА СУДЬБЫ

Проводников в туманном мире нет:
Тропу Судьбы нащупывает посох —
Слепорожденные с обрывистых утесов
Другим слепым прокладывают след...

И караваном стелется поток
Живых людей — от грани и до грани.
И в непрерывности догадок и исканий
Многовековый движется песок.

И ввысь растут громады новых гор,
И засыпаются следы тысячелетий,
И вновь рожденные, и старики, и дети,
На дюнах жизненных рисуют свой узор.

Другим, слепым, — прокладывают след.

Другим, немым, — слагают песнопенья...

Проводников в туманном мире нет —

Есть: предначертанность и предопределение.

СЕВЕРНЫЕ МХИ

Одиноки, немые и дики

Между скал на глухом плоскогорье —

Разноцветные мглистые мхи

Растянулись, как пестрое море...

Под защитой лиловых громад.

Выступающих ввысь островами,

Ярко-красные ткани лежат,

Убраны голубыми цветами.

А над ними бегут облака,

А под ними гудят коридоры,

А меж ними клоочет река,

Размывая скалистые горы...

Одиноки, немые и дики,

Подчиняясь безропотно року,

Разноцветные мглистые мхи
Неизвестному молятся богу.

Молят бога прийти и спасти
И сжимают в экстазе молений
Темно-бурые раны груди
От копыт быстроногих оленей...

Одиноки, немые и дики
Между скал на глухом плоскогорье
Разноцветные мглистые мхи
Растянулись, как пестрое море.

ВСТРЕЧА

Иди в мою хижину! Хочешь?
Я в ней мои сказки пряду.
Ты нервно и звонко хохочешь:
«А что ж, может быть, и приду!»

И смех рассыпается звездным
убором по синей канве...
Как там величаво и просто —
в холодной ночной синеве.

И здесь я на свой подоконник
на блюдце поставил свечу...
Так в жизни я сердцу — пусть вспомнит!
в забытых потемках свечу...

Мы оба блуждали без смысла
по горным изгибам дорог;
я первый у горного мыса
построил высокий порог.

И жил за затворенной дверью,
и мир был со мною вдвоем.
Вокруг прирученные звери
бродили и ночью, как днем.

А где-то, где ясно и вольно
горят снеговые хребты,
ушедшая вдаль добровольно,
была одинокою ты...

Но думать о прошлом не стоит.
Свеча догорела... Темно...
Все самое в жизни простое —
не каждому в мире дано.

Вот вижу я — облако ночи
закрыло в окошке звезду...
Иди же ко мне, если хочешь!
И слышу я близко: «Иду».

СНОВА В ПУТЬ

Снова в путь! Починил торбаса —
и ступаю легко и сторожко.
Вдоль тропы пробегают глаза.
Вглубь тайги убегает дорожка...

Озираются черные пни
бесконечных обугленных гарей.
Воздух синий поет и звенит
о промчавшемся страшном пожаре...

Здесь — охота мое ремесло.
Я слежу за косматым гураном
и шепчу суеверно число,
что дано мне тунгусским шаманом...

От винтовки сжимаю ремень —
вдруг: рукам ее отдали плечи.

Предо мной белорудый олень,
удивленный диковинной встречей.

Нет, тебя я убить не могу,
вдохновителя горных стремлений:
знаю я — кто приходит в тайгу,
тот в гостях у прекрасных оленей...

Вновь иду вдоль шумящей реки.
На песке отдыхаю ползучем.
Белым мхам посвящаю стихи
и читаю их — небу да кручам.

1926

ПЕСНЯ ВЕСНЫ ВО ДВОРЕ

Из китайской поэзии

День вчерашний гас под ветром; ветер с вечером в родстве.
На колодезь пухом бледным падал персиковый цвет.
Круг луны качался в небе в чарах грез и небылиц,
и роса слетала в блеске на изгибы черепиц.

А из залы — звуки лютни, льстивый шепот тихих флейт,
заглушенный, юный, юный, — в полу мрак густых аллей...
Двери настезь — слышен топот, барабан и шорох ног,
слышен трепет, шелест шелка, пряность пахнущих цветов...

Сквозь бамбуковые ставни сад пустынной и темней.
На задумчивой поляне — блики света и теней.
В этих тенях, тканях словно, в чуткой призрачности сна
спит застенчивой и томной гибкой девушкой — весна.

20 апреля 1929

СУНГАРИ

Над молочной рекою — шафранный закат,
Лижут воду огней языки,
У камней берегов, беспокоясь, лежат
Огневые на поле крути...
Раскатай, раскатай голубую лазурь,
Как лепешку в маньчжурской муке!
Загруженные стаи лениво ползут
По молочной и жирной реке...
Паруса — одеяла; бобы и мешки...
Запотелая голая грудь...
Ночью месяц-меняла на бликах реки
Золотую затеял игру...
А в молочной воде утонувший шафран
Начал рыхлые щупать тела.
И, сорвавшись с цепей, завизжал ураган,
Стала ночь над рекою бела.
И от тихих легенд, от мечтательных будд —
Явь забилась в слезах и песке...
Только серые ленты кругами ползут

По молочной и хищной реке.

БАРАБАННАЯ ДРОБЬ

Кружится птица над Вампу,
Бледнеет черствый Банд.
По стеклам ветер — градом пуль,
Как дробь о барабан.
И солнце видит кожу спин
Людей, упавших ниц.
На севере горит Харбин,
Блестя в огне зарниц...
По волнам сказочных морей,
Спеша, плывут суда;
Их волей властных королей
Направили сюда.
И от республиканских стран
Идут ряды солдат.
А ветер — дробно в барабан:
— Тра-та, тра-та, я — рад!
На белокрылом полотне
Алеет кровь и круг.
О Азия, горишь в огне,
Мой желтый бедный друг!
За что ты борешься, за что?
И градом пуль — в ответ,
И обращаешься в ничто,
И меркнет белый свет.

Лишь кто-то мудрый начеку,
Как будда, нем и тих.
К нему: «За что ты мстишь врагу?»
А он в ответ: «Привет!»
О, синих губ улыбка, и...
И стон, и боль, и грусть.
Не сердце ли его таит
Агоневую Русь,
Страну мою? Бурлит Вампу.
Стекает кровь из ран.
И хлещет ветер градом пуль —
Как дробь, как барабан.

1932

ЭМИГРАНТКА

О, мысли, куда занеслись вы
в скитаньях судьбы вихревой!
К обрывистым подступам Лысьвы,
на берег реки Чусовой...

Ты маленькой девочкой учишь
про Анды, про Альпы... Вокруг
стоят живописные кручи,
родные, как лица подруг.

А там на востоке — Березов

лежит на сибирской земле.
Там снег аметистово-розов,
а зори рубинов алей.

И ты, восхищенная, встала,
к лучам повернувшись лицом.
Вот Меншиков сносит опалу,
и девочки рядом с отцом.

А дальше, а дальше — как много
людей на Московском тракту!
Идет бесконечно дорога —
в Иркутск, в Забайкалье, в Читу.

Волконская и Трубецкая,
чьи жизни в едино слиты.
«Я тоже хочу быть такая», —
мечтая, подумала ты...

Сбылось. Не Сибирь. Заграница.
Шанхай. Сан-Франциско. Харбин.
Знакомые, прежние лица,
лишь больше морщин и седин.

Лишь тише, покорнее поступь

и голос слабей и тускней,
лишь, сгорбившись, сбавили росту.
А думы — как птицы над ней —

над родиной — пеньем хорала
под звон легендарной Москвы:
«Вы тоже, вы тоже с Урала?
Из Лысьвы? — подумайте вы!

А помните серые кручи
и синюю реку у ног?
А помните, — девочка учит
про Альпы и Анды урок?»

Тяжелые жизни уроки.
Мечтанья сменились теперь
в глазах опечаленно строгих
застывшею болью потерь.

1933

КАК И ПРЕЖДЕ

По синим обоям
разбросаны желтые маки.
Нам грустно обоим,
но что же поделаешь, друг?

Тоски не развеют
волшебники старые маги,
и добрые феи
с участием не встанут вокруг.

Суровые лица
со мной и бездушные боги.
Ты — в шумной столице
встаешь на вечерней заре.
Мы Бога просили —
(Как горестно быть одиноким!) —
о милой России,
о встрече на нашей земле.

Но я, как и прежде,
скитаюсь по Азии древней.
Цветные одежды.
Кумирни. Пустыни. Дворцы.
Живу, наблюдая.
А жизнь настоящая дремлет.
А в марте, подтаяв,
вниз падают с крыш леденцы.

И где-нибудь дома,
под самой Москвою в усадьбе —
под крышею дома
две ласточки кличут подруг.

Но только — не гнуться!
Поверь, все печальное — сзади.
Сумей улыбнуться,
чтоб вдруг не расплакаться, друг!

1933

ДОРОГА К ДОМУ

Кто там поет? Кто там поет так нежно?
Как о хрусталь звенит вода порой...
Кто синий плат перетянул над бездной,
чей звездный край светлеет над горой?

Это — снега... Овладевает холод.
Мрак и озноб... Темнее часа нет...
Но кто поет? Как голос свеж и молод!
Это — заря. О, милый друг, — рассвет!

Вспыхнули враз — точно огни цветами.
Звезды горят на ледяных цветах.
Светлая твердь, как океан, над нами.
Щебет вокруг — голубокрылых птах.

Это принес мне в жуткий час тревоги —
звездный мой луч — твой голосок, Сибирь.
Мой ветерок, мой ветер синеокий,

горных дорог веселый поводырь!

1935

ОТТЕПЕЛЬ

Дыханье далекое Гоби
с монгольских струится песков.
Нависшие серые хлопья
тяжелых парных облаков.

Как парус натянутый, ветер —
трепещущий и буревой.
И тонок, и строен, и светел
рог месяца над синевой.

Какая весенняя милость!
Как вечер прекрасен и росл!
Душа, охмелев, притаилась.
Снег падает. Будет мороз.

Но эти минуты до стужи —
родны, и грустны, и близки,
как думы деревьев, как души,
как в девственном лубе — ростки.

Когда-нибудь пышно развешат
деревья плоды, веселясь...
Свети надо мной, полумесяц! —
далекая с предками связь!..

Февраль 1935

В ФРУКТОВОЙ ЛАВЧОНКЕ

Мы будем пить пиво
в китайской лавчонке,
где фрукты и гвозди
лежат меж сластей.

Смотри, как красиво
у острова джонки
слепились, как грозди,
в ажуре сетей!..

Рыбацкая воля,
купцовая леность,
буддийская вечность
и желтый закат.

И нежные зори.
Кристалльность. Нетленность.
Нирвана. Беспечность.

Нефрит и агат.

Но пенится пиво
из западных бочек —
студенческих игр и
веселья завет.

Мы пьем торопливо.
Рот жаждет и хочет —
на час ли, на миг ли —
вернуть, чего нет:

шумливые годы,
звнящее время,
поющую юность
не пьяненький джаз...

— Ты снова про годы,
про время и бремя?
За старую... юность?
А я — за сейчас!

1938

ХАНЬЧЖОУ

Как пчелы и осы, звенели, жужжали и скрипки, и лютни,
и ярко в цветах утопало, вздыхая в дремоте, Ханьчжоу.
И жизнь, что пред этим казалась оскаленных скал неприютней,
цвела, распускаясь нарядно, и пышно, и сказочно ново.

И в зеркале вод отражались священные древние храмы.
Но вдруг отраженья скривились, в ребристые сморщились складки,
как будто под пламенным солнцем нахмурились древние ламы
да так и остались в морщинах... И несся мучительно сладкий

томительный запах курений от гнувшихся к водам глициний,
и ветра бесплотные руки меня заносили в нирвану.

И был только он, только купол, мечтательно плавный и синий,
укрывший отверстого сердца еще не зажившую рану,

и был только он — только отдых. И сон, и полет в беспредельность,
и скрипки, и лютни, и цитры, и радостный крик окарины,
и дрожь трепетавшего гонга, и млечность, и вечность, и цельность,
и — облачный ладан, и звезды, и — путь в поднебесье орлиный.

14 февраля 1939

ТАИСИЯ БАЖЕНОВА

СТОРОЖИХА

Сел на рельсы, вытянувши ноги.
Дать тебе бы хлеба с огурцом,
Стал бы ты бродягою с дороги —
Дезертиром, пьяным босяком!

Я — на свист, разгульною бабенкой
На закате ветреного дня
Пробиралась бы в траве сторонкой,
Бусами и песнею звеня.

Поцелую, обовью косою,
Чтобы кровь пожаром залила, —
Любо станет с бабой молодою,
Что от мужа к босяку пришла.

Муж — в очках и в новеньких сапожках
Будет в праздник книжицу читать.
Выйдет и покличет из сторожки,
А потом отправится искать...

С кузнецами мы в траве высокой.
Притаившись, пугано замрем.
Муж покличет и пройдет далеко,
И очки блеснут на нас огнем.

А потом вернется хмурый-хмурый,
Рыжий ус со злобой теребя,
Сядет на завалинку, где куры,
Будет ждать, сигарку закуря...

А когда падут на травы росы,
Загорятся звезды в небесах,
Я вернусь хмельной и безголосой,
С пылью и соломой в волосах.

Оттаскает за волосы — снова
Убегу назавтра же в закат, —
Где пасутся и мычат коровы,
А на рельсах ждет меня солдат!

РУССКАЯ СТАРУШКА

Только у русской старушки такое
В талию старенькое пальтецо.
Шляпа немодного давно покроя,
Ненарумянено совсем лицо.

Сядет в трамвай, посмотрит на лица,
Отведет смущенно взгляд на окно.
Я спрошу о здоровье — вся оживится,

Как будто ждала вопроса давно.

Подъедем к фабрике — бежит в волнении:

— Знаете, все-таки б не опоздать!

Приходит и ждет, опять с нетерпением

Смотрит на часики: скоро ли пять?

Солнце и душно. Гудят трамваи,

А женщины тихо и молча шьют.

— У нас ведь в России, и там, в Китае,

Сейчас морозы, не то что тут!..

Пришивает кружево к платьям детским,

В фуфайке, согнувшись, в очках, у окна...

— А дома, — шепчет, — больна невестка,

Опять без меня в постели одна...

— Бабушка, вам бы в теплую горенку

С тихой лампадкой да нянчить внучат!..

— Знаю, что были бы... Да умер сын Боренька,

В Сибири убит он как белый солдат.

НЕПОГОДА

Серый залив. Ветер, прибой.

Ярость сирены на маяке.

Стелется низко туман над водой.

Чайки, нахохлясь, сидят на песке.

Белая шлюпка, и парус белый

Гнется под ветром — не хочет свернуть

Кто-то, спортсмен или просто смелый,

Любящий бурю и дерзкий путь.

Холодно белым продрогшим чайкам —

Больше не носятся над водой.

Словно цветами, покрыта лужайка

Белыми стайками — одна к одной.

Маленький краб уползает от палки...

Милый, не бойся, ведь я не страшна;

Ты на земле только славный и жалкий,

Ты здесь один, и я здесь — одна.

ЯПОНИЯ

В старой гостинице скрипят половицы,

А под окном — олеандры в цвету.

Белый хибачи соседки дымится...

Завтра я буду уже в порту.

Мне из окна видны крыши кумирен,
Сосен зеленых плоская тень.
Так вот проходит, созвучно-мирэн,
Этот японский осенний день.

С улицы слышен звук самисена,
В грустной мелодии слезы дрожат...
Пусть даже слышат старые стены —
Мне не вернуться уже назад...

Я уезжала веселой, весенней.
Завтра, быть может, на вашем столе
Розы увянут — мой дар последний,
И уж другая станет милей.

Можно ли сердцу сильнее сжаться
В горечи дум, слез и любви?..
Кто теперь нежно согреет пальцы
Похолодевшие мои?

КИРИЛЛ БАТУРИН

НЁ-Н[32]

Ранней весной цветет вишня,
Голубой далью — неба край;
В простые четверостишья
Нежность собрал Китай.

Лепестки легли на лице,
Черен в узком разрезе глаз.
Разве скажешь — губы дики.
Не целованные не раз.

Чарует изгибом тела,
Точностью линии рук —
Чудеснейшая новелла,
Изысканная, как бамбук.

И мурлыкающей песней
Баюкает тихие дни,
Чтоб стала душа небесней,
Ласковой; «Во ай ни»[33].

1930 Шанхай

В ПУТИ

Бамбуковая роща за каналом
И дом, крытый черепицей.
Медленно поворачивает вол черпало
Спица за спицей.

Каменной аркой перекинулся мост,
И фанзы на сваях обступили воду.
Дракон на крыше, загнувший хвост,
Старится год от году.

Шиповник в щелях источенных плит,
В грязном проулке играют дети.
Императорский мост хранит
Легенды тысячелетий.

По ступеням — камням щербатым —
Время царственно протекло,
И день угасает ровным закатом,
Хотя еще светло.

Из серого гранита тупорылый лев
Ничком лежит в бурьяне.
И никто не прочтет нараспев
Надписи на кургане.

Столбы могилы обвивает плющ,
Тропинкой стала аллея.
Кому же войти под полог куш
Молитвенно благоговя?

От старой кумирни остались обломки
В стертых узорах знаков.
В заросли тополей бамбук тонкий
Растет из могил монахов.

1930 Гора Тутовых Деревьев

ЛУНА

Поэма

Когда цветут абрикосы
И небо, как фарфор, —
Вспоминаю черные косы
И черный лукавый взор.
Вспоминаю цветы магнолий,
Самую странную любовь
Из противоречий и боли
Девушки из Нин-по.

Над старым крылатым домом
Медью взошла луна;
Легла золотым изломом
Бороздою в пруду волна.

На дальнем дворе прислуга
Играет, стуча, в маджан;
В беседке жду я друга —
Прислужницу госпожи Цзян.

Соседа хрустальная скрипка
Поет о моей луне,
И качается, словно зыбка,
Задремавший сампан на волне.
Заскрипела слегка дорожка,
Блеснул на луче халат;
Перебирают пугливые ножки
Пятна лунных заплат.

В полумрак протянула руки,
Вздохнула, меня узнав;
Сколько любовной муки
Бросила, недосказав:
«Хозяйка... нельзя... узнает...
Выгонит со двора!..»
Луна, восходя, сияет,
И кружится голова

От цветочного аромата,
От близости, от любви,
От шелка ее халата
И ласковости руки.

Прижавшись ко мне устало,
Забыв о хозяйке злой,
Лепечет: «Тебя желала...
Непонятно, зачем с тобой?..»

Тушью черной кладет узоры
Лунный свет на полу.
Любовь китаянки — горы,
Когда горы весной цветут
Абрикосами, миндалями,
Жасмином, дыханием трав,
Смолистыми тополями —
Нежнейшими из отрав...

И такой вот, косою, черноглазой,
Не забыть мне любви вовек;
На старинной китайской вазе
Повторенных рисунков нет.
И когда над Китаем весны
Шелестят, пролетая, крылом,
Вспоминаю косматые сосны,
Обступившие черный дом.

1931 Шанхай

«Мгновений несколько меж серых облаков...»

Мгновений несколько меж серых облаков

Проталинки молочного фарфора,
Поголубевшие у желтых ободков,
Глубинный свет сочили из простора.

И ветка в холоде темнеющего дня
С пучком едва позеленевших почек
Грядущую весну пропела для меня
Невыразимостью небесных строчек.

1934 Шанхай

ГУ-ПАН ГУН-ШУ

Задремала стража. Знойно лето,
В синеве застыли облака.
У ворот, чернеющих от света.
Не кричат разносчики с лотка.

Сам хозяин на войне, в отъезде.
Солнце вырезные тени льет
На зверей из камня на подъезде,
На дверей узорный переплет.

Зной разлил в усадьбе неподвижность
Полуденную глухую тишь.
И звенит китайская неподвижность
Над разлетом черепичных крыш.

Лепестки глициний стелют просинь
На увитой лозами тропе;
Золотые рыбы хлеба просят
В медленно струящейся воде.

И вот тут, на сломанных перилах,
Где растет по трещинам трава,
Медленная вечность обронила
Тишиной пропетые слова.

БОРИС БЕТА

ЛОШАДЬ ПАЛЛАДА

Опять слышать на заре
Сквозь мягкий сон укрытых глаз
Протяжность зовов на трубе,
Вновь неожиданных для нас,
Заспавших и на этот раз
Устав о воинской игре!..

Проснуться так: в окне мороз
Раздольных голубых просторов,

И миг приготовлений скорых,
И звоны на одетых шпорах,
И натошак от папирос —
Проклятый кашель без угроз...

А вышел — что твое вино,
Он ранью ковкой опьянит,
И снова в высоте звенит
И заливается труба,
И сердце ей опьянено,
Хоть холодеет на губах!

Пола тотчас же просквозит,
Походка звонкая легка,
И песня новая звенит;
Чья-то глупая рука
Уже засыпала овес,
И чешется, рассевшись, пес.

У двери теплых денников
Навоз подстилочных клоков
Дымится свежестью своей,
И стуки-постуки подков
Уверенные: из дверей
Выводят первого коня...

О, Господи, прости меня,
Что я опять желаю брани,
Что вот опять мое желанье
Проходит, славою звеня,
И смяты смертно зелена
Отменным полевым галопом
На страх застигнутой Европы!..

МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯМБЫ

I

Ну да! Еще не так давно
В мое раскрытое окно
И в дверь на цементный балкон
Вставал июньский небосклон.
Маньчжурский неподвижный зной:
С утра ленивая пора,
Лимонов профиль вырезной,
А во дворе — детей игра...
И плыл дрожащий горизонт,
И млели там зонты деревьев,
И солнце — огненный орех —
Опять слепило горячо.
Опять стремительный дракон
Взмывал в лазурь, на высоту,
И делался горяч балкон,
И пронизала пустоту
Огня небесного искра,
И приходила в мой покой,

Касалась легкою рукой

Тоска (она любви сестра).

II

Ну почему бы не поплыть,

А то отправиться пешком,

С бродячим за спиной мешком.

Туда, где с башнями углы

Оглиненных кизячьих стен,

Где вовсе раскрывает свет

Испепеляющий дракон;

В бумаге поднято окно,

И на циновке детский стол,

И флейта плачется светло,

А музыкант на ней — слепой.

Проедет в толстые врата

Мешками полная арба...

Коней дрожащая губа,

А шея стрижена, крута,

Извозчик по пояс нагой

(И как мала его нога!),

А там стреляет кнут другой

И — впряженных коров рога...

III

Не раз задумывался я

Уйти в глубокие края,

И в фанзе поселиться там,

Где часты переплеты рам;

Бумага в них, а не стекло,

И кана под окном тепло.
На скользкую циновку сесть,
Свинину палочками есть
И чаем горьким запивать;
Потом курить и рисовать,
Писать на шелке письма —
И станет жизнь моя ясна,
Ясна, как сами письма.

1923 Харбин

ГОЛОС

Летают в воздухе святом,
Неслышно пропадают птицы.
Над ровным лугом — желтый дом,
А дух на воле и томится.

Есть в облаках сиянье льдин,
В пруду метнулась рыба кругом,
И в этот полдень я один
Дышу томительным испугом.

Так жадно думаю о Вас,
И расцветают все движенья,
Далеких губ, далеких глаз
Влиятельное выраженье.

А вот счастливая рука:

Она имеет тяжесть тела;

Святая кровь — ее река —

Высоким шумом прошумела.

И смелый голос надо мной

Поет неслышными словами,

А небо с той же синевой

И уплывающими льдами.

1924 Шанхай

ВИКТОР ВЕТЛУГИН

У ОКНА

Слепая ночь устало хмурится...

Как много снега намело.

Там убегающая улица

Легла серебряной стрелой.

А я прильнул к стеклу оконному —

Мне как-то странно хорошо.

Я памятью настороженною

В страницы прошлого ушел.

И, воскрешая ту, забытую
Любовь — забытую мечту,
Глазами, широко раскрытыми,
Гляжу в немую темноту.

«Тонкой змейкой раскинута сталь...»

Тонкой змейкой раскинута сталь,
В синеву убегает зигзагом.
Я не знаю, давно ли я стал
Загорелым и дерзким бродягой.

Только кажется мне, что давно,
Что и предки мои кочевали
По степям под сибирской луной,
По скалистым хребтам Забайкалья.

А теперь, оглянувшись назад
На далекую жизнь, вижу снова
Цепь железобетонных громад,
Переулки в гранитных оковах.

Бесконечную цепь проводов,
Черным дымом пронизанный воздух,

Перекличку фабричных гудков,
Фонарей неподвижные звезды.

А еще — будто солнечный луч
Иль вечерней зари позолота —
Из растаявших в сумерках туч
Улыбается ласковый кто-то.

Может быть, этот вычурный бред
Лишь сознанием придуман усталым,
Может быть, с незапамятных лет
Я брожу по обветренным шпалам.

УЗНИК

Через зубчатые ночные тучи,
Через решетку в маленьком окне
Прокрался робкий, одинокий лучик
И задрожал и улыбнулся мне.

Как будто думы тайные подслушав.
Так улыбалась девушка одна,
И с той улыбкой проникала в душу
Блаженная святая тишина.

В моей тюрьме — она страшнее гроба —
Случайный свет из глуби ледяной
В зверином сердце выросшую злобу
Сменил надеждою и тишиной.

Что из того, что жизнь проходит мимо
Там, за решеткой в маленьком окне,
Что кажутся крылами серафима
Узорчатые тени на стене.

Ведь сердце снова, снова верить стало,
Что будет день, ворота отойдут,
И в судороге ржавого металла
Мне огненный почудится салют.

Я в жизнь войду, как гордый триумфатор,
Как победитель тысячи племен.
Увижу тени в золоте заката
Лишь для меня распластанных знамен.

«Гляжу, не зажигая света...»

Гляжу, не зажигая света,
Из сумеречной темноты.

Как, ветром сорванные с веток,
Летят последние листы.

Но не грущу, не плачу я
О том, что с днями и с годами
Уходит молодость моя
Неуследимыми шагами.

Ведь я унес и сохранил
Обрывки недоговоренных,
Колелеблующихся, как огни,
Неясных, словно бред влюбленных,

Случайных слов, и для меня
Они нужнее и желанней,
Чем свет прибрежного огня
Для заблудившихся в тумане.

Я захочу — они звенят,
И снова воскрешает память
Заворожившую меня
Своими детскими глазами...

У СТАНКА

В тревожном говоре станков
Я слышу голос твой — не ты ли
Глядишь из черных облаков
Тяжеловатой душной пыли?

Зачем ты снова здесь? Зачем
Глядишь и хмуришь брови строже,
И на твоём крутом плече
Прозрачная белеет кожа.

Да, знаю я, что это бред...
Но разве я смогу разрушить
Глубоко врезавшийся след
В мою потерянную душу?

И для чего? Я даже рад —
Пускай в бреду, но ты со мною,
Своей осенней тишиною
Твои глаза меня томят.

Волнуют дерзкою загадкой...
И сильная моя рука
Какой-то судорожной хваткой
Сжимает ручку молотка.

«Еще, еще одна морщина...»

Еще, еще одна морщина,
Один едва заметный штрих.
Я отрекаюсь, словно инок,
От жизни, от очей твоих.

Ты уходила, ускользала,
Ни разу не взглянув назад,
Затем, что сердцем угадала
Преследующие глаза.

Мы оба знаем, что при встрече
Ты взгляд поспешно отведешь,
Что я как будто не замечу
Руки нечаянную дрожь.

Но, взглядывая равнодушно
На нелюбимых, на других,
Я весь замру и буду слушать
Твои звенящие шаги...

МАРИЯ ВИЗИ

«Я с неба яркую звезду рукою смелой украду...»

Я с неба яркую звезду
рукою смелой украду.
О, разве это мир заметит?
Одна звезда так мало светит,
темней не может быть ему,
а я звезду свою возьму
и в сердце на конце кинжала
воткну, чтоб вечно освещала
все уголки, где мысль живет,
та мысль, что жизнь мою прядет,
все чувства в сердца клетке тесной
осколком мудрости небесной.

1921

«Мой бог — таинственная замкнутость лесов...»

Мой бог — таинственная замкнутость лесов,
где бродят волки и зовет сова,
причуды передутренних часов,
и отклики незримых голосов,
и мягкая болотная трава.

На облаках рубинно-золотых
сгустилась слава всех бессмертных сил.

Мой бог блеснул закатом и затих,
и слились волны сумерек седых,
прорезанные взглядами светил.

Я чую легкий времени полет
и шум непобедимого крыла.
Когда река свой зимний сон прорвет,
я поклонюсь перед движеньем вод,
где черная у берега скала.

Я верю в солнце, звезды и луну
и в колдовство заката и зари.
Я от Отца и Сына отверну
свое лицо и старый храм замкну.

Но если я заплачу — не смотри.

1925

БЛОКУ

Из камня белого Каррары
твой профиль высечет рука,
серебруструнные гитары
передадут тебя в века.

Ты будешь юный и певучий,
певцы живые не затмят
ушедший твой печально-жгучий
и гордый и глубокий взгляд.

Твой будет свет — лучом от Бога,
тебя мы чудом назовем
и самой трудную дорогой
к своим святилищам пойдем.

1927

«Есть остров в океане. Ни коралл...»

Есть остров в океане. Ни коралл,
ни жемчуга его не украшают.
На голых гранях почерневших скал
растений корни молча умирают.

Там в полдень не проходят облака,
чтоб освежить каленый камень тенью,
и Божья вездесущая рука
не трогает опального владенья.

Есть в океане памяти моей
погибший мир. В нем нет дневного света.
Он Атлантиды царственной мрачней,

певучими преданьями одетой.

Туда летят развенчанные сны,
забытые осенними ночами.
Там мертвый лоб желтеющей луны
туманы кроют мокрыми плащами.

1926

«Мне город твой не нужен темный...»

Мне город твой не нужен темный,
мне страшно каменной стены.
Как огоньки болот, бездомны
мои блуждающие сны.

Мой путь лежит через туманы
и не ведет туда, где ты
глядишь на белые фонтаны
и грациозные мосты.

Такие сказки мне знакомы,
такая даль меня звала,
что даже ты в своих хоромах
меня согреть бы не могла.

Ведь я иду с печальной песней
от ласковых земных полей
затем, что знаю, нет чудесней
невидимой страны моей.

1928

«Есть встречные немые корабли...»

Есть встречные немые корабли,
которые проходят ночью мимо,
в чужих морях, далеко от земли.
И встречи те — неповторимы.

Такой корабль, как призрак или сон,
свой беглый свет за черной гранью прячет,
и не узнать, кем этот свет зажжен,
и где ему пристать судьба назначит.

Летящей птицей дрогнут и уйдут
его огни и станут тенью снасти,
и от людей, что призрак тот ведут,
не ждите ни приветов, ни участия,

и будет ночь полна тоской тупой,
и будет больно так и непонятно,
что тот корабль серебряной тропой

уже ничто не повернет обратно.

1928

ВОЛОДЕ ВИЗИ

Змеиными бликами билась вода,
ты помнишь, в далеком порту,
где бросили якоря наши суда,
и мы отошли в темноту.

В вечерней толпе мы бродили одни
и нас не окликнул никто.
Сияли вверху небоскребов огни,
ревели тревожно авто.

О, полночь и холод чужих площадей,
о, блески витрин и реклам,
о, многие тысячи встречных людей,
идущих к себе по домам!

И после — весь ужас безмерной тоски,
когда мы, простившись, дошли
по докам пустынным до шаткой доски
на ждавшие нас корабли...

1928

«Я уйду куда-то, где сейчас темно...»

Я уйду куда-то, где сейчас темно,
где ночное небо звездами полно,
где на белом поле лапчатая ель,
в тридесятом царстве, за тридевять земель.

Я не буду помнить душные сады,
кровью на дорогах легшие следы,
человечьих песен вспомнить не смогу,
буду ждать чего-то на пустом снегу.

Буду ждать и слушать, как зовет сова,
как под снегом шепчет сонная трава,
как ликует месяц звонкою красой
девушки небесной с огненной косой.

Будет ночь, как сказка, будет ночь сама
трепетать, как чудо, за плечом холма,
и тихонько полем, где тропинки нет,
проберется в душу небывалый свет.

1929

«Иду одна. Большое поле...»

Иду одна. Большое поле,
кругом цветы, трава, трава.
И нет в душе привычной боли,
лишь пустота и синева.

Как будто кто-то тронул тихо,
промолвил: «Ты теперь в раю,
не поминай, не надо, лихом
нечаянную жизнь свою!»

И я поверила; не стала;
сдержала бурю горьких слов.
Но — Боже! — как ужасно мало
пустого поля и цветов...

«Нам скорбь великая дана...»

Нам скорбь великая дана,
и мы ее несем, как знамя,
дорогами слепыми сна,
который тянется веками.

Настанет мир, взойдет зерно,
в лесах родится дичи много,
все будет людям прощено,

и станут люди славить Бога.

Но мы останемся одни:

за серым пологом тумана
горят огромные огни земли,
не нам обетованной.

«Чем выше и блистательней полет...»

Чем выше и блистательней полет,
тем человек больнее упадет,

и чем великолепней свет сиял,
тем жальче тот, кто в темноту попал.

Дай, Боже, ровный путь и тихий свет
спокойнее житья для сердца нет.

«Нелепы в жизни перемены...»

Нелепы в жизни перемены...

Друзей уносят поезда,
и прочь уводят морем пленным

большие серые суда.

И города сейчас не те же,
в которых раньше я жила,
и ночью сны бывают реже,
и неба синь не так светла.

Лишь сердце перемен не знает:
оно растет, уходит вдаль,
но в глубине своей ласкает
все ту же радость и печаль,

и самых ранних лейтмотивов
не изменят в его струне
паденья в пропасти с обрывов
и взлеты снизу — к вышине.

«Я не Мария больше: только Марфа...»

Я не Мария больше: только Марфа.
Свои мечты я продала за труд.
Покрыта пылью золотая арфа,
ослабленные струны не поют.

Способно и к труду привыкнуть тело,
и может сердце, кажется, забыть
о том, как раньше бредило
и пело и не умело по-земному жить.

Но только иногда далеким звуком
давнишний сон напомнит о себе;
о, иногда — нет равных этим мукам
в железной человеческой судьбе —

и сердце опустевшее, земное,
познавшее работу и покой,
мучительно забьется, и заноеет,
и до краев наполнится тоской,

и долго будет рваться к тем планетам,
которые оставило давно, —
не зная, что отвергнутого света
ему уже увидеть не дано.

«Поцелуешь горестные веки...»

Поцелуешь горестные веки,
Скажешь: «Дорогая, улыбнись!» —
в час, когда засеребрятся реки

и подернется туманом высь.

В далеко ушедшем Кватроченто

так писали небо мастера:

облака развившаяся лента,

звездная кайма из серебра.

Что же делать, если счастье зыбко,

и последний луч дневной зачех,

если не разгадана улыбка

у мадонны Лизы на губах?

КИТАЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

В небе сонном и алом

Над зеленым каналом

и над рощей бамбука,

в небе сонном и алом

ни дыханья, ни звука.

Там, где сгустилась

предвечерняя мгла,

остановилась

звезда, взошла;

в объятую сном
воду канала
белым пятном
упала...

1937 Шанхай

НА КИТАЙСКОМ ХУТОРЕ

Точно кружевом, одетый тиной,
на закате тихо спит канал.
Высоко над хаткой и плотиной
желтый месяц остророгий встал.

Вот покойный и приятный жребий —
как сказать: неласкова судьба?
В фиолетовом вечернем небе
тонких листьев черная резьба.

1937 Шанхай

ГОРОД

В. В.

Золотые звезды с сучьев клена
на асфальте ковриком легли,
и туман, серебряный и сонный,

скрыл шероховатости земли.

Помнишь город? Или ты в нем не был?

Вечером усталым и немым
горестно заплаканное небо,
столько лет висящее над ним,

площадь возле старого вокзала
и фонарь, зажженный над мостом, —
помнишь ли, как я тебя встречала
и куда мы шли с тобой потом?

Если вечером таким прозрачным,
трогательно тихим, кружевным,
сон, который издавна утрачен,
неожиданно встает — живым,

если ж ветер, если солнце светит,
голубеет в озере вода,
этот город, где мы были дети,
я не вспоминаю никогда.

10 ноября 1949

«Белая апрельская луна...»

Белая апрельская луна,
и, остановившись в этом миге,
кружевом курчавилась волна,
точно на пейзаже Хирошигэ.

Там, где горизонта полоса,
лунный луч своей рапирой
тонкой осторожно тронул паруса
уходящей на ночь в море джонки.

Мы следили, стоя там одни,
как в воде у самого причала
инфузорий вспыхнули огни;
слушали, как тишина молчала.

И за то, что мы стояли там,
нам присуждено хранить навеки
в памяти, как нерушимый храм,
эту ночь в порту Симоносэки.

ПАМЯТЬ О ПЕКИНЕ

Открывали маленькие лавочки
под старинной городской стеной.
Продавали нитки и булавочки,

торговали чаем и ханой.

На закате, побренчав гитарами,
рано спать ложились старики;
молодежь прогуливалась парами,
и в садах пестрели цветники.

Так трудились, обрастали внуками,
наживали денежки порой,
отдыхали в праздник под бамбуками
возле желтой речки за горой.

А потом зарделось в небе зарево,
донеслась до города беда —
отобрали новые хозяева
нажить многолетнего труда.

Вот и все. Позакрывались лавочки
под разбитой городской стеной,
где цветы цвели — повяли травочки,
и гитар не слышно... ни одной.

10 октября 1976

ПЛАЧ ПО ХАРБИНСКОМУ РАЗРУШЕННОМУ СВ. НИКОЛАЕВСКОМУ СОБОРУ

Помолитесь о нашем храме —
что закрыт, разрушен, разбит,
невеянный в фимиаме —
в кучах мусора был зарыт!

Не звонит его колокольня,
не блестят его купола...
Сердцу холодно, сердцу больно
от людского горького зла.

Над мощами храма потемки,
но забыть его не хочу!
За его святые обломки
зажигаю свою свечу.

22 марта 1994

МИХАИЛ ВОЛИН

«Прими, что прекрасно и свято...»

Прими, что прекрасно и свято,
Восторженно, долго молись
В сиянии алом заката...
Потом от всего отрекись.

Взлетай и стремительно падай,
И снова — в холодную высь...
Прими и звериную радость,
Слезами потом захлебнись.

Пройди сквозь печали большие.
Сквозь тяжкие, смутные сны,
Чтобы плакать Иеремией
У солнцем сожженной стены.

РОССИЯ

Это — тройка и розвальни-сани,
И унылая песнь ямщика,
Это — в синем вечернем тумане
Одинокая стынет река.

Это грудь с неумною болью,
Но палимая вечным огнем,
Это — крест, затерявшийся в поле,
И казачья папаха на нем...

Это — степи, столбы верстовые,
Беспредельный, бескрайний простор...
Это Лермонтов — в грудь и навывлет —

На холодной земле распростерт.

«В переулок пустынный, где серо и душно от пыли...»

В переулок пустынный, где серо и душно от пыли,
Вышла женщина в черном и стала под желтый фонарь.
Но никто не приходит. — Друзья, вероятно, уплыли
На больших кораблях в безмятежное море, как встарь...

Отчего нам так страшно... Мы только ночные повесы,
Но сжимается сердце, как в детстве бывало во сне...
Погляди, погляди, оживает китайский профессор
На аптечном плакате на дальней кирпичной стене!

У него на груди иероглиф и холодные желтые руки,
Весь он в прошлом столетье, в торжественном фраке до пят.
Это он нас обрек на ночные скитанья и муки,
Весь отравленный сам, подносящий с усмешкою яд.

Поднимается ветер, грохочут трамваи пустые...
Убежим поскорей из проклятого места на свет —
В голубой ресторан, где сверкают огни золотые,
И танцует канкан над могилой своей Мистангет.

Поднимается солнце... Быть может, все это лишь снится,
Как и вся наша жизнь в эти злые глухие года...
Ты проходишь в костел, опуская густые ресницы,
И прекрасной и нежной такой я не видел тебя никогда.

«О нежности, которой нет границ...»

О нежности, которой нет границ,
О верности, которой нет предела,
О бархате изогнутых ресниц
И о руках, как алебастр, белых.

О вечерах над книгою вдвоем —
Над мудрым Блоком или Гумилевым,
О тишине, о ясности, о том,
Что к нам нисходит с неба голубого,

В волнующий неповторимый миг
В сиянии крыл архангельских и пеньи,
Что ни один мыслитель не постиг,
И люди называют вдохновеньем.

РАЗГОВОР С ТЮТЧЕВЫМ

«Блажен, кто посетил сей мир
в его минуты роковые»...
Блажен ли, право? Страшный пир,
Где я бренчу еще на лире,
Уж слишком долог, слишком он
Хмельным вином отягощен.

И в жизни сей, где правит случай
И темный ангел Азраил,
Я не согласен с вами, Тютчев,
Что счастлив тот, кто посетил
Сей мир в минуты роковые.
Сказать по правде, всеблагие,
С меня довольно. Рвется нить.
Я место рад освободить!

СВИДАНИЕ ДРУЗЕЙ

Дракон на кровле в ярости и муке,
Разъявши пасть, глядит на тихий дол.
Халат на мне уютен и тяжел,
И, в рукава засунув зябко руки,

Спускаюсь в сад. О, сколько тонкой скуки
Таит октябрь, прозрачный, словно шелк.
Мой старый друг сейчас ко мне пришел —

Мы были с ним три месяца в разлуке.

Мы молча сядем, приготовим тушь.

О, эта радость просветленных душ,

Подобная таинственному мифу,

Постичь высокой мысли красоту

И начертать, почти что на лету,

Вторую половину иерогл

и фа!

МУЗА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

Я люблю эти ветры свистящие,

Прилетевшие с дальней земли.

Я люблю поезда уходящие,

Уплывающие корабли.

Погибай, что подвержено тлену!

Пропадай, что застою гнетет!

Так пленительны наши измены,

Жизни радостный круговорот!

Оттого, никогда не жалея,

Отрекаюсь от старого я.

Возникает в тумане, светлеет

Молодая, иная земля.

Пусть другие, как умные лисы,

Осторожно по норам сидят.

В парусах моих ветер Улисса,

«Одиссеи» пленительный яд!

БРАТЬЯ

Набежал солдат. Прикладом

Пехотинца сбил.

Сам винтовочным зарядом

Опрокинут был.

И в последнюю усталость

(Смерти тоже рад)

«Дейчланд, Дейчланд юбер аллес»,

Прохрипел солдат.

А другой сказал: «Россия,

Только ты одна...»

И закрыл глаза сухие

Для большого сна.

И, услышав хрип тревожный,
Нежностью томим,
Кто-то Ясный, Невозможный
Наклонился к ним.

Было видно — просветлели
Лица павших вдруг.
И уже не пули пели —
Сирины вокруг...

И тогда, от душной злобы
Страшно далеки,
Поднялись солдаты, оба,
Над землей легки.

И туда, где, погасая,
Пламенел закат,
Шли, земли едва касаясь,
Брат и рядом брат.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

День придет — я это твердо знаю,

Будет день, как в декабре весна.

Мы тогда в газете прочитаем,

Что сегодня кончилась война.

Выйдем мы на улицу большую,

В смех и говор, в топот многих ног.

И тебя в подъезде поцелует

Незнакомый вовсе старичок.

Мы пойдем с тобой по тротуарам,

А куда? Не все ли нам равно!

Будут, верно, в ресторанах даром

Раздавать дешевое вино.

Станет невозможное возможным.

Отчего же, сдерживая дрожь,

Ты печально и почти тревожно,

Руку мне холодную сожмешь?

СТИХИ О СТИХАХ

О, стихи, привычное витийство. А. Несмелов

!

О, стихи, привычное витийство,

Трудное и злое ремесло...

Вот и рифмочку «самоубийство»

Как-то в эти строки занесло.

Трудно жить, писать еще труднее.

Подвиг это. Кто сейчас поймет,

Что над нами злые ветры веют,

Солнце, точно нехотя, встает...

В бурях обезумевшего века

Погибают духа корабли...

Жалкий, слабый голос человека

Вот уже не слышен из дали.

II

Холод рассвета — как острый нож,

Входит в суставы странная дрожь,

Солнце подняло свой огненный зрак...

Кто это там, не пойму никак,

Плечи сутулит над шатким столом,

С утренним серым, усталым лицом,

Пишет не пишет, бумагу скребет.

Хмурится жалко измученный рот.

Странно знакомый! Да это ведь я!

Это моя роковая стезя!

Вены открыты, и пенной рекой —

Рифма за рифмой, строка за строкой!

III

Вот стихи, там горечь всех разлук,

Боль сплетенных на прощанье рук,

Радость встреч и полдня чистый зной,

Блеск звезды прекрасно-голубой...

Тусклый взгляд убийцы-подлеца,

Нежный свет любимого лица,

Свежесть утра и дыханье роз,

Ангел смеха, рядом — ангел слез...

Все, что в мире было, будет, есть,

Что не высказать, не перечесть,

Что в душе твоей погребено,

Богом ласковым освящено...

Синий свет нездешней вышины...

Вот стихи — кому они нужны?!

СТИХИ О КИТАЕ

(«Над широкою желтой рекою...»)

Над широкою желтой рекою
Безмятежен закат и глубок.
Вот рыбак на весло кормовое
Бронзовеющей грудью налег.

Солнце тонет, как будто драконий
Потухающий огненный зрак.
Он поет, а как будто бы стонет,
И мне в сумерках слышится так:

Нас миллионы, похожих, единых,
С желтым телом и сердцем, как медь,
Мы когда-нибудь хлынем лавиной,
Приносящей мгновенную смерть.

Подожди, мы еще не проснулись,
Подожди, наше время придет.
Мы, как пчелы, закрытые в улей,
Копим мщенья сладостный мед!

СТИХИ О КИТАЕ

(«Помню дымки от походных жаровень...»)

Помню дымки от походных жаровень,
Сырость и запах хлопушек и гнили,
А с черепичными крышами вровень
Пряди тумана повисли в бессильи.
Я уходил в переулки кривые,
Жадно вдыхал эти запахи ночи,
В хаосе звуков я слышал стихии,
Думал словами забытых пророчеств.
Вот он, Китай, этот буйвол тяжелый,
В теплой трясине уснувший до срока.
Оводы кружат — блестящие пчелы...
Он неподвижен до некоего срока.
Встанет, рога распластавши на вые,
И заревет, напружинивши ребра,
И покривятся кресты Византии,
И пошатнутся тогда небоскребы.

РОССИЯ

Зашумели ветры, загудели,
Душу мне наполнили тоской...
Отчего, особенно в апреле,
Мне вернуться хочется домой?

О, Россия, мне твоих созвучий
Не дано вовеки разгадать.
Их не мог постичь суровый Тютчев,

Ясный Блок не мог расколдовать.

Были бури, были непогоды,
Но уж трубит ангел в вышине.
И бродить принялась темным медом
Кровь твоя тяжелая во мне!

БОРИС ВОЛКОВ

ПУЛЕМЕТЧИК СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

I

Оставшимся спиртом грея
Пулемет, чтоб он не остыл,
Ты видишь: внизу батарея
Снялась и уходит в тыл.

А здесь, где нависли склоны
У скованной льдом реки,
Последние батальоны
Примкнули, гремя, штыки.

Простерлась Рука Господня
Над миллионом стран,
И над рекой сегодня

Развеет Господь туман.

Чтоб были виднее цели,
Чтоб, быстро поймав прицел,
На гладь снеговой постели
Ты смог бросить сотни тел.

Широкие коридоры
Здания, что на Моховой, —
Привели тебя на просторы,
Где кипел долгожданный бой.

В двуколке, что там, в овражке, —
Шопенгауэр, Бокль и Кант...
Но на твоей фуражке
Голубой отцветает кант.

II

Небо из серых шкурок
В утренний этот час...
И, закулив окурок,
Подумал: «В последний раз!»

Надо беречь патроны
И терпеливо ждать,
Пока не покроют склоны,

Как муравьи, опять.

И только когда их лица
Ты различишь, пулемет,
Забившись в руках, как птица,
В последний их раз сметет.

А там — за наган... Пустое!
Лучше эмблемы нет:
Снег на горах и хвоя —
Бело-зеленый цвет.

III

И совсем как тогда, под елью
(Над бровями лишь новый шрам),
Ты меришь ногами келью,
Что дали монахи нам.

Сегодня, мгновенно тая, —
Снежинки... О, в первый раз!..
И мы за стеной Китая
О прошлом ведем рассказ...

Обыденность буден сжала,
Как келья, былую ширь...
На стене — портрет Адмирала

Из книги: «Колчак, Сибирь».

И рядом с ним — твой Георгий,
Символ боев и ран...
— В городах выставляют в морге
Неопознанных горожан...

— Как сон, помню: шли без счета,
И в небе — горящий шар...
...И труп мой от пулемета
Отбросил в снег комиссар...

Бэй-Гуань, Пекинский монастырь

КОНЕЦ ПУТИ

В смятеньи своем ничему не веря,
По привычке призываю Тебя, Бог!
Я подобен раненому зверю,
Который заполз умереть в лог.

Над ним пылает небо, а в небе
Кружит коршун и зорко ждет...
Я мало думал о насущном хлебе,
И вот, Господи, пришел мой черед.

К чему же слова о лилиях долины,
И о тех, что не сеют и не жнут?
Как рабы, согнули мы спины,
И гуляет по ним — Твой кнут.

Не дай видеть кровавые извивы,
Которые на потном теле вижу я...
Если слова Твои справедливы,
Если безгранична милость Твоя,

Дай умереть свободным, как даешь зверю, —
Заползти поглубже в чащу кустов!..
...Ибо — я ничему не верю.
Не хочу собирать Твоих цветов.

Бэй-Гуань, Пекинский монастырь

ПЕСКИ

С тех времен, когда люди топором из нефрита
Убивали, сражаясь, в тьме зловонных пещер,
Смерть героев далеких была так же повита
Ароматом курений нам неведомых вер.

Может быть, в тонком слое попираемой пыли —
Их заветные мысли, стоны их матерей!
Может быть, эти люди никогда здесь не жили

Или ныне на дне мы их бездонных морей.

Много песен пропели на могильниках барды
С той поры, когда поднят был впервые топор.
Кто проникнет в былое, где прошли миллиарды,
Где словами насыщен беспредельный простор?

Так и ты, и народ твой, и столетья, и эры
Могут в общем движеньи промелькнуть без следа,
И о павших героях, как о людях пещеры,
Ничего не узнают. Ничего. Никогда.

Ставка Цеценхана, Монголия

ДРАКОН, ПОЖИРАЮЩИЙ СОЛНЦЕ

На желтом журавле муж древности поднялся
К серебристым облакам. Здесь только басни след...
Назад журавль не возвращался.
...А облака клубятся много тысяч лет.

Цуй-Хао. Танская династия

I

Вспомни

вечер,

когда над городом

плыли

отдаленные зовы

кумирни

«Утраченной Радости».

Чужие слова и речи.

Пыль чужих дорог.

В древних кумирнях жгу свечи

Тебе, Великий Бог!

Но, слушая гонга удары

С тысячелетних стен,

Помню родные пожары

И свой безысходный плен.

Зачах в нестерпимом зное

День. Не вернется назад...

На все бросает Чужое

Свой равнодушный взгляд.

За мной — разоренные гнезда

Опустошенной земли...

...Только родные звезды

Сияют вдали... вдали...

II

Серые камни

разрушенных башен

по склонам

исчезающих в сумерках

гор.

Со мною поэма

господина Ли-Чи.

«Мы не видели солнца. Утесы

Днем в кострах: за дозором — дозор...

Упадали кровавые росы.

В желтых сумерках — с гор.

Звуки труб на заре трепетали

В ветре резком, несущем песок.

В те края, где багровые дали

Намечали во мгле восток.

Там, за рябью холмистых складок,
Небо слито с концом земли...
Ничего, кроме наших палаток.
За тысячи тысяч ли!

И песок желтизной налета,
Прилетев от пустынь, осел,
На могилы, что мы без счета
Разбросали... Где их предел?

Все мечты о тебе!.. Из тумана
Звуки лютни прорежут мглу...
О, я знаю, берет из колчана
Дикий всадник в тот миг стрелу!

Скоро сердце послужит целью,
Вдруг наступит и мой черед...
Этой дикой скалистой щелью
Мы сегодня займем проход.

Коршун! Коршун! На камнях склона
Видишь трупы? При них — мечи.
Ты поведал мне „Песни Дракона“, —
Так когда-то писал Ли-Чи.

...Бесцельный день, бесцельный, как вчерашний.
Как завтрашний... Багровый фон,
И на скале чернеет остов башни —
Тысячелетний, смутный сон.

И вижу я: сомкнув стеной утесы,
Разбросив башни, ждут... И гарь
Приносит весть: «Иду на вас, раскосый,
В песках пустынь родившийся дикарь!»

Со стен следит огни и слышит ржанье
Дозор ночной. Врагов не счесть.
И, как сейчас, холодных звезд мерцанье
Над ним. Так будет, было, есть.

Мой день — день умирает. Еле-еле
Очерчен башен силуэт...
И я заполз. В какой-то дикой щели
Лечусь от ран. Воскресну? — Нет!

И для той, кто в тоске безмерной,
При тусклом огне свечи
Осталась до смерти верной,
Написал когда-то Ли-Чи:

«Вдруг я понял: стал путь короче
Здесь сведу я последний счет...
В небе жалобный крик — до ночи
Этот дикий гусиный лет.

Ветер кедры в горах, как трости,
На пути от пустынь сломил.
Не отдаст безымянные кости
Ненасытная пасть могил.

О, я знаю, ты плачешь, верно, —
Ибо сердце всегда болит,
Когда в гонг ударяешь мерно
Ты в пыли полустертых плит!

Много лет посветишь богомолью,
Пока ветер, слетев с вершин,
Желтой пылью обдаст, как молью,
На пути твой резной паланкин

И расскажет о горькой были
Сердцу, тихо вздохнув: „Остынь!“»
...Мы коней в эту ночь поили
В зарубежной «Реке Пустынь».

И друг другу в тиши отвечали
Взоры, встретясь: «Сам знаю... молчи!»
«Это были года печали», —
Добавляет поэт Ли-Чи.

III

«Цветущий на заре лотос» —

Императрица.

Будущая императрица

в пыли улиц

продает дыни

у Семи Ворот.

«Ломти сочной янтарной дыни

Разложу у Семи Ворот...

(Называются так доныне

Эти арки из года в год).

Оборванец, покрытый потом,
Сильный, крепкий и весь в пыли,
Подбегает к моим воротам,
Пробежавши десятки ли.

Там, у ручек резных паланкина,
Оборванцы другие ждут,
Ибо сердце сейчас мандарина
Все во власти Святых Минут.

Власть молитв... Колокольчик в храме
Продолжает еще звенеть,
Пока пьешь ты двумя глотками,
Вынимая поспешно медь.

О, невольная дань святыне —
Мой глубокий, мой тихий вздох!..
„Этот ломоть янтарной дыни
Будет стоять тебе лишь чох.

Ты смеешься, а я... заплачу;
Ничего для тебя здесь нет!“ —
И бросаю к ногам я сдачу
Связкой стертых слепых монет:

Если б я была бы царицей
И был у меня паланкин,
Разукрашенный райской птицей, —
Ты бы нес его, господин!»

Мандарин,

пораженный красотой

маленькой продавщицы,

увозит ее

во дворец.

И когда проходили мимо

Любопытством горящих глаз,

Кем-то властным был дан незримо

Задержать паланкин приказ.

Мандарина мне стало видно,

Я упала к его ногам:

«Повелитель, смеяться стыдно.

О, я видела знатных дам!

Забинтованы ножки туго,

Отдыхают по целым дням,

С детских лет не изведав луга,

И не бегая по камням.

Мои ноги большие босы,
Я не знаю — кто мой отец,
Заплетают мне ветер косы, —
Как поеду я во дворец?!»

Как могла я противиться? Строго
Мандарином приказ был дан.
...И теперь я подруга бога,
Покорителя многих стран...

Но моим дорогим воротам,
Где когда-то давал мне медь
Оборванец, покрытый потом,
Моя песня должна звенеть:

«Если б я была бы царицей,
И был у меня паланкин,
Разукрашенный райской птицей,
Ты бы нес его, господин!»

IV

Лучи

заходящего солнца

озаряют

низкорослые

сосны над мрамором

гробниц.

...Усталый, я сел на обломок гранита,

Снял шляпу... Буддийский монах,

Изможденный старик, еле слышно

Прочел полустертую надпись:

«Один —

Ищет только любви

И не находит

В частых сменах женщин всех рас...

Другой — мечтает о золоте

И избивает рабов

В сырых рудниках далеких северных гор

Или запирается в душных лавках,

Продает и меняет

И думает все купить...

Третий — ищет лишь славы,

Если он честен... Или думает мир поразить

Необычайным и новым,

Как будто бы все не исчерпано в мире до дна!

Люди живут,

Ибо жить надо.

А ты?

Ты мечешься на перепутьях

И, изведав много дорог,
В лучах заходящего солнца
По стертým другими плитам
Вдруг находишь забытый путь
Сюда — под вечные сосны»...
...Когда ветер колышет колокольчики,
В виде древнего лотоса
На крыше храма —
Они издают мелодичный звон.

Калган, ущелье Северного Китая

ДЫМНЫЙ СЛЕД

Да, ты прав. Мы в тумане, мы не знаем, не верим...
Догорают пожары. Искры гаснут. Темно.
Мы привыкли с тобой к ежедневным потерям.
Нам с тобой — все равно!

Наш кошмар неизменен: за уступом — уступы,
Уходящие в сумрак, и по ним мы идем.
Каждый шаг окровавлен. Эти бледные трупы,
Может быть, — чернозем.

«Быть ступенью для многих»... Даже в прежнем, любимом,
Мы не ищем защиты. Искры гаснут. Темно.
Мы с родимых пожарищ, мы пропитаны дымом...
Нам с тобой — все равно!

Кобэ, Япония

В КИТАЙСКОМ ПАВИЛЬОНЕ

Полюбил ее бродяга и повеса,
Дом которого — «Земля под небесами»...
Ах, «Колокольчики» — маленькая принцесса
С такими суженными азиатскими глазами!

Принцесса «Колокольчики» — еще совсем ребенок,
Ей не исполнилось четырнадцати весен,
И для нее, как говорит поэт: «Звонок Ветер,
перебирающий струны сосен».

Гадает месяц в воде отражением,
Говорят о счастье храмовой завесы складки:
Для принцессы «Колокольчики» — все полно значением
Какой-то жуткой и радостной загадки.

Как ребенка, но страстно и грубо
Принцессу «Колокольчики» берет на колени
И терзает поцелуем губы Марко
Поло — искатель приключений.

Сын расы — новой и полнокровной,

Не дающий, но взять всегда готовый, —
Для него столетья поступью ровной
Не проходят: «День его — день новый»...

Смуглую грудь прикрывает она руками,
Но разве оттолкнуть его — в ее власти?
...И на Марко Поло глядят суженными глазами
Тысячелетья и провалы иной страсти.

ГОБИЙСКИЕ ПЕСКИ

Все это началось не нами,
И людей прошло — тьма тем...
Что делать с мускулистыми руками,
С косматым сердцем — все тем же и не тем?

Пусты проходят в мелкой радости и злобе
Дни наши, пустотой звеня:
Не раз пересек я — свою Гоби,
И гобийский песок изранил меня.

О, пращур мой, с топором кремневым!
Твой зычный голос в веках не смолк,
И во мне — современном и новом, —
Такой же притаился волк.

Хотел бы я любить иначе,
Но любовь жжет первобытным огнем.
И если ты не только зрячий,
Но и сильный — погибнешь в нем.

Прикрывайтесь лживыми словами,
Говорите о том, чего нет.
Но знайте, начался не нами
В песках, — тысячелетний след!

ПРОСТЫЕ СТРОКИ

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго.

Н. Гумилев

О, да, я знаю, получив ответ,
Прочту, подумаю: «Вы правы».
И все ж мне будет даже Ваше «нет»
Дороже «родины и славы».

Так ослепителен, так бел

Цветущий снег акаций... Им усеян
Наш дикий сад. И потому я смел
И, как сказали Вы, «рассеян».

Для тех, кто спит, — нисходит сон
И тишина на крыльях звездной ночи.
Сквозь предрассветный легкий звон
Я слышу: «Дни чем ближе, тем короче».

«Любовь — как ночью вдалеке
Огни судов, мелькнувших ало...»
...Сжав Ваши пальчики в руке,
сказать о ней Вам тихо и устало...

...Дорогу, зной, безумно яркий свет
И звон цепей (Сомненья? Долга?)
И я, и Вы, сказавшая мне «нет»,
Мы — будем помнить долго, долго...

ЗВЕЗДОНОСЕЦ

Парад на экране

Ты живешь и кажешься даже сытым,
У тебя такие же, как у нас были, винтовка и штык,
И не словам, от употребления избитым,

Прервать твой звериный зык.

В странное мы живем время,
И многое суждено нам увидеть наяву.
В тучную землю бросили семя
Проклятые буквы «Гэ-пэ-у».

Одинаково — злодея и праведника венчают
Топор гильотины или пламя на костре...
Воскресенья мертвых чаю И
о Суде думаю на заре.

Но можешь ли ты есть, когда голодают дети?
Когда у них нет ничего, кроме нор?
Ты, обшаривающий клетки
В доме собственном, — вор.

Иностранцам для доказательства теоремы
Необходима узость глаз твоих и ширина скул...
Звезды. Коммунистические шлемы.
От солдатских ног — миллионный гул.

ГЕОРГИЙ ГРАНИН

ДАНТОН

Лариссе Андерсен

Жизнь швырять

В

Сумасшедшем азарте.

Гильотинным заревом

Заливать крыши

Раздираемого

На тысячи партий

Революционного Парижа.

Воскрешать легенды

О диких гуннах.

Создавать свои

Вековые легенды.

Потрясать

Оборванцев

На старых трибунах.

Потрясать

Меднолобых

Членов Конвента.

Напоминать циклопических великанов.

Возвышать на бульварах

Заросшее темя

И

Однажды,

Разом,

Сорваться,

Канув
Прямо в какую-то
Тихую темень.
Прямо туда,
Где мечтают пальцы,
Где думают предки на старых картонах.
Где будут
Холёные
Нежные
Пальцы
Распутывать космы
Бродяги Дантона.
И думать:
Ничто без тебя
Не стронется.
Никто такого рыка
Толпе
Не сможет дать.
Потому что —
Раз Дантон
Идет к любовнице,
Революция может
Подождать.
И однажды,
Проснувшись,
Увидеть,
Что серо
Парижское утро
И не на что
Больше надеяться.

Потому что
В дверях
С приказом
Робеспьера
Стоят
Национальные гвардейцы.
И однажды
Взглянуть
На знакомую площадь
С загудевшим
И сразу
Затихнувшим шумом,
И подумать, что
Жизнь
Это, в сущности, —
Проще,
Чем об этом
Принято думать,
И,
Увидевши смерть
Неприкрашенной,
Голой,
Бросить глоткой
В века
Несравненно простое:
— Робеспьер.
Покажи народу
Мою голову.
Клянусь.

Она!

Этого!

Стоит!

Март 1932 Георгий Гранин

РОССИЯ

А вдруг и — вправду была Россия,

Россия: пламя, вихрь, огонь!

Обожженных степей парусина,

Табунов длинногривых разгон?

А вдруг и тлел в сумасшедшем утре

Пригреваемый пласт реки?

Полыни горьковатые кудри?

Ошарашенных ветл парики?

А — вдруг и было золото звонов,

Когда колыхалась рожь.

Тайга Сибири, Байкал бездонный

И вправду был чудно хорош?

А если были и впрямь озера,

Реки, что краше в свете нет,

Моря, березы, опушки бора,
Заплетенные в лунный свет?

А — вдруг и правда были черешни,
Журавлей треугольный лет.
Песни. Бурливо стронутый вешний
Бултыхающий звонко лед?

А — вдруг?.. Нет. Молчи, молчи. Не надо.
Ты слышишь — так не может быть.
Почему же тогда мои серенады
Печали — не кличи борьбы?

Почему же тогда, словно моллюска,
Я ношу заклепанный шлем?
Отчего тогда о жизни русской
Не пишу великих поэм?

Но если вправду была Россия
В пшенице, во ржи и в овсе,
Ведь тогда ж мы семья, мы — родные —
Родные — ты слышишь ли — все!

«Где-то там кудрявой пеной вьется...»

Где-то там кудрявой пеной вьется
Тихий дым над синим цинком крыши.
Где-то там у старого колодца
Летним зноем сруб до черни выжжен.

Наклонилась старая беседка
Прямо к длинной разноцветной клумбе.
Из вьюнов зеленая эгретка
Распустилась на уютной тумбе.

Как всегда, трепещут на осине
Желтизной расцвеченные листья.
Небо — сине, и спокойно сини
Присмирившие, простые мысли.

Тех же сопки золотых овалы
Сторожат долинную окрестность...
В этих сопках где-то затерялось
И мое взлохмаченное детство.

«Ничего не сказать. Ничего не ответить...»

Ничего не сказать. Ничего не ответить,
Только б выдумать как-нибудь эту любовь.

Это солнце полярное в сумрачном свете —
Над вершинами черных полярных дубов.

Только б выдумать это последнее имя.
Только б как-нибудь, разом, нелепо узнать,
Что зима отмахала плащами седыми,
Что пришла безудержная злая весна.

Только мыслить, сначала достичь лучезарность.
Только рваться, но к ней никогда не прийти.
Только тайно скрывать золотую бездарность
И нелепое сердце терять по пути.

Ничего не понять. Ничего не измерить.
Никого не убить. Никого не пронзить.
Ничего не достать. Ни во что не поверить
И по черным асфальтам пытливо скользить.

Только жить. Только знать сумасшедшее имя,
Неповторимое имя, как солнечный дым.
Только думать, что кто-нибудь сердце подымет.
Только думать, что ты вдалеке и с другим.

Только с болью твердить сумасшедшее имя
И однажды шутя «умереть молодым».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Остановится сердце... И поезд
под размерные стуки колес
опояшет рассчитанный пояс,
поднимаясь на длинный откос.

Остановится сердце... И странно,
на краю светозарных небес
из обрывков седого тумана
замаячит знакомый разъезд.

И тогда, в этот радостный вечер,
по дороге знакомой — назад! —
разогнутся сутулые плечи,
прояснится опущенный взгляд.

«Пусть ничего и не было на свете...»

Пусть ничего и не было на свете;

Но вечер был.

И тьма была.

И — ты.

Пусть ничего. Пусть это только ветер
Шумит, пригнув осенние цветы.

Пусть ничего. Пусть это только снится,
Поэтам часто снятся по ночам
Над горизонтом редкие зарницы
И голубые розы у плеча.

Глухая полночь вовсе не ответит.
Не шелохнутся крылья темноты...

А ничего и не было на свете,
Лишь вечер был.
Лишь тьма была.
Лишь — ты.

СКАЗКА

Солнце?.. — что нам солнце!
Сердце? — все равно
Сердце не проснется
Умерших давно.

Разве вспомнятся
Тропы в старый сад...
Только — не вернуться
Никогда назад!

Где-то люди спорят
О своей борьбе.
Где-то гибнут в море,
Покорясь судьбе...

Вычищенной пустошью
Мир вокруг меня.
И одно искусство
Не на что менять.

Волки и медведи,
Черти и яги —
Самые на свете
Страшные враги.

Снег летит. С деревьев
Виснет, грусть тая... —
А Иван-царевич
Это — будто я.

«За ваше холодное имя...»

I

За ваше холодное имя,
За ваши холодные плечи
Закатную чашу подымет,
Наверное, завтрашний ветер.

И мальчик — немудрый и юный —

Уйдет в безутешное море
И в топкие, влажные дюны
Зароет последнее горе.

И будет светиться в тумане

Вода голубым перламутром,
И ночь промелькнет, и настанет
Веселое летнее утро.

А вас уже кто-то отнимет,

А после, любя, искалечит
И ваше холодное имя,
И ваши холодные плечи.

II

Ничего: веселись и безумствуй,
Ничего, если ты для стихов,

Если ты для святого искусства
Не чернила изводишь, а кровь.

Ничего, если даже смешон ты,
Ничего, что в душе кочевой
Только светлая память о ком-то,
Ничего, что крадут Джиоконду:
Ничего.

УТРОМ У РЕКИ

Сегодня утро рыжекудрое
горит на солнечной реке,
и что-то радостно-немудрое
поет китаец вдалеке.

Переливаясь — валик к валику, —
вода струится так легко,
а я слежу за красным маленьким
задумавшимся поплавком.

От камышовой гибкой удочки
в воде — колеблющийся след...
Вот так, не думая о будущем,
я просидел бы сотни лет,

смотря, как облачное кружево
дробится в медленной реке...
...А имя ваше — как жемчужина,
потерянная на песке.

РАССКАЗ

Освободилась душа от пут
Годами накопленной боли.
Не замечается бег минут,
Слишком ценимых дотолле.

В молниеносном полете строк
Вычерчиваются герои
И в недоступное, в свой мирок
Мне двери откроют.

Там — неизведанная страна,
В нее — без оглядки — слепо!
Сумасшедшая тишина.
Звезды. Небо.

«Ты — юная, ты — стройная, как ель...»

Ты — юная, ты — стройная, как ель,
Ты — грозная, как туча громовая,
Ликуй, о Русь, о Родина святая,
Моих отцов родная колыбель.
О, кто с Тобой осмелится сразиться?
Души Твоей кто снизит вышину,
Кто дум Твоих измерит глубину,
С красой Твоей, скажи мне, — кто сравнится?
Великая, к Тебе все вновь и вновь
Мечты моей невольное стремленье,
Тебе одной души моей моление,
И жизнь, и крест, и вера, и любовь!

ДВА ХРАМА

Высокое унижится, а униженное возвысится. Пророк Иеремия

В селе Зо-Сэ, у вод канала,
Где зеленеет юный рис,
Где почва глиниста и ала,
Вознесся гордый кипарис.
За ним кустарник и поляны
Вели к далекому холму;

Тропа, ведущая к нему,
Покрылася травюю пряной
И редко кто ходил по ней
К его тенистому подножью.
Там, в гуще вековых ветвей,
Спала кумирня. Слову Божью
Угодно было там создать
Обитель для сердец забытых,
Но чудно охраняли быт их
Познание и Благодать.

Вокруг кумирни молчаливой
Росли платаны, бамбуки,
И ветер солнечный под ивой
Лениво шевелил ростки;
Порою веяло сиренью
И легким ароматом роз,
И все кругом, в тени мимоз,
Сдавалось горнему смиренью.
Как будто бы Господний Дух
Струился сквозь листву лучами
И реющею тайной двух
Роднил кумирню с небесами;
Как будто луч одушевлен
И полн неизреченной славы,
И Царство неземной державы
Как будто возвещает он.

В прозрачный час, когда светило
Пронзало голубой эфир
И знойно с высоты струило
Потоки золотых рапир;
В тот час, когда в сознании новом
Для жизни пробуждался мир
И животворный эликсир
В сердцах преображался Словом —
Монах молитвой вековой
Творил обет с душою мирной,
И дерево своей листвою
Склонялось тихо над кумирней,
А ветер, устремляясь ввысь,
Молитву уносил на небо
И очарованное небо
Лазурью одевало высь.

До полудня монах забытый
Пред бронзой Гаотамы пел;
Он пел о мощи Божьей свиты,
О благости Господних дел,
О том, что светел мир незримый.
Что в час последнего суда
Утихнет грешная вражда
И заликуют серафимы.
Его великие слова
В святой тиши не умирали:
О, нет, ловила их молва
Сквозь двери сердца в час печали!

Слова великие его,
Летая в океане духа,
Касались святого слуха
Уверовавших в Божество.

Да, чудно выростали Братства
Во всех концах седой земли,
И гнет разврата и богатства
Затмить лампы не могли;
Неуловимыми путями
Святая близится пора,
И солнце нового утра
Горит духовными лучами!
Ничто не остановит их,
Избранников Креста и Слова,
Победоносен Божий Стих,
И день восторжествует снова!
Ни блеск церковных куполов,
Ни стоны смерти и мучений,
Ни гордый возглас лжеучений
Не затемнят Господних Слов!

Смотри: лишь осень наступила,
Лишь пожелтел покров ветвей,
Лишь снова солнечная сила
Для отдыха своих лучей
Легла на пасмурные тучи —
К холму явился гордый гость:

Великий Инквизитор! Злость
Промчалась молвой летучей
По всем окрестным деревням:
«Католик хочет на вершине
Построить золотистый Храм.
Католик бродит по долине!
На холм возносит он гранит!
С рабочими пришел ученый,
И скоро купол золоченый
Вонзится царственно в зенит!»

О, славный холм! Ты волей Рока
Два храма мирно приютил:
Внизу, у ног — алтарь Востока,
Вверху — твердыня чуждых сил!
Один вознесся горделиво,
Горя короной золотой;
Другой, и кроткий, и простой,
В листве покоится стыдливо.
Один — бедняк, другой — богат
И смотрит гордо в глубь вселенной;
Один, как милосердный Брат,
Другой — Наставник Дерзновенный!
Вверху — блестит, звенят слова,
Но веет строгостью мороза;
Внизу — тепло, растет мимоза
И вечно юная трава...

...Промчался век. Вокруг кумирни
Все так же тихо. Как тогда,
Несется к небу голос мирный;
В канале плещется вода.
Другой монах другого века
Поет, что дед его певал,
И так же радостен хорал
Надежд святого человека.
Лишь розы будто бы нежней.
Лишь тень прозрачней и живее,
И ветер кажется дружней,
Отрадной ласковостью вея.
Как будто ясный небосклон
Спустился ближе к ветхой крыше,
И льется звонче, льется выше
Весенний птичий перезвон!

Но что чернеет за оградой?
Большие глыбы здесь и там
Лежат разрушенной громадой.
Прижавшись к вековым стволам!
Кто их занес сюда? Откуда?
Где возвышались они?
В какой стране, в какие дни
К зениту возносилась груда?
Вот здесь, под саваном теней,
Лежат, блистая позолотой,
Осколки сброшенных камней
И утварь мастерской работы;

А дальше — статуи лежат
И колокол блистает гладкий,
И все — лишь жалкие остатки
Когда-то царственных громад.

Печален был рассказ монаха.
Он молвил: «Раньше на горе,
Не чуя перед Буддой страха,
Католик жил в монастыре.
Он нас топтал. Да, но однажды
Раздался ночью страшный гром,
И почва затряслась. Потом
Огонь небес ударил дважды,
И глыбы сокрушенных груд
Мгновенно сорвались с вершины
И, сталкиваясь там и тут,
Скатились с грохотом в долины.
Как видишь, наш любимый храм,
В ту полночь не задела груды,
И мы, как встарь, пред ликом Будды
Возносим славу Небесам!»

1930 Шанхай

ПРОСТРАНСТВО

Смотри, как в немом пространстве
Веленьем вселенской игры
Парят в золотом убранстве

Сияющие миры.

Мы думали долго и много
О них, наполняющих взор,
И стала ясна нам дорога,
Ведущая в звездный простор.

Но грозную бездну простора
Скажи, кто из смертных постиг,
Кто светом свободного взора
В начало пространства проник,

Кто понял бездонность свободы
Торжественной пустоты,
Извечную дивную оду
Безгранной тишайшей мечты?

Простора надзвездная вечность,
Что может быть вне тебя?
Обнявшей и бесконечность,
И атомы бытия?

Не Ты ли, как Знак Искомый,
Без Имени, без Числа,
От века нам тайно знакомый,

Но скрытый от взоров зла?

Не Ты ли, о Вездесущий,
Просторам пустоты
Вещаешь о правде сущей,
Чье вечное Имя — Ты.

СТАНСЫ

Не говори, молчи... Души твоей больной
Ничто, ничто уже не успокоит, —
В ней ночь и мрак, в ней черный ветер воет
И месть клокочет тайною мечтой.

Все то, чем жил, что радовало око,
Поругано, изъедено червем;
Ты сир и наг, но, как полночный гром,
Ты носишь мощь невидимого Рока.

Пусть все вокруг — тлетворный мир теней,
Пусть жизнь черна и в сердце — черный холод.
Пусть... Для тебя святыней стали голод
И этот мрак, который дня светлей!

Гори, душа; пылай в огне боренья,
Отчаяньем и мукою пылай,
Я верую, я знаю — будет Рай,
И смертью свершится воскресенье!

ОНА

В мгновенья золотой печали,
В пустынной тишине ночей
Твой светлый образ рисовали
Мне духи юности моей.

Ты мне являлась из тумана,
Как заколдованная лань,
Ты приносила без обмана
Свою таинственную дань:

И в сердце проносились зовы,
И видел я тогда душой
Чистейший храм святости новой,
Святейший лик любви земной.

Но вот проходит жизнь земная,
Тоска, как червь, съедает грудь.
Ты не явилась мне, родная,

И я один свершаю путь.

В мгновенья золотой печали,
В пустынной тишине ночей
Зачем так ласково звучали
Призывы красоты твоей?

Зачем, явив святую милость,
Зачем, блеснув в лучах огня,
Ты не пришла, не воплотилась
Для чар земного бытия?

Тоска, как червь, съедает душу,
Слеза спадает в пустоту,
Но образ твой я не разрушу,
Как не разрушишь ты мечту!

СТАРЫЙ ДОМ

Четверть века прошло вне родного крыльца,
И вот возвращаюсь я в домик отца;

Но отца уже нет, мать давно умерла,
И сестра, что постарше, — та тоже ушла.

Вот некогда малая наша сосна;
Как мачта, теперь величава она.

Не знала она ни потерь, ни тревог,
Ее не ломали ни мысли, ни рок —

Лишь ветер ее мимоходом ласкал
И стройные ветви безмолвно качал;

Вот старый ручей, что журчал под окном,
Все так же журчит он — кто знает, о чем?

И месяц восходит, над крышей родной
Все так же, все так же, как юной порой.

Все так же земля вековая живет,
Все тот же над домом ночной небосвод,

И ты лишь, бездомное сердце мое,
Не то, чем ты было, — не то, друг, не то!

Того, кто здесь жил, кто с тобою делил
Надежды и сны чуть проснувшихся сил,

Здесь нет уж давно! И не встретишь ты их
Никогда, никогда в этом мире живых!

Только вот — на стене — вижу строчки, черты.
Это ты ли, сестра, записала мечты?

Вот и все, что осталось под крышей родной
От тех, кто ушел невозвратной тропой, —

И боль разрывает тебя на куски,
И руки покрепче сжимают виски,

И мысли, как дождик осенней порой,
Стучатся, щемят безысходной тоской.

Не надо, не надо! Не думай, молчи —
Зажжешь ли ты думой огарок свечи?

Нет, сердцу лишь сердце расскажет опять —
О том, что наш разум не может понять,

Лишь сердце тишайшей волною любви
Настигнет ушедшие звуки земли;

И люди, и мысли, и дни, и века
Уйдут в быстротечность, как сон, как река,

И ты лишь, святая земная любовь,
Лишь ты, в некоей тайне рождаясь все вновь,

Утешишь, поймешь, окрылишь тишиной,
Прозрачной, как небо, нежнейшей слезой,

И жизнь, славословя твой тихий полет,
Над смертью, над смертью тебя вознесет!

1947 Моканшан, Китай

ЕЛЕНА ДАЛЬ

ПИСЬМО ИЗ АФРИКИ

Из Африки письмо я получила.

Знакомый почерк — юношеских лет

Подруга пишет: «С царственного Нила
Я запоздалый шлю тебе привет!

Я — замужем. Живу неплохо с мужем.
Четвертый год — в тропической жаре!
Но ничего, здоровы и не тужим —
Не вреден климат нашей детворе.

Детишек двое — крепыши! Людмиле
Четвертый год, а Игорю шестой...
Ах, где мы только с ними ни бродили,
Пока попали в уголок живой!

И я учу их языку родному
И говорю, что мы в гостях пока,
Что мы вернемся к берегу иному,
Где льется Волга, русская река,

Что в ней купаться можно без опаски —
Что крокодилов не бывало в ней.
И, раскрывая удивленно глазки,
Внимают дети повести моей.

Отец в отъезде — новую дорогу
Проводит там, где бродит только зверь;

А я в детей вливаю понемногу
То, что зовется русскостью теперь.

Лишь одного растолковать не в силах,
И ребятишкам не понять вовек,
Что с ноября, когда у нас так мило,
Уже Россию покрывает снег...

Не видел снега, с сахарною пудрой
Наивно дети путают его,
Поэтому Людмиле златокудрой
Все сахарное снится Рождество!

Все русское для них я собираю —
По капелькам, по крошечкам коплю!
Я их сердца верну родному краю —
Моей стране, которую люблю!

Теперь — прощай! Подружкам — по поклону,
Целую всех, как целовала встарь.
Пожалуйста, пришли ты мне икону
Спасителя, а детворе — букварь...»

Я плакала, письмо читая. Ожил
Весь мир души, и пела тишина:

«Мы — слабые, мы — женщины, но все же
России не изменит ни одна!»

ВТОРОЙ РОДИНЕ

Путь изгнанья мне судьбой отмерен,
Но скажите, в чем моя вина,
Что отец мой Родине был верен,
Что я свято прошлому верна?

Пал отец мой, воин государев,
Распростерлась надо мною мгла —
В отблесках неугасимых зарев
Сколько лет сироткой я жила!

Русской бури путь зловещ и долог,
Но меня, как тысячи других,
Ты, Харбин, родной земли осколок,
Защитил, укрыл от вихрей злых.

Ничего родного не лишая,
Ты меня, ребенка, приютил,
И росла я, выросла большая,
Набралась необходимых сил.

За годиною пронеслась година —
Мирный труд, покой и благодать...
В Харбине я вырастила сына,
В Харбине похоронила мать.

И теперь ни от кого не скрою,
Милым городом покорена,
Что мне стала Родиной второю
Приютившая меня страна.

Двадцать лет живу я русским бытом,
Ту же душу русскую ношу,
И на языке непозабытом
Говорю и вот — стихи пишу.

И в родном, в своем любимом храме,
В теплом блеске золотых огней
Я ведь так же плачу, как о маме,
О России — мачехе моей!

МОЕМУ ВЕЧЕРУ

Я шла над рекою. В оранжевых красках заката
Была теплота наступающей ранней весны,

И мне показалось, что этот же вечер когда-то
Уже пролетал надо мной на крылах тишины.

Вот именно так же влюбленное сердце томилось,
И так же пылал лучезарный вечерний закат...
Куда это скрылось? Откуда опять возвратилось?
Угасшие грезы зачем мою память томят?

Когда это было? С каким позабытым закатом
Сроднил меня вечер и снежная эта река?
Не в юности ль только желанье бывает крылатым,
А нежность, как птица, как смелая птица, — легка.

Теперь же все это лишь горько, язвительно дразнит,
Усталая, ноет тоской истомленная грудь,
И все-таки, Боже, ужели не радостный праздник
Былым, позабытым свободно и вольно вздохнуть?

Спасибо, мой вечер, за отблеск былого, за пламя
В его отраженьи, овеявшем эту зарю, —
За нежно ожившую и зазвучавшую память
Тебя я стихами отблагодарю.

СТАРЫЙ ЗВОНАРЬ

— Эй, посылай на смену.

Старый звонарь отзвонил!

В. Короленко

Много на сердце таилось печального —

Ближих обида, и слезы, и гнев,

В эту чудесную ночь пасхальную

Все заслонил колокольный напев.

Тронула щеки слеза подневольная —

С горьким покончено... горькое — сон!..

Сердцем его стала песнь колокольная —

Радость, любовь, умиление — звон.

Душу родило какую-то новую

В этот прекрасный торжественный час...

Счеты покончив с дорогой терновой,

Он христиански с любовью погас.

ФАИНА ДМИТРИЕВА

ГОЛУБЫЕ ДОРОГИ

Бродить по голубым дорогам,
Затерянным в лесных кустах,
С душой, наполненной восторгом,
С улыбкой детской на устах.

Жизнь принимать, как дар от Бога,
Забыть о муках и о зле,
Не помнить о своих тревогах,
Прижавшись ласково к скале.

На сером камне высечь имя,
Которое в душе звенит,
Губами, от жары сухими,
Коснуться каменных ланит.

И вновь идти по косогорам,
Чтоб с высоты увидеть синь
Сбегающих к речным просторам
Темнеющих вдали пустынь.

И так стоять в закатном свете,
Светиться радостью самой,
Пока прохладный горный ветер
Не позовет: «Пора домой!»

ОСЕННИЙ ЗАКАТ

Над домом царственно-густой короной
Раскинулась высокая береза,
Она в тоске осенней примиренной
Роняет тихо золотые слезы
И скорбно, скорбно шелестит ветвями,
Вбирая нежные лучи заката...
Сегодня я больна тоской и Вами,
Как я была больна уже когда-то.
И я сама себе кажусь осенней,
Усталой, примиренной, одинокой,
И от ресниц моих ложатся тени
На золотые от заката щеки.
Багряных сопок призрачные дали,
На них скалистые немые замки...
Мне хочется забыться от печали.
Мне так мучительно чего-то жалко.
Прервать стараюсь мыслей вереницы,
Уйти от их мучительного плена,
Полузакрыв усталые ресницы
И хмуря брови тонкие надменно.
Последний золотистый луч целую,
Как будто Вас в дорогу провожаю.
И Вас сегодня, может быть, люблю я,
А может быть, и нет, сама не знаю.
Быть может, прошлому ищу забвенья.
Лаская взглядом нежную березу,
И, как она, с печальным примиреньем

Роняю медленно скупые слезы.

ОСЕНЬЮ

Дыханье осени пришло в окно,
И в примиренном чувстве та же осень...
И так понятно мне теперь одно —
Что сердце ничего уже не просит.

Спокойствие, усталость, тишина.
Букеты астр, разбросанные в вазах,
И ветра шум — в растущих у окна
Зеленых, не осыпавшихся вязах.

Вот так сидеть... Побывать совсем одной
С своими мыслями хоть миг короткий...
Ждать сумерек... и в памяти больной
Перебирать воспоминаний четки.

И оборвать, как в музыке аккорд.
Так и бывшее оборвалось разом.
Я ощущаю осени приход,
Перебирая тихо астры в вазах.

СНЕЖНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Деревья дремлют в белом серебре,
Земля окутана пушистой ватой...
Как хорошо стать лучше и добрей
И чувствовать себя с тобой богатой.

Спешить домой, где в мягком свете глаз
Все обрести, чего недоставало.
Мне все понятно: этот нежный час
И что для счастья нужно очень мало.

Я научилась быть совсем простой
И ничего не требовать у Бога.
Сегодня вечер сумрачно-густой
И мягкая баюкает дорога.

Искристой бабочкой кружится снег
И тает на губах, как поцелуи.
Я принесу тебе счастливый смех
И сквозь снежинки нежно поцелую.

НЕОНОВЫЙ СНЕГ

На голубом — причудливые блики,
Их отражения на встречных лицах.
Ты рядом, странно новый и двуликий,
И бархатные шепчутся ресницы.

И взгляд твой потемневший, незнакомый,
В нем заблудились золото и краски.
Ты не таким со мной бываешь дома,
Лицо как будто скрыто полумаской.

И все кругом, как сон... Фата-моргана.
На белом кружеве алеют маки.
Вдали маячат контуры экрана
И огненные вспыхивают знаки.

Идем в молчаньи... Снеговые волны
Потоком белым вырвались из плена.
И отсветом невидимого горна
На них блуждает розовая пена.

БАРКАРОЛА ЧАЙКОВСКОГО

«Я сыграю для вас баркаролу Чайковского», —
Улыбнувшись глазами, сказала ты мне.
Облака на закате, как цвет абрикосовый,

Розовели в открытом навстречу окне.

Ты к роялю прошла, в белом платье воздушная,
И на стол переставила в тонкой вазе цветы,
И была тишина чутким звуком нарушена,
И мгновенно твои изменились черты.

Нервно вздрогнули брови, в улыбке рассеянной
Приподнялись углы непокорного рта...
И возникла, вечерней прохладой навеяна,
Воплощенная в звуках чудесных мечта.

И звенела мелодия тихая, нежная...
Незаметно закат побледнел и погас,
И спустился на землю в немом безмятежии
Зачарованный сказкой, задумчивый час.

И казалось, что вечер далек от реальности,
Как обрывок неясных, мечтательных снов...
Отдыхала земля, посылая в усталости
Нам в окно тонкий запах вечерних цветов.

В бледных сумерках профиль, увенчанный косами,
Лепестки чуть открытого нежного рта...
Ты играла тогда баркаролу Чайковского,

В тихий час расцветала неслышно мечта.

ЦИННИИ

За шторами сумрак таинственно синий.

Ты тихо мечтаешь одна.

И звезды задумчивых бархатных цинний

Неслышно грустят у окна.

И в памяти голос томительно нежный

И лаской звенящий вопрос.

Упала на плечи волною небрежной

Копна золотистых волос

И складки у платья, как белые крылья,

Как бабочки, взятые в плен.

Ты гибкие руки, нежней белых лилий,

Устало сплела у колен.

И кажется час этот бархатный, синий

Обрывком далекого сна...

И звезды любимых мечтательных цинний

Неслышно грустят у окна.

СИНЕВА

Словно вырвались сразу на волю

Зазвеневшие в песне слова:

.....

Васильковое синее поле

И над ним высоко синева.

И большая прямая дорога,

Уводящая в синюю даль;

Наступающий сумрак над стогом

Протянул голубую вуаль.

Вот и лес. Тихий шелест березок,

Робкий шепот цветов в полусне,

И в душе задрожавшие слезы

Об ушедшей, как юность, весне.

У ручья стены ветхой часовни,

В ней лампы огонь голубой,

В трепетании света неровном

Улыбнулся Христос над тобой.

На скрипящие тихо ступени

На мгновение присесть, отдохнуть.

Последить, как сгущаются тени,

И опять продолжать дальний путь.

И опять: васильковое поле,

Шелестит под ногами трава...

.....

Это песня о радостной воле,

В ней звенят и тоскуют слова.

МОЛИТВА

Ты молишься доверчиво и нежно,

Сложив спокойно тонкие ладони.

Твои глаза и ясны, и безгрешны,

В них свет лампы, отражаясь, тонет.

Полуоткрытый рот — лишь вздох, не шепот.

Забывшиеся на ресницах слезы.

Не жалоба сомнения, не ропот —

Молитвенный порыв в застывшей позе.

Не просишь ни о чем. Цветком открылась

Твоя душа в лучах горячей веры,

Вся трепетным восторгом окрылилась
И улетела в голубые сферы.

.....
Тень у иконы (словно крылья машут),
Твое лицо задумчиво и строго.
Твои ладони — розовая чаша,
В которой ты несешь молитву Богу.

И жар молитвы этой не остынет,
Сам Бог отыщет светлым, ясным взглядом
В огромной, темной мировой пустыне
Мерцающий огонь твоей лампы.

«Ты хризантемы мне принес в подарок...»

Ты хризантемы мне принес в подарок,
В осенний вечер, в тихий, синий час.
И этот вечер в памяти так ярок:
Слова твои, и ласка грустных глаз,

И нежный поцелуй твой на прощанье,
И твой уход туда, в осенний мрак...
И до сих пор живут воспоминанья
В твоих цветах, в опавших лепестках.

ЛЕОНИД ЕЩИН

ТАЕЖНЫЙ ПОХОД

Чугунным шагом шел февраль.

И где-то между льдами ныла

Моя всегдашняя печаль —

Она шла рядом и застыла.

И пешим идучи по льду

Упорно-гулкого Байкала,

Я знал, что если не дойду,

То горя, в общем, будет мало.

Меня потом произведут.

Быть может, орден даже будет,

Но лошади мне не дадут,

Чтоб выбраться, родные люди.

Трубач потом протрубит сбор,

И наспех перед всей колонной,

В рассвете напрягая взор,

Прочтут приказ угрюмо, сонно.

И если стынущий мороз
Не будет для оркестра сильным,
То марш тогда «Принцесса Грез»
Ударит в воздухе пустынном.

А я останусь замерзать
На голом льду, нагой перине,
И не узнает моя мать,
Что на Байкале сын застынет.

Тогда я все-таки дошел
И, не молясь, напился водки,
Потом слезами орошал
Свои таежные обмотки.

Я это вспомнил потому,
Что и теперь я, пьяный, воя,
Иду в июне, как по льду,
Один или вдвоем с тоскою.

Я думал так: есть города,
Где бродит жизнь июньским зноем,
Но, видно, надо навсегда
Расстаться мне с моим покоем.

В бою, в походах, в городах.
Где улиц светит ярче лампы,
Где в буйном воздухе, в стенах
Звучат напевы «Сильвы», «Цампы»,

Я одиночество свое
Никак, наверно, не забуду,
И если в Царствие Твое
Войду — и там печальным буду!

ПОНЯЛА

Мой голос звучал, словно бронзовый гонг.
Свои прочитал я стихи.
Не скрипнул ни разу уютный шезлонг,
Лишь душно дышали духи.

Сиреневый воздух метался, и млел,
И стыл, голубея в очах,
Был матово-бледен, был сумрачно-бел
Платок у нее на плечах.

А море с луною, поникшей вдали,
Струилось, покорно словам,
Стихи и гудели, и пели, и жгли,

И рвались навстречу векам.

И бронзовый голос, и бронза луны,
Сиреневый воздух и очи —
Все терпкою сладостью были полны
На лоне и моря, и ночи.

Когда ж я окончил, дрожащей рукой
Коснувшись пустого бокала,
Она мне сказала: «Ах вот вы какой!
А я ведь — представьте! — не знала».

ПРО МОСКВУ

В этой фанзе так душно и жарко.
А в дверях бесконечны моря,
Где развесилась пламенно-ярко
Пеленавшая запад заря.

Из уюта я вижу, как юно
От заката к нам волны бегут.
Паутинятся контуры шхуны
И певучий ее рангоут.

Вот закат, истлевая, увянет, —
Он от жара давно изнемог, —
И из опийной трубки потянет
Сладковатый и сизый дымок.

Этот кан и ханшинные чарки
Поплывут — расплываясь — вдали,
Там, где ткут вековечные Парки
Незатейливо судьбы мои.

«Ля-иль-лях», — муэдзин напевает
Над простором киргизских песков,
Побираемых вечером в мае
Эскадронами наших подков.

И опять, и опять это небо,
Как миража дразнящего страж.
Тянет красным в Москву, и в победу,
И к Кремлю, что давно уж не наш.

А когда, извиваясь на трубке,
Новый опийный ком зашипит,
Как в стекле представляется хрупком
Бесконечного города вид.

Там закат не багрян, а янтарен,
Если в пыль претворяется грязь
И от тысячи трубных испарин
От Ходынки до неба взвилась.

Как сейчас. Я стою на балконе
И молюсь, замирая, тебе,
Пресвятой и пречистой иконе,
Лица Божьего граду — Москве.

Ты — внизу. Я в кварталах Арбата,
Наверху, посреди балюстрад,
А шафранные пятна заката
Заливают лучами Арбат.

А поверх, расплывался медью,
Будто в ризах старинных икон,
Вечной благостью радостно вея,
Золотистый ко всеобщей звон...

«И опять в беспредельную синь...»

И опять в беспредельную синь
Побросали домов огоньки,
И опять вековечный аминь

Затянули на крышах коньки.

Флюгера затянули про жуть
Обессоненных битвой ночей,
Вторя им, синеватая муть
Замерцала огнями ярчей.

Синевы этой бархатней нет,
Я нежнее напева не слышал.
Хоть давно уж стихами испет
По затихнувшем в бархате крышам.

Все сильней и упорней напев,
Словно плещется в море ладья.
...Лишь закончив кровавый посев,
Запевают такие, как я,
Да и песня моя — не моя.

ЯМАДЖИ

Японской девушке, убитой любовью

Она была такая скромница,
Что даже стоило труда
Мне с ней поближе познакомиться

В тот вечер ветренный... тогда.

Мы по-китайски было начали.

Но что я знаю: пустыки.

Потом самих нас озадачили,

Смешавшись в кучу, языки.

Нам бой принес поднос, как принято,

Там был кофейник и ликер,

Но понимаю я ведь ныне то,

Что говорил мне ее взор.

Он говорил о том, что русские

Не знают слова «умереть»,

И не блестели глазки узкие

Там, где уж чувствовалась смерть.

Теперь, конечно, не поспорю я.

Что именно вот в тот момент

Жерло я видел крематория

Все в языках кровавых лент.

Но я поспорю, что в день будущий,

Который жизнь пробьет, дробя,

Сквозь мглу тебя увижу идущей,

Ямаджи-сан, тебя, тебя...

И ты, быть может, мне, тоскливому,
Не знавшему, куда идти,
Укажешь грань к неторопливому,
Но неизменному пути.

МАЯТА

Фрагмент поэмы

О. И. А.

Если апрель... если рядом — любимая...
Если как будто и ты тоже люб,
И застилается город весь дымами,
Розовым, чистым дымочком из труб,
Если рассвет... Если рядом — желанная...
Если как будто желанен и ты —
Господи Боже, заря эта ранняя —
Вся воплощенье давнишней мечты.

Гукал авто, вровень встав с полисменами,
Вы же шоферу — кивок на ходу,
Взглядом, который роднит вас с царевнами:
«Лучше пешком я сегодня пойду...»
Сняли вы шляпу. Пурпуровым заревом

Брызнул восход на прическу у вас.
Шли через мост, через улицы парой мы,
Мимо заборов шагаячи враз.

Мы говорили. Но что? Вы не знаете?

Я уверяю: не знаю и я.

Я к вам дошел и в тревоге, и в маяте.

Старо сравнение: «В сердце змея».

Я был простым, неуклюжим и чистеньким,

Тем, кто я есть, — без личины и лжи.

Я и в глаза не смотрел... в те лучистые,

Ах, и глаза... Как они хороши!

Если глаза... Если милые глазаньки...

Если крылечко и яркий рассвет...

Если пустыми никчемными фразами

Дал я понять, что — конечно же «нет!..»

Если унынье, сознание никчемности...

Если упадок, страданье и — гнев —

Гнев на убивших и детство, и молодость,

Что спалены, расцвести не успев, —

Если все это так, — Боже, за что же мне

Вновь одному, одному, словно перст,

Вновь в путь обратный шагать —

уничтоженным,

Снова и снова таща этот крест...

МАЯТА

Эскиз поэмы

Утром тягостно владеть бессонным взором,

Солнышко следить — не хватит сил.

Господи! Ведь я же не был вором,

И родителей я чту, как прежде чтил.

Знаю Иова... Учил о нем и в школе,

Памятую, маюсь и дрожу

В этой дикой и пустынной воле,

Уходящей в росную межу.

Но в пустыне праведник библейский,

Вместе с псами в рубище влачась,

Познал ранее, в долине Иудейской,

Сочность жизненную — всю ее, и всласть,

А я вот, Господи...

Я сызмала без крова,

Я с малолетства струпьями покрыт,

И понаслышке лишь, с чужого только слова

Узнал про тех, кто ежедневно сыт.

Брести в слезах, без сил, асфальтом тротуара,

Молясь, и проклиная, и крича,

И вспоминая боль последнего удара

Карающего (а за что?) меча, —

За эту муку — верую, Спаситель,

За каждый шаг бездомного меня —

Ведь верно?.. будет мне?.. потом?.. тогда?.. — обитель,

Где Радость шествует, литаврами звеня.

ФОКСТРОТ

И луна. И цветы по краям балюстрады.

Барабанил и взвизгивал джесс.

Было сказано мне: ни меня ей не надо,

Ни моих поэтических месс.

Я тихонько прошел между парами в танце,

Боязливо плеча заостря,

И в таком же, как я, оскорбленном румянце

Намечалась полоской заря.

Ну, еще... ну, еще!.. Принимаю удары,

Уничтоженный, втопанный в грязь...

«Мою шляпу, швейцар!..» В окнах двигались пары,

И тягучесть фокстрота вилась.

А заря свой румянец старалась умножить,

Полыхался за окнами смех.

Неужели не знаешь Ты, Господи Боже,

Что обидеть меня — это грех!

В ОЖЕРЕЛЬИ ОГНЕЙ

В ожерельи янтарных огней
Опоясана даль кругом,
И покачивается над ней
Рыжий месяц, будто гном.

А залив — червонный поток
С переливами синевы,
Нас несет к огням катерок,
В мире — кажется — я да Вы.

И внизу машина стучит,
И срывается соль в лицо,
Это бухты ли Диомид
Бриллиантовое кольцо?

А налево — рубинов ряд,
Это Русский ли остров там,
А не вышивки ли горят
По тяжелым синим тафтам?

О, покоя хрустальнее нет...
Я от счастья дышать не могу. —
Это Вы ведь багульника цвет
Прикололи мне к обшлагоу.

Ну а Вам круторогий гном
Бросил блески в прорези глаз.
Я ведь друга почуял в нем! —
Он мечтает тоже о Вас.

Но и он не мог бы понять,
Но и он удивлен бы был,
Если б вдруг ему рассказать,
Как я Вас люблю и любил.

И медлительный ветерок
Долетает мне до лица.
Сделай так, сделай так, катерок,
Чтоб пути — не бывало конца.

БЕЖЕНЕЦ

Какими словами скажу,
Какой строкою поведаю.
Что от стужи опять дрожу
И опять семь дней не обедаю.

Матерь Божья! Мне тридцать два...
Двадцать лет переходим каликою

Я живу лишь едва-едва,
Не живу, а жизнь свою мыкаю.

И, занывши от старых ран,
Я молю у Тебя пред иконами:
«Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами».

МИМО

Арсению Несмелову

Спасение от смерти — лишь случайность
Для тех, кто населяет землю.
Словам «геройство» и «необычайность»
Я с удивлением и тихой грустью внемлю.

Слова теряют в жизни основанье
Для тех, кто заглянул в миры, где только мысли...
А будущее местопребыванье —
Не меряю,
Не числю...

И вот поэтому писать стихи словами
Мне с каждым днем все кажется нелепей.

Ведь я иду от Вас, — хотя и с Вами, —
К просторам неземным великолепий.

ДВЕ ШИНЕЛИ

Я тропкой кривою
Ушел в три часа,
Когда под луною
Сияла роса.

А были со мною
Жестяный стакан,
Да фляга с водою,
Да старый наган.

И вынес я тоже
Свирепую злость
Да вшитую в кожу
Дубовую трость.

И — меткою фронта
Сквозь росы и пар —
Махал с горизонта
Крылатый пожар.

Оттуда, где буро
Темнели поля, —
Навстречу фигура,
Как будто бы — я.

Такая же палка,
Такой же и вид,
Лишь сзади так жалко
Котомка торчит.

«Земляк! Ты отколе
До зорьки поспел?» —
В широкое поле
Мой голос пропел.

Как легонький ветер
Звук в поле затих...
Мне встречный ответил
Два слова: «От них...»

И, палкою тыкнув
В поля, где был дым,
Отрывисто крикнул:
«Я — эвона — к ним!..»

«Шагай!.. Еще рано...
Часов, видно, пять...»
(А пальцы — нагана
Нашли рукоять.)

И — каждая к цели
Полями спеша,
Две серых шинели
Пошли, чуть дыша...

Тропинкою длинной
Шуршание ног.
Чтоб выстрелить в спину,
Сдержал меня Бог.

Но злобу, как бремя,
Тащил я в груди...
...Проклятое время!..
...Проклятые дни!

1930 Харбин

НИНА ЗАВАДСКАЯ

КАРТИНКА

Занавеска надулась парусом
Над широким большим окном.
Словно вышиты пестрым гарусом
Этот солнечный сад и дом.

Падает солнце квадратами
Из окошка на чистый пол,
Легло золотыми заплатами
На накрытый для чая стол.

Колышутся кленов вершины,
Их ветер качает слегка.
Как будто из белой глины
Сделаны облака.

Апрель 1942

В ЦЕРКВИ

Переплетов бархатных тусклый цвет,
Блеск икон, от времени черных.
На вытертый коврик падает свет
Из высоких окон узорных...

Тонких желтых свечей огни,
Золотая от солнца лампада,

И на левой стене в тени
Мутнеет картина ада...

Апрель 1942

В ПАРКЕ

Этот парк тихий, старинный, —
Здесь не; бывает никто.
У меня шляпа с лентою длинной,
Как на картинах Ватто.

Я надкусила траву,
Во рту вкус кисловато-сладкий,
В бархатной книге главу
Заложу стебельком-закладкой!

Ложатся пятнами тени,
Сплелись кружевные ветки,
Три больших скрипучих ступени
Ведут к забытой беседке!

Апрель 1942

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

Пятнадцатый век...
Шелестят паруса каравелл.

На борту один человек...

Пена волн белее, чем мел.

Туман навис,

Бьют валы о корму и нос,

Обойти этот мыс

Семь дней мешает норд-ост.

Ревет ураган,

В шуме команду глушит.

На посту капитан

Закрывает от ветра уши.

Погибло много,

Не стерпев лишения и голод.

Неумолимо и строго

Приносит норд-ост мокрый холод.

В каскаде брызг

Семь дней без воды и хлеба,

Под ветра визг —

Капитан проклял само небо!

Суждено так быть,

И, мчась вперед все быстреей,

Будет он вечно жить
Жизнью, что смерти страшней.

Терпеть холодный норд-ост,
Стоять всегда у руля,
Никогда, чтобы матрос —
НИКОГДА не крикнул: «Земля!»

Май 1942

КОЛОНИЯ

Белый от соли

Толстый канат.

Вымпела мачт.

Горизонт светел.

Морской воле

Широкой рад,

Мчится вскачь

Резкий ветер.

Вперед к цели,

Без пути назад!

Пену бросать

Не устанет вал.

На каравелле

Королевских армад

Надуваются паруса,

Скрипит штурвал.

Бьются волны,

Течь у руля.

Риска пламя

В смелом броске!

Радости полный

Возглас: «Земля!»

И испанское знамя

В мокром песке!

Май 1942

ЖАННА Д'АРК

Подгоняя коня во всю мочь,

В Орлеан еще до зари

Прискакала крестьянина дочь —

Девушка из Домреми.

Нигде не встретив участия,

Поставила цель одну, —

Отдать свою жизнь и счастье,
Спасая родную страну.

В руке она знамя сжала,
Были города стены в огне,
Когда в предместье въезжала
Жанна Д'Арк на белом коне!

Обагрилася кровью трава,
Враг коварный устроил засаду.
И, ведя атаку сама,
С Орлеана сняла осаду!

Случайно иль волей Божьей
Дофина она нашла
В толпе среди сотен вельмож,
Прямо к нему подошла!

Стрела не пронзила сердце,
Но, связав по рукам и ногам,
Назавтра Бургундский герцог
Предал ее в руки врагам.

Безумная или святая?
Но всякий так смерть прими,

Как девушка эта простая, —
Крестьянка из Домреми.

Сулили ей бездну ада.
Огонь к ней крылья простер...
Спокойно... будто так надо,
Взошла Жанна Д'Арк на костер!

Май 1942

ЛАГУНЫ

Серый песок лагун.
В мягком вечернем свете
Мачты рыбачьих шхун.
Сушатся черные сети.

Камбала в плоских жаровнях.
Дымный поселок сонный.
Маленькая часовня,
Свечи перед Мадонной!

Серый, туманный вечер,
Парусов буреющих пятна...
Перед Мадонной свечи
За непришедших обратно!

Ветер унылый плачет,
В дюны сгоняя пески...
И на щеках рыбачек
Слезы, как брызги морские!

Июль 1942

СВЕТЛОЕ КОЛЬЦО

Я видела бесконечность прошлой ночью
Великим светлым кольцом...
Время было ее сыном, и смерть ее дочерью,
И начало было ее концом!

Январь 1943

ОСЕНЬ

Будет над голым пляжем
Неба линиялая просинь,
К дюнам прижавшись, ляжет
Рыжая кошка — осень!

И на песке растает
Горько-соленая пена.
Ветер перелистает
Томик забытый Верлена...

Будет все глуше и глуше
Море в осеннем свете.
Будут туманы слушать
То, что поет им ветер...

Будет с тех пор неизменно
Петь про вечернюю грусть —
Ветер стихами Верлена

Наизусть!

Август 1943

ВЕЧЕР

Прижались деревья ближе:
Ушастыми ветками внемлют,
Как ветер порывистый лижет
Измокшую черную землю.

Ресницы печальных огней,
Шаги на улицах глуше.
Качается блеск фонарей
В глубоких и темных лужах.

И становятся странно близки

В дождливый и пасмурный вечер
Все песни великой тоски,
Ничтожной тоски человеческой!

Июнь 1943

НОЧЬ НА 17 ИЮЛЯ

Ночь, и снова сомненье,
А сердце и так устало...
Вели большие ступени
Сверху и до подвала...

Шли со спокойным взглядом.

Руку сжимала рука...

А позади и рядом

Агенты из Чека.

Даже казался глуше

Голос, отдавший приказ.

Нужно уметь так слушать,

Не опуская глаз!

Перекрестилась дочь,

И на момент тишина.

Только темнее ночь

В темном провале окна.

Только бледнее лица,
Только сорвалось: «Верьте!»
Нужно уметь молиться
Так на пороге смерти!

Даже приказный лист
Вдруг растоптала нога,
Даже в углу чекист
Крепче зажал наган.

Но не безгрешность глаз
И не их ясность тоже
Строгий из штаба приказ
Переменить не может...

Первый нажал курок...
Выстрел. Еще и еще!
В сердце, навывлет, в висок,
В бледность смертельную щек.

Рвется последняя нить!
Кроткий молящий взор.
«Молишь, так можно добить»,
К полу прижав, в упор!

Жметя к стеклу рассвет,
Лампы тусклей горят...
За ночь не стало... Нет
Больше в России Царя!

Июль 1943

Я БОЛЬНА[34]

Ветер ворвался свежий,
Раздулась шторка окна,
А может быть, просто я брежу...
Я больна, я очень больна...

Лампа светит так ярко,
Что смотреть становится больно!
Мне очень душно и жарко...
Закрываю глаза невольно!

Я была счастлива тоже...
На гроб похожа кровать...
Прости меня, грешную, Боже!
Я так не хочу умирать!

Октябрь 1943

ПОЭМА ЕДЫ

...Ели прекрасное мясо и сладким винам утешались... Гомер

Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом.
Ковши, серебряные чаши,
С кипящим пивом и винам.

Пушкин

Посвящение

Веревкой крепкой к мачте повит,
И ненавидя, и любя,
Следи, как моря бездны кроет
Бег громозвучный корабля.

Мимо пленительного плена

Беги, премудрый Одиссей,
Да не прельстит тебя Сирена
Жемчужной прелестью своей.

Как полумертвая Европа,

Лети на парусном быке Туда,
где скорбна Пенелопа
За ткацким станом вдалеке.

И катится слеза, быть может,
На белизну хламид и стол.
Там ждет тебя простое ложе
И изобильно-пышный стол.

Июль 1921 Владивосток I
Найдете высокую тему —
С высокой темой беда!
Давайте напишем поэму,
Которой тема — еда.
Не все набирать нам двадцатым —
Для мелких дел нужен петит;
Пасется Пегас некрылатым,
Рождает любовь — аппетит.
Итак, плодотворней усилия,
Столы сдвигайте в ряды...
Забыв про духовные крылья,
Восславим мы эру еды.

II

Фон — скрипок ликующий танец,
Мелодий извивный полет.
Роскошней пылает румянец,
Жующий прилежнее рот.
В Эдеме под ангелов пенье
Огнем наливались плоды,
И ты — меценат вдохновенья,
Прекрасное царство еды!

Покойтесь, ненужные ноги,
Гори, любопытство, огнем!
Мы этого царства чертоги
На креслах сидя обойдем.

III

Смотрите — вид первого дома:
Огромен, тяжел и нелеп.
Чернеет черней чернозема
Основа и двигатель — хлеб.
Забудьте про снежность тарелки,
Смотрите — пред вами поля,
Где колоса желтые стрелки
Без тлена рождает земля.
Огонь соединяет с ней воду —
Основу могучих стихий.
Поймите, какую породу
Наш пьяница пекарь месил!

IV

О, сколько гармонии в жизни:
Блеск солнца над тишью полей.
Почувствуй, возьми его, выжми
И в тонкие рюмки налей.
Пусть светлая водка кристаллом
Сверкнет за пределом стекла...
Эй, кто там бормочет, что Дьявол
Ее настоял корнем зла?
Чиста, безупречна, как слезы,
Как сердца любовный пожар,

Как весны, как розы, как грезы —

Поэтов ходовый товар.

V

Просторы еды не покроет

Людской лаконический слог.

Селедка пускай успокоит

Как молния быстрый ожог.

Соль остро резнула по небу;

Мы видим: воды полоса.

Где облако тянется к небу,

К зеленой земле — паруса.

Ах, море здесь дышит — креветки,

Селедка, краб, килька, омар.

Так в каждой поэта заметке

Сияет пленительный дар.

VI

В закуске, как в деле, нам нужен

Серьезный и зрелый расчет.

Из рюмок холодных жемчужин

Составьте удачный черед...

Лавиния — дочь Тициана,

Под гомон веселых речей,

Уперши край блюда в верх стана,

Рубины внесла овощей.

Как в хлебе открыта природа —

Здесь видны работы века.

Видна на плодах огорода

Живая чужая рука.

VII

Редиска, салат, и капуста,
И хрусткая зель огурца.
Усилия не были пусты,
Достигли они их лица.
Приветствуем вас, огородник!
Вы, в фартуке, в шляпе большой,
Следите, сухой и холодный,
За теплой и влажной землей.
Растите, мешайте, учите,
Лелейте в корявых руках,
А там на базары везите,
Продайте в больших городах.

VIII

Но кто притаился, как глыбы
Прибрежные, в утренней мгле?
Огромные жирные рыбы
В дрожащем хрустальном желе.
На очень похожем дельфине
Когда-то уплыл Арион.
Они неподвижны, и ныне
Торчит у них в пасти лимон.
Они ни о чем не расскажут.
Лимон — их молчанья печать...
Эй, пусть подойдут и покажут,
С которого боку начать!

IX

Под звоны пустеющих рюмок
Неспешно свершается пир,
И вот перед нами, безумен,
Стерляжьей ухи нежный жир.
Он плавает в миске у края,
Живой золотистый янтарь,
И просит себе расстегая,
По праву, изданному встарь.
Они неизменны — законы
Великой еды, о жрецы!
Мы также в еде разъяренны,
Как нам заказали отцы.

X

В еде претерпевшим — награда!
Мы входим в спокойный чертог.
В хрустальный стакан винограда
Рейнвейна вливается ток.
Прерви насыщения чувства.
На рыбе слегка отдохни,
В двух-трех анекдотах искусных
Великих людей помяни.
Спроси vis-a-vis у соседа,
Как лошади, дети, дела.
И вот, как пожаром, беседа
Пирующий стол обняла.

XI

Наверно, в подсолнечном мире
Уж все повторялось стократ:

Вот так заседал в древнем «Пире»

Седой и курносый Сократ.

Царя Одиссея так прежде

Свининой кормил Алкиной.

Нетрезвый и в рваной одежде

Уснул в винограднике Ной.

Привет прежде жившим! Обида

Вам Смерти да будет легка,

Вы все, что в обитель Аида

От пира ушли на века!

XII

Мы также не ведаем часа,

В который покинем сей свет.

Но только до жирного мяса

Элегии грустный расцвет.

Ах, можно ли с нежною дичью

Сравнить ароматный кусок,

Дымящейся жертвы величье,

Алтарь, источающий сок...

Огромным ножом его взрежем:

Мы живы, не наша вина!

А с жизнью неместно быть трезвым;

Налейте в стаканы вина!

XIII

Вино создалось не капризом,

Вино создавало богов.

Припомним бродягу Гафиза

С стаканом среди пестрых цветов.

Когда разлетались туманы
На утре сквозь стрельчатых ниш,
Он был превосходней султана,
Любовник, поэт и дервиш.
Дивиться ли нам, что в поэте
Рождает волненья стакан?
Олимпа воспитанник Гёте
Ему посвятил свой «Диван».

XVI

Конечно, всему свое время,
Но правдою трудно нам жить.
Лишь сытыми можем мы зренье
На все любопытно острить.
С стаканом, раздавшись на креслах,
С кипучим довольством в груди,
С приятною тяжестью в чреслах
На мир ты теперь погляди.
Склоняется солнце. Деревня.
В луга убегает река.
И огненно-красные гребни,
Как горы, несут облака.

XVII

Мы, дети, вернулись обратно
К родимой, к природе, в чертог.
Нам сладкое очень приятно —
Любви материнский залог.
Причудливость башни пломбира
Рукой беспощадной нарушь;

Восславит гортани пусть лира
Симфонию яблок и груш.
И мы не дождемся укора,
Что тешим балованный глаз,
Что плещется в рюмку ликера
Рубин, изумруд и топаз.

XVIII

Хозяин, хозяйка! Примите
Вы наш благодушный привет.
Содружества прочные нити
Плетет превосходный обед.
Мы скромны, мы много не знаем,
Пред многим мы чувствуем страх,
Но жизнь эта кажется раем
В довольстве, трудах и пирах.
И верим: не сгнать нам в Лете,
Как ни были б Церберы злы,
Когда краснощекие дети
Займут вслед за нами столы.

XIX

Она ведь извечна, стихия
Классической плотной еды.
Ты ей предавалась, Россия,
До шалой голодной беды...
Эй, вспомни несложную сладость
Средь шумных гребней бытия,
И пусть возвратится к нам радость,
Простейшая радость твоя.

Откроемте жирные губы,
Испустим славянский наш гик!
(Хоть это бессовестно грубо —
Все выболтал пьяный язык.)

XX

Довольно! Несложною темой
Еда взята с разных сторон...
Иди, завершай же поэму,
Глухой, усладительный сон.
На дедовском старом диване,
На мягком уютном гнезде,
Увидишь во снах, о чем ране
Поведывал Синей Звезде.
О, нежною была подруга
И сердце певучим тогда.
Теперь же спит рядом — супруга,
А радость земная — еда.

КАЗНЬ

Широкий меч, как синий полукруг.
К мечу привязаны пурпуровые кисти:
Когда несут — они дрожат, как листья,
Которые ветра по осеням метут.

В дрожании — одно недвижимое тут:

Лик желтый палача. Китаец — вечный мистик.
Китай жил так давно, что не допустит мысли,
Что за чредою дней он встретит только мглу.

Нет, там стоят прекрасные селенья,
Дворцы и пагоды, озера, как паренья,
Которые струит весною Хуанхэ.

Жизнь вечная везде. Вот почему сладостями
И винами почтен, который под цепями
Сидит возвышенно на сереньком осле.

ДРАКОН

Фонарь из пузыря. Он тянут белой грушей,
Лениво-матовой, как будто жемчуга.
Над ним же приподнял коричнево рога
Дракон, извившийся своею узкой тушей.

Смотри на формы те, замолкни и послушай:
«Давно, давно, когда лишь берега
В потоке поднялись и залегла в лога
Вода, что сброшена вновь проявленной сушей, —

Тогда суставами поверстаны деревья,
Туманы над землей, а на животных перья,
И жизнь на островах среди безбрежных рек.

Тогда летали те грозящие драконы,
И знал китаец их на облаках огромных —
От дивных дней последний человек».

СУМЕРКИ

Из голубого в палевый
Спустился цвет небес.
Опаловый, эмалевый
На нем горы отвес.

Изогнутое дерево
Прорисовала кисть.
Лазорево и хмелево
В полях дымки свились.

И близко над оврагами
Из глины битый дом
Уж светится бумагою
Заклеенным окном.

ХАРЧЕВКА

В фарфоровом тазу при входе стынет кровь;
Кругом лежит рубиновое мясо.
Впервые с дней войны в Китае слышу вновь
Знакомый сладкий и дурманный запах.

Кот изгибается в меланхоличной лени,
И томный китаец задумчиво вертит
Над круглой кадкой круглые пельмени.

Два желтых мужика едят из чашек рис,
День — в рваное окно — победоносно светел,
А у дверей качает вверх и вниз
Бумажные цветы декабрьский теплый ветер.

1929 Харбин

ЯПОНСКИЕ СТИХИ

1. Любовь

Серебряные нити дождя во тьме, на электрическом свете,
Вонзаются в кустики брызг, тоже блестящих.
Плоский зонтик, черная крыша, соединяет их обоих.

Стоят прижавшись.

2. Игрушка

Под зеленым светом газа в длинной лавке
Среди зеркал и гребенок стоит игрушка:
Разодетый самурай под цветущей вишней
Чертит на дереве заветное имя.

3. Ветер

Теплый ветер веет, и на высоких шестах летают красные карпы,
Ныряют в воздухе, вьются и носятся.
Розовым цветом залиты путанные вишни.
У домика раздвинуты рамы. Внутри прохладно.

4. Носильщики

Пусть бредут в грязи бедные носильщики, как ежи,
в соломенных накидках;
Дождь звонко стучит в их широкие шляпы конусом.
В паланкине, за Стеклами, прижавшись, — молодая дама.
Над горами ветер носит облака и туманы.

5. Красота

Луна холодна на синем шелке неба над черной зонтичной сосной;
Холодны цветы, изысканны изящные вырезы без запаха;
Всего холоднее белый снег на пурпуровых воротах храма.
Эти три холодные вещи весьма красивы.

Токио

ВАРВАРА ИЕВЛЕВА

ГОРОД ХАРБИН

Странный город блеска, денег и наживы,
Город над степной песчаною рекой,
Может быть, преступный, может быть, красивый,
Яркий и безличный, шумный и чужой.

Город, где цветы не знают аромата,
Город странных мыслей и дурманных снов,
Где ничто не честно, где ничто не свято,
Где звучит насмешкой звон колоколов.

Город, где сквозь маску пестрого наряда
Смотрит полудикий сумрачный Восток,

Где слова без смысла — нежность и пощада,
Где в душе последний гаснет огонек.

Весь в больном стремленьи, весь в большой тревоге,
Ты сжигаешь силы в призрачной борьбе,
Город, где скрестились пыльные дороги,
Я в свой час последний вспомню о тебе.

СВЕТИЛЬНИК

Темной ночью я вышел в дорогу,
Ты сама мне светильник зажгла.
За теплом и уютом порога
Сжала горло мне цепкая мгла.

Долго звал я среди гулкого мрака
Тех, что раньше и дальше ушли,
Я искал сокровенного знака
На дорогах заклётой земли.

Как пойму? На вершине ли горной
Он снегами сверкнет в вышине,
Или вязью иероглифов черной
Пробежит по дворцовой стене?

Или, может быть, ночью, до света,
Вдаль проскачет испуганный конь?
Или звонкие строфы сонета
Всколыхнут мой заветный огонь?

Пробираясь путями чужими,
Я не помню, кто враг мне, кто друг,
Я забыл твое тихое имя
И касания ласковых рук.

Но когда в обветшалай одежде
Задержу я у цели свой шаг —
Твой светильник, зажженный, как прежде,
Мне покажет обещанный знак.

ХИМЕРА

Химера из серого грузного камня
На старой китайской изогнутой крыше,
Печаль свою древнюю ты отдала мне,
И сердце стучит заглушенной и тише.
Ты в той же застыла жестокой гримасе,
Как в светлой Элладе, среди песен и смеха.
Не ждешь ли, что витязь на легком Пегасе
Примчится на бой в окрыленных доспехах?

Не ты ли в надменном и пышном Париже
Гюго вдохновляла причудливый гений?
Сквозь ветхие ткани прошедшего вижу
Твое настоящее в горьком прозреньи.

Мутно бледнеет ночь,
Тонет в крови рассвет.
Кто нам сумеет помочь?
Мира на свете нет.

С темных откосов крыш
Смотрят глаза химер.
Пленный погасший Париж
Сумрачен, скучен и сер.

Крадется площадью ложь,
Идет по площади враг.
Прячет невольную дрожь
Четкий военный шаг.

Нет, не настал еще миг
Добычу отнять у судьбы.
Город, как прежде, велик.
Слабы, как прежде, рабы.

Заперта тяжкая дверь,
Страшен безмолвный рок.
Каменный пленный зверь
Жадно глядит на Восток.

И вновь расплетаются ткани тумана,
И снова весна на просторах Китая.
Химера молчит про мечты и обманы.
Молчит и не скажет. Не скажет — но знает.

ДЖИОКОНДА

Не портрет, не виденье — чудесней.
Не богиня, не муза — сильнее.
Не красавица — странное счастье,
Мона Лиза — свершенье и рок.
Джиоконда, чье имя, как песня,
Ты, кого описать не умею,
Колдовской одаренная властью,
Пережившая время и срок.

Ты, кого созерцал Леонардо,
Опуская задумчиво кисти,
И, в мечтах забываясь бессвязных.

Думал, как передать полотну
Это облако амбры и нарда,
Это ржавое золото листьев,
Прелесть пальцев надменных и праздных
И улыбки твоей тишину.

А теперь в негасимом полудне
Затаенно и мудро-лукаво
Ты из рамы глядишь сквозь столетья,
На тебе только ведомый день.
Джиоконда, легенда и будни,
Воплотившая горечь и славу,
Вижу я при изменчивом свете
За плечом твоим мастера тень.

НИНА ИЛЬНЕК

В КИНО

Намеком знакомых страданий —
чужая больная любовь,
а Грета Гарбо на экране
нахмурила тонкую бровь.

Ты в сумраке голову свесил

и сгорбился даже слегка.
Белеет на поручне кресел,
как мрамор, бесстрастно рука.

С простуженных клавиш рояля
течет неподдельная грусть,
но ты разгадаешь едва ли,
что я на тебя не сержусь.

И только желанием странным
душа моя брошена в плен:
оплакать с героем экранным
попынную горечь измен.

У ТЕАТРА

У театра я стою покорно
с тихую усталостью в груди.
Ты пошел проститься с дамой в черном,
с тою, что сидела впереди.

А теперь ты с ней стоишь поодаль.
Не подметил так, как я, никто,
как любовно ты в дверях ей подал
шелковое легкое манто.

Ветер ли, сорвавшись по капризу,
сбросил вниз перчатку, закружив,
и, подняв, спросил ты: «Это вызов?»
и ответом вспыхнуло: «Призыв».

Поцелуй же руку ей в запястье,
взглядом взгляд поймай, останови!
Ведь всегда — ворованное счастье
кажется заманчивей любви.

В ПОЕЗДЕ

Печали тайные укоры...
А из вагонного окна
зовут в бескрайние просторы
закат, поля и тишина...

То взреяв, то снижаясь вместе,
ныряют струны-провода,
неся волнующие вести
в невидимые города.

И кротки так необъяснимо

деревья, мчащиеся прочь,
и клубы тающего дыма,
и наступающая ночь.

Но с грустью горькою и едкой
не отрываясь смотришь ты,
как вянут жалостно за сеткой
его прощальные цветы...

Как осознать, что скрыт в скитаньи
свободы сладостный исток,
когда белеет на диване
слезами смоченный платок?

А темнота под свод небесный
уже вползла, и твой вагон
уносит в даль и в неизвестность
бескрылый огненный дракон.

О МОЕЙ СОБАКЕ

Пчелы снежные жалят лицо —
разлетевшийся по ветру улей.
Разукрасили наше крыльцо
леденцы остеклевших сосуллек.

В небе, взлетом означив дугу,
ворон плещется черною тряпкой.
Застудил на холодном снегу
ты мохнатую рыжую лапку;

звонко лаешь на мерзлом мостке,
роешь вспухший сугроб на пригорке,
на собачьем своем языке
выражая наивно восторги.

А потом, возвратившись домой,
перед жарко затопленной печью
я забуду тебя за тоской
и печалью моей человеческой!

Лишь когда отуманит зола уголь,
тлеющий пепельным мохом,
ты встревожишь меня из угла
деликатным задумчивым вздохом.

Там, свернувшись мохнатым клубком,
ты за мною следишь неустанно,
как грущу над последним письмом,
для тебя непонятным и странным.

ФЕДОР КАМЫШНЮК

НЕИЗБЫВНОЙ ПАМЯТИ А. БЛОКА

...Ты в поля отошла без возврата...

Да святится имя Твое...

I

Ты в поля отошел без возврата —

Да святится имя Твое!

Небо кровью пожарищ объято,

Закровавлено зорь острие.

Ты в поля отошел, светлоликий,

В снеговые поля тишины.

Здесь безумятся черные крики,

Пляшут молнии жуткой весны.

Ты в поля отошел без возврата

К нареченной, последней мечте —

Но смеялся и плакал, распятый,

До последней зари, на кресте.

Ты — в полях, но Твой голос над нами,
Над Голгофой звенел и не стих.
Не сгорает чудесное знамя.
Не избыть светогимнов Твоих.

Ты в поля отошел. Но не замер,
Не померк Твой сияющий лик.
В полыхающем зареве — мрамор
Белогрезовый — вестью возник.

II

Томился в темных перепутьях,
Впивал немые голоса
И знал: на облачных лоскутьях,
Пылая, расцветет гроза.

И так внезапно, и так вешне
Загромовела высота!
Еще светлее, белоснежней
Распятый славил высь с креста.

И пусть восторг внезапных молний
Разлился кровью на горе —
Он в жуткий миг не стал безмолвной,
Он даже кровь простил заре!

Когда ж костровое безумье,
Мертвя, коснулося его,
Звнящим гимном в алом шуме
Его сверкнуло торжество.

СВЯТАЯ РУСЬ

I

Огнесинеющая, о, не заглохнет:
В мечтах дремучая — в веках душа моя!
И пусть отчаянье, как смерть; и пусть дорог нет;
Благоуханная, она — все та же самая.

Все та же самая она, душа младенца,
Равнинношелестная; ковыль и грусть на ней!
И песни жаворонка!.. Но не изменится.
И — что напевнее? Что безыскусственной?..

II

Душа покорно отразила
Родную Русь!.. Какая власть,
Какая моревая сила
В душе разбуженной зажглась!

Душа восторженно припала,
Хрустальнострунью покорясь.
И звонкоогненная вязь

Неудержимо повлеклась
В туманных зретах опала.

Душа так долго подымалась
До предреченной высоты.
И прядали, страша, цветы,
Кровавившие жгучей алостью,
И хохот каменных безжалостей
Недвижим жутью у черты.

Но в миге пыточного бреда —
Какая радость!.. С высоты
К Тебе одной стремя мечты,
Я лишь Тебе, Тебе лишь предан,
О, Родина!.. В душе — лишь Ты.

III

В Тебе — опечаленность немого севера,
Тоска и безмолвие угрюмой тундры,
И снежным цветением на вешнем севе —
Расцветшие льдистые холодных лун дары.

Так долго зима была! И, веря весени,
Немая, молилась Ты, чтоб солнце-пламя
Заулыбавшимися прошло полями,
Бросая ландышные восторги песни.

Был путь Твой так горестен! Молчало небо.
Ты шла так безропотно к мучениям крестным.
О, Ты улыбалася грозившим безднам.
И в полночь — Голгофы высь. И крест на ней был.

О, знала: повелены мгновения скорби!..
И шла, улыбаясь, к ним. И кровь на лоскутьях,
И наглые хохоты на гулких распутьях —
Незримым томлением улыбку горбили.

Свершилось! Зима была — и встала весень!
И — там, где оснеженность, запело пламя,
Заулыбавшимися пройдя полями,
Бросая ландышные восторги песен.

«Вы, глумясь, называли меня...»

Вы, глумясь, называли меня
Пролетарским и красным поэтом,
Я б хотел, чтобы память об этом
Донеслась до грядущего дня.
Я б хотел, чтобы весть о клейме том,
О клейме вашей брани тупой, —
Через тысячелетний прибой
Запылала над бедным поэтом.

И тогда — о, я знаю — простятся
Мне мои мутно-хмельные дни:
Пусть они были жизнью паяца,
Бесшабашны пусть были они...
Над одним не хотел он смеяться,
Над зарей, лившей кровь и огни.

«Наступает желанный искус...»

Наступает желанный искус,
Наплывает на сердце пора.
Пусть — безмолвен. Пусть падал низко.
Скоро — огненная игра.

Ни одной, ни одной поэмы!..
Не уйти и не выдохнуть — нет!
Братья вечные. Скованы все мы.
Все же вы оставили след.

Все же милые лики Эдгара,
И Бодлера, и твой, Сы Кун-ту,
Освещают немую, угарную
И удушливую темноту.

.....

Наступает желанный искус,
Наплывает на сердце боль.

Будь же ты путеводной искрой
В топях жизни — ты, Ли Тай-бо!

1930 Павловск

МАРИАННА КОЛОСОВА

Д. Л. ХОРВАТ

Главе дальневосточной эмиграции посвящаю

Защиту наших прав ему вручаем.

И под его отеческой рукой

Мы, русские изгнанники в Китае,

Найдем защиту и покой.

Недаром раньше был хозяин края,

Осталась твердою хозяйская рука.

Душе его близка страна родная,

И горечь русская душе его близка.

Хранителю традиций — эти строки,

Главе изгнанников — поклон мой до земли!

Привет всем тем, кто в эти злые сроки

За ним одной дорогою пошли!

СКЛАД ПОРОХОВОЙ

Среди ночных чуть слышных шорохов

Работаю тихонько я...

Пусть я не выдумаю пороха,

Но... порох выдумал меня!

Недаром эхо революции

И до сих пор звучит в ушах,

Не в силах над листом согнуться я,

Пока не запоет душа.

Недаром поздним темным вечером

Смотрю на запад, где она —

Закат мой, заревом расцвеченный,

Моя мятежная страна!

И пусть не знают недостойные

Того, что знаем мы с тобой:

Страну, надолго беспокойную,

Как будто склад пороховой...

Но зори вестниками алыми

По небу темному горят,

Пусть будут взрывы небывалыми!

На нечестивых — гром и град!

Вот почему...

Среди ночных чуть слышных шорохов

Работаю тихонько я...

Пусть я не выдумаю пороха,

Но... порох выдумал меня!

ДОБЕЙ МЕНЯ!

Лежит, распластанный, бессильно на снегу,

Покинутый на поругание врагу.

Он другу, волочась за ним в пыли,

Хрипел моляще: «Ради Бога... пристрели!»

Но друг ушел, не пожелав добить

Того, с которым он привык делить

Опасности, тревоги и труды,

Сухарь солдатский и глоток воды.

Сказал: «Мы все делили пополам,

Но пулю смертную тебе я, друг, не дам».

И он, распластанный, остался на снегу,
Покинутый на поругание врагу...

Настала ночь. Был стон его слабей,
В бреду шептал: «Добей меня!.. Добей!»
И вот, рожденные в полях чужой земли,
К нему враги надменно подошли.

И резкость слов чужого языка
Сознание прояснила слегка.
Но в этот миг блеснул над грудью штык...
Тупая боль... Короткий слабый крик!

Он вновь один. Затих и стон, и бред.
И никого на мертвом поле нет...
А от друзей был пушечный салют:
«Мы знали, что враги тебя добьют!»

А он уже летел в тот милый край,
Где Бог построил мученикам рай.
Он был в стране, где нет земных голгоф,
Где ненависти нет и нет врагов.

«Это было в восставшей России...»

Это было в восставшей России,
В алом зареве огненных дней,
Когда слепли свои и чужие —
Кто от слез, кто от ярких огней.

Когда пули летали, как мухи,
И привычным стал трепетный страх.
Когда выли в селеньях старухи
И Антихриста ждали на днях...

Пули пчелами песенки пели,
Люди кланялись низенько им.
Вот тогда кто-то в серой шинели
Был таким молодым-молодым...

Молодежь — беззаботные люди,
Молодому — всегда хорошо!
Повстречался под грохот орудий,
А под залпы винтовок ушел...

Сколько вас, черноглазых девчонок,
Сколько вас, белокурых принцесс,
Закрутил полюбовный бесенок,
Поцелуевый ласковый бес!

Где-то красным знамена пылали,
Там трехцветные флаги вились;
Но в Одессе, в Москве, на Урале
Рядом с гибелью пенилась жизнь!

Кто-то жег, кто-то вешал и резал...
Ах, когда же кошмару конец?
Ведь не выжечь каленым железом
Жажду счастья из юных сердец!

Сколько, сколько невест черноглазых,
Сколько вас, синеоких, теперь —
Не увидевших счастья ни разу,
Но оплакавших горечь потерь...

Гильотина с кровавою свитой,
Как жесток твой карающий нож!
Как убийственны списки убитых,
Где вдруг милое имя найдешь...

«Наши матери влюблялись при луне...»

Наши матери влюблялись при луне,
Вместе слушали с любимым соловья...

Твой возлюбленный в шинели, на коне,
Среди крови гаснет молодость твоя...

Не жених ли твой под Харьковом погиб?
На носилках там не твой ли без ноги?
Сероглазая моя, ведь это твой
Комиссарами расстрелян под Москвой?

Молодого мужа, вырвавши из рук,
Растерзала разъяренная толпа...
А у той на юге где-то милый друг
Под буденновскими шашками упал...

Сколько их, считавших долгие года.
Не дождавшихся любимых никогда...
Белокурых, русокудых, молодых...
Кто считал ваши печальные ряды?

Тяжко каждой, если милый друг убит.
Участь горькая для всех для нас одна.
Одинаково заплакали навзрыд
С комиссаршей офицерская жена...

Наши матери влюблялись при луне,
Обручались под распевы соловья.

А как мы любили, пусть расскажет мне

Искалеченная молодость твоя!

«Встретились на вокзале...»

Встретились на вокзале —

Кто-то нас познакомил.

Мало мы слов сказали,

Многое взгляд запомнил.

Несколько встреч коротких.

Сердце тревогу било...

Дрогнули нежные нотки

В голосе его милом.

В грохоте эвакуаций

Гасли нежные нотки.

Нам суждено расстаться,

Час наш такой короткий...

Все-таки мы успели.

Все-таки мы сказали

Все, что сказать хотели,

В грохоте... на вокзале.

Нежные перезвоны

В каждом ласковом слове...

Как тяжело влюбленным

В годы борьбы и крови!

Крики кругом: «Свобода!»

Мне свободы не надо.

Годы ждала его, годы...

Медленно гасла радость...

И наконец, узнала:

Нету его на свете...

Камнем наземь упала...

Плач мой разносит ветер...

«Завесу бывшего откроем...»

Завесу бывшего откроем

И видим: в горящей стране

Идут рука об руку трое —

Война, и разлука, и... смерть!

Под залпы, под грохот орудий,

Сквозь черный удушливый дым —

Проходят, как грозные судьи,
Тоскующих женщин ряды.

Не надо свободы и славы —
Мы созданы, чтобы любить...
Отдайте нам светлое право
Любить и любимыми быть!

МЕДНЫЙ ГРОШ

Не осталось ни тропинки, ни следа
От ушедших в неизвестность навсегда.
Были. Жили. И куда-то все ушли
От любимых, от друзей и от земли.

А поля-то, как и раньше, зелены,
А леса стоят дремучи и темны.
Там, где были староверские скиты,
Нынче травы да лазоревы цветы.

Там по тракту в день весенний голубой
Проводили осужденных за разбой;
Там девчонка из медвежьего угла
Достоевскому копеечку дала.

Край, где люди по-хорошему просты,
Где размахисты двуперстные кресты,
Где умели и в молитвах, и в бою
Славить родину великую свою.

Только камушки остались от святынь,
И поля покрыла горькая полынь;
Но по-прежнему чиста и хороша
Светлой жалостью российская душа.

Помнишь, девочка безвестного села,
Как ты грошик Достоевскому дала?
Но едва ли ты, родная, сознаешь,
Что Господь тебя спасет за этот грош!

В МИРЕ МЕМУАРОВ

Мы с тобой врагами не добиты,
Но в тупик глухой заведены,
Два обломка королевской свиты
Короля трагической страны.

Подвиг — это миг самозабвенья,
Огненный полет в ночную высь.

Клятву долголетнего терпенья
Мы с тобою выполнить взялись.

Жизнь диктует новые законы,
Вожаки кричат: «Не отставай!»
Но перед отцовскою иконой
Огонек зажечь не забывай.

Никому нас не переупрямить,
Жизнь борьбой неравною полна.
В эти дни сожжем о прошлом память,
Чтоб не помешала нам она!

Чтоб душа слезой не растекалась,
В мусорную яму сволоку
Нашу эмигрантскую усталость,
Нашу эмигрантскую тоску.

НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

Что для нас грохочущие войны?
Марсом озарен наш темный путь.
Паника! А мы с тобой спокойны,
Только усмехаемся чуть-чуть.

Но и улыбаемся мы строго,
И в улыбках мудрость и печаль.
Мы с тобою потеряли много,
Головы остались... их не жаль!

И войны бояться мы не будем,
Хуже нам не может быть теперь.
Родину утратившие люди
Не страшатся горестных потерь.

Будем равнодушно жить, как жили,
Не нужны пока мы никому.
Слава Богу, близких схоронили!
В эти годы легче одному...

Мертвому спокойнее в могиле.
Да и нам спокойнее за них.
Ведь не раз с тобой мы говорили,
Что жалеть приходится... живых!

РОЖДЕСТВО НА ЧУЖБИНЕ

Во Франции, в Чили, в Китае
Звучит наш певучий язык;

Но каждый о ДOME мечтает,
К чужбине никто не привык.

Никто никогда не решится
Россию навеки забыть.
Нельзя по-чужому молиться
И быт неродной полюбить.

И в церкви в рождественский вечер,
Покорная горю и злу,
Я, сгорбив усталые плечи,
Поплачу тихонько в углу...

У женщины русской осталось
Прибежище тихое — храм!
И я свою боль и усталость
Сюда принесу и отдам.

«Дай, Господи, — сердце звенело, —
Услыши молитву мою!
Мужчинам — на родине дело,
А женщинам — храм и семью!»

Горят пред иконами свечи...
Сегодня родился Христос!

Но нам в этот радостный вечер
Нельзя удержаться от слез...

ПИСЬМО В АМЕРИКУ

Русским эмигрантам

Через бездонный океан
Из сердца нити протяну я,
И вам в сияньи чуждых стран
Напомню я страну родную.

Быть может, очень хороши
И Сан-Франциско, и Канада,
Но вам, сознайтесь от души.
Ведь все-таки... Россию надо!

Я знаю, вас не удивит
И небоскребами Нью-Йорка.
Под сводами нерусских крыш
Бывает больно вам и горько...

И я, изгнанница, как вы,
Пишу письмо вам из Китая,
Но здесь слышнее звон Москвы,

Виднее зорька золотая.

Я все, что можно, расскажу,
На строки алой кровью брызну!
Быть может, голову сложу
Я за страдалицу-отчизну!

Но вам хочу напомнить я
О тюрьмах, пытках и расстрелах.
В России русским нет житья
От палачей остервенелых...

Спрошу я каждого из вас
Двумя словами только: «Кто ты?»
Ведь Русскому нельзя сейчас
Уйти от жертвенной работы...

Меня поймете вы без слов.
Я здесь из чуждого Китая —
Считаю выстрелы врагов
И наши выстрелы считаю!

Через бездонный океан
Из сердца нити протяну я —
И вам под небом чуждых стран

Напоминаю Русь родную!

БЕССМЕРТНИК

У далекой реки,
Где живут и колдуют шаманы,
Берега высоки
И прозрачны ночные туманы.

Высоки берега,
Над водою — обрывы крутые.
И темнеет тайга
Со времен Ермака и Батыея.

Со времен Ермака...
Молчаливы степные курганы,
Молчалива река.
Где звенят бубенцами шаманы.

И другие живут,
Но другие попали случайно,
И они не поймут
Величавую древнюю тайну.

Тайну старой тайги,
Где ночные опасны засады.
Не отыщут враги
Драгоценные русские клады.

Первый клад Иртыша,
Что лежит, в волны темные канув:
Боевая душа
Ермака, победителя ханов!

Охраняет тайга
Клад второй: молодую Россию!
И пугает врага
Мрачным шумом лесная стихия...

Реки, степи, леса...
Сколько воздуха, солнца и шири!
И звенят голоса
Старой песней о Русской Сибири!

И казак удалой
Из безвестной сибирской станицы
Рисковал головой,
Охраняя родные границы.

«Жили мы на Оби... —

Так рассказывал дедушка внуку. —

Ты свой край полюби

За красу, за отвагу, за муку!»

Там бессмертник цветет,

Там шаманы звенят бубенцами...

Все чужое умрет,

Все родное — останется с нами.

ДАР УЛЬГЕНЮ

«Золотое озеро» на Алтае,

Горы гордо высятся над тайгой —

Это моя родина золотая,

Это мое самое дорогое!

Дым полоской стелется над логами,

Юрты островерхие дышат дымом.

Солнышко над конскими табунами...

Радостно рассказывать о любимом!

Кланяюсь ползущему с гор туману,

Издали сиреневым дальним скалам,

Буйному сердитому Чолышману!

Их красу я памятью отыскала.

Чу! Гремит молитвенно старый бубен.
Там Ульгеню молятся, там камлают.
«Мы вас, духи горные, чтим и любим!»
Голоса гортанные призывают.

В вечном одиночестве дремлют горы,
Грезят кедры древние в лунном свете.
Это все увижу я, но не скоро...
Жизнь моя летящая, вихорь-ветер!

В небе ястреб плавает одиноко,
В стороны кидаются птичьи стайки...
Шлю с улыбкой ласковой издалека
Дар Ульгеню песенный от алтайки!

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вставала затемно со свечкой.
Был слышен кашель за стеной
Шла умываться на крылечко,
Где умывальник жестяной.

А под навесом, в полумраке,
Где кони хрумкали овес,
Чужие лаяли собаки
И пахло дегтем от колес.

Сейчас поедem. Мимо пашни,
Там, где под взрыхленной землей
Лежит мужицкий труд всегдашний
И клад наш русский золотой.

За синеватой дымкой горы:
Алтай, утесы, снег и даль.
Мои знакомые просторы,
Моя знакомая печаль.

Блится куполом церковным
Вдали какое-то село...
.....
Опять меня к родным и кровным
Живое сердце увело!

И здесь, в чужом холодном мире,
Вдруг, не сдержавшись, закричу:
«Эй, далеко ли до Сибири?
Гони, ямщик! Домой хочу!»

ЕЛКА НА ЧУЖБИНЕ

Будь спокоен и весел сегодня,
Кинь заботу о завтрашнем дне.
Не грусти, что по воле Господней
Ты один на чужой стороне.

Здесь мерцает зеленая елка
Нежным светом грустящих огней;
И пластинка скользит под иголкой
У виктролы поющей моей.

Не тоскуй же, не надо, послушай,
Не один ты, нас много таких...
Злобный ветер обжег наши души
И на время как будто затих.

Если враг человек человеку,
То пристанище тихое — Бог!
Видишь, ветер двадцатого века
Потушить нашу елку не смог.

Значит, есть еще правда на свете,
Если праздник святой не забыт!

Пусть в сердцах ваших, русские дети,
Негасимая елка горит!

В этот вечер пойдем и поверим,
Что теперь мы с тобой не одни;
Что Господь нам воздаст за потери
И за горькие, слезные дни.

Светит русская елка в Китае.
Ты спросил: «А в Россию когда?»
Я ушедшие дни не считаю,
Потому что еще молода.

Моя молодость пламенно верит:
Близок день тот счастливый и год,
Когда Бог за тоску и потери
Нам на Родине елку зажжет!

НОВЫЕ

Достались нам тяжесть и горе,
В заботах о завтрашнем дне
Нам некогда думать о вздоре —
О картах, цыганках, вине...

Всю юность с врагами рубиться!
Всю молодость нищими жить...
И как-то суметь прокормиться
И близких своих прокормить.

Отцы увлекались балетом,
А дяди «ходили в народ»...
А мы и не мыслим об этом,
К иному нас сердце зовет.

Мы «чашу не пьем круговую»,
Нам некогда пить и гулять.
Отцовскую «скорбь мировую»
Нам тоже сейчас не понять.

Чужда нам былая Россия,
Советская — тоже чужда.
Живем на чужбине — чужие,
И наша царица — Нужда.

И все же сквозь красные дали,
Сквозь ненависть, слезы и тьму
Вплотную мы жизнь увидали
И цену узнали всему.

И то, что отцы не сумели
Наш дом сохранить от воров,
Искали туманные цели
И слушали песни без слов, —

Да будет нам вечной наукой!..
Сумеем иначе мы жить:
Мы гордостью, верой и мукой
Учились Россию любить!

ПУТЕМ ГЕРОЕВ

Склоняюсь пред бумажным ворохом,
Чтоб от забвения спасти —
Той крови цвет, тот запах пороха,
Те легендарные пути.

Чтоб над исписанной бумагою
Другие, головы склонив,
Прониклись той, былой, отвагою,
Почувствовали тот порыв.

И в каждом доме, в каждой комнате,
Где люди русские живут,

Пускай звучит печально: «Помните
Погибших подвиг, жизнь и труд».

Пусть эта память, как бессонница,
Тревожит шепотом людей,
О том, как гибла наша конница
От большевицких батарей...

Устали от житья унылого,
От горьких и голодных дней,
Но тень погибшего Корнилова
Нам стала ближе и родней.

Смерть за Россию — доля царская!
И помнить будем мы века
О том, что пули комиссарские
Пронзили сердце Колчака!

Уйти от омута нелепого,
От этой будничной тоски,
Погибнуть гибелью Кутепова
От злобной вражеской руки...

От себялюбия унылого
Веди нас, Божия рука,

Путем Кутепова, Корнилова
и Адмирала Колчака!

ВСЕ О ТОМ ЖЕ

Сижу, облокотясь на шаткий стол,
И слушаю рассказ неторопливый:
Про Петропавловск, про Тобол...
И чудятся разметанные гривы
Во тьме несущихся коней.

Я вижу берег синей Ангары,
Где рыцарскою кровью Адмирала
На склоне каменной горы —
Россия отречение начертала
От прошлых незабвенных дней.

Потом глухие улицы Читы...
И в мареве кровавого тумана
Сверкают золотом погоны и кресты
У офицеров ставки Атамана.
И смерть с серебряной косой...

На волнах дней кипели гребни пены!
А вот они, Даурские казармы,

Где за намек малейший на измену —
Расстреливали по приказу Командарма!
Чужим оказывался свой...

Владивосток... Но ослабели крылья,
И рушилась, пошатываясь, крепость...
У моря грань надрыва и бессилья...
И стала исторической нелепость!
И был убийственный откат.

И дальше слезные и бледные страницы:
Гензан... Гирин... Сумбурность Харбина.
Молчащие измученные лица.
Спокойствия! забвения! вина!
Возврата больше нет назад...

И проблесками в мрачной эпопее —
Упорство, жертвенность и героизм.
О них я рассказать здесь не успею.
Тебе, водитель сильных, Фанатизм,
Нужны нечеловеческие песни!

Прошли года. И чувствуем мы снова:
Близка эпоха крови и борьбы,
Из труб герольдов огненное слово!
Приказ Ее Величества Судьбы —

И Родина великая воскреснет!

АЛЛА КОНДРАТОВИЧ

ЛЕТО

У реки — прозрачность кристалла.

Вижу я песчаное донце,

Я теперь язычницей стала.

Я теперь поклоняюсь солнцу.

Мне не кажется жизнь жестокой,

Если ветер душистый веет.

Просыпаюсь... А на востоке

Облака слегка розовеют.

Как мне радостно, как тревожно,

Точно пламя, вспыхнуло лето.

Знала я, что это возможно,

Знала я, что случится это.

В полдень небо станет высоким,

В полдень солнце станет палящим,

И цветы пропитаны соком,

И цветы встревожены счастьем.

А в душе озаренность светом.

И от рук — легкий запах мяты,

Слишком ласковым буйным ветром

Травы здесь полевые смяты.

Упаду я на них в бессильи.

Буду долго плакать и биться,

А потом золотые крылья

Унесут меня в небо, к птицам.

АЛЫЕ ПАРУСА

Утро, как чистый лебедь,

Точно алмазы — роса...

На бирюзовом небе

Алые паруса.

Верю ли я обману?

Иль не прийти кораблю?

Вижу, стоит желанный,

Тот, кого я люблю!

Сердце, с рассудком споря,
Будто совсем не стучит...
Солнце бросает в море
Огненные лучи...

Ветер расправил крылья.
Слышу, поют голоса...
Ближе... Уже подплыли
Алые паруса.

Руку мне подал с лаской...
Тихо промолвила: «Ты ль?»

Может быть, это сказка,
Может быть, это быль...

НА ЯХТЕ

Ступить ногой на шаткий ют,
Потом слегка правей,
И снова ветры запоют
О вольности своей.

Глазами встретить чей-то взгляд,

Чтоб сердце расцвело,
И знать, что ты сегодня рад
И что со мной светло.

Лежать без мыслей и без слов
(Слегка шумит вода),
Чтоб нас куда-то вдаль несло
И было так всегда.

Лишь при команде «поворот!»
Слегка открыть глаза,
Увидеть белый-белый грот
И фон, как бирюза.

Прозрачна и хрустальна гладь.
Мне радостно, мой друг,
А яхты будут пролетать,
Как бабочки вокруг.

Но знай, что вновь неповторим
Вот этот самый миг.

.....

Туман сиреневый, как дым,
К воде почти приник.

ЯКОВ КОРМЧИЙ

КОНЕЦ ВЕНАДАД А

(IV Царств, гл. VIII, 7–15)

Был болен Венадад, сирийский царь, в Дамаске,

И Елисей-пророк в Дамаск пошел тогда.

И царь, узнав, сказал: «Колец возьмите связки,

Возьмите лучший дар, что я хранил года.

Ты, Азаил, возьми, иди, спеши навстречу

И так ему скажи: „Ты, человекобог,

Не раз от слов твоих проигрывали сечу,

Твой Бог к царю суров, но ты ли будешь строг?“

Я ль выздоровею, недуг осилю ль ныне?

Пусть спросит Бога он: оправлюся ли я?»

И Азаил пошел; стал на при к пустыне

И ждал того, чья речь — как блики лезвия.

И шли за ним дары, все лучшее в Дамаске,

Верблюдов сорок шло. И вот пророк пред ним.

И Азаил сказал: «Привет, дары и ласки

Царь Венадад прислал. Он недугом томим.

Он, сын твой, Венадад, он — Сирии владыка,
И он велел, чтоб я, твой раб, тебя спросил:
Оправится ли он, среди врагов великий?
Он столько поразил и ныне он без сил».

И Елисей сказал: «Ты господину скажешь:
„Ты выздоровеешь“, однако ж он умрет;
Господь мне говорил: кого в цари помажешь,
Тот меч мой предо мной народам понесет».

И взор свой на него он устремил упорно,
И пронизал его до глубины души,
И свет его очей прорезал сумрак черный,
И загудело в том сокрытое в тиши.

Смутился Азаил пред взором Елисея.
И вдруг пред ним в тоске заплакал Елисей.
В слезах стоял пророк, а тот спросил, краснея:
«Что плачешь, господин, туманя блеск очей?»

Тот отвечал ему: «Я оттого рыдаю,
Что вижу зло и кровь, которые с тобой...
Сынам Израиля я ныне провещаю
Упорный на года и непрестанный бой.

Их крепости — в огне, их юноши убиты,
Младенцы пронзены у матерей в руках,
И трупы гибнущих гробницами не скрыты,
Беременных мечом разрубишь ты в домах».

И Азаил сказал: «Что раб твой пред тобою?
Я, мертвый пес, ужель я для великих дел?»
И отвечал пророк: «Я от тебя не скрою,
Здесь Сирии царя я ныне усмотрел».

И разошлись они. Вошел тот к властелину,
И царь его спросил: «Что говорил пророк?»
Ответил Азаил, свою сгибая спину:
«Ты выздоровеешь, — сказал, — в кратчайший срок».

И день едва прошел, а ночью, одеяло
Водою намочив, царю он на лицо
Тихонько положил. И вот того не стало.
Стал Азаил царем, взяв царское кольцо.

МАРИЯ КОРОСТОВЕЦ

ПЕКИН

Мария Коростовец

Самый странный город в свете,
Город ярких крыш,
Над тобою цепь столетий
Пронеслась — ты спишь!

Величавые громады
Храмов и дворцов
Под немолчный звон цикады
Видят стаи снов.

И задумчивые ивы
В зеркале озер
Наблюдают сиротливо
Лотосов ковер.

В парке — видела воочью —
Бродит Кубилай...
Или это сторож ночью
Обошел Бэйхай?

Город завтрашний — вчерашний
В зелени садов.
Под стеной у старой башни
Много верблюдов...

Желтый ветер крутит тонкий
Лёссовый туман —
Скачет в лесе копий звонко
Старый Тамерлан.

Нас влекут по глади четкой —
Тсс... не надо слов...
Ярко убранные лодки
Вглубь восьми веков.

КИТАЙСКАЯ ШКАТУЛКА

Небольшой ларец. Наверху дракон.
Красок нежен цвет. Потемнел лишь лак:
Соблюдая обряд, красоты закон.
Рисовал его несравненный маг.
И сквозь цепь годов, через много рук,
Меж кудрявых туч изогнув хребет,
Сторожа дворец, — тайный враг иль друг,
Пролетал дракон, как туманный бред.
И в него, дрожа, не полночный вор,
При одной свече ростовщик-купец
Сыпал серебро, свой дневной позор,
И двойным замком запирал ларец.
И в него, смеясь, — хорошо любить! —
Мандарина дочь убрала подвес,

Баночку румян, жемчуг, яшмы нить
И любовный вздор молодых повес.
И неверный раб, хоть годами стар,
Пав на землю в прах, полотна бледней,
Принимал ларец, богдыхана дар,
А на дне шнурок вился, словно змей.
Исходя огнем, молодой поэт —
(«Пруд — луна — пион») ночи так тихи —
Куртизанки Сун воспевал портрет,
Ей тайком в ларце отсылал стихи.
Старичок монах, нищий и мудрец,
Собираясь в путь, в отдаленный храм,
Чашу, свиток сутр, четки клал в ларец,
Дело жизни всей посвятив богам.
Так скользит любовь, так скользит пророк,
Сводит с жизнью беспристрастный счет.
На ларце дракон, воплощенный рок,
Продолжает в даль, в вечность свой полет.
Он летит один между синих струй,
Средь кудрявых туч, через цепь веков,
Изогнувши мост золотых чешуй,
Равнодушный к лжи человеческих снов.

Январь 1941 Пекин

ФЕНИКС

Девочка скользнула, торопливо
Стянутыми ножками ступая.
На восток, где одинокой ивы

На траву ложилась тень густая.

Серебром браслетов прозвенела,
Оглянувшись, нет ли там погони:
Вдруг увидит мать, что так, без дела
Скрылась помечтать на этом склоне?

Желтолицая, глаза раскосы,
Разметались рукава халата,
Красной шерстью перевиты косы,
В волосах горит цветок граната.

Хорошо сидеть, обняв колени,
На причале у реки любимой
И следить, следить, как в грязной пене
Щепки по воде несутся мимо.

Мимо, вдаль, куда-то — неизвестно.
К новым городам, в жару иль стужу,
И она, покинув это место,
Уплывет на лодке вместе с мужем.

А теперь смыкаются ресницы
От объятий алого заката.
Что? Из солнца вылетает птица,

Осиянна, радужна, крылата.

Будто птицы с материнских чашек!

Ближе. Ослепительно сверкнула

Яркой молнией цветных стекляшек.

Девочка в том блеске потонула.

А потом от всех блюла ревниво

Тайну лучезарного виденья

Птицы царственной под сенью ивы.

Протекли года с того мгновенья —

Девочке правления кормило

Рок вручил, отметив: пронеси!

И она в историю вступила

С августейшим именем Цы Си.

РОССИЯ

О, Русь! Утерянная скиния,

Куда нам заповедан вход,

Среди снегов в узорах инея,

Где вьюг нестроен хоровод:

В лесной глуши ты дышишь тайною.

Как кипарисовый киот,

И лишь тропинкою случайною
Наш вестник до тебя дойдет.

Через века — веками строилась —
Нам принесла ты благодать,
И много светлых упокоилось,
Тебя пришедших защищать.
И много темных с дерзновением
Искали троп, чтобы сломить
Тебя, но тайным мановением
Судьба спряла иную нить.
И вот теперь стоим, усталые,
На рубежах иных времен
И верим: вспыхнут зори алые,
Рассеивая скучный сон.

«Четвертый раз расплавленный металл...»

Четвертый раз расплавленный металл
Налили в форму, сложенную туго,
Но колокол опять не зазвучал,
И спрашивали люди друг у друга:
«За что на нас прогневался Господь?
Все эти неудачи не случайны».
И мастер изнурял постами плоть,
Моля открыть ему звучаний тайны.
Открыть на все терзания в ответ

Тот перезвон серебряного сплава,
Который, словно ангельский привет,
С холма на холм несется величаво.
В его ушах струится этот звон,
То уходя, то подступая снова.
«Любовь и жертва! — пел, казалось, он, —
Любовь и жертва!» — два заветных слова.
И сердце мастера все расцвело,
В его груди заискрились огнями:
Несказанно-блаженное тепло!..
Все человечество с его грехами,
Приняв, он безвозвратно полюбил,
Ему хотелось о сладчайшей жертве
Петь колоколом из последних сил...
Один прыжок — в объятия красной смерти.
Искали мастера, но не нашли,
Отливку без него благословили,
И звон прошел во все концы земли,
Единственный по красоте и силе.

КАМЕЯ

Мастер, к станку наклонясь, точит овал сардоникса.
И под нажимом резца рушатся стены веков:
Вот выступает, угрюм, профиль орлиный поэта.
Без Беатриче и рай муками ада томит.

ПОЭТ

Пусть нам скажут: «Поэт нам не нужен», —
Пусть смеются над нами в лицо —
Мы, поэты, смыкаемся туже
Не в кружок — в золотое кольцо.

Пусть, насмешливо вздернув плечами,
Разжиревший и наглый торгаш
Процедит размалеванной даме:
«Я бы отнял у них карандаш».

Но когда на душе неуютно.
Дождь дворы заливает кругом,
И, казалось бы, тут не до лютни,
Еслиходишь в нетопленный дом,

Мы подсядем к пустому камину,
И пустой загорится камин:
Я платок полинялый накину —
Горностаевый мой палантин.

И уйдем в недоступные страны
Мы жемчужной тропой в пустоту,
Где певуче-цветные обманы

Нам покажут в глаза Красоту.

Мы увидим такие рассветы,
О каких торгашам не мечтать:
Только дети, глупцы и поэты
Сохраняют еще благодать...

Пусть фонарь отражается в луже,
Освещая скупое крыльцо —
Мы, поэты, смыкаемся туже
Не в кружок — в золотое кольцо.

МЫ ПЛЕТЕМ КРУЖЕВА

В отсыревшем подвале у ткацких станков
Толпы девушек нити ткут.
Те слепые ткачихи живут без снов,
Ибо вечный удел их — труд.

Они трудятся утром, сгибаются днем,
Даже ночью шуршит челнок,
И всегда в темноте — для чего с огнем? —
Не кончая, кончают урок.

И испуганно радость зовут бедой,
И сердца одевают льдом,
А жестокая смерть непреклонной рукой
Их уводит в свой вечный дом.

Но сказала одна: «Я раскрою глаза!»
И другая: «Ведь я же не крот!
Пусть захватит, закружит, затреплет гроза,
Мы изменим станка поворот!

Нам раздвинется небо — крутой водоем,
И душа затрепещет, жива.
Пусть растают сердца! Мы не ткем, мы не ткем,
Мы плетем кружева!»

ЮСТИНА КРУЗЕНШТЕРН-ПЕТЕРЕЦ

РОССИЯ

Проклинали... Плакали... Вопили...

Декламировали:

«Наша мать!»

В кабаках за возрожденье пили,
Чтоб опять наутро проклинать.
А потом вдруг поняли. Прозрели.

За голову взялись:

«Неужели?

Китеж! Воскресающий без нас!

Так-таки великая! Подите ж!»

А она действительно, как Китеж,

Проплывает мимо глаз.

28 июля 1944

ДОМ

Холодный опустевший дом,

И тишина, и пыль, и мрак —

Дом выстроен был кое-как

И обречен давно на слом.

А все ж он был кому-то мил,

И кто-то в нем когда-то жил

Еще недавно иль давно,

И кто он был — не все ль равно.

Я мертвого не разбужу,

Я тихо сяду на скамью

И ношу тяжкую мою

Бесшумно рядом положу.

Багаж мой — паспорт да портплед,

Стихов немного, много лет,

Да сердце, ставшее сухим,

Как будто вовсе не моим.

Да, в этом сердце не сыскать
Тех чувств, что раньше бились в нем,
Но отчего же странный дом
Меня заставил задрожать?
Простой некрашенный фасад,
Подслеповатый окон взгляд,
И челюстью вперед крыльцо —
Совсем знакомое лицо.

Мое лицо... морщин моих
Я вижу на стенах узор,
И плющ, как головной убор
На волосах моих седых.
Я зеркала не сберегла,
Но всюду, всюду зеркала,
И чем они мутней, темней,
Тем сходство скорбное полней.

ДЫМ

Уходя от родины навеки,
Не гляди на дым,
А зажмурь заплаканные веки,
Крепко их зажмурь.
Дым не раз еще увидишь снова,
Но таким седым

Может быть он только у родного
Дома — в годы бурь.
И еще не раз глаза усталой
Ты протрешь рукой
И подумаешь о том, как мало
Свой любил ты кров,
И еще не раз слеза ресницы
Обожжет тоской,
Это зов далекий возвратится,
Это — дыма зов.

«Когда-то... мне мальчик-колчаковец дал на хранение гранаты...»

Когда-то...

Мне мальчик-колчаковец дал на хранение гранаты.
Могли пригодиться — поход предстоял не один.
О, я их хранила самоотверженно, свято,
Как честь их хранила. Таила от мамы, от брата
И плакала после над шуткой — над ящиком мандарин.

И снова у ящика. Не мандарины — гранаты.
Приказано сдать. Граната в руке у меня.
Но как они счастливы, глупые эти солдаты,
Что больше не будет ни пороха, ни огня.
Бегут не в защитном. Успели одеться в халаты,
У каждого в мыслях жена, или мать, или сын.
Взорвать их? Имею ли право? И я положила гранату,

Хозяйка их жизни, как в вазу кладут мандарин.

ПОРАЖЕНИЕ

Вьется улица трубкой коленчатой,
Но куда ей уйти от позора,
Если взят, обещен, как женщина,
Истомленный бомбежками город?

И какая-то подлость читается
На испуганных лицах прохожих.
Это новая жизнь начинается,
Ни на что не похожая.

1949 шанхай

ВСТРЕЧА

О, как ей мечталось о музыке вечной
Шуршащего леса, привольного сада,
О благовесте с колокольни заречной,
О жаворонках, соловьях и цикадах.

Но родина встретила гулом завода.
Молчаньем зарубленных дедовских вязов,
Вопросом: «Как прожили вы эти годы?» —

Да шепотом сестриных страшных рассказов.

«Покамест не надо... Пожалуйста, позже...»

Покамест не надо... Пожалуйста, позже,
Когда переплетами стиснем страницы,
И все аккуратно по полкам разложим,
И сможем уже ничему не дивиться.

Тогда мы освоимся в смешанной стае
И слов, и ошибок, и всех недомыслий,
И, может быть, даже немного оттаем,
Как эти сосульки, что в окнах нависли.

Но нужно покамест в лубки бинтоваться,
И голову выше, что только есть силы,
Чтоб после, когда-нибудь, лет через двадцать
Привычное имя произносилось

Без боли... без стона... без лишней бравады,
Чтоб были стихи, как отреявший ладан:

«Я очень спокойна, но только не надо».

CHINA DOLL

Владимиру Померанцеву

Барабанил по клавишам. О зачем эти руки боксера?
Каждый взмах — зуботычина. И казалось, что бедный Шопен
Обливается кровью. Но, случайная, с верткостью вора,
Серебристая нота над сыростью стен.
Музыкант не слышал ее. Словно оглохший от грома,
Продолжал молотить — все равно ничего не поймут.
Обломалась педаль. Он вскочил. Он налил себе рому,
Отвернулся и плюнул: «Дурацкий прелюд!»
А душа-то болела. Болела по-русски, бешено.
Он с проклятьями трижды измерил прокуренный холл.
На рассвете кантонском, после ночи кромешной,
Узкоглазая девушка. Он ее называл China Doll.
Да и та не спасла. Пистолет или яд?
Ничего не известно. Не говорят.

ЯН ГУЭЙ-ФЕЙ

Душный ветер траву колыхает сердито,
Пыль нависла над степью, как желтый туман.
Утомились и люди, и кони. Без свиты
Подъезжает к подножью горы богдыхан.
Вот он спешился. Вот повернулся он круто.
Он один, а над ним только небо и зной,

Но измученный конь понимает как будто,
Что хозяин ушел говорить с тишиной.

Тут
Раскаленные вихри жестокою землю метут,
Ту, что стала постелью твоей,
Ян Гуэй-фей.

Ян Гуэй-фей,
Помнишь лотосов чащи на темном пруду?
Помнишь нашу тропинку в дворцовом саду,
Там, где склоняется к водам узорный бамбук?
Твой парчовый рукав,
Башмачков твоих стук.
Блеск нарядных запястий?
Это — счастье,
Что нельзя возвратить, потеряв
Ян Гуэй-фей.

Ирис шепчет о ней, и воркуют свирели,
И бряцают о ней жемчуга ожерелий,
И зеленый нефрит
Говорит:
«Я люблю Ян Гуэй-фей».
Девять лет безмятежных неслышно пройдет,
Но раскроются настезь все девять ворот,
И однажды под гром барабана

Ты с постели подымешься рано.
В небе утреннем розово-синем
Развевается знамя павлинье.
Распахнулись все девять ворот,
Ты глядишь в пустоту,
И лицо твое снега бледней.
Почему ненавидит народ
Красоту
Ян Гуэй-фей?

У подножья высокой Омэ
Император как в тесной тюрьме.
Даже здесь, далеко в Сычуане
До дворца докатилось восстанье.
Отдохнуть.

Но возможен ли отдых?

Снова крики — все ближе, страшней.
Копья подняты в воздух,
И грозят они ей,
Ян Гуэй-фей.

Ян Гуэй-фей.

Это — брови, как листья у ивы,
Что тонки и красивы,
Это — пение арф.
Это — губ горделивый излом.
Это — шелковый шарф
Затянулся на шее узлом.

На руках у солдат бездыханное тело...

А хотела

Жить

Ян Гуэй-фей.

По земле расстилается тень,

В душном воздухе реет гроза.

И как в тот трижды проклятый день,

Богдыхан закрывает глаза.

1949

ЛИ ТАЙ-БО

Сидел развалясь, он, веселый и пьяный,

Забывши о том, что нельзя и что можно.

Он крикнул: «Вина!» — на пиру богдыхана,

Ну словно в харчевне орал придорожной.

Придворная знать удивлялась нахалу.

Вниманьем охвачены взоры и уши.

Сама Ян Гуэй-фей для него растирала

На блюдце фарфоровом палочку туши.

Он снял сапоги и швырнул их, икая.

Забегала кисть по тончайшей бумаге,
И тишь воцарилась в палате такая.
Как по мановению грозного мага.

Красавица смотрит на руку, на свиток,
И рдеет в лице ее нежный румянец.
Ей пишет стихи Ли Тай-бо знаменитый,
Хоть первый из самых отчаянных пьяниц.

Он встал. Бородища — растрепанный веник.
Забрал сапоги и уходит с поклоном.
Не нужно ему ни почета, ни денег,
Соскучился он по просторам зеленым.

Однажды у речки, веселый и пьяный,
Забывши о том, что нельзя и что можно,
Он крикнул: «Луну!» — и с ковшом оловянным
Бултыхнулся в воду неосторожно.

Друзья удивлялись, жалея нахала:
«Он баловень жизни, народа и трона,
Сама Ян Гуэй-фей, отведя опахало,
Не раз улыбалась ему благосклонно».

Часами сидел он в харчевне, икая,

Швыряя монеты ребятам и нищим,
И сволочь его окружала такая,
Какой никогда и нигде не отыщешь.

Он сам уничтожил судьбы своей свиток,
С великими гордый, с презренными равный.
Чудесного дара огромный избыток
Не смог довести он до старости славной.

Плывет бородища — растрепанный веник.
Нет, рано еще говорить о поэте.
Бродягу и пьяницу знал современник,
Поэт Ли Тай-бо — это тысячелетьям.

1949 Шанхай

«Холод осенний в китайском панно...»

Холод осенний в китайском панно.
Птицы загрезили дальними странами.
Птицы молчат над плакучими ивами.
Ивы поникли зелеными гривами,
Ивы оделись седыми туманами.
Холод осенний в китайском панно.

1953 Шанхай

«Шорох ли... Шепот ли... Непостижимый...»

Шорох ли... Шепот ли... Непостижимый,
Над головой пронесется он мимо.
Хочешь поймать его? Нет! Безнадёжно!..
Но отчего же ты вздрогнул тревожно?
Хрустнули пальцы измученных рук...
Был ли знакомым тот звук?

ПРОЩАНИЕ

В блеске печальном свечей
Заколебалась парча
У плеча.
Больше не надо речей.
Веер к губам поднесен.
Все.

«Жизнь спокойней. Жизнь как будто соннее...»

Жизнь спокойней. Жизнь как будто соннее,
Отшумели все ее ветра,
За очками тихими иронии
Побредут, хромя, вечера.

Не болеть уж больше одержимостью

Ни страстей, ни песен, ни борьбы —
Это в книге засыхает жимолость
Не расцветшей — выцветшей судьбы.

«Ты любишь цветы? Я их тоже любила...»

Ты любишь цветы? Я их тоже любила,
Но только мои — облетели, завяли.
Твои же пытаются цвести на могилах
Фарфоровой хрупкой печалью.

Ты любишь любовь?.. Я любила когда-то:
Ее или тех, кто дарили ее мне?
Не помню... все это ушло без возврата...
И ты постарайся, не помни.

«С ногтей так быстро сходит лак...»

С ногтей так быстро сходит лак,
Так быстро вянет портулак —
И так же быстро жизнь скользнет,
Как лифт, опущенный в пролет.

Белеют ногти от тоски,

Чернеют в книге лепестки,
И, зубы в губы зло вонзив,
Решишь, что жизнь — нелепый миф.

Все вычеркнуть, перечеркнуть,
Твердить себе: «Забудь! Забудь!»
Все суета, все — только тлен,
И сердцу — ничего взамен.

«Часто на Бога сетую...»

Часто на Бога сетую,
Злюсь на себя, ропщу.
То, что сыта, одета я,
И замечать не хочу.
Горестей моих горы,
Радости ни на грош.
А нищенка под забором,
Наверно, думает: «Врешь».

ДЫМ

Волчья кровь у меня. Волчья кровь в моих спутанных жилах
Говорит, и гудит, и поет, и взывает о мести.
Я волчихой была. Я по-волчьи жила и любила —

Не жалейте меня. Это ей, белокурой невесте,
Что сегодня, краснеющую, подведут к жениху,
Ваша жалость нужна. Это ей на пути лебедином
Слово доброе нужно. А мне, что одна издыхала на колющем мху,
Что, едва зализав свои раны, бежала в долину,
Где скрывался мой недруг. Мне, что вонзала в детеныша зубы,
Если был он труслив. Мне, седой, но внутри еще черной,
Мне, которой не нужны ни люди, ни боги, ни норны,
Мне — костер из сухого бы дуба.
Зажилась я на свете. Я с вами бессменно в столетьях,
В ваших снах, в ваших сказках. Пронесят меня ваши дети
Через жизнь, через смерть, на проклятье храня, не на счастье
Из клыков моих острых звенящие гневом запястья.
Лишь огонь вас спасет от наследья волчихи-прабабки.
Разложите ж костер, чтобы дым был и черный, и едкий,
Сядьте в круг, подожмите покорные лапки
И смотрите — я вышла из клетки.
Я хвостом заметаю следы, по которым, давно ли, —
Я бежала за волком вот эту самую дорогой,
Я стонала, хрипела. Я выла у вашего лога,
Выть еще я умела от боли.
Все хвостом замету. Эти кости, которым нет счета,
Череп, из которых я — жадная — мозг выпивала,
Все, что было добыто охотой,
Все, на что меня злость посылала.
Пусть сгорит это все, чтобы дым был и черный, и едкий,
Чтоб тяжелым костром нависал он над вашими головами,
Чтобы слезы глаза вам кололи больней, чем иголки,
Чтобы радовались ваши далекие предки,
Этим дымом прощаюсь я с вами,

Волки.

НОРА КРУК

«Белые, чистые хлопья на этой панели...»

Белые, чистые хлопья на этой панели

В грязь превращаются. Белые, чистые — в грязь.

Город жестокий украсить они не посмели,

Он ненавидит все чистое, не таясь.

Вот он — Шанхай. Над чудовищным месивом грязи

Льется из окон высоких прикрашенный свет,

Судьбы людские без смысла, без цели, без связи

Прячут от жизни нарядные тюль и жоржет.

Климат душевный тяжел, ограниченны дали,

Страшно, что вакуум жизни уютен и чист,

Люди и сами смертельно уютными стали,

Тянет в болото безжалостный город-садист.

«Я хочу, чтобы память осталась в ладонях...»

Я хочу, чтобы память осталась в ладонях,
чуть шершавая память китайской одежды,
и чтоб запах остался неувядаем
тех пионов, и ландышей, и надежды.

Твои губы шершавые жарко дышат,
а глаза твои узкие — угольки.
Нас никто не увидит и не услышит
близ моей желтокожей родной реки.

Вечера, о которых потом писали
«незабвенные вечера»...
И чего мы друг другу не обещали
...как вчера.

Опускается занавес. Все сместилось,
все затянуты в битвы идеологий
и впадают балованные в немилость —
их с Олимпа преследует голос строгий.

Глас народа? Так думали и в России.
Снова бегство... Разлука. Прощанье ранит.
А в стране из поэта возник Мессия...
Я хочу, чтоб в ладонях осталась память.

1957 Китай

ИРИНА ЛЕСНАЯ

СТЕПНЫЕ ЗЕРКАЛА

Чуть видно струится над степью нагретой

Серебряно-тонкая мгла;

Плывет в тишине синеглазое небо,

В степные глядясь зеркала.

А воздух над травами легкий и пряный,

Ковыль разостлался ковром.

Над дальней дорогой, под старым курганом

Сапфирное небо шатром...

Сбегают к болотам по влажному скату

Цветные коронки цветов...

Синеющим вечером выйду к закату —

У насыпи ждать поездов.

Ковыль отражается в глади зеленой,

Над степью бегут провода...

Я все вспоминаю тот день озаренный...

Как больно мне было тогда!

Горел семафор в полутьме изумрудом,
И сталью блестели пути
И, в даль убегая заманчивым чудом,
Манили куда-то уйти...

Но гасло на западе алое пламя,
Нахмурилась, темнел небосвод:
Таинственно вечер звенел голосами
Степных отдаленных болот...

А звуки дневные все тише и глуше.
Наш день отгорел и затих.
Больной безнадежностью веяло в душу
От темных просторов степных.

Томилося сердце... Но губы молчали...
Сигнальный фонарик сверкнул.
И ветер донес из нахмуренной дали
Колес нарастающий гул.

Глазами прожекторов ночь осветилась,
Зажглись позолотой пути...
И что-то живое в душе надломилось
И умерло с горьким «прости»...

И степь поглотила гудки и сигналы,
Разбег равномерный колес...
Но не было в сердце безумно усталом
Ни горя, ни мыслей, ни слез...

Мерещился только над темной равниной
Последний тоскующий взор...
А рельсы блестели... Зловещим рубином
Зажегся вверху семафор.

.....

И все же я выйду на алом закате
Сегодня... и завтра опять...
Грустить на песчаном желтеющем скате
И вдаль поезда провожать.

На старом кургане, травую одетом,
Где вниз оборвалась скала,
Взгляну, как плывет синеглазое лето,
В степные смотрясь зеркала...

ДАЛЕКИЙ СОН

Город стынет в морозном флере,
В электрических ярких огнях,
А над городом в звездном узоре
Рождество развернуло свой стяг.

Уронило морозные стрелы,
Блеском вспыхнуло в каждом стекле,
Голосами зимы прозвенело
В серебристой рождественской мгле...

И пришел позабытою тенью
Вместе с запахом хвойных ветвей,
Вместе с тихой тоской сожалений
Облик прошлых пронесшихся дней.

Заплелось причудливой аркой
Детство... юность... далекая рань...
И пригрезилась близко и ярко
Убеленная снегом Рязань...

Захотелось до муки, до боли
Отряхнуть налетевшие сны...
Подойти к многозвучной виктроле,
Чьи напевы забвенья полны.

И под звуки мотива иного,
Что не вызовет старых картин,
Перепутать прошедшее с новым,
Перепутать с Рязанью Харбин...

Эти нити никто не развяжет!..
За окном — шум обычной езды...
...Никому ничего не расскажет
Яркий свет Вифлеемской звезды...

В эту ночь всюду было бело...
Рождество, прикоснувшись ко мне,
Голосами зимы прозвенело
О далеком, далеком сне...

ОСЕНЬ ЛЮБВИ

Умирает любовь... умирает...
Я прочла это в милых глазах.
В мертвых листьях, что землю скрывают,
И в прощальных осенних цветах...

Наши тихие, тихие встречи
Вы не будете больше любить
И в прозрачный опаловый вечер
Не придете со мною грустить

Над осенним больным листопадом...

И на дружеский светлый привет
Не ответите любящим взглядом,
Не уроните ласку в ответ...

Вы ко мне не войдете, как прежде,
И, смущаясь, не скажете «ты»...
Ах, в какой драгоценной одежде
Хороню я любовь и мечты!

В блеклом золоте... в ярком багрянце...
В серебре паутин кружевных...
Все забыто. В медлительном танце
Крюют листья прощальный мой стих...

Больше вам ничего не отвечу,
Больше вам ничего не скажу...
В этот тихий опаловый вечер
Я спокойно от вас уйду.

Не вернутся волшебные зори,
Что когда-то над нами цвели...
На мое затаенное горе
Небо осени льет хрустали.

Я смотрю, как бассейн отражает

Разноцветные листья осин,
И усталость мне душу пронзает
Ледяным серебром паутин.

ЛЮБОВЬ-ЧАРОДЕЙКА

Каждый день несет свои заботы.
Стоит ли об этом помнить нам?..
На экране — огненные взлеты
Световых сверкающих реклам...

Далеко, за синим океаном,
Ночь сошла на дальний материк.
Чуждый город развернулся станом...
Чуждый город сказочно велик.

Жизнь разлита в световом тумане, —
Тьма не в силах света превозмочь...
Ах, каким волшебством на экране
Стынет электрическая ночь!..

Арки, башни, звездные букеты.
Белые фонтаны в глубь небес,
Поезда, как яркие кометы, —
Целый мир сверкающих чудес!..

И плывут громады Нью-Йорка
К облакам — железо и бетон...
Только звезды сверху смотрят зорко
На земной необычайный сон.

А у нас все серо и обычно,
Нет у нас сверкающих поэм.
Ночью звезды смотрят безразлично,
Как наш город спит спокойно-нем.

Но когда в душе поют сонеты,
А любовь, как крылья звонких птиц,
Для чего нам сказочные светы
Всех шумящих мировых столиц?!

И не тянет к берегам безвестным —
Все равно в толпе — лишь ты один!..
И с тобой мне кажется чудесным
Наш уютный маленький Харбин...

Где-то под волшебною луною
Плещет океанская волна...
Для меня лишь там, где ты со мною, —
Самая чудесная страна...

И под пенью киноаппарата
Уносясь на чуждый материк,
Мы познаем, что любовь крылата,
Как страницы чародейских книг.

НАПИТОК ОСЕНИ

Разбилось солнце о цветные листья парка
И о холодную немую синь воды.
Осенний день горит спокойно и неярко,
Осенний день — из голубой слюды.

Поля поблекшие под синим небосклоном
Грустят о ласке уходящего тепла.
Курорт пустеет, и ломается со звоном
В заливе стынущем прощальный плеск весла.

А на изрезанных колонках у беседки,
За серебром повисших с листьев паутин,
Имен любимых стерлися заметки,
И старый парк теперь совсем один...

Увядший первый лист мою печалит душу...

А дали все безгранней и светлей.
По вечерам медлительней и глуше
Меланхолическая песнь аллеи.

Они поют о том, что лето умирает, —
Их гимн печальный трогательно прост;
Ночами небо ярко прорезают
Пути куда-то падающих звезд...

Ах, осень грустная с холодным синим взглядом —
Твоим дыханием туманится земля!..
Зовущий день наполнен сладким ядом
Напитка осени — из звезд и хрусталя.

Прозрачный день... Светло раскрывшиеся дали
Сквозь шорох листьев и ветвей зовут уйти...
В родных степях, где краски лета отсверкали, —
Просторы... ясность... и бескрайние пути...

Уйти б туда, где под прохладой ночною
Певучей жалобой наполнены поля,
И вместе с ветром пить тоскующей душою
Напиток осени — из звезд и хрусталя.

СКВОЗЬ КРУЖЕВО ЛЕТ

Когда возвратится от северных льдов
Зима белоснежной поэмой,
Я как-то невольно в тиши вечеров
Тянусь за любимую темой.

И хочется мне, когда сумеркам вслед
Идет по снегам бывшее,
Смотреться в него через кружево лет
И грезить о льдистом покое...

Над розовым снегом в закатной тени
Низать вдохновенные строки...
Ах, эта влюбленность в алмазные дни
Из детства берет истоки.

Лазурные сумерки смотрят в стекло,
Как прежде когда-то бывало...
И я позабуду, что детство прошло,
Что детство мое отсверкало...

Зимой хорошо при огне, в вечера
Отдать своей ласковой музе
И слезы о счастье, и звоны пера,
И ломкую радость иллюзий.

И все, что рождалось в ночной тишине
При взгляде на звезды ночные,
И все, что зимою навеяли мне
За окнами льды голубые...

Идут вечера в тихой смене часов,
И счастье проходит мимо...
Но светлая радость моих стихов
Со мной в эти белые зимы!..

Придет Новый год в снежном беге дней,
За ним — Рождество голубое,
Со звездами в свете бенгальских огней,
В чудесном запахе хвои.

Придет и уйдет... и опять я одна
Останусь с печалью желаний
Смотреть на кристаллы в квадрате окна,
На воск от крещенских гаданий.

И грусть моя — к прошлому ласковый мост,
А радость — для всех незрима...
Вот так и проходят под знаком звезд
Неслышные белые зимы...

За окнами — снег... Мой далекий привет
Рассыпался в звонкой поэме...
Зима... И невольно сквозь кружево лет
Тянусь я к любимой теме.

ХРУСТАЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА

Весь мир заполнен звездной мглой...
Под небом сумрак голубой
Плетет таинственную сагу.
Печаль в душе звучит струной,
Я перед белою стеной
Сегодня буду жечь бумагу,
Смотреть, как из истлевших груд
На белом фоне возникают
Венцов и замков очертанья...
Свеча тускнеет, как опал,
И смотрят тени из зеркал
На немудренное гаданье.
Гаданьем счастье суждено!..
Да только я уже давно
Звонящих снов разбила стаю...
Забыв любимые черты,
Ни радости, ни красоты
Я в жизни больше не встречаю.
И юность горькая сквозит

Постройкой из хрустальных плит,

Такой надломленной и шаткой...

Случайный вихрь ее сметет...

Ах, что мне даст рожденный год.

Слетев волнующей загадкой?..

Какой мятеж апрельских дум,

Какой сжигающий самум?..

Какой июль?.. Какую осень?..

Жизнь — неразгаданный каприз...

Но примиренно смотрит вниз,

Вся в звездах, ласковая просинь...

Мир все же чуден и велик!

И мне пригрезилась на миг

Вся жизнь — таким же небосводом...

Хоть счастья я уже не жду,

Но все же в сладостном бреду

Склонилась перед Новым годом.

А сердце полнится тоской...

И так печально под ногой

Звенят любви моей осколки!..

Но, приближаясь к рубежу,

Я никому на расскажу,

Как мысли горестны и колки...

Нет, мир — холодный и чужой!..

И жизнь мне кажется порой

В волнах качающейся шляпкой...

А юность горькая сквозит

Постройкой из хрустальных плит,

Такой надломленной и хрупкой.

ИЗДАЛЕКА

Вот опять знакомая кабинка,
Вниз ступеньки, весла и помост,
Золотые по воде тропинки
В синий край ведут воды и звезд,
И вода певучая не молкнет,
Все поет, поет о чем-то мне...
И плывут оранжевые окна
Маяка, как люки, в глубине.

Волны все далекое уносят...
Плыть бы, плыть и думать о своем,
Знать, что близко на цветном откосе
Ждет нас милый терпеливый дом.
Там качает ветер занавески,
И влетают в сумрак голубой
Водяные шелковые всплески,
Тонких склянок отдаленный бой.

И, полна покоя и уюта,
Примет нас в рассветной полумгле
Комната, как тихая каюта
На спокойном старом корабле.

МЕЛЬНИЦА В ЛЕСУ

Над старым омутом, на ветхих сваях,
Как в сказке, мельница в глухом лесу;
Вода дремотная поет, сверкает.
И льется, льется по колесу.

Луна в опаловом встает пожаре,
А чащи сумрака полны.
Какая сказочность, какие чары
В пейзаже этом заключены?

Вот так и чудится: на ветхий мостик
Сойдет, зевая, седой колдун,
И под рукой погнутся ветки,
Вода качнется... и в глубину

Луна уронит свой диск блестящий,
Замрет все в сказочном полусне;
И князь Серебряный из темной чащи
Неслышно выедет на коне.

Явь или сон? Тихо меркнут краски.
И мостик стар, и вода темна...
И дремлет мельница во мхах и сказках,

И леса старого стоит стена.

ТАЙГА

Дикий край неоглядный
Без пути и дороги,
Где уходят в туманы
Голубые отроги!
Где в ложбинах зеленых
Сон полдневный недвижим,
И цветут анемоны
У разрушенных хижин;
Где колдуют напевы
Перламутровых речек,
Словно Божьи посева —
Огнецвет у крылечек.
Вечера синеоки,
Даль близка, как ограда,
Слышны в пенье потоков
Серебро и прохлада...

И когда в поющий этот час
Лес оденет алую корону,
Я слежу, не опуская глаз,
Силуэт идущего по склону.
На одежде — листья и смола,
На него медведь смотрел из чащи;

Прятала угрюмая скала
Ствол настороженный и грозящий;
Под ногой качалась синева, —
След таят коварные болота, —
Выпрямляясь, шелестит трава:
«Здесь пробрался очень смелый кто-то...»

Он дойдет... В вечерней тишине
Заскрипят замшелые ступени,
И, усталый, подойдя ко мне,
Голову уронит на колени.
Это ты, шумящая тайга,
Встречи миг, простой и благодатный,
Охранив от смерти и врага,
Отдаешь мне вечером обратно!

ОСЕНЬ

Уж по утрам сквозь лед звенит вода,
И звон ее последний и усталый...
Ночами звезды — как осколки льда,
И по степи гуляют часто палы:
Бегут, бегут и кружатся огни,
Путает птиц далекий дым пожаров...

...Но хорошо в синеющие дни

В цветном лесу дорогой ехать старой.
Прощальной грустью воздух напоен,
Здесь алый лист и красный цвет брусники,
Не грея, солнце в этот легкий сон
Роняет сверху трепетные блики.

Деревья жжет невидимый огонь,
И все вокруг так хрупко и тревожно,
Так грез полно, что даже чуткий конь
На лист сухой ступает осторожно.

Таясь в корнях, родник еще поет —
В последнем сне — о мире и забвеньи,
И шепчут листья: «Все пройдет, пройдет,
Так пей же чашу тихого терпенья.
Мы даже боль былую не вернем!..»

Дорога вниз...
Пора коню на отдых.
Над падью, опаленною огнем,
Стоит спокойный горьковатый воздух.

Хинган

ПОЕЗДА

В жизни всюду встречи и дороги,

Всюду — путевые огоньки...
Что-то мнится, как сигнал тревоги,
Радости нежданной иль тоски.

Вспыхнет небо звездными огнями,
А луна над степью, как опал.
Хорошо такими вечерами
Выйти на темнеющий вокзал

И стоять подолгу на перроне,
Слушать, как рокочут провода,
И следить, как в грохоте и звоне
Пролетают мимо поезда.

В дали... в неизвестность... к новым странам,
К песням моря, к шуму городов,
К золоту пустынь и к их обманам,
К белым снам заснеженных хребтов,

К островам, где женщины — сирены,
К тишине задумчивых лагун,
Где внимают мраморные стены
Всплескам весел и звучанью струн.

Божий мир далек и неизвестен...

Поезда летят в ночную синь.

Я одна... И нет ни слов, ни песен,

Ни сирен, ни замков, ни пустынь.

Хорошо и грустно на перроне —

Жалуются миру провода...

А вверху горит на звездном фоне

Все приветней яркая звезда.

У ПРУДА

В альбом Лариссы

Вокруг пруда густеют тени,

А в глубине его светло,

И сходят белые ступени

В его спокойное стекло.

Там облака неслышно тают,

Стоит вечерняя звезда;

Там птицы тихо пролетают,

И их баюкает вода.

Вот сонный ветер еле-еле,

Подкравшись, небо покачнул,

И в той подводной колыбели
Сад опрокинутый уснул.

Лишь неба смутные отсветы
Глядят в немые зеркала,
Где без движенья, без ответа
Спит до утра ночная мгла.

Июнь 1951 Шанхай

ВАСИЛИЙ ЛОГИНОВ

НА СУНГАРИ

Терцины

Василий Логинов

Покой. Река. Лень. Церковь. Баня.

По вечерам здесь тютчевский закат.

Днем плачет дождь, по крышам барабаня.

Свистят ветра. Шаланды пенит скат

Волн желтизну. Шипит песок прибрежный.

Эпическая мирная тоска

Охватывает нас и бережно, и нежно

И, как корабль, несет к прекрасным берегам,

Где Одиссеев парус полон ветром свежим.

Как бурность — городу, здесь ясность дорога.

Здесь созерцание гласит закон негромкий.

Здесь молишься душою всем богам.

Здесь так отрадно встретить незнакомку,

Растрепанную, в ярком кимоно.

Увидеть старца — посох и котомку,

Джангуйду, высохшего, как лимон,

Торгующего кипятком и ханжей,

Китайца с рыбой — щука и налим.

И, обойдя кругом заборчик рыжий,

Домой вернуться. В свете тусклых свеч

Поужинать, мечтая о Париже.

И ты, Гомера кованая речь,

За Сунгари звучишь не очень странно.

И обаяние сумел сберечь

Любимый томик Пьера Мак-Орлана.

«О, сунгарийская столица...»

О, сунгарийская столица!
До гроба не забуду я
Твои мистические лица
И желтые твои поля,
Бегущего рысцою рикшу,
Твоих изысканных «куpez»,
Шелк платья, ко всему привыкший,
Твоих шаланд мачтовый лес,
И звонкой улицы Китайской
Движенья, шумы и огни,
И тяжкий скрип арбы китайской,
И солнечные в зимах дни,
И Фудзядяна смрадный запах
От опия и от бобов,
И страшных нищих в цепких лапах
Нужды и тягостных годов.

ОМОРОЧКА

Реки незаконная дочка,
Племянница жаркого лета,
Скользит по воде оморочка,
Вся — точно из яркого света.

Пропеллером мерно сверкает
Весло сероглазой девчонки.

Сейчас тишина-то какая!

Как мысли изящны и тонки!..

Ты — бронзовая богиня,
Диана с веслом и в косынке,
И синего неба пустыня —
Как фон акварельной картинки.

А с берега тихие ивы
Развесили сонно листочки,
И желтые воды лениво
Заласкивают оморочку.

ОДИНОЧЕСТВО

На крутом берегу, на скалистых камнях
Одиноко стоит мой таинственный дом,
Голубое мое, неземное томленье...
Неземное томленье об одном, об одном.

По утрам прибегают пугливые лани
Влажных глаз показать глубину и хрусталь.
Простирают над ними могучие длани
Многолиственный дуб, тишина и печаль.

И прозрачное небо — цветистой сирени...

А под вечер над речкой клубится туман,

И встают, и плывут, и рождаются тени,

Удаляются тени в провал и обман.

Мир — огромной короной забвенья увенчан,

Жду, когда над рекою возникнет луна,

И плывут вереницы измученных женщин.

И душа в этот миг и пьяна, и больна...

Одиночество машет ветвями деревьев,

Одиночество — месяц двурогий меж туч,

И так радостны дум золотые кочевья

По полянам мечты, меж утесов и круч...

Высоко, высоко, на скалистых камнях

Одиноко стоит мой таинственный дом —

Голубое, немое, святое томленье...

Неземное томленье — об одном, об одном...

УЧЕНЫЙ

Халат и трубка. И Четьи-минеи

In folio в дубовых толстых корках,

В медлительности ровных, плавных дней
От Византии мысль простерлась до Нью-Йорка.

Пергамент книг и кипарис икон,
На позлащенных досках угли ликов
И солнечных непостоянных бликов
На документах радостный закон...

Он сед как лунь. Но узкие глаза
Горят и мыслью, и неожиданным чувством,
Монгольская на пальце бирюза —
Творение юаньского искусства.

Россия — сфинкс. И от ее очей,
От каменных очей, так сердце пьяно!
Торжественные орды Чингисхана...
Китай... Монголия... и желтизна степей...

ВЕНЕДИКТ МАРТ

У ФУДЗЯДЯНА

Как мандарин, торжественно-спокойно,
Сжимая трубку в теплой рукавице,

Купец-китаец едет на ослице.
За ним с кнутом бежит погонщик стройный,
Держась за хвост ослицы утомленной,
Напев твердит сонливо-монотонный.
В его косе вплетен шнурочек белый —
Знак траура по близком человеке:
Покинул близкий кто-то мир навеки.
Крадутся тени сумерек несмело.
Осенний ветер в травах наклоненных
Творит сухой напев шуршаньем сонным.
Вот фанзы Фудзядяна видны взору.
Спешат седок, погонщик и ослица:
Седок — к жене, погонщик — накуриться,
Ослица — повалиться у забора...

Венедикт Март

ТРИ ДУШИ

Ку-юн-сун седой, горбатый
В фанзе закоптелой
Занят малым делом:
На тряпье кладет заплаты.

У него сегодня радость:
Смастерил сыночек
В праздничный денечек
Ему гроб от всех украдкой[35].

Вся семья с утра в работе —
Старику покойно.
В старости пристойно
Знойный день забыть в дремоте.

На циновках в нарах грязных
Ку-юн-сун забылся...
И от будней отдалился
К снам, как небо в зное, ясным.

...В зеленеющей долине,
В гуще гаоляна,
На земле прорыта рана —
Там начало от кончины.

ГАДАЛЬЩИК

Посв. К. И. Ваниной

У дверей харчевни
Стол гадальщика стоит.
Старец чужеземный
«Завтра» каждого таит.

Три монетки медных,
Тушь и кисть на тростнике.
Книги строгие отметок
Ожидают в уголке.

Изредка прохожий
Остановится гадать,
И старик находит,
Что судьба готова дать.

Мудро и спокойно
Отмечает всякий знак,
И медлительной рукою
Тайны сдвинута стена.

Длинными ногтями
Придавил морщинки лба
И сонливо тянет
Напряженные слова.

Тайны покупатель
Отсчитал на стол гроши,
И опять гадатель
Тайну «завтра» сторожит.

Три монетки медных,
Тушь и кисть на тростнике,
Книги строгие отметок
Ожидают в уголке.

МИЗИНЦЫ

Мизинцы выставив крючками,
Скрестись мизинцами, бредут
Неразлучными друзьями
Два желтоликие в саду.

В толпе нарядной европейцев
На фоне светлой пестроты
Фигуры синие — виднее
В одеждах чуждых и простых.

Бредут, раскачивая руки,
Фальцетом тощим выводя
Тягуче сдавленные звуки
Беспечной песенки бродяг.

Сегодня праздничным блужданьем
Досуг друзей соединен...
В сонливых буднях выжидали

Они сегодняшней денек.

Из Фудзядяна, Модягоу —
Один в харчевне половой,
Другой прислужник у портного —
Друзьям свидаться довелось!

И вот без слов и уговора
Их путь медлительный решен:
На сан-де-ге к жестяному забору —
В опьекурительный притон.

И только в судорогах ожога
Трещащий масляный фитиль
Мизинцы выпрямит... и оба
Прильнут на скомканный настил!

В игле проворной и вертлявой
Кусочек черный запестрит,
Горящий опиум-отрава
Взволнует пьяный аппетит.

ДУ-ХЭ

(Одинокий журавль-аист)

Там, где отшельник-поэт
В уединеньи живет, —
Ты — изнебесный привет —
Свой остановишь полет.
Только не стаишься ты,
О, одинокий журавль!..
Не распугает мечты
Твой молчаливый привал.
Гость прилетелый-святой,
Ветра товарищ и друг,
Посланец ты неземной
Сферы эфира в мой круг!
Если ты крикнешь порой,
Небо услышит твой крик!
Разве сравнится с тобой
Кто из пернатой родни?!
Особняком среди них
Ты несравнимый стоишь!..
Что с высоты запленил,
В глыбах молчанья стоишь.
Только отшельник-певец
С дружбой стремится к тебе,
И разделяет поэт
Твой одиночья удел.
Кормит и поит тебя...
В высь отпускает... и вот
Взоры с восторгом следят
Твой одичалый полет!

И восхищает мечту
Радость подъятия вмиг!
Точно поэтовый Дух
В образе ярком возник.
Тихая лютня... Журавль!
Вот обстановка: мое!
Вот что приемлет в горах
Уединенья жильё...

У МОРЯ

Осенний день багровый на исходе.
На ветвях бьются сохлые листья
И быстрый ветер переходит
В буграх прибрежные кусты.

С косичкой тонкой на макушке
Поет бродяга-китайчонок.
И в лад под песню колотуши
Дрожат в озябнувших ручонках.

Поет привычно-монотонно,
И сам подпрыгивает в лад...
Обводит сонными глазами
Толпу собравшихся ребят.

В цветных нарядах корейчата,
Детишки — беженцы — евреи —
Собрались грязные галчата
Толпой крикливою на берег.

Шампунки бьются стертыми бортами...

Старик китаец у руля
Любовно голову мотает,
Прищурясь косо на ребят...

И как разбитое крыло,
О берег бьется рваная волна.

НА АМУРСКОМ ЗАЛИВЕ

«Юлит» веслом китаец желтолицый
Легко скользит широкая шаланда
По тихой глади синих вод залива.

Пред ним Востока Дальнего столица:
Владивосток за дымкою тумана,
На склонах гор застыл он горделиво.

Как всплески под кормою, монотонно,
Поет тягуче за веслом китаец
Про Хай-шин-вей — «трепангов град великий».

Над ним в даях небес светло-зеленых
Полоски алые в томленьи тают
И звезды робко открывают лики.

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬСКАЯ

«В душном мраке усталые люди...»

В душном мраке усталые люди
Напряженно и жадно молили
О покое, о мире, о чуде...
А сирены стонали и выли.

Воздух рвался от залпов орудий,
И дрожали, коробились крыши,
И кричали испуганно люди,
И никто этих криков не слышал...

Мать плясала над трупом ребенка,
И металися косы, как грива.

Дикий смех, исступленный и звонкий,
Был страшнее, чем залпов взрывы.

Пастор рылся в дымящейся груди
Обгорелых обломков строений,
Посылая и Богу, и людям
И проклятия, и обвиненья...

Забирались под землю глубоко...
Пес подстреленный жалобно лаял.

.....
А над миром на небе далеком
Распускалась звезда голубая.

СВЕТЛАЯ НИТЬ

Ты знаешь, мне страшно бывает порою,
Что я не смогу до конца сохранить
В душе, поражённой тревогою злою,
Непорванной тонкую светлую нить.

Я замкнутой стала, суровой, черствее;
Все реже мечтаю, все больше молчу,
Но тот уголок, от которого веет
Дыханьем весенним, я помнить хочу.

То небо глубокое, радостным взором
Сиявшее в ясном покое святом:
Тот сад, расцветавший так буйно, в котором
С достоинством старился чистенький дом;

Те комнаты низкие; на половицах
Отсветом луны нарисованный клин;
На старых портретах знакомые лица
И лестница узкая — на мезонин.

И жить-то, быть может, осталось недолго.
Пусть! Лишь бы звучала в бессонной тиши
Та песня, что вольно взвивалась над Волгой,
Та песня, в которой и горечь, и ширь.

Пусть не было счастья, покоя не будет,
Пусть, лишь бы не рвалась чудесная связь,
Чтоб помнить всегда, как о ласковом чуде,
О месте далеком, где я родилась.

ВОЛГА

Нечасто, но с тоскою неизбывной

Я вспоминаю Волги ширь, простор.
Хор рыбаков тоскливо-заунывный...
Нечеткий контур Жигулевских гор.

Темнеет. Вечер шествует победно.
На пристани зажегся желтый свет.
И наполняет воздух песней медной
Уютных храмов ласковый привет.

Величественно в высоте сияя,
Луна на Волгу свет спокойный льет.
Бурлит вода, под колесом вскипая, —
Как лебедь, проплывает «Самолет»...

И веет в душу тихую отрадой.
Встает одна картина за другой.
Мой дом родной за низкою оградой
И старый сад, уснувший над рекой...

ВЕЧЕР

Окончен дня томительный обман...
Морозной ночи сумрачный предтеча —
На землю грустную закутанный в туман
Спустился медленно холодный синий вечер.

Чуть видны звезды в трепетных венцах.
Ты у окна. Задумалась глубоко —
О счастья тишины, о раненых сердцах,
О грусти пламенной в стихах хрустальных Блока.

ОТКРОВЕНИЕ

Пред облаком, спокойно тающим
На фоне темно-голубом,
Пред небом, звездами сверкающим,
Я осеню себя крестом.

И верю — будет откровение,
Когда, бесплотен, невидим, —
Меня коснется на мгновение
Дух чистый — светлый серафим.

И я пойму душой измученной,
Что жизни тягостная жуть,
Что тусклые ее излучины —
Лишь к Вечному недолгий путь.

РАЗДУМЬЕ

Поддаваясь раздумью тихому,
Закрываю глаза усталые.
Никогда не была трусихой,
А теперь почему-то стала ей.

Это жизнь своей лапой каменной,
Дрессировкой своей упорною
Из девчонки — бунтарки пламенной
Превратила меня в покорную.

Научила терпеть и каяться,
Серебром надо лбом посыпала...
Хорошо еще, что состариться
Не одной мне на долю выпало.

«Всему навсегда стать покорной...»

Всему навсегда стать покорной,
Без ропота крест свой нести,
Иль голову ветошью черной
Покрыть и от жизни уйти.

Уйти, чтоб смиренно молиться,

Терпением жертву возжечь,
Спокойною темною птицей
Без дум Неизбежность стеречь.

Не знать, что проносятся годы,
Бьет время шершавым крылом,
Не знать, что шумят непогоды
И копят в лесах бурелом.

Лишь чувствовать: временной гостьей
По этим дорогам бреду...
И ждать лишь креста на погосте,
В безмолвном зеленом саду.

БЕЛАЯ РОЩА

Много в душе отметила
Темных обидных дат,
Много прохожих встретила,
Лишних свершила трат,

Думала в белой рощице
Прочный построить дом,
Там, где полынь полощется
По ветру, тишь кругом.

Верила, грудь не выстынет,
Беды не заключают,
Если добру и истине
Дать у себя приют.

Верила жадной верою,
Пряча седую прядь;
Горькую накипь серую
Думала с жизни снять.

Слышала зовы тихие,
Зовы, а шла опять
Злыми тропами дикими
Вечно искать и ждать...

НАШ ДОМ

А. Ф. Недельскому

Рыщет ветер, хищный ветер,
Злобно ломится в окно.
Хорошо, что дом мой светел,
Двери заперты давно.

Хорошо, что мы с тобою
Вместе, мой любимый друг.
Под лампадой голубою —
Голубой заветный круг.

Ничего, что мир наш тесен,
Чувства тихи, мало слов,
Что не слышим громких песен
И не видим ярких снов.

Но зато средь ночи мгливой
Наше счастье — огонек,
И благословлен Пречистой
Этот мирный уголок.

ДАЛЕКОЕ[36]

Далекий летний день. Изгиб тропинки узкой.
Кусты шиповника. Обрыв. Река.
Взметнувшийся отрывок песни русской.
Пасущиеся в небе облака.

Святая тишина. Ряды избушек серых,
Взбежавших на зеленый косогор.

И белый храм, как символ чистой веры...

Синеющий вдали сосновый бор...

В полете вихревом забвению навстречу

Мелькают чувства, даты, имена.

Под тяжестью забот согнулись плечи

И надо лбом, как иней, — седина.

Но сердце сберегло и пронесло сквозь годы

Наперекор усталости своей

Улыбку светлую родной природы,

Мечту о воздухе родных полей.

БЫЛО

Мрак спустился темной птицей. Окна — черные провалы,

Ночь над спящею землею расстелила покрывало

И по бархатному фону бриллианты разбросала.

Средь кустов пророчит вёдро одинокая цикада.

Глухо слышен рокот моря. Льется в комнату прохлада.

Тихий свет воспоминаний — словно кроткая лампада.

Замирает сладко сердце в чувстве нежном и знакомом...

Был когда-то ветхий домик, чем-то схожий с крошкой гномом...

На диване кот пушистый спал, свернувшись теплым комом...

По ночам скреблися мыши! По углам грустили тени.

От балкона в палисадник шли широкие ступени.

Соловей о счастье грезил в буйных зарослях сирени...

Было детство, ясность сердца — жизни чистые истоки.

Были красны эти губы, были пухлы эти щеки...

Неужели это было?! Сон чудесный, сон далекий!

«Как хорошо в борьбе с судьбою многоликой...»

Как хорошо в борьбе с судьбою многоликой,

Разыскивая счастья бледный след,

Почувствовать, что льется в душу тихо

Воспоминаний золотистый свет...

Любимый уголок под липой шелестящей.

Скамейка. Запах меда и травы.

Весенний полдень празднично звенящий.

Разноголосье птичье среди листвы.

В час предвечерний — стол, накрытый на балконе,

Уют родной, незыблемый, простой...
В небесном розовеющем хитоне
Последний луч заката золотой.

И мамино лицо над Книгой небольшою,
Слова о Том, Кто умер на кресте,
И девочка с взволнованной душою,
И радость слез, и звезды в высоте...

СУМЕРКИ

Предвечерняя прохлада.
Легкий бег минут.
Засыпающего сада
Ласковый уют...

Сквозь туман воспоминаний
Улетевших лет —
Исполнявшихся желаний
Золотистый свет.

Отсверкавшие зарницы
Отгремевших гроз...
Пожелтевшие страницы,
Капли чистых слез...

Купол неба темно-синий.

Ветер. Облака.

Отцветающих глициний

Нежная тоска.

ИЗ ОКНА ПОЕЗДА

Провода... Суетливые стайки

Воробьев облепили их.

Мимо быстро бегут лужайки...

Не лужайки — яркий цветник!

Мне ковер их нетронуту пестрый

Оставляя за собою жаль,

Две березки, сиротки-сестры,

Обнимаясь, делят печаль.

В синь густую, к небесному своду

Дым стремится из труб лачуг.

Сопки кружатся в хороводе,

Тесно ставши плечом к плечу.

Рельсы вдаль торопливо уходят.

Солнце на небе — птица-Жар.
Под корзинами гнется ходя —
Тащит овощи на базар...

РАДОСТЬ СНЕЖНАЯ

Солнце только для декорации
Распустилось в эмали синей;
Лег на ветви голой акации,
Словно облако, легкий иней.

Мы сегодня с тобою молоды,
Очень дружны и очень нежны.
Дышим острым бодрящим холодом.
День прищурился в смехе снежном.

Как бела, как нарядна улица.
Как блестят тротуары, крыши!
Нет, сегодня не надо хмуриться —
Радость песню слагает. Слышишь?

Дышим ясным звенящим холодом...
В неизвестность бежит дорога...
Мы с тобою еще так молоды.
Жизнь должна нам еще так много!..

ЛЕТО

Ветер, взметнувшись стремительной птицей,
Зноем полуденным дышит.
Тополы чисто метут черепицы —
Бьются ветвями о крыши.

Белое облако плавает в небе —
В аквамариновой краске.
Яркою стрелкою тянется стебель
К жизни и к солнечной ласке.

В воздухе туго натянуты струны,
Радости в песне их много...
Кто-то прекрасный, веселый и юный
Бродит, смеясь, по дорогам.

УТРО

Ясно сердце, ясен ум.
Это утро, солнце это
Разогнали ярким светом
Хмару темных, трудных дум.

Воздух счастьем напоен,
Небо сине, а оттуда
(Это чудо, это чудо!)
Льется тихий перезвон.

Нежность, радость, счастье, взлет,
Как мы веселы и смелы!
Вверх взгляни — кораблик белый, —
Плавно облако плывет.

А от первого листа
Пахнет... чем же? Память, память!
Пахнет горько... над домами
Даль прозрачна и чиста.

Чертит утро светлый круг...
Жизнь — стремительное скерцо.
Ясны мысли, ясно сердце,
Улыбнись мне, милый друг!

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Ни о вражде, ни о тревожных снах,

Ни о борьбе, ни о глазах усталых
Не думать. Позабыть... Ночь так ясна.
Сверкают звезд холодные кристаллы.

Идти в морозной острой тишине;
Душой свободной, чувствами простыми
Приветствовать огонь в чужом окне,
Чужую жизнь за стеклами двойными.

Обиды ветру зимнему отдать
Иль схоронить их под порошей белой.
Минувший день без гнева вспоминать,
Грядущий — ожидать с улыбкой смелой.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

В КИТАЕ

Арсений Несмелов

Узкие окна. Фонарика

Продолговатый лимон,

Выжженный в мреющем паре — как

Вызолоченное клеймо.

Думаешь: тщательно вырисуй

Загнутых кровель углы,
Звезд лиловатые ирисы,
Синее марево мглы.

Небо... Не медными горами
Над перевалом веков —
Храм с девятнадцатью буддами
Медленных облаков.

ГРЯДА

Щетина зеленого лука
На серой иссохшей гряде.
Степные просторы, да скука,
Да пыльная скука везде...

Вращает колеса колодца
Слепой и покорный ишак,
И влага о борозду бьется,
Сухую землю шурша.

И льется по грядам ленивой
Струей ледяная вода —
Не даст ни растения нива
Без каторжного труда.

Китаец, до пояса голый.
Из бронзы загара литой,
Не дружит с усмешкой веселой.
Не любит беседы пустой.

Уронит гортанное слово
И вновь молчалив и согбен —
Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен.

Гряды, частокол да мотыга,
Всю душу в родную грядку!
Влекущее, сладкое иго.
Которого я не найду!

ИЗ КИТАЙСКОГО АЛЬБОМА

I

Ворота. Пес. Прочавкали подковы,
И замер скрип смыкающихся створ...
Какой глухой, какой средневековый
Китайский этот постоянный двор.

За ним — поля. Кумирня, кукуруза...

А в стороне от глинобитных стен,
На тонкой жерди, точно для антенн,
Отрубленная голова хунхуза.

II

Я проснулся в третьем часу,
Ночь была глубока, как яма.
Выли псы. И, внимая псу,
Той звериной тоске упрямой, —

Сжалось сердце. Ему невмочь,
Не под силу ни сон, ни бденье!..
И плескалась о стекла ночь
Небывалого наводнения.

III

Кожа черная с синевой.
Лоб и щеки до глянца сухи.
На открытых глазах его
Копошились желтые мухи...

Но угроза была у губ,
В их извилистой нитке серой,
И шептал любопытным труп:
«Берегитесь!.. Пришла холера».

«Свою страну, страну судьбы лихой...»

Свою страну, страну судьбы лихой,
Я вспоминаю лишь литературно:
Какой-то Райский и какой-то Хорь;
Саводников кладбищенские урны!

И Вера — восхитительный «Обрыв»,
Бескрылая, утратившая силу.
И может быть, ребенком полюбив.
Еще я вспомню дьякона Ахиллу.

Конечно, список может быть длинней,
Но суть не в нем: я думаю, робея, —
В живой стране, в России этих дней,
Нету меня родного, как в Бомбее!

Не получить мне с родины письма
С простым, коротким: «Возвращайся, милый!»
Разрублена последняя тесьма.
Ее концы разъединили — мили.

Не удивительно ли: страна —
В песках пустыни, что легли за нами, —
Как скользкая игла обронена,
Потеряна, как драгоценный камень!

Уже печаль и та едва живет,
Отчалил в синь ее безмолвный облак,
И от страны, меня отвергшей, вот —
Один пустой литературный облик.

ПЕРЕХОДЯ ГРАНИЦУ

Пусть дней немало вместе пройдено,
Но вот — не нужен я и чужд,
Ведь вы же женщина — о, Родина! —
И следовательно, к чему ж.

Все то, что сердцем в злобе брошено,
Что высказано сгоряча:
Мы расстаемся по-хорошему,
Чтоб никогда не докучать

Друг другу больше. Все, что нажито,
Оставлю вам, долги простив, —
Вам эти пастбища и пажити,
А мне просторы и пути,

Да ваш язык. Не знаю лучшего

Для сквернословий и молитв,
Он, изумительный, — от Тютчева
До Маяковского велик.

Но комплименты здесь уместны ли,
Лишь вежливость, лишь холодок
Усмешки, — выдержка чудесная
Вот этих выверенных строк.

Иду. Над порослью — вечернее
Пустое небо цвета льда.
И вот со вздохом облегчения:
«Прощайте, знаю: навсегда!»

НОЧЬЮ

Я сегодня молодость оплакал,
Спутнику ночному говоря:
«Если и становится на якорь
Юность, так непрочно якоря

У нее: не брать с собой посуду
И детей, завернутых в ватин...
Молодость уходит отовсюду,
Ничего с собой не захватив.

Верности насиженному месту,
Жалости к нажитому добру —
Нет у юных. Глупую невесту
Позабудут и слезу утрут

Поутру. И выглянут в окошко.
Станция. Решительный гудок.
Хобот водокачки. Будка. Кошка.
И сигнал прощания — платок.

Не тебе! Тебя никто не кличет.
Слез тебе вослед — еще не льют:
Молодость уходит за добычей,
Покидая родину свою!..»

Спутник слушал, возражать готовый.
Рассветало. Колокол заныл.
И китайский ветер непутевый
По пустому городу бродил.

ПРИКОСНОВЕНИЯ

Была похожа на тяжелый гроб

Большая лодка, и китаец греб,
И весла мерно погружались в воду...

И ночь висела, и была она,
Беззвездная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду.

Слепой фонарь качался на корме —
Живая точка в безысходной тьме,
Дрожащий свет, беспомощный и нищий...

Крутились волны, и неслась река,
И слышал я, как мчались облака,
Как медленно поскрипывало днище.

И показалось мне, что не меня
В мерцании бессильного огня
На берег, на неведомую сушу —

Влечет гребец безмолвный, что уже
По этой шаткой водяной меже
Не человека он несет, а душу.

И, позабыв о злобе и борьбе,

Я нежно помнил только о тебе,
Оставленной, живущей в мире светлом.

И глаз касалась узкая ладонь,
И вспыхивал и вздрагивал огонь,
И пену с волн на борт бросало ветром...

Клинком звенящим сердце обнажив,
Я, вздрагивая, понял, что я жив,
И мига в жизни не было чудесней.

Фонарь кидал, шатаясь, в волны — медь...
Я взял весло, мне захотелось петь,
И я запел... И ветер вторил песне.

ПЯТЬ РУКОПОЖАТИЙ

Ты пришел ко мне проститься. Обнял.
Заглянул в глаза, сказал: «Пора!»
В наше время в возрасте подобном
Ехали кадеты в юнкера.

Но не в Константиновское, милый,
Едешь ты. Великий океан

Тысячами простирает мили
До лесов Канады, до полян

В тех лесах, до города большого,
Где — окончен университет! —
Потеряем мальчика родного
В иностранце двадцати трех лет.

Кто осудит? Вологдам и Бийскам
Верность сердца стоит ли хранить?..
Даже думать станешь по-английски,
По-чужому плакать и любить.

Мы — не то! Куда б ни выгружала
Буря волчью костромскую рать,
Все же нас и Дурову, пожалуй,
В англичан не выдрессировать.

Пять рукопожатий за неделю,
Разлетится столько юных стай!..
...Мы — умрем, а молодняк поделят
Франция, Америка, Китай.

ЛЕОНИД ЕЩИН

Ленька Ещин... Лишь под стихами
Громогласное — Леонид,
Под газетными пустяками,
От которых душа болит.

Да еще на кресте надгробном,
Да еще в тех строках кривых
На письме,
от родной , должно быть,
Не заставшей тебя в живых.

Был ты голым и был ты нищим,
Никогда не берег себя,
И о самое жизни днище
Колотила тобой судьба.

«Тында-рында!» — не трын-трава ли
Сердца, ведающего, что вот
Отгуляли, отгоревали,
Отшумел Ледяной поход!

Позабыли Татарск и Ачинск, —
Городишки одной межи, —
Как от взятия и до сдачи
Проползала сквозь сутки жизнь.

Их домишкам — играть в молчанку.

Не расскажут уже они,

Как скакал генерала Молчанова

Мимо них адъютант Леонид.

Как был шумен постой квартирный,

Как шутили, смеялись как,

Если сводку оперативную

Получал командарм в стихах.

«Ай да Леня!» — И вот по глыбе

Безнадежности побежит

Легкой трещиной — улыбка,

И раскалывается гранит!

Так лучами цветок обрызган,

Так туманом шевелит луна...

«Тында-рында!» — И карта риска

В диспозиции вновь сдана.

Докатились. Верней — докапали

Единицами: рота, взвод...

И разбилась фаланга Каппеля

О бетон крепостных высот.

Нет, не так! В тыловые топи
Увязили такую сталь!
Проиграли, продали, пропили,
У винтовок молчат уста.

День осенний — глухую хмару —
Вспоминаю: в порту пустом,
Где последний японский «мару»,
Леонид с вещевым мешком.

Оглянул голубые горы
Взором влажным, как водоем:
«Тында-рында! И этот город —

Удивительный — отдаем ...»

Спи спокойно, кротчайший Ленька,
Чья-то очередь за тобой!..
Пусть же снится тебе макленка,
Утро, цепи и легкий бой.

«Ловкий ты, и хитрый ты...»

Ловкий ты, и хитрый ты,
Остроглазый черт.
Архалук твой вытертый
О коня истерт.

На плечах от споротых
Полосы погон.
Не осилил спора ты
Лишь на перегон.

И дичал все более,
И несли враги
До степей Монголии,
До слепой Урги.

Гор песчаных рыжики,
Зноя каминок.
О колено ижевский
Поломал клинок.

Но его не выбили
Из беспутных рук.
По дорогам гибели
Мы гуляли, друг!

Раскаленный добела,
Отзвенел песок,
Видно, время пробило
Раздробить висок.

Вольный ветер клонится
Замести тропу...
Отгуляла конница
В золотом степу!

«Уезжающий в Африку или...»

Уезжающий в Африку или
Улетающий на Целебес
Позабудет беззлобно бессилье
Оставляемых бледных небес.

Для любви, для борьбы, для сражений
Берегущий запасы души,
Вас обходит он без раздраженья,
Пресмыкающиеся ужи!

И когда загудевший пропеллер
Распылит расставания час,
Он, к высоким стремящийся целям,

Не оглянется даже на вас.

Я же не путешественник-янки,
Нахлобучивший пробковый шлем, —
На китайском моем полустанке
Даже ветер бессилен и нем!

Ни крыла, ни руля, ни кабины,
Ни солдатского даже коня,
И в простор лучезарно-глубинный
Только мужество вносит меня.

СТИХИ О ХАРБИНЕ

I

Под асфальт, сухой и гладкий,
Наледь наших лет,
Изыскательской палатки
Канул давний след...

Флаг Российский. Коновязи.

Говор казаков.

Нет с былым и робкой связи —

Русский рок таков.

Инженер. Расстегнут ворот.

Фляга. Карабин.

«Здесь построим русский город,

Назовем — Харбин».

Без тропы и без дороги

Шел, работе рад.

Ковылял за ним трехногий

Нивелир-снаряд.

Перед днем Российской встряски,

Через двести лет,

Не петровской ли закваски

Запоздалый след?

Не державное ли слово

Сквозь века: приказ.

Новый город зачат снова,

Но в последний раз.

II

Как чума, тревога бродит —

Гул лихих годин...

Рок черту свою проводит

Близ тебя, Харбин.

Взрывы дальние, глухие,
Алый взлет огня —
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня!

Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим!

Скоро ль канут иль не скоро,
Сумрак наш рассеет...
Про запас ты, видно, город
Выстроила сей.

Сколько ждать десятилетий,
Что, кому беречь?
Позабудут скоро дети
Отческую речь.

III

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.

Пусть удел подобный горек,
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.

Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забежит турист.

Он возьмет с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!

ХУНХУЗ

О жене и матери забыл,
Маузер прикладистый добыл
И, тугие плечи оголя,
Вышел за околицу, в поля.

Те же джунгли этот гаолян,
Только без озер и без полян.
Здесь на свист хунхуза — за версту

Свистом отзывается хунхуз.

Было много пищи и добра,
Были добрые маузера,
Но под осень, кочки оголя,
Сняли косы пышный гаолян.

Далеко до сопок и тайги,
Наседали сильные враги,
И горнист с серебряной трубой
Правильно развертывает бой.

И хунхуза, сдавшегося в плен,
Чьи-то руки подняли с колен,
Связанного, бросили в тюрьму,
Отрубили голову ему.

И на длинной жерди голова
Не жива была и не мертва,
И над ней кружилось воронье:
Птицы ссорились из-за нее.

ОКОЛО ЦИЦИКАРА

По дороге, с ее горба,
Ковыляя, скрипит арба.
Под ярмом опустил кадык
До земли белолобый бык.

А за ним ускоряет шаг
И погонщик, по пояс наг.
От загара его плечо
Так коричнево-горячо.

Степь закатом озарена.
Облака, как янтарь зерна,
Как зерна золотистый град,
Что струился в арбу с лопат.

Торопливо погружено,
Ляжет в красный вагон оно,
И закружит железный вихрь,
Закачает до стран чужих.

До чудесных далеких стран,
Где и угольщик — капитан,
Где не знают, как черный бык
Опускает к земле кадык,

Как со склона, с его горба,
Подгоняет быка арба.

Так и тысячу лет назад
Шли они, опустив глаза,
Наклонив над дорогой лбы,
Человек и тяжелый бык.

В СОЧЕЛЬНИК

Нынче ветер с востока на запад,
И по мерзлой маньчжурской земле
Начинает поземка царапать
И бежит, исчезая во мгле.

С этим ветром, холодным и колким,
Что в окно начинает стучать,
К зауральским серебряным елкам
Хорошо бы сегодня умчать.

Над российским простором промчатся,
Рассекая метельную высь,
Над какой-нибудь Вяткой иль Гжатском,
Над родною Москвой пронестись.

И в рождественский вечер послушать
Трепетание сердца страны,
Заглянуть в непокорную душу,
В роковые ее глубины.

Родников ее недруг не выскреб:
Не в глуши ли болот и лесов
Загораются первые искры
Затаенных до срока скитов?

Как в татарщину, в годы глухие,
Как в те темные годы, когда
В дыме битв зачиналась Россия,
Собирала свои города.

Нелюдима она, невидима,
Темный бор замыкает кольцо.
Закрывает бесстрастная схима
Молодое худое лицо.

Но и ныне, как прежде когда-то,
Не осилить Россию беде,
И запавшие очи подняты
К золотой Вифлеемской звезде.

ФЛЕЙТА И БАРАБАН

У губ твоих, у рук твоих... У глаз,
В их погребях, в решетчатом их вырезе
Сияние, молчание и мгла,
И эту мглу — о, светочи! — не выразить.

У глаз твоих, у рук твоих... У губ,
Как императорское нетерпение,
На пурпуре, сияющем в снегу —
Закристаллизовавшееся пение!

У губ твоих, у глаз твоих... У рук —
Они не шевельнулись и осилили
И вылились в согласную игру:
О лебеди, о Лидии и лилии!

На лыжах звука, но без языка,
Но шепотом, горя, и в смертный час почти
Рыдает сумасшедший музыкант
О Лидии, о лилии и ласточке!

И только медно-красный барабан
В скольжении согласных не участвует,

И им аккомпанирует судьба:

— У рук твоих!

— У губ твоих!

— У глаз твоих!

В ЗАТОНУВШЕЙ СУБМАРИНЕ

Облик рабский, низколобый

Отрыгнет поэт, отринет:

Несгибаемые души

Не снижают свой полет.

Но поэтом быть попробуй

В затонувшей субмарине,

Где ладонь свою удушье

На уста твои кладет.

Где за стенкою железной

Тишина подводной ночи,

Где во тьме, такой бесшумной, —

Ни надежд, ни слез, ни вер,

Где рыдания бесполезны,

Где дыханье все короче.

Где товарищ твой безумный

Поднимает револьвер.

Но прекрасно сердце наше,

Человеческое сердце:

Не подобие ли Бога

Повторил собой Адам?

В этот бред, в удушный кашель

(Словно водный свод разверзся)

Кто-то с ласковостью строгой

Слово силы кинет нам.

И не молния ли это

Из надводных, наднебесных,

Надохваченных рассудком

Озаряющих глубин, —

Вот рождение поэта,

И оно всегда чудесно,

И под солнцем, и во мраке

Затонувших субмарин.

ПОТОМКУ

Иногда я думаю о том,

На сто лет вперед перелетая,

Как, раскрыв многоречивый том

«Наша эмиграция в Китае», —

О судьбе изгнанников печальной

Юноша задумается дальний.

На мгновение встретятся глаза
Сущего и бывшего: котомок,
Страннических посохов стезя...
Скажет, соболезнуя, потомок:

«Горек путь, подслеповат маяк,
Душно вашу постигать истому.
Почему ж упорствовали так,
Не вернулись к очагу родному?»

Где-то упомянут — со страницы
Встану. Выжду. Подниму ресницы:

«Не суди. Из твоего окна
Не открыты канувшие дали:
Годы смыли их до волокна,
Их до сокровеннейшего дна
Трупами казненных закидали!

Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды
Сами отказались от себя,
И тогда поднялся ты, последыш!

Вырос ты без тюрем и без стен,

Чей кирпич свинцом исковыряли,
В наше ж время не сдавались в плен,
Потому что в плен тогда не брали!»

И не бывший в яростном бою,
Не ступавший той стезей неверной,
Он усмешкой встретит речь мою
Недоверчиво-высокомерной.

Не поняв друг в друге ни аза,
Холодно разъединим глаза,
И опять — года, года, года
До трубы Последнего суда!

ЭПИТАФИЯ

Нет ничего печальней этих дач
С угрюмыми следами наводнения.
Осенний дождь, как долгий, долгий плач,
До исступления, до отупенья!

И здесь, на самом берегу реки,
Которой в мире нет непостоянней,
В глухом окаменении тоски
Живут стареющие россияне.

И здесь же, здесь, в соседстве бритых лам,
В селеньи, исчезающем бесследно, —
По воскресеньям православный храм
Растрянно подьемлет голос медный!

Но хищно желтоводная река
Кусает берег, дни жестоко числит.
И горестно мы наблюдаем, как
Строения подмытые повисли.

И через сколько-то летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма — нет,
И только память обо всем об этом
Да двадцать строк, оставленных поэтом.

НАША ВЕСНА

Еще с Хингана ветер свеж,
Но остро в падах пахнет прелью,
И жизнерадостный мятеж
Дрозды затеяли над елью.

Шуршит вода, и точно медь

По вечерам заката космы,
По вечерам ревет медведь
И сонно сплетничают сосны.

А в деревнях, у детворы
Раскосой, с ленточками в косах,
Вновь по-весеннему остры
Глаза, кусающие осы.

У пожилых степенных манз
Идет беседа о посеве,
И свиньи черные у фанз
Ложатся мордами на север

Земля ворчит, ворчит зерно,
Набухшее в ее утробе.
Все по утрам озарено
Сухую синевою с Гоби.

И скоро бык, маньчжурский бык,
Сбирая воронье и галочь,
Опустит смоляной кадык
Над пашней, чавкающей алчно.

ЮЛ

И -ЮЛ

И

Мне душно от зоркой боли,

От злости и коньяку...

Ну, ходя, поедем, что ли,

К серебряному маяку!

Ты бронзовый с синевою,

Ты с резкою тенью слит,

И молодо кормовое

Весло у тебя юлит.

А мне направляет глухо

Скрипицу мою беда,

И сердце натянет туго

Ритмические провода.

Но не о ком петь мне нежно, —

Ни девушки, ни друзей, —

Вот разве о пене снежной,

О снежной ее стезе,

О море, таком прозрачном,

О ветре, который стих,

О стороже о маячном,

О пьяных ночах моих,

О маленьком сне, что тает,

Цепляясь крылом в пыли...

Ну, бронзовый мой китаец,

Ю ли же, юл

и -юл

и !..

В ЗАКАТНЫЙ ЧАС

Сияет вечер благостностью кроткой.

Седой тальник. Бугор. И на бугре

Костер, и перевернутая лодка,

И чайник закипает на костре.

От комаров обороняясь дымом, —

Речь русская слышна издалека, —

Здесь на просторе этом нелюдимом

Ночуют три веселых рыбака.

Разложены рыбацкие доспехи,

Плащи, котомки брошены в ковыль,

И воткнутые удочки, как вехи,
И круговая булькает бутылъ.

И кажется, опять былое с нами.

Где это мы в вечерний этот час?
Быть может, вновь на Иртыше, на Каме,
Опять на милой Родине сейчас?

Иль эта многоводная река
Былинный Волхов, древняя Ока?

Краса чужбины, горы, степи, реки,
Нам не уйти от Родины навеки,
И как бы вам ни виться, ни блистать,
Мы край родной все будем вспоминать!

Но сладок ваш простор, покой, уют,
Вам наша благодарность за приют!

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

Памяти строителей Харбина

I

Жизнь новый город строила, и с ним

Возникло рядом кладбище. Законно
За жизнью смерть шагает неуклонно,
Чтобы жилось просторнее живым.

Но явно жизнь с обилием своим
Опережает факел похоронный,
И, сетью улиц тесно окруженный,
Погост стал как бы садом городским.

И это кладбище теперь недаром
Взросший город называет старым —
Там братские могилы, там, с угла,

Глядит на запад из-под веток вяза
Печальный бюст, два бронзовые глаза
Задумчивая тень обволокла.

II

А ночью там мерцают огоньки,
Горят неугасимые лампы,
Их алые и голубые взгляды
Доброжелательны, ясны, легки.

Отделены от городской реки
Чертой тяжелой каменной ограды,
Они на жизнь взирают без досады,

Без зависти, томленья и тоски.

И, не смущаясь их соседством скучным,
Жизнь рядом следует... то равнодушным
Солдатом в грубых толстых башмаках,

То стайкой кули с говором болтливым,
То мною, пешеходом молчаливым
С тревогой и заботою в глазах.

III

Я прохожу и думаю о тех,
Сложивших здесь и гордость, и печали,
Что знаками первоначальных вех
На улицы пустыню размечали.

Они кирку и молот поднимали,
Прекрасен был их плодотворный век —
Он доказал, что русский человек
Везде силен, куда б его ни слали!

И это кладбище волнует нас
Воспоминаньями: в заветный час
Его мы видим — монумент былого.

И может быть, для этого горят
Глаза могил. Об этом лишь молчат
Огни и алого, и голубого.

В ПОЛНОЧЬ

От фонаря до фонаря — верста.
Как вымершая, улица пуста.
И я по ней, не верящий в зарю,
Иду и сам с собою говорю —
Да говорю, пожалуй, пустяки,
Но все же получаются стихи.

И голос мой, пугающий собак,
Вокруг меня лишь уплотняет мрак.
Нехорошо идти мне одному,
Седеющую взламывая тьму, —
Зачем ей человеческая речь,
А я боюсь и избегаю встреч.

Любая встреча — робость и обман.
Прохожий руку опустил в карман,
Отходит дальше, сгорблен и смущен,
Меня, бродяги, испугался он.
Взглянул угрюмо, отвернулся — и
Расходимся, как в море корабли.

Не бойся, глупый, не грабитель я,
Быть может, сам давно ограблен я,
Я пуст, как это темное шоссе,
Как полночь бездыханная, — как все!
Бреду один, болтая пустяки,
Но все же получаются стихи.

И кто-нибудь стихи мои прочтет
И родственное в них себе найдет:
Немало нас, плетущихся во тьму,
Но, впрочем, лирика тут ни к чему...
Дойти бы, поскорее дошагать
Мне до дому и с книгою — в кровать!

КАК НА РОССИЮ НЕПОХОЖЕ

Объятый дымкою лиловой,
Гор убегает караван.
Над ним — серебряноголовый
Прекрасный витязь Фудзи-сан.

И дышит все вокруг покоем,
Прозрачен воздух, как слюда!
А рядом с грохотом и воем

Летят, грохочут поезда.

И в небесах гудит пропеллер,
Но нежно женщины страны
Поют теперь, как прежде пели,
Святые песни старины.

И опускают томно вежды,
И улыбаются легко,
И красочные их одежды
Благоухают далеко.

На мотыльков они похожи,
На экзотичные цветы,
И возле них так странно ожил
Певучий, сладкий мир мечты!

И как хорош поклон их чинный,
Привет улыбок золотых,
Когда спокойные мужчины
Проходят гордо мимо них.

Спокойствие и сила веет
Из глаз мужских, упорных глаз...
Значенья полный, тяжелеет

Насыщенный вечерний час.

И месяц встал над тучей хмурой,
Примчавшейся издалека,
И точно в лепестках сакуры —
Вся в блесках близкая река...

И парк ночью жизнью ожил,
Полночный час легко вошел...
Как на Россию непохоже,
Но как чудесно хорошо!

ТЕНЬ

Весь выцветший, весь выгоревший. В этот
Весенний день на призрака похож,
На призрака, что перманентно вхож
К избравшим отвращение, как метод,

Как линию, — наикратчайший путь
Ухода из действительности, — тело
Он просквозил в кипевшую толпу,
И та от тени этой потускнела.

Он рифмовал, как школьник. Исключенья

Из правил позабытого значенья,

И, как через бумагу транспарант, —

Костяк его сквозил сквозь призрак тела,

И над толпой затихшей шелестело

Пугливое: российский эмигрант.

ВАСИЛИЙ ОБУХОВ

«Ты не Синей Звездой родилась...»

Ты не Синей Звездой родилась

И не синим огнем горишь —

Я не знаю, какая сила

Придает тебе цвет зари.

Лучезарное имя Stella —

Лучезарнее не найти —

Воссияло во мне, пропело,

Ослепило меня в пути.

И куда пойду, ослепленный,

Затеряюсь в каких местах,

И беспомощный, и влюбленный
В неподатливые уста

И в томительные колени,
Так пьянящие влажный взор,
Будто солнце играет в пене
И волне глубоких озер.

Ах, зачем рубиновый пламень
Ослепил мне мои глаза,
И теперь не лицо, не длани,
А душа в золотых слезах.

«Не могу ни плакать, ни молиться...»

Не могу ни плакать, ни молиться
В это утро, ясное, как ты, —
Ты паришь где дальнюю орлицей,
А на крыльях нежно-золотых.

Не цвели еще, еще не рдели
По садам багряные цветы,
И моей неслышимой свирели
Льются трели, ясны и просты.

В вышине — ты словно голубая,
Только крылья в золоте чуть-чуть —
Я к тебе, далекая, родная,
Прикоснуться даже не хочу.

Лейтесь, лейтесь утренние трели,
В это утро ясен я и прост —
Я таким певучим менестрелем
Даже в детстве не был и не рос.

Это утро, этот воздух чистый,
И вокруг — невиданная ширь...
В небе милом стелются лучистых
Два крыла лазоревой души.

«И Пушкин был влюблен в одну звезду...»

И Пушкин был влюблен в одну звезду...
Когда волна дробила крымский берег,
Следил он «облаков летучую гряду»
И думал о слепительной Венере.

С прошедшим настоящее роднит
В блестящих строфах мерное дыханье,

И мы о нем в отторгнутые дни
Торжественно храним воспоминанье.

Грядущее так пламенно горит...
Да воспоеет великий мэтр в грядущем
Лучи твоей рубиновой зари
Пером нержавым, мощным и цветущим.

«О гравий дорожек хрустит башмачок...»

О гравий дорожек хрустит башмачок...
Хрустящим таким и волшебным он не был,
Когда, у другой ощущая плечо,
Поглядывал я в равнодушное небо.

Двенадцать ступеней... Под ними — вода.
В воде от деревьев колеблются тени...
Как будто желанье мое угадав,
Нас подняли наверх двенадцать ступеней.

В оправе ресниц драгоценный берилл
Своими опять поцелую глазами,
Вот здесь, у беседки, у белых перил,
Где ветер вздохнул, задохнулся и замер.

И в этой прохладе, над этой водой.
Где сердце смеется от счастья и света,
Все кажется вдруг золотой-золотой
Страницей из томика милого Фета.

«И ямбом неотточенным воспетый...»

И ямбом неотточенным воспетый,
Космический сотрет круговорот
И имя захудалого поэта,
И ржавчиной покрытое перо.

И будет день — я робко и тоскливо
Взгляну в твои лучистые глаза,
И по щеке холодной торопливо
Прокатится горячая слеза.

В последний раз беспомощную душу
Склоня к твоим томительным ногам,
Я удалюсь, похожий на кликушу,
Юродствовать по дальним городам.

М. Е. Ф

...ты у меня в груди. С. Есенин

Я скажу, я от тебя не скрою,
Милый друг, «ты у меня в груди»...
Ты умчишься синею порою
По стальному четкому пути.

И навстречу радостному взору
Поплывут иные облака,
Ты страну увидишь, где опору
Отыскал седеющий Байкал...

Ты в стране той... Побреду бесцельно,
Загрустит впервые взор о ней,
О холодной и многометельной
И такой далекой стороне.

КУКОЛЬНАЯ МАРКИЗА

Н. Резниковой

По углам и по карнизам
Ночь давно листает сонник,
И давно в покоях этих воцарилась тишина.
Темнокудрая маркиза

Оперлась о подоконник

И глядит на зимний тополь из замерзшего окна.

Грустно кукольной маркизе

В этом мире сонно-синем,

Холодок бежит на пальцы от оконной бирюзы.

Кто-то Строгий месяц снизил

И на тополь бросил иней,

И вложил в глаза маркизы две жемчужины-слезы.

Зябнет тополь сиротливый,

Стынут маленькие руки —

Веток голых жаль маркизе, жалко крошке и себя;

Где-то там цветут оливы...

«Столько лет прошло в разлуке!»

(Разве можно в этом мире жить, далеких не любя?!)

И, смахнув слезинку пальцем,

Отправляется маркиза

Под мохнатым одеялом слушать чьи-то голоса.

«Мы бродяги, мы скитальцы,

Мы — смеющиеся бризы,

Холщевые раздуваем над морями паруса...

Ты же — пленница, маркиза.

Ты — фарфоровая крошка

В этом мире, в этом доме, где ночами — тишина,

Где в углах и по карнизам

Темно-синий сумрак брошен,

Где печалит сердце тополь сиротливый у окна...»

И несут с собою эти

Песни горькую отраду,

И встанут перед глазами, устремленными к окну,

В блеске золота и меди

Королевские армады

И ведут их командоры в неизвестную страну.

В ТАВЕРНЕ

Памяти А. Грина

Весь вечер мне рассказывал товарищ
(Глотая грог, губами чмокал: пли!),
Что в Зурбагане не было пожаращ,
И в Лиссе не бывали корабли.

Что над Невою гости-мексиканцы
Не пробовали звонких голосов,
И некий принц не отдавал на шканцах
Приказ к поднятью алых парусов.

Что не стрелял стрелок по инсургентам
В ущельи, где их были тьмы и тьмы,
И юноша из Бригге или Гента
Не целовал стыдящейся Фатьмы...

В таверне той, где мы сидели оба
(Неважно, что мы не сидели там), —
Сушил свою заштопанную робу

Какой-то молчаливый капитан.

Сидел в углу. Был уголь в печке красен.
Багряный лик глядел в обычный дринк...
И вдруг сказал: «И все-таки прекрасен
Мой старый друг, герр Александр Грин».

ПОЧТАЛЬОН

Черт! Солнце жжет. И ноги так устали.
Дай отдохну, зайдя сюда, в бистро...
Ну что с того, что вы не прочитали
Полдюжины глупейших чьих-то строк?

Успеете. «Хозяин, кружку пива,
А впрочем, нет, бутылочку вина,
Того-того, где рожица хедива
На этикетке красненькой видна».

Приятно, уф!.. С плеча тяжелый ранец
Свали у ног. Сиди в прохладе. Пей...
Какой смешной, какой забавный танец
Танцует на площадке воробей.

«Мон шер ами, а где же воробьиха?» —
Вспорхнул прохвост, и след его простыл...
Как хорошо. Божественно. Как тихо
Шевелятся зеленые листья

Каштанов... Эх! Ходи от дома к дому
По целым дням, консьержкам говори:
«Бонжур, мадам, письмо мосье Прюдому,
Письмо Кайе, Кашену, Эбари...»

Носи мешок... Вот предок — тот рапиру
Носил всегда на выпуклом бедре,
Он от Кале и до Гвадалквивира
Навербовал прекраснейших метресс...

А я... Ну что ж... «Хозяин, получай-ка,
Пора...» Ого, да я еще не стар!
Как улыбнулась пламенно хозяйка
На мой поклон: «Мадам, о ревуар».

Пусть солнце жжет — ведь это наше солнце
На картузе пусть знак — Почталион, —
Рожденному гасконкой и гасконцем
Почет всегда, везде, со всех сторон...

Угаснет день. Испанская баскина
Легко скользнет на левое плечо,
И сладко затоскует мандолина,
И сердце так забьется горячо.

Я стану петь про бархатные очи,
О предках, что служили королям...
И будет млеть в объятых синей ночи
Росою орошенная земля.

ЗЕМНАЯ МУЗА

Ты отошла... Так зимний день отходит,
Целуя лед на розовом окне...
Ты отошла, но снова на восходе
Застенчиво вернешься ты ко мне.
Вернешься ты... вдвоем бродить пойдем мы
По тропам тем, где не бродили мы,
Где в синий лед серебряной зимы
Закованы большие водоемы.

Не знаю я, но ведь и ты не знаешь,
Кого собой я буду чаровать,
Когда, вскрылив, как горлица лесная,
Ты станешь мне, летая, ворковать:
«Лежит печаль над этим снежным миром,

Но мне она неведома — поэт
В себе зажег неугасимый свет,
Едва коснулся струн холодной лиры».

СУХУМ-КАЛЕ

Под амбразурой башни генуэзской,
Где кипарисы вместо часовых,
Услышишь стон проснувшейся совы
И моря всплеск внушительный и резкий.
Густым плющом и виноградом диким
Гора покрылась, буйно обросла...
У древних стен гнездится мушмула,
Вся в щупальцах колючей ежевики.
А дальше, где большой полуподковой
К дуге залива, что из серебра,
Припал и дремлет золотистый град, —
Ты видишь лик Шехерезады новой,
И меркнет все — Гренада, Рим, Каносса...
Забыто все... Цветут ее сады,
И к нам стремится синетканый дым
Исчезнувшего в море миноносца.

СЕНТЯБРЬ

Как крылья стрекозы — осенний воздух сух.

Калитка в сад. Скамейка. Стол. Поляна.

И дремлет старый вяз, протягивая сук

Над тонкими стеблями гаоляна.

День не ушел еще. Не прожит. Он со мной,

Прозрачностью осенних крыл овеян.

И, сидя здесь, с тобой, — я вижу мир иной,

Минуя тот, что умирает, рдея.

Посмею ль этот мир на тот я променять,

С самим собой чудесно примиренный,

Когда из серых глаз струится на меня

Сияющая одухотворенность?..

Да, крылья осени, как крылья стрекозы.

Да, этот день не пережит, не прожит.

В душе и воздухе лазурнейшая зыбь,

И образ твой все ближе, все дороже.

ОПУСТОШЕНИЕ

Сосуд Любви чистейшей, словно грань

Алмаза, отшлифованного в Берне,

Ты брошен здесь, где виснут смех и брань,

В прокуренной, заплеванной таверне.

Ты брошен здесь, и пачкают тебя
Расчетливые руки проститутки,
И на тебя с усмешкою глядят
Ее глаза — две блеклых незабудки.

Рассвет еще не заглянул в окно.
Табачный дым глотаешь. Алкоголем
Ты гонишь наркотический озноб
И плаваешь под парусом безволя.

Ты ничего не сделаешь, не дашь,
И никому не нужен ты задаром...
И бегают тихонько карандаш,
Сопровождаем треньканьем гитары.

«Прежде бродил я в горах высоких...»

Прежде бродил я в горах высоких,
Видел долины душистых трав;
В темные лапы тысячеокой
Ночи кидал языки костра.
И на его остывавшем пепле
Вдруг просыпался и слушал я,
Как пробирались седые вепри

Через кустарники у ручья.
Ныне забыл о лесной отраде,
Над головою обычный кров,
И заношу на листы тетради
Эти лоскутья бессвязных строф.
Так же пылает в небе солнце,
Льет фиолетовый свет луна
На туарегов, на японцев,
На неизвестные племена;
Так же сверкает в Курдистане
Снежноголовый Арарат,
Рвется к Метеху неустанно
Злобно бесящаяся Кура.
Ночь пролетает, и утро брезжит,
И голубеют небеса,
Но почему-то все реже, реже
Я улыбаюсь — не знаю сам.
Люди, и горы, и реки — те же,
Тот же кустарник у ручья...
Только вот я уже не прежний,
Только вот я — уже не я.

«Воспоминанье это или сон?..»

Воспоминанье это или сон?

Луч золотой в сиреневом рассвете
Слепительно прорезал небосклон
И засверкал на дальнем минарете,

И мнится, что, отвергнутому, мне
Единое осталось утешенье:
Не наяву, пусть — в дреме, пусть — во сне,
Преодолев в груди сердцебиенье,

Подняться на высокий минарет,
Устами недостойными своими
Произнести в сиреневый рассвет
Твое благоухающее имя.

«Грохоча, колыхалось вечернее чрево трамвая...»

Грохоча, колыхалось вечернее чрево трамвая,
Изрыгало звонки, изливало потоки огня...
В этот миг ты сказала, что я никогда не узнаю,
Не услышу ответа, желаннейшего для меня.

Ты сказала. Пошла. Ну и я зашагал по дороге,
Уходя от тебя, задыхаясь от муки моей.
И не думала ты, что твои торопливые ноги
Растоптали любовь в электрическом сне фонарей.

И, отвергнутая, умирает любовь золотая,

Умирает, как птица, пронзенная звонкой стрелой...
Время, ветер пустыни, к прошедшему след заметая,
Погружает в забвенье образ женщины гордой и злой.

ПОВЕСТЬ О ПСКОВЕ

С давних лет прославленный доныне
Гулом пушек, скрежетом мечей,
Над рекой Великой в небе стынет
Белый кремль могучих псковичей.

Города, посады и деревни
Век за веком — множество веков! —
От врагов своею грудью древней
Боронил преславный город Псков.

Перначей, и совней поотведать
Не один, а много раз — не два! —
Под стеной его слетались шведы,
Рыцари-ливонцы и литва.

На свое ли, на чужое горе,
Иноземным строем воевать
Раз привел король Стефан Баторий
На него стотысячную рать.

Были ратной удалью богаты
Гайдуки Стефана-короля,
Громыхали медные гарматы,
Под конями дрогнула земля.

Осадили. Гарь смешали с мелом,
Били в стены. Подрывали. Жгли.
Крепким строем шли на приступ смело
И к высоким башням подошли.

Бой упорен был у этих башен,
Их упорству не было конца...
Был свинец стрелецкий жгуч и страшен,
Страшен лик убитого стрельца.

Бились так сто сорок дней кровавых,
Лязг стоял от сабель и клычей,
Но король с победою и славой
Не вошел в детинец псковичей.

Не вошел. То было в год который?
Щурит память старые глаза —
Приходил под Псков Стефан Баторий
И без войска повернул назад.

Он ушел. И век за веком стынет
Кремль высокий в небе голубом...
Сохранила память нам доньне
Славу Пскова — повесть о былом.

ИЗИДА ОРЛОВА

ЛАЙФУ

Красный отблеск слился с ночью голубой,
Все окутав фантастичной пеленой...
Мириады разноцветных фонарей
Разметались ярким заревом огней.

На цементовых панелях гул и крик,
Змеезвездами летающий хаос,
Едкий дым, гудки безумствующих рикш,
И в глазах стеклянных блещущий наркоз.

Монотонно плачет струнный тачинкин
В чайном домике, стоящем на углу:
И в фаянсовых посудах чай лянсин
Носит грустный узкоглазый бой Лайфу.

Желтоликое мерцанье возле кан,
Тусклых лампочек на столиках резных,
И агатовые трубки «за даян»
Привлекают посетителей ночных.

Скоро месяц, как, приехав из Чифу,
Где растут индиго белые кусты,
Курит опий узкоглазый бой Лайфу,
В дымке серой расплавляя боль тоски...

Отдаленно плачет струнный тачинкин...
Перед ним в пожаре факельных лучей
Разукрашенный цветами паланкин,
В белых траурных одеждах ряд людей.

Словно тень он видит образ дорогой,
Фермуарами увитый бледный лоб,
Красной шелковой обтянутый канфой
С золотыми иероглифами гроб.

И сиреневой фатою тонкий грим
Лик покрыл, как погребальный алтабаз.
И Лайфу, вдыхая жадно знойный дым,
Видел солнце и цветы в последний раз..

СЛИЯНИЕ

Если ты уподобишься птице,
Пролетающей над океаном,
Если яркой и нежной зарницей
Загоришься над белым туманом,
Если сердца звучащие токи
В лепестках заструятся бегоний —
Ты взойдешь в золотые потоки
Круговых бесконечных гармоний.

ИНКАРНАЦИЯ

В царстве камней и металлов
Был ты светлейшим алмазом,
Солнце тебя проникало
Своим лучезарным глазом.

Жил на земле ты цветком —
Ландышем хрупким и белым;
После пришел мотыльком
Порхающим и несмелым.

В нерукотворных сферах,
В гамме цветных композиций
Был ты соколом серым —
Тысячелетней птицей.

Стал ты потом человеком,
Гением низших творений:
Этим коротким веком
Кончится цикл воплощений.

Дальше твой путь на планеты:
Звезд золотых мириады
Примут носителя Света,
Сына предвечной Монады.

INRI в уме озаренном
Именем станет Христовым:
Перед божественным троном
Будешь ты ангелом новым.

«От невзгод суеты и насилия...»

Посвящается В. П.

От невзгод суеты и насилия

Я иду в бесконечность небес:
В небесах серебристые лилии
И мистический розовый крест.

Весь мой путь аскетизм и терпение,
А награда — твой хрупкий астрал
И таинственный сон посвящения
На вершинах сверкающих скал.

По ступеням, судьбою начертанным,
Я иду в бесконечность небес:
В небесах ты, мне данный бессмертием,
И над нами сияющий крест.

АЛЕКСАНДРА ПАРКАУ

ХАРБИНСКАЯ ВЕСНА

Харбинская весна... Песочными смерчами
Метет по улицам жестокий ураган,
И солнце золотит бессильными лучами
Взлетевшего шоссе коричневый туман.

Несутся встречные прохожие, как пули,

Одежды их чертят причудливый зигзаг,
В хаосе мечутся извозчики и кули,
И рвется в воздухе пятиполосный флаг.

Харбинская... весна... Гудят автомобили,
Кругом густая мгла, пирушка злобной тьмы,
Китайцы все в очках от ветра и от пыли,
Японцы с масками от гриппа и чумы.

Очки чудовищны, и лица странно жутки,
В смятенном городе зловещий маскарад.
Ни снега талого, ни робкой забывки.
Ни звонких ручейков, ни вешних серенад.

Харбинская весна... Протяжный вой тайфуна,
Дыханье стиснуто удушливой волной,
В зубах скрипит песок, и нервы, точно струны,
Дуэт безумных дум с безумною весной.

Где запах первых трав? Разбрызганные льдинки?
Великопостных служб томящий душу звон?
На вербах розовых прелестные пушинки?
Базаров праздничных приветливый гомон?

Харбинская весна... В разгуле общей пляски

Кружится дико жизнь в бесправьи и чаду,
Кружится прошлое, напев забытой сказки,
Мучительный кошмар в горячечном бреду.

А будущее? Смерть? Возмездие? Расплата?
Печально бродит мысль на склонах прежних лет
По всем родным местам, где я была когда-то,
С любимыми людьми, которых больше нет...

ВОСПОМИНАНИЕ

Неширокая лента пляжа
И широкий простор реки.
Скоро ночь синей дремой ляжет
В остывающие пески.

И под шелест, под плеск и вздохи
На скамеечке — я и он —
Собираем святые крохи
Позабывших давно времен.

Точно надписи на могиле,
Имена дорогих нам мест,
Где мы порознь когда-то жили
И поставили вместе крест.

Запоздавших увозит катер,
Полон тайны ночной Харбин,
Тихо Сунгари волны катит
В гаолянах чужих равнин.

Ночь мечтой и загадкой манит...
Это Сунгари или нет?
Не другая ль река в тумане
Нам струит серебристый свет?

Не другие ль в сплошном сиянье
Всплыли зеленью острова?
Не тревожьте воспоминанья...
Не услышит наш зов Нева...

1937

ПОД СИРЕНЬЮ

Пятнадцать лет не получала писем
И потеряла к прошлому пути,
А ведьма-жизнь заржавленной спицей
Спускали петли... Не найти.

И вдруг восторг нежданного подарка:

В саду цвела лиловая сирень,
Открытку принесли с французской маркой
В сияющий весенний день.

Какой-то портик и листок аканта,
Венчающий красивый взлет колонн...
Париж — Харбин. Две доли эмигранта,
Часовни наших похорон.

Вновь прошлое протягивает руки,
Встают черты печально стертых лиц.
Пятнадцать лет, пятнадцать лет разлуки,
Пятнадцать вырванных страниц.

Те юноши в мундирах, в ярких формах —
Бродяги, нищие, шоферы, кучера.
Те девушки с надрывом семьи кормят,
Склонившись над иглой с утра.

Те дети выросли без света и причала,
Красавцы обратились в стариков...
И на открытку солнце осыпало
Кресты сиреневых цветков.

1937

ВЕСНА В ХАРБИНЕ

Все пусто и голо, все пусто и голо,
Ни снега, ни льдинок, ни брызг...
Весеннее солнце с улыбкой веселой
По небу катает свой диск.

Размашистый ветер порывисто дует,
Взметает клубами песок;
Под крышей голубка любовно воркует,
Ей вторит ее голубок.

О, бедные птицы и бедные люди, —
Тоска, обреченность и гнет!
Пусть скажет хоть сердце в измученной груди,
Что это весна к нам идет.

БЕГСТВО

В мелких тучках небо голубое,
Вся в лучах разбрызгалась зима.
Бросились испуганной толпою,
Забегали в фанзы и дома.

Лошади, орудья, пехотинцы,

Все смешалось... Громыхал обоз,
И ронял смертельные гостинцы
Желтый шмель — гудящий бомбовоз.

Бухали по городу снаряды,
Гул стоял шагов, колес, подков...
Розовели празднично ограды
Облачком круглившихся дымков.

И валились серые в тулупах
На дорогах, улицах, углах...
Отражалось у лежащих трупов
Солнце в застеклившихся глазах.

И валились в ярком зимнем свете,
Не померк нарядный чудный день, —
Бедные замученные дети
Нищенских китайских деревень.

Застывали мертвые, нагие
Без могил, без гроба, без имен...
А в Харбин входили уж другие,
Шелестя полотнами знамен.

СЕРЕБРЯНЫЙ ДАЙРЕН

Туман, туман над городом клубится,
В жемчужной дымке тонет пароход...
Серебряным крылом серебряная птица
Чертит стекло замороженных вод.

На ржавых петлях закрипели сходни,
Качнулась пристань, двинулась назад...
И вот плывем по милости Господней,
Скользит в воде отпущенный канат.

Протяжный гонг сзывает вниз к обеду,
Забыт земли привычный старый плен.
Там, впереди, — печали ли, победы?
Там, позади, — серебряный Дайрен...

Плывем, плывем в молочные туманы,
За бортом брызг курчавится ажур,
Мелькнул вдали в час утренний и ранний
За пеленой, как призрак, Порт-Артур...

В неясной мгле заколебались тени,
Из серых бездн простерлись сотни рук...
Тяжелых лет тяжелые ступени
Замкнули жизнь в нерасторжимый круг.

И снова гонг... Не звон ли погребальный?

Вобрал туман все звуки и лучи...

Кругом мертво, пустынно и печально...

Земное сердце — замолчи.

ТУДА — К ЧУЖИМ

Вокзал... Толпа... Мелькают лица, руки...

И поезд тронулся... Метнулся синий дым...

От милых мест вагон с чеканным стуком

Уносит вдаль... Туда — к чужим?

Заборы, домики, заброшенные дачи,

Фанзенки ветхие, подгнивший серый тын...

Прощай, мой друг, печальный и невзрачный,

Нескладный беженский Харбин.

Ты столько раз в години испытаний,

В смертельный час волнений и тревог

Давал приют уставшим от скитаний

И душу русскую берег.

В суровый век разгула и наживы

Хранил, как клад, все то, чем дорожим,
Чем ценен мир и люди в мире живы...
Ну а теперь туда — к чужим!

Лежат на столике охапкой хризантемы,
Бегут в окне равнины и леса,
Все гуще дым... Конец, конец поэмы —
Твердят колес стальные голоса.

Скитальцев горестных не кончена дорога,
Так много стран, но солнце в них одно...
И путь домой один... Путей в чужбину много,
И дымом застлано окно.

Прощай, Харбин! Со всем, что сердцу мило,
Союз души навек нерасторжим.
Слепая, жуткая неведомая сила
Несет нас вдаль... Туда — к чужим!

ПО КИТАЙСКОМУ КАЛЕНДАРЮ

Бирюзой и золотом пронизан,
Выткал август пышные ковры,
И цветов сверкающая риза
Сетью радуг блещет и горит.

Никогда так прочен и роскошен
Не казался летних дней наряд.
Георгин все царственнее ноша,
Табакон таинственной обряд.

И влюбленной радостная алость
Красных роз и розовых гвоздик...
Но я знаю, лето вдруг сломалось.
Этой ночью слышала я крик.

Пронеслась над зарослью садовой
Черных птиц сплошная пелена,
И зловещей, страшной и багровой
Поднялась ущербная луна.

Этой ночью бились в диком страхе
Бабочки в оконное стекло
И на клумбе, как на тайной плахе,
Белых астр созвездье расцвело.

Этой ночью в сочных ветках вяза
Первый лист поблекший изнемог,
Этой ночью лето кто-то сглазил
И на гибель черную обрек.

Утром ходя, шумен и несносен,
Мел дорожку, щурясь на зарю,
И сказал, что наступила осень
По китайскому календарю.

ЗЛАЯ ОСЕНЬ

Не в нарядной живой позолоте,
Не в короне цветных янтарей.
Нынче осень подкралась в лохмотьях,
Грязной нищенкой ждет у дверей.

Пробиралась по тинным размывам,
Укрывалась в худых шалашах,
Ночевала по фанзам и нивам,
В сунгарийских вспененных волнах.

И голодная, в ссадинах, в ранах,
Скудный харч завязавши в мешок,
Собирала незваных и званых
По канавам размытых дорог.

Черный город замкнули потемки,

В пустырях бездомных орда,
Громоздят на обломках обломки
Наводнение, болезнь и нужда.

Но людского страдания не выпью,
Обреченным бессильна помочь...
И кричит на развалинах выпью
Желтоглазая хмурая ночь.

На коленях у беженки хворой
Смуглый мальчик измученный спит,
По известке, отбросам и сору
Бурый лист, распластавшись, шуршит.

Почерневшие астры поникли
На подточенном прелью стебле...
И столетье ли, вечность ли, миг ли? —
Гибнут жизни в страданиях и зле.

ПАУТИНКИ

Осень заржавленной кистью
Летние заросли мажет,
В воздухе мертвые листья
Ветер гирляндами вяжет.

Жизни стучит веретенце,
Время считает морщинки,
В алом негреющем солнце
Тихо летят паутинки.

Тучи мрачнее и ниже,
Ночь раскрывает объятия,
О, защищайся, люби же!
Ласка — от смерти заклатье.

Чувства с годами смиренней,
Солнце справляет поминки,
В томной лазури осенней
Тихо летят паутинки.

ЛУННЫЙ НОВЫЙ ГОД

Солнце село над кольцом строений,
Зимний вечер благостен и мирен,
Тонкий дым сжигаемых курений
В окнах фанз и у камней кумирен.

В синих плосках клейкие пельмени,

Убраны дракончиками нары,
И цветы и звери в пестрой смене
Женских курм расцвечивают чары.

Но внезапно отдых благодушный
Оглушает громом канонада,
Роют снег фонтаны искр воздушных,
Ленты улиц, точно жерла ада.

Что ж не слышно жалоб или стонов?
Дружный хохот воздух оглашает.
Как созвездья дальних небосклонов,
Огоньки фонариков мелькают.

Не страшат ни свисты, ни раскаты,
Ни ракет оранжевые мушки,
И гремят с заката до заката
Частой дробью шумные хлопушки.

Добрым людям взрывы неопасны,
Их боятся только злые духи,
Шепчут глухо, быстро и бесстрастно
Заклинанья древние старухи.

И, покончив с традиционной встречей,

Объятые праздничным туманом.
Коротают новогодний вечер
И хозяйева, и гости за маджаном.

БАГУЛЬНИК

Случайный луч обводит светочем
Квартиры пыльной уголки,
Ласкает рыженькие веточки,
Где почки, точно узелки.

В голубоватой хрупкой вазочке
Я собрала из них букет...
Нет, не букет — скорее вязочку,
Кустов обиженных скелет.

Корицей пахнет он и хворостом,
Сухою мерзлую травой...
Так пахнут на полянах поросли
В седилах осени больной.

И вот когда на этих палочках,
Колючим вздыбленных пучком,
Распустится живую алостью
Цветок душистый за цветком,

Когда по стеблям дрожью светлою
Прольется радости волна,
То значит — я не верю этому, —
То значит, что пришла весна.

И в сопках, упоен победами,
Теснится всходов хоровод...
И на границе заповеданной
Багульник розовый цветет.

СКАЗКА ВЕКОВ

Вечер тих, и близка уж осень,
Желтый лист шелестит на песке,
У калитки два ходи проносят
Миниатюрный театр в коробке.

Что ж, посмотрим... И куклы скачут,
Вот на сцене — герой-полубог.
Китаяночка хрупкая плачет,
Грустно ходи гнусит говорок.

Кукла-лев куклу-мальчика тащит,

Открывая кумачную пасть,
Дети-зрители глазки таращат,
Чарам сказки отдавшись во власть.

Все, как в жизни: убийства, драки,
Куклы мечутся — горе, разбой...
Свиньи, змеи, лисицы, собаки.
Злых уродов беснуется рой,

И последняя кукла головкой
Безнадёжно поникла на грудь...
Представленье закончено. Ловко
Весь театрик готовится в путь.

Ходи сжали актеров-кукол
В свой потертый цветной коробок
И ушли... Только бубен стучал,
И звенел в такт шагающих ног.

Да три пса провожали лаем
Уходящую сказку веков...
О, как мало, как мало мы знаем
Говорящих, значительных слов!

НА ШАЛАНДЕ

Гребни волн барашками курчавятся,
Пена брызг алмазами горит,
Сунгари, сердитая красавица,
Изменила свой обычный вид.

В знак тревоги ловко и уверенно
Подняли на пристани шары,
Жмутся лодки к берегу растерянно,
Выходя поспешно из игры.

На шаланде под квадратом паруса
Мы плывем испуганно назад,
И о мачту треплет ветер яростно
Бахрому бесчисленных заплат.

Мы плывем, то килем дно царапая,
То волне взлетая на хребет.
Чей-то пес, визжа, скребется лапами,
Обнимает спутницу сосед.

И багром скользя по борту узкому,
Кормчий наш, китаец молодой.
Напрягая бронзовые мускулы,
Пассажиров брызгает водой.

И я знаю — в час заката алого
Это он вдоль нильского русла
Плыл к той пальме, где под опахалами
Клеопатра избранных ждала.

КЕЛЬНЕРШЕ

У ресторанной золоченой стойки,
Где блещут вина в замкнутых рядах
И бегают услужливые бойки,
Стоите вы весь вечер на часах.

Так детски чист ваш завитой затылок,
И кожа рук прозрачна и нежна...
На фоне рюмок, стопок и бутылок
Так мило ваше личико, княжна.

Играли вы когда-то на гитаре
И пели песенки сентиментально в нос...
Теперь вы кельнершей во второсортном баре
И носите с закусками поднос.

Вы улыбаетесь загадочно и гордо,

Вы подаете деловито счет,
И ждете к полночи «очередного лорда»,
И с третьим мужем начали развод.

Глаза у вас по-прежнему лучисты,
И белый фартучек такой же, как тогда,
Когда влюблялись в вас толпою гимназисты
В те незабвенные далекие года...

Несутся пары в огненном фокстроте...
За женскую судьбу на ком лежит вина?
Вы пишете серьезно на блокноте
Число глотков коктейлей и вина.

Вы знаете шанхайской ночи пьяной
Бессмысленный угар и дикий чад...
Зовут шутя вас Девой Несмеяной
И щедро доллара на чай дарят.

И так же чист ваш завитой затылок,
И кожа рук прозрачна и нежна...
На фоне рюмок, стопок и бутылок
Как мило ваше личико, княжна.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Пятнадцать лет среди экзотичных зданий
В стране иероглифов, драконов и тревог
Стоит, прошедших лет храня воспоминанье,
В Шанхае Офицерское Собрание,
Былой России скромный уголок.

Тех лет, когда наш край в бесправьи не был сирым,
Когда был жив наш Царь и цел наш Отчий Дом,
Когда дух рыцарства и чести правил миром
И Русский Офицер, гордясь своим мундиром,
Гордился Родиной, Собранием и Полком.

Все, от полковника до юного корнета,
От школьной твердо помнили скамьи,
Что доблесть воина лучом любви согрета,
И чтили высоко родной страны заветы
В кругу военной сплоченной семьи.

И были те года победоносно яркие...
В Собрании было все, что дорого сердцам, —
Знамена, ордена и царские подарки...
И в шумных праздниках со звоном братской чарки
Тянулась молодежь к прадедовским орлам.

Гремела музыка, лилось рекой веселье,
Брал младший радостно со старшего пример,
Роднил единый дух единой общей целью,
И, как могучий клич, в час бранного похмелья
Звучало слово — Русский Офицер!

И вот пятнадцать лет средь горького изгнания,
Бессменным часовым, хранящим грез чертог,
Нам светит Офицерское Собрание,
Как лучших дней немое обещанье,
Как возрожденья русского залог.

И стойкие борцы, соратники былые,
Находят в нем и ласку, и приют,
Их жены, сыновья, друзья их и родные,
Задорные юнцы и старики седые,
На огонек живой доверчиво идут.

И бережем, как встарь, от века и донине,
В Собрании мы все то, что дорого сердцам, —
Родного языка улыбку на чужбине,
И гордый русский герб, и русские святыни,
И верность Родине, преданьям и отцам!

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

«Живешь в глуши страны чернильной...»

Валерий Перелешин. 1983 г.

Живешь в глуши страны чернильной,

Записок, выписок из книг

И дышишь летописью пыльной

Забывших лавров и квадриг.

Ты в этот мир бежишь от мира

Суровых стихотворных нег,

Так от прохладного зефира

Подснежник кутается в снег —

Чтоб вдруг из-под снегов латыни,

Подтаивающих весной,

Вдохнуть внезапно воздух синий,

Веселый, легкий и сквозной.

Чтоб после двух ночей бессонных

Среди тысячелетних строк —

Вдруг разглядеть вверху бездонный

Сквозной и синий потолок...

И грудь ты открываешь жадно

Ритмическим ветрам родным,

Ветрам веселым и отрадным,
Парнасским бурям ледяным.

И мнится: ямбом пятистопным
Гремит военная труба,
Анапестом нерасторопным
Вдоль окон тащится арба...

20 мая 1935

В ЛАБИРИНТЕ

Мы заблудились в переходах.
Но, право, не о чем тужить:
Скорей забудем о свободах
И без свободы станем жить!

Все одобряют, все согласны,
Все не боятся темноты:
Ведь под землю безопасно
Живут же мудрые кроты!

Лишь несколько пустоголовых
Бродяг, не помнящих родства,
Все бредят о просторах новых,
Где солнце, блеск и синева.

Для них мы равнодушны, жалки,
Бедны, трусливы и скучны,
А им весенние фиалки,
Им розы летние нужны!

Им слаще гибель в лабиринте,
Чем жизнь такая, как у нас.
Ну что ж! ступайте и изгиньте
Хоть в добрый, хоть в недобрый час!

Но, непокорные и злые.
Поймите истину одну:
Что, мертвые или живые,
Вы все равно у нас в плену.

Дойдете вверх, к наземным людям
И позовете нас туда —
Мы не поверим и забудем
Вас, как не живших никогда.

Погибнете — мы как героев
Вас памятниками почтим
И, ваши имена присвоив,
Дадим их правнукам своим.

26 марта 1947 Шанхай

ПОДРАЖАНИЕ КИТАЙСКОМУ

Сегодня, спать ложась, с мечтательной любовью

Букет твоих гвоздик я ставлю к изголовью:

Быть может, хоть во сне опять в саду твоём

По трепетной росе побродим мы вдвоем?

4 апреля 1949 Шанхай

МОЛЧАНЬЕ

Молчанье, молчанье до гроба —

Ведь если раскроешь уста,

Взметнется бесовская злоба

На голос, упавший с креста.

Спиною и к солнцу, и к свету,

И к ужасу собственных дел,

Чтоб в тайну жестокою эту

Никто никогда не глядел.

И даже когда мы рыдаем

Над каторгою естества,

Не самое дно обнажаем,

Не лучшие молвим слова.

А те, что сказать мы могли бы —
Слова совершеннее всех, —
Замкнем под могильные глыбы,
Под скучный незначащий смех.

И что нам земная отрада
И солнечный луч золотой,
Навек отлученным от стада
Горбом, слепотой, немотой?

Но только сквозь горб и томленье
Порой прорастает душа,
И золушка-жизнь на мгновенье
Сверкает — нежна, хороша.

Тогда, побеждая бессилье,
Мы больше цепей не хотим:
Раскинув незримые крылья,
Мы к нашему Богу летим.

Быть может, в Его литургии,
На небе, зачем-то нужны
Мычащие глухонемые,
Придавленные горбуны?

8 июля 1949 Шанхай

ГАЛЛИПОЛИЙЦЫ

По трапу медленно всходили,
Последний завершая путь,
И горсточку заветной пыли
Украдкой прятали на грудь.

Ни пестрых бантиков в петлицах,
Ни белизны прощальных роз.
Ведь те, кто плачут на границах, —
Те плачут кровью вместо слез.

Платочки не благоухают
Провинциальным цветником,

Такие слезы вытирают
Армейским грязным рукавом.

И, отвернувшись без оглядки
И обратясь лицом на юг,
Галлиполийской лихорадки
Дыханье ощущают вдруг.

С тех пор сердца бесславно тлеют

По всем краям чужой земли,
С тех пор униженно дряхлеют
В Бизерте наши корабли.

С тех пор натуги, и усилья,
И жалкие цветы наград,
А мы, как мельничные крылья,
Все возвращаемся назад —

К далеким дням борьбы и страха
И слышим дым пороховой,
Склонясь над горсточкою праха
Уже седую головой.

24 марта 1935

МЫ

Нас миллионы — вездесущих,
Бездомных всюду и везде,
То изнывающих, то ждущих,
То приучившихся к беде.
Земные ветхие границы
Мы исподволь пересекли;
Мы прежние свои столицы
В столицу мира отнесли.

Во всех республиках и царствах,
В чужие вторгшись города,
Мы — государство в государствах,
Сплотившееся навсегда.
Разбросанные по чужбинам,
Встречаемые здесь и там,
По всем краям и украинам,
По широтам и долготам,
Все звезды повидав чужие
И этих звезд не возлюбя, —
Мы обрели тебя, Россия,
Мы обрели самих себя!

На мерзлых полюсах планеты,
Под тропиками там и тут
Какие к нам слетают светы,
Какие яблони цветут?
Не мы ли — белый мозг арийства,
За белизну и красоту
Терпели голод, и убийства,
И ненависть, и клевету?

Мы стали русскими впервые
(О если бы скостить века!),
На звезды поглядев чужие,
На неродные облака.
И вот, на древние разброды,
На все разлады несмотря,

Мы знаем — русского восхода
Лишь занимается заря.

Пусть мы бедны, и несчастливы,
И выбиваемся едва,
Но мы выносливы и живы,
И в нашем образе жива —
Пусть звезды холодны чужие —
Отрубленная голова
Неумирающей России.

10 февраля 1934

ПОЕЗДКА В ДУН-ЛИН

К востоку поднимаются курганы,
Как две белоголовые горы.
Похороненные под ними ханы
Во сне сраженья видят и пиры.

В твоих глазах — безоблачные дали,
Синеет жилка нежная на лбу...
Здесь юноши о девушках вздыхали
И лютни жаловались на судьбу.

Таятся в соснах шорохи столетий,
Здесь приютившиеся навсегда.

Мы ту же самую — дурные дети —
Тревогу томную несем сюда.

Рисунками, стихами, именами
Испещрена горбатая стена.
Мы высекаем острыми камнями
И наши варварские имена.

14 октября 1940

РАСПЛАТА

В лабиринте глухом, где мечусь я, как пойманный в сети,
Тянет гибельным ветром от стен земляных и камней,
И безвременно чахнут, как туберкулезные дети,
Слабогрудые замыслы, хилые всходы страстей.

Солнце трижды великое, царь всеблагой и преславный,
Хоть единым лучом укрепи меня против врага!
Но в назначенный день прошумит поединок неравный —
Сердце мне остановят железные бычьи рога.

Ариадна моя! Для чего у зловещего входа
Я с пути не сошел и приветом твоим пренебрег!
Ты сияла, как луч, как победа в бою, как свобода,
Прижимая ко груди спасительный пряжи клубок.

Как невеста, копье боевое ты мне подносила,
Ты, как мать, покрывала меня освященным щитом,
Но так сладко мне лгали и слава, и юность, и сила,
Так манили идти не оглядываясь, напролом...

Ты осталась вверху — безутешна, светла и крылата,
Домовитого счастья клубок покотился из рук...
Ариадна моя! Не за это ли ныне расплата
Паутиной своей оплетает меня, как паук?

4 декабря 1940

КАРТИНА

Марии Павловне Коростовец

Есть у меня картина: между скал
Простерто небо, всех небес лучистей.
Китайский мастер их нарисовал
Легчайшею и совершенной кистью.

Внизу, в долине, зелень, как ковер,
Стада приходят на призыв свирели.
Так безобидный высказан укор
Всем возлюбившим маленькие цели.

А выше есть тропинка по хребту,
И будет награжден по ней идущий
Вишневыми деревьями в цвету,
Прохладою уединенных кущей.

Здесь мудрецы, сдав сыновьям дела
И замуж внучку младшую пристроив,
Вздыхнут о том, как молодость цвела
Надменной роз и радостней левкоев.

А скалы те, что в небо уперлись,
Обнажены, как варварские пики, —
Немногие полюбят эту высь,
Где только ястребы да камень дикий.

Но там над пропастью взвилась сосна,
Торжественно, спокойно, равнодушно,
И там царит такая тишина,
Что сердце ей доверится послушно.

Лишь только смерть, легка и хороша,
Меня нагонит поступью нескорой,
Я знаю, наяву моя душа
Придет бродить на вычурные горы.

15 января 1941

СЧАСТЬЕ

Взамен побед, и бурь, и сладострастья,
И мужественной битвы до конца
Ты, Боже, дал мне маленькое счастье,
Какому не завидуют сердца.

Дар памяти! Ни громоносной славы,
Ни жгучих сновидений не влача,
Я только ветры, вечера и травы,
Пускаясь в путь, поднимаю на плеча.

Прощальный день, обманчиво спокойный,
Задумчивое небо сентября,
И сумерки, и жесткий ветер хвойный
В мой южный дом возьму с собою я.

И память мне не раз покажет снова
Кладбищенский многоречивый сад
И на скамейке томик Гумилева,
И темных глаз обрадованный взгляд.

24 сентября 1940

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Покинув нерадушные края,
К вам прихожу, тишайшие озера,
Как блудный сын изверившийся, я
Для утешенья, а не для укора.

Недолго были мы разлучены,
Но, скоро захмелевший от свободы
И разлюбивший ветреные сны,
Я месяцы почувствовал за годы.

Здесь, как у кроткого духовника,
Прощения прошу и крыльев новых,
Чтоб стала вновь уверенной рука
И сердце не страшилось бурь суровых.

Ущедрите пустое сердце мне.
Возьмите в плен мой ум неукротимый,
И я клянусь, что возвращу вдвойне
Ваш дар — как любящий и как любимый!

А груз, который так давно кляню —
Земную ношу боли и позора, —
Во всепрощающую глубину
Повергну я, тишайшие озера!

9 декабря 1941

ПРЕДЕЛ

Так много раз сближались наши руки,
Глаза с глазами стали так дружны,
Что нам уже ни сроки, ни разлуки,
Ни глаз чужих обеты не страшны.

Мы ласковы и в нежности похожи,
Но все-таки не сохранить любви
Нам, нетождественным по цвету кожи,
По тяжести наследственной в крови.

Мы ловим ветерок благоуханный,
Приветствуем вечернюю росу,
Но я — цветок болезненный и странный,
И — дикая ты яблоня в лесу.

Смолою почек пахнет прелый воздух,
Белеет поздний парус вдалеке,
Но не сумею рассказать о звездах
Я на твоём чудесном языке.

А ты, когда гуляешь по аллее
С таким же юношей твоей страны,
То у тебя лицо еще смуглее

И бездны глаз особенно темны.

21 февраля 1941

НА СЕРЕДИНЕ МОСТА

Есть мостики горбатые в Китае:

До середины медленно, с трудом,

А дальше, вниз — легко, почти слетая...

А наша жизнь — не век, и мост — не дом.

Я медленно вошел до середины,

Я шел оглядываясь, не спеша,

Чтоб нынче, в день тридцатой годовщины,

Понять, что жизнь безмерно хороша.

Но дальше вниз — легко, почти паденье...

Стой, путник, и движенья не ускорь:

Не упусти весеннего цветенья,

Закатов царственных и звонких зорь!

Как часто ты, услышав гул погони,

Оплачешь плен у ладана и книг.

Учись, учись же на возвратном склоне

Благословить за ломкость каждый миг!

27 апреля 1943

ЧЖУНХАЙ

Все лето будут лотосы цвести,
И озеро притихнет, зеленея,
И все отдам я странные пути
За твой изгиб, прибрежная аллея.

Отсюда так прекрасны вдалеке
Минувших лет немые очевидцы —
И сонный павильон на островке,
И древняя ладья императрицы.

И лотосы! Из-за ветвей сосны
Смотрю, с холма спускаясь по тропинке:
Как розовые звезды, зажжены
В воде широколистые кувшинки...

Из всех садов я полюбил Чжунхай
За синие расширенные дали:
Не это ли Господень тихий рай
Для тех, что белых риз не запятнали?

Те прожили, не ведая о зле, —
Иль, ведая, противились паденью...
Здесь кажется и мне, что по земле

Легко пройти невоплощенной тенью.

И эта кружевная тишина —
Моя обетованная награда,
Затем, что лучше я не видел сна,
Чем лотосы среди большого сада.

15 июля 1943

НОСТАЛЬГИЯ

Я сердца на дольки, на ломтики не разделю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая.

У мачехи ласковой — в желтой я вырос стране,
И желтые кроткие люди мне братьями стали:
Здесь неповторимые сказки мерещились мне,
И летние звезды в ночи для меня расцветали.

Лишь осенью поздней, в начальные дни октября,
Как северный ветер заплачет — родной и щемящий,
Когда на закате костром полыхает заря,
На север смотрю я — все дольше, и чаще, и чаще.

Оттуда — из этой родной и забытой земли —
Забытой, как сон, но во веки веков незабвенной —
Ни звука, ни слова — лишь медленные журавли
На крыльях усталых приносят привет драгоценный.

И вдруг опадают, как сложенные веера,
Улыбки, и сосны, и арки... Россия, Россия!
В прохладные эти задумчивые вечера
Печальной звездой восходит моя ностальгия.

19 сентября 1943

ХУЦИНЬ

Чтоб накопить истому грустную,
Я выхожу в ночную синь,
Вдали слышу неискусную
И безутешную хуцинь.

Простая скрипка деревянная
И варварский ее смычок —
Но это боль почти желанная,
Свисток разлуки и дымок.

И больше: грусть начальной осени.
Сверчки, и кудри хризантем,
И листопад, и в смутной просини

Холма сиреневатый шлем.

Кто дальний, на плечо округлое

Хуцинь послушную склоня,

Рукою хрупкою и смуглою

Волнует скрипку — и меня?

Так сердце легкое изменится:

Я слез невидимых напьюсь

И с музой, благодарной пленницей,

Чужой печалью поделюсь.

10 августа 1943

ВИД НА ПЕКИН ИЗ БИ-ЮНЬ-СЫ

Стою, как путник давний и бездомный,

У мраморного белого столба,

И город подо мной лежит огромный,

Как целый мир, как море, как судьба.

Так высоко стою, так величаво

Вознесся храм Лазурных Облаков,

Так высоко, что умолкает слава

И только ветра слышен вечный зов.

О, если бы, прервав полет невольный,
Сюда прийти, как голубь в свой ковчег,
Впервые под сосною белоствольной
Вздохнуть и упокоиться навек!

Да, если бы, как трепетная птица,
Здесь обрести прибежище в грозу,
Так спрятаться, врасти и притаиться,
Чтоб смерть забыла — и прошла внизу!

Я тих, но быть могу еще неслышной.
Я дело сделал. Я ненужный мавр.
О как я рад, как счастлив я, Всевышний,
Что нет хоть здесь ни лавров, ни литавр!

27 июля 1943

В ШАНЬХАЙГУАНЕ

Поднявшись на стены у «Первой Заставы Вселенной»,
Оттуда смотреть на прекрасные дымные горы,
На город, умолкший внизу, на поселок застенный,
На эти раздвинутые далеко кругозоры!

Зубчатые стены побиты в бесчисленных войнах,
Тяжелые своды осели, близки к разрушенью.
Но осликов кротких отрада — меж вязов спокойных

В полуденный зной отдыхать под зубчатую тенью.

На западном небе резка Барабанная Башня,
Где мудрый Вэньчан восседает под сумрачной аркой.
Студент, чтобы стать на экзамене трудном бесстрашной,
Там свечи приносит душистые жертвой неяркой.

А вечером, в уединенном углу ресторана,
Сквозь приторный голос ловить отдаленную скрипку
И снова в безумие падать, и жаждать обмана,
И гордое счастье свое отдавать за улыбку.

Я, как собиратель камней дорогих и жемчужин,
Что прячет их нежно в резные ларцы и шкатулки:
И каждый прохожий мне дорог, и каждый мне нужен,
И память хранит вечера, города, переулки.

О жадное сердце, о неуголимое море,
Несытая бездна, ужель тебе мало и света,
И счастья, и знанья, и зла, и бесценного горя —
О, что ты ответишь и чем ты заплатишь за это?

23 августа 1943

СЯНТАНЬЧЭН

В Сянтаньчэн рано — на рассвете —

Отдыхать ходят облака.

В Сянтаньчэн улетает ветер,

В Сянтаньчэн тянется река.

Сянтаньчэн — за холмом прохладным:

Днем туда голуби летят,

А потом фениксом нарядным

В Сянтаньчэн прячется закат.

В Сянтаньчэн просятся улыбки,

В Сянтаньчэн сходятся мечты.

Про него всхлипывают скрипки,

На него молятся цветы.

А когда бархатное знамя

Тишины ляжет на холмы,

Я спешу, окрыленный снами,

В Сянтаньчэн из моей тюрьмы.

По одной, радостной, дороге —

В Сянтаньчэн, в мир и тишину!

К моему счастью-недотроге,

Верно, путь не заказан сну?

А когда возвращаюсь рано
В мой глухой ежедневный плен,
Вновь ползут встречные туманы
Отдыхать — снова в Сянтаньчэн.

11 октября 1948

ПОСЛЕДНИЙ ЛОТОС

В начале сентября.
От зноя отдыхая,
Вечерняя заря
Горит в садах Бэйхая.

Прозрачны и чисты
Сиреневые дали.
Надменные цветы,
Цветы уже увяли.

Торжественная тишь
Над мертвыми стеблями.
Последний лотос лишь
Один воздет, как знамя.

Стой. И не бойся ран.
Стой, гордый и отвесный,
Как древний великан,

Держащий круг небесный!

Так некогда и мы —
Но побеждали зимы,
И на ветру зимы
Мы таяли, как дымы.

Мы были, как орлы,
И в синеву любили
Бежать от сонной мглы,
От пешеходной пыли.

Быстрее южных льдин
Проголубели годы,
И я стою один,
Последний бард свободы.

10 сентября 1943

СОЧЕЛЬНИК

Так по закону выходит причин и последствий:
Стал я безродным, какое же мне Рождество?
Но почему-то в сочельник, как некогда в детстве,
Сердце взлетает и ждет неизвестно чего.

Думал, что вот, равнодушный и томно-усталый,
Жизнь искалечу, эффектно, расчетливо комкая.
Вышло иное: узлы и свистки, и вокзалы —
Жизнь, как у всех, — небольшая, незлая, негромкая.

Если бы снова в страну продолжительной ночи,
Ту, где сейчас, пред рождением короткого дня,
Может быть, смотрят твои дальнорюкие очи,
На фотографии видя живого меня!

Я подойду и скажу тебе ласково: «Мама,
Хочешь, со мной поделись предрассветною скукою.
Или позволь мне, я „Тристями“ Мандельштама,
Глухо скандируя, сердце твое убаюкаю».

Многие ночи не спишь ты от серой тревоги
И повторяешь, вседневно, всенощно скорбя:
Как я могла не окликнуть, не стать на пороге,
Как я могла оторваться сама от себя?

Я пойду и скажу тебе... Ночь не услышит,
Ночь поседела, состарилась, скоро скончается.
Кто же услышит? За окнами ветер колышет
Вечнозеленые ветки, и ветки качаются.

14 декабря 1945

РОССИЯ

Живу тревогами своими

О бедном сердце, о семье,

А ты, Россия, только имя,

Придуманное бытие.

Шесть букв, не вовсе позабытых,

И почему бы не забыть

Ту из Америк неоткрытых,

Куда не мне, не мне доплыть?

О да, ты — заспанное слово,

А столько слов нужней, звончей:

Как звуки языка чужого,

Как скрипки ветреных ночей.

Зачем же смутною любовью

Я создаю тебя? Вот-вот

Вскипят сухие буквы кровью,

И давний призрак оживет.

Ужели в красоте раскосой,

В обетованьях смуглых тел

Голубоглазой, светлокосой

Одной России я хотел?

19 ноября 2+55

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АРГОНАВТ

Мне в подарок приносит время
Столько книг, и мыслей, и встреч,
Но еще легковесно бремя
Для моих неуставших плеч.

Я широк, как морское лоно:
Все объемля и все любя,
Все заветы и все знамена,
Целый мир вбираю в себя.

Но когда бы ведать, что с детства
Я Китаю был обручен,
Что для этого и наследства,
И семьи, и дома лишен, —

Я б родился в городе южном —
В Баошане или Чэнду —
В именитом, степенном, дружном,
Многодетном старом роду.

Мне мой дед, бакалавр ученый,
Дал бы имя Свирель Луны,
Или строже: Утес Дракона,
Или тише: Луч Тишины.

Под горячим солнцем смуглея,
Потемнело б мое лицо,
И серебряное на шее
Все рельефней было б кольцо.

И, как рыбки в узких бассейнах
Под шатрами ярких кустов,
Я бы вырос в сетях затейных
Иероглифов и стихов.

Лет пятнадцати, вероятно,
По священной воле отца,
Я б женился на неопрятной,
Но богатой дочке купца.

Так, не зная, что мир мой тесен
Я старел бы, важен и сыт,
Без раздумчивых русских песен
От которых сердце горит.

А теперь, словно голос долга,
Голос дома поет во мне,
Если вольное слово «Волга»
На эфирной плывет волне.

Оттого, что при всей нагрузке
Вер, девизов, стягов и правд,
Я — до костного мозга русский
Заблудившийся аргонавт.

29 июня 1947

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Сегодня дует ветер с юга
И начинается весна,
И, смуглая моя подруга,
Ты мне сегодня не верна.

Ты неподвижными глазами
Глядишь за здешнюю черту —
На деревушку за холмами,
Где абрикос давно в цвету.

А дальше, у речного мыса,
Где ты ловила черепах,
Взлелеянные всходы риса

Сверкают в утренних лучах.

Ты видишь: юноша веселый,
Теплу ласкающему рад,
Выходит, скинув долгополый
Перезаплатанный халат.

Он, твой жених от колыбели.
Шагает бодро по меже,
И щеки чуть порозовели
От солнца, знойного уже.

Он песенку поет, и звуки
Так властны над судьбой твоей,
Что ты наперекор разлуке
Всем сердцем отвечаешь ей...

Но я далек от укоризны:
О, разве ты виновна в том,
Что не заменят нам отчизны
Ни ласка, ни радушный дом?

Ну что ж, откинем занавески,
И пусть подосланный судьбой
Зовущий ветер, злой и резкий,

Свободно реет над тобой!

24 января 1948

КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ ПОД ИНЕЕМ

Красные Листья под Инеем — странное имя:

Сколько в Китае затейных и умных имен!

Часто бывал я пленен и обрадован ими,

В странное имя сегодня я снова влюблен.

Иней на листьях кленовых? Но вы же — весенний

Яркий и юный цветок! И ответили вы:

«Много весною и красок, и снов, и цветений,

Осень скупее, и осенью меньше листвы.

Осень чиста и прозрачна, грустна и свободна.

Осень усталая — к жизни ее не зови.

Осенью иней на листьях, как панцирь холодный,

Гордая осень от вас не захочет любви».

Да, но и осенью в полдень сильней пригревает

Бледное солнце и светит в кленовом саду.

Будет минута: неласковый иней растает,

Красные листья и губы под ним я найду!

12 мая 1947

ХУСИНЬТИН

Глядит в озерную равнину

Равнина б

о льшая вверху.

Мы подплываем к Хусиньтину,

Где сердце озера Сиху.

Горячий ветер неприятен,

Нет тени от сквозной листвы.

И веет сухостью от пятен

Слегка желтеющей травы.

Заходим в храм пустой и скромный,

Чтоб с тишиною помолчать.

Здесь даже полдень неумный

Бессилен сумерки прогнать.

Сюда, приветливо взирая,

Вся золоченая, Гуаньинь

Сошла для нас от кущей рая

И строгой мудрости пустынь.

Сюда пришел еще безвестным

Чжи Хуа, художник и монах:

Картины языком чудесным

Поют победно на стенах.

Ах, эти лотосы не вянут,

Листва не падает под дождь,

Святые эти не устанут

Сидеть в тени сосновых роц.

Бессмертно будут петь о лете

Сегодня, завтра — как вчера,

Своими иволгами эти

Несложенные веера!

Когда же, выйдя неохотно,

Мы жизнь увидим из дверей,

На зыбкие ее полотна

Посмотрим мы уже добрей:

Ведь тоже могут стать нетленны

Камыш и бабочки в цвету,

Лишь кисть, легка и совершенна,

Их остановит на лету!

26 ноября 1951

ИЗДАЛЕКА

Это будет простое туманное утро в Китае.
Прокричат петухи. Загрохочет далекий трамвай.
Как вчера и как завтра. Но птица отстанет от стаи,
Чтоб уже никогда не увидеть летящих стай.

Босоное солнце, зачем-то вскочившее рано,
Побежит на неряшливый берег и на острова,
И откинута прочь длинноносые девы тумана,
Над рекою брезгливо подняв свои рукава.

Ты проснешься и встанешь. И, моясь холодной водою,
Недосмотренный сон отряхнешь с полусонных ресниц.
И пойдешь переулком, не видя, что над головою
Распласталась прилетная стая усталых птиц.

Это сердце мое возвращается к милым пределам,
Чтобы нам умереть, где так жадно любило оно,
Где умело оно быть свободным, и чистым, и смелым,
Где пылало оно... И сгорело давным-давно.

Но живет и сгоревшее — в серой золе или пепле.
Так я жил эти годы, не вспыхивая, не дыша.
Я, должно быть, оглох, и глаза мои рано ослепли.
Или это оглохла, ослепла моя душа?

Ты пойдешь переулками до кривобокого моста,
Где мы часто прощались до завтра. Навеки прощай,
Невозвратное счастье! Я знаю спокойно и просто:
В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай.

19 мая 1953

EXTASIS

Жгучими щупальцами неотрывными
Ты захватил и замучил меня:
Росами, грозами, звездными ливнями
В сердце низвергся — разливом огня.

Страшно и сладко, хоть гибель влекла меня,
Сердце — колодец, колодец — в огне:
В сердце — Атлантика жидкого пламени
Льется — бушует, клоочет во мне!

Плоть разлетелась броней непрочною,
Ребер застава давно снесена:
Пламя тончайшее, пренепорочное
Пляшет и плещет до самого дна.

Ты без предтечи ли и без предвестницы,
Ошеломляя захлестнутый ум,

Прямо с небес, без обещанной лестницы,
В сердца смиреннейший Капернаум?

Это бурленье безмерное, дикое
Как успокоить, себя не сгубя?
Разве я море — и равновеликое,
Чтоб, отразив, убаюкать Тебя?

Сердце безбережное и бесстенное
Все распахнулось в размах широты.
Вечностью полный, чреватый вселенною,
Кто это, Господи? Я — или Ты?

29 декабря 1944

ОЗЕРО ЛЮБВИ

Древнее озеро, скрытое в горном провале,
Даже герои пробиться к тебе не могли!
Мне же, избраннику, бездны твои колдовали
Лучше и слаще озер мелководных земли.

С каждым приходом доверчивей, ближе и ближе
Я поддаюсь обаянью твоей западни.
Томный, шепчу, как во сне: утоли, утоми же!
И отзываешься ты: утони, утони!

Чудно, что ты отвечаешь так нежно и скоро,
Страшно, что алчешь, — но тайна еще не ясна,
Что непохоже ты вовсе на наши озера:
Не погибает лишь тот, кто доходит до дна.

19 мая 1945

ПОДРАЖАНИЕ КИТАЙСКОМУ

твой	мир	прям
хлеб	да	рты
я	не	там
я	не	ты

но	и	здесь
ложь	да	спесь
быль	же	вся
ты	не	я

лег	меж	нас
злой	верст	круг
слеп	скрест	глаз
вял	смык	рук

сух	глаз	блеск
слаб	крыл	всплеск

хил	плеч	двиг
нем	душ	крик

ПЕКИН

В колеснице моей лечу
над землей на четыре «чи»,
и закутан я не в парчу,
а в одежду из чесучи.

Вновь Наньчицза передо мной:
это улица или лес?
Столько вязов над головой
в непроглядный срослось навес!

Ночь, весна. От земли тепло.
Эта улица — «чжи жу фа»:
выпеваается набело
поэтическая строфа.

Чесучи своей не помн
и ,
возвращенец издалека:
помни — крылья только одни
на бесчисленные века.

А теперь колесницу сна
задержи, ночной пилигрим:
это свет из того окна,
что когда-то было твоим.

ИЗГОЙ

Изгнанником, бродягой, чужаком
Я прошагал по рытвинам и шпалам,
Но с верностью, хотя бы только в малом,
И с Пушкиным, читаемым тайком.

Останься же, Россия, родником,
Не слившимся с разливом небывалым,
И шелести — в обиду карнавалам —
Мне на ухо запретным шепотком!

Китай — любовь, Бразилия — свобода,
А только я не видел ледохода,
И соловей не пел в моем саду.

Я сыт, одет. И все же нет желанья
На жимолость, рябину, лебеду
Наклеивать латинские названья!

ТРИ РОДИНЫ

Родился я у быстроводной
неукротимой Ангары
в июле — месяц нехолодный,
но не запомнил я жары.

Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком.

И я, долгот не различая,
но зоркий к яркости обнов,
упал в страну шелков, и чая,
и лотосов, и вееров.

Пленный речью односложной
(Не так ли ангелы в раю?..),
любовью полюбил несложной
вторую родину мою.

Казалось бы, судьба простая:

то упоенье, то беда,
но был я прогнан из Китая,
как из России, — навсегда.

Опять изгой, опять опальный,
я отдаю остаток дней
Бразилии провинциальной,
последней родине моей.

Здесь воздух густ, почти телесен,
и в нем, вращая в колдовство,
замрут обрывки давних песен,
не значащие ничего.

В РАЗЛУКЕ

И-е-сань-цю — одна ночь (в разлуке тянется,
как) три осени. Китайская поговорка.

В конце сонета перевертываю ее:

«Три осени (пролетают, как) одна ночь»

И-е-сань-цю. Одна лишь ночь в разлуке —

Три осени. Их длительность равна.

Так для чего затейница весна

Подснежники мне всовывает в руки?

Не отпущу я сердца на поруки,
Пусть мается и стонет дотемна:
Сквозь лепестки мне изморозь видна,
И гам дроздов не разгоняет скуки.

Но разве ночь — одна? Скажи честней,
Что каждая — по девяносто дней.
Но встретимся — и боль переоценим:

Мы плакали — слагалось житие.
Но вечностям положено осенним,
Как та же ночь, мелькать. Сань-цю-и-е.

12 августа 1973

НИКОЛАЙ ПЕТЕРЕЦ

«Нет, не Москва, где каждый палисадник...»

Нет, не Москва, где каждый палисадник,
Где каждый двор — в миниатюре — Русь,
Преодолеть мне помогает грусть
О Родине, а устремленный всадник,

Воспетый Пушкиным. На вздыбленном коне
Он по сей час и грозен, и победен...
О, чары мастерства, что дали волю меди,
Возможные в искусстве и во сне.

Пусть конь храпит на твердом пьедестале
И борется с желаньем ездока —
Его простертая вперед рука
Зовет Россию к неизвестной дали.

Ты чужд теперь нахмуренной толпе,
Внесенный в ночь, грозящий мраку рыцарь,
Как в символе мистически таится
Российская империя в тебе,

Чтоб вновь восстать нерукотворным чудом
Среди снегов и каменных громад,
Затем, что Русь не отойдет назад,
А, как река, осилит все запруды.

Декабрь 1932

ДОСТОЕВСКИЙ

Как черновик, день скомкан и отброшен.
Туман густеет над ночной Невой,
И Достоевский, словно гость непрошенный,

По комнате шагает — сам не свой.
Бормочет. Злобствует: «Не жизнь, а крошево,
Так трудно жить по-божьи, по-хорошему
Средь этой сутолоки деловой!

О век рассудка! Век безличной массы!
И человек, как бес — во всем черта:
Ведь мастер бес и шkodить и замазывать,
И ненавистна бесу широта.
Не пишется... Забыты „Карамазовы“,
Ведь некому и не о чем рассказывать.
Нет образов, одна лишь пустота.

Зачем писать? Не восстановишь лада
В раздробленной душе, в больном мозгу!
С надрывом, с похотливою усладою.
Писать? Для Бога? Для России? Надо ли?
Я отдал все... Я больше не могу!» —
Душа тоскует старым Мармеладовым
И пьяницей замерзнет на снегу.

Томит тоска, набухнувшая тучею.
И одиночество. И боль. И мгла.
Бороться ли с бедою неминучей?
Вот молния сверкнула, обожгла,
И сотрясла, и выгнула падучая:
На дыбе так подергивают, мучая,

Истерзанные пыткой тела,
Чтоб правду выведать...

КАРУСЕЛЬ

Лучами блещущий апрель.
Восторженная детвора,
Кружась, задорно пьет с утра
Весенний карусельный хмель
На скопленные пятаки...
Но мне не выветрить тоски,
И отложить свирель пора.
Вот потный фат — жужжащий шмель
Завел иную карусель:
«Лишь потемнеет... Бросьте страх», —
Скулит, глядит в ее зрачки,
Прося пожатия руки,
И, злобно грезя наяву,
Я вижу это rendez-vous.

Насупленная темнота
Охватывает карусель.
Провинциальный «Бо Брюммель»,
Презрительно кривя уста,
Сам превзойти себя готов,
Скрывая в блестках пустяков
Давно намеченную цель...

Завязка мелочно проста,
Глупа, обыденна, пуста.
Но свет на девичьем лице
Чуть запрокинутом, таков,
Что даже отблеск облаков,
Замкнувших месяц в легкий круг,
В сравненьи с ним тяжел и груб.
Так завертись же, карусель, —
Как смерч,
                  как смерть,
                                  как жизнь сама!

Пусть девушка сойдет с ума
В твоём взбешенном колесе,
Не зная злобы площадной,
Не зная подлости земной,
Пройдет мечтою синема
Сквозь эту пыль, сквозь эту цвель
Такой же легкой, как досель,
Не заблудившейся впотьмах:
Пусть жизнь закончится весной,
Хотя бы только для одной;
Пусть хоть одну безумный лёт
На небо прямо вознесет.

«Из детских снов...»

Из детских снов...

Открытый люк,

Охваченный огнем и дымом,
И птицы Рок огромный клюв,
Пылающий неумоимо,

Меня — в зев огненный. И крик...
Сердитый голос сонный няни:
«Чур-чур тебя! Не присмотри,
Так снова бес к нему пристанет!»

Из жизни...

Острый клюв и люк,
Огонь и рок — увы, не птица —
В твоём коротком «не люблю»,
В надменно вскинутых ресницах.

Разлуки мне известен чин...
«В любви никто не волен. Что же?»
Попытка сердце залечить,
А может быть, и уничтожить.

Ведь не уйти ему от чар,
И ты не будешь позабыта,
Пока земля — летящий шар —
Не изменит своей орбиты.

«Третий том Александра Блока...»

Третий том Александра Блока
И подчеркнутый памятный стих,
То не голос ли твой издалека
Тихой жалобой слуха достиг?

Валентина! Густые пряди
Развевающихся волос,
Миг, который был мной украден,
Здесь припомнить опять пришлось.

И смотри: разгорясь пожаром,
Чары прежние — вихрь и гроза,
А тогда туманилась даром
В темно-карих глазах слеза.

Так уходят от счастья люди,
Чтоб потом тосковать о нем...
Точно мирру в святом сосуде,
Мы лишь прошлое бережем.

Нарастают воспоминанья
Нерожденной большой любви:

Валентина, звезда, мечтанье,

Как поют твои соловьи!

ЛЮБОВЬ — НИТЬ

Каждый день над телом новый опыт...

Что же жизнь не блещет, как Аи.

Я курю из длинных трубок опий,

Нюхаю блестящий кокаин.

И когда над маленькой спиртовкой

С опиумом вращается игла,

Чувствую — соседка по цинковке

Не спускает подведенных глаз

С глаз моих... Возможность приключений

Не сбивает сердца четкий ритм —

От души моей давно ключей нет,

Страстью трудно тело покорить...

Верен я покинувшей подруге,

Чтоб нетронутым мне пронести

Сквозь разврат и портовую ругань

Целомудренно звенящий стих...

Ариадну видеть в балерине —
Не смешно ли? Что я в ней нашел?
Но ее японской пелерины
Не забуду ласковый я шелк...

Память в сердце все бывшее копит,
Вызывает в призраках из мглы...
Я над трубкой поправляю опий
Плавными вращениями иглы.

1932

КОЛЬЦО

У багдадских менял, крикливых и вздорных,
Отыщи для меня перстень узорный
С прихотливой резьбой, с двумя ободками...
И достань голубой маленький камень.
Исцарапан резцом — мельчайшая капля —
Он в резное кольцо мастером вкраплен.
Дымный, мутной воды, совсем непригляден,
Был он богом воды послан наяде.
Камень выжег ладонь посланца Тритона:
Страшен влажный огонь бездны бездонной,
Грозен в гневе своем, мятежный и мрачный,
Но владеет огнем камень невзрачный.
Лучше всякой брони, вернее молитвы,

Этот камень хранит в яростной битве.
Как спасение он среди бури взметенной,
В нем недаром пленен дух Посейдона.

КАМЕЯ

Глаза задумчивы и сиротливы
От созерцанья горней красоты,
Но, выбирая раковину, ты
Проверь на солнце света переливы.

Лучи изменчивы, нежны, пугливы,
Без них резцу не воплотить мечты.
Они игрою оживят черты
Богини, ждавшей ночью у оливы.

Любовь Дианы — олимпийский яд.
Трепещет дух, блаженствовать не смея,
Лобзания по-прежнему горят...

Молчат уста, от страстных слов немея, —
А пристальный, почти стеклянный взгляд
Наметил профиль — создана камея!

СВЕТИЛЬНИК

Бледной, но властной рукой богиня неяркий светильник,
Город едва осветив, над облаками взнесла.
То-то отрада влюбленным. Молись про себя Афродите,
Пальцы любимой сжимай в жарких ладонях своих.
Эту любовь не суди. В затуманенных взорах любовниц
Отблеск бессмертья горит. В песни недаром Гомер
Множество мифов игривых включил о богах и богинях.
Прав «Илиады» творец, тайны скрывая от нас.
Но не завидует мудрый — влюбленным. В светильник спокойный
Масло густое налей. И богоравный Платон
Тихо беседовать будет с тобою об истинах жизни,
Око твое приучать к блеску нетленных идей.
Дивный светильник ума! Даже мысленно не оторваться
От золотых его уст к жадному женскому рту.
Может ли отблеск пленять тех, кто видит священное пламя?
Только не слушаешь ты. К женщине рвешься, глупец!
Хватит надолго ли масла в горящем светильнике сердца?

МОРЕ

Море — синей пустыней кругом.
На волнах словно корочка инея.
Только мысли мои о другом
И, увы, совершенно иные.

Безразлично пустыне морской
Все, чем гордое сердце изранено.
С морем не поделиться тоской.
Я ответ его знаю заранее.

Стоит разве — природе назло —
Ждать, мечтая над бездною зыбкою,
Чтобы счастье ко мне подплыло
Золотой говорящей рыбкою?

27 апреля 1944

СКВОЗЬ ЦВЕТНОЕ СТЕКЛО

Что ушло — то ушло,
Только память никак не уймется.
Только памяти нравится кроткая жизнь.
Сквозь цветное стекло
Осужденных рассудком эмоций
Смотришь в прошлое и говоришь: «Откажись
От того, что тепло,
От того, что интимно нелепо,
От того, что — лирически — счастьем зовут...»
Сквозь цветное стекло
Изменяется внутренность склепа,
И черты мертвеца хоть на миг оживут.
Что ушло — то ушло.
Сердце серым комочком сожмется.

Мы с тобой — не друзья и, увы, не враги.
Это ветром смело Розоватую дымку эмоций.
Это — губы свело,
Это — накипь из слов:
«Ничего. Перемелется. Переживется.
Подожди. Потерпи.
Память также уймется.
Сквозь цветное стекло Не увидишь ни зги».

9 июня 1944

ДОМ

Блуждая по лесу, с тобой найдем
Пустой, заброшенный и темный дом.
Ты, распахнув открытое окно,
Откинешься: «Как пусто и темно! —
От ужаса подымутся ресницы.
Потом добавишь, говоря с трудом, —
Почудилось: кого-то вместе ждем
Мы в этом доме, темном и пустом.
Когда? Не помню, но давным-давно...
Кого? Не помню — это все равно...»
Вдруг, распахнув прикрытое окно,
Запрыгнул в дом бродяга краснолицый...
На белом платье кровь красней, чем мак,
Зрачки залил багрово-сизый мрак.
Все тело зябко охватила дрожь:
«Я знала, кто направил этот нож,
И ненависть мешала мне молиться. —

Ты смолкнешь вдруг в отчаяньи немом,
Чтоб заключить с досадой и стыдом:
А впрочем, вздор — мне может все присниться!»
Я усмехнусь, не заглянув в окно:
Ведь в бездне глаз твоих отражено
Все то, что есть, и то, что быть должно
И что смогло в событиях проявиться

И даже этот странный темный дом
Я разглядел во взгляде ледяном.

МЫ ПЛЕТЕМ КРУЖЕВА

Мы плетем кружева... Нам сначала казался забавой
Горький труд обреченных — плести и плести без конца
Эти тонкие нити, пропитанные отравой,
И стараться понять выраженья сухого лица.

Мы плетем кружева, хоть нелепа смешная затея
С древней амфоры перенести на прозрачный узор
Облик твой, опаленная ненавистью Медея,
На Язона смотрящая гневно и гордо в упор.

Петля к петле... То скорбное сердце мое, холодея,
Оплетается сетью волшебной, сквозной, кружевной.

Внучка Гелиоса, как сжигающая идея,
Ты вонзаешься в мозг, чтобы властвовать и надо мной!

Все понятнее мне отдаленного грома раскаты,
Вспышки черного пламени в темном камине моем.
Даже днем мы с тобою, служительница Гекаты,
Нескончаемую и хмельную беседу ведем.

И порою мне кажется — именно с яростной жрицей
Мы плетем кружева — так лишь ненависть можно плести,
Час настанет, и вот — изумительно разгорится
Это облако кружев костром у врага на груди.

РОССИЯ

Яд ностальгии вновь, как много лет назад,
Овладевает мной: я зол и резок в споре,
Насмешлив, суховат, язвителен в укор,
И в мыслях у меня сомненье и разлад.

Встают сквозь мутный бред властей во много крат
Россия Белого — пылающее море,
Россия Тютчева — смирение и горе,
Россия Гоголя — смятение и ад.

Кто перечислит мне все эти отраженья?
Напрасно силится найти воображенье
В мельканыи призраков свет вечного лица.

Но отгоняю прочь приниженное чувство.
Неоценимый дар — взглядеться до конца
В лик Родины своей через ее искусство.

КОЛОКОЛ

Прозрачный колокол из крепкого стекла,
Во тьму опущенный — холодную, морскую...
Над ним заботливо пучина залегла:
Я в нем живу, работаю, тоскую —
И келья мне подводная мила.

В луче прожектора резвятся вереницы
Рыб экзотических, а водорослей сеть
Легла решеткою загадочной темницы
На стекла, прочно вправленные в медь,
Узорной тенью пала на страницы...

Знак обреченности? Но я ведь не беглец,
И одиночеству не угрожают звезды, —

Что им бездонная тоска пустых сердец?
Но кто-то медленно выкачивает воздух
Из колокола — близок мой конец...
Погибнет мир, который мною создан.

ВЛАДИМИР ПОМЕРАНЦЕВ

СИРЕНА

Бледен был солнца восход.
Холоден мертвый рот.
И волны ласкали прохладное тело.

Сирена из пены смотрела и пела
О розовых лунах в прозрачной воде,
О плясках веселых чешуйчатых дев,
О черных килях горделивых фрегатов,
О смуглых, задумчивых, мертвых пиратах,
Лежащих на дне среди веток коралла...

Волна прибегала, волна убегала,
Целуя хвостатого тела извивы.
И плачет сирена: как люди красивы,
Зачем же всегда они так молчаливы?

Но бледен был солнца восход,
Холодным был мертвый рот.

«В желтом пламени песков...»

В желтом пламени песков,
В голубых зыбях морей
Скрыто в темноте веков
Сердце памяти моей.

Ненависть родней любви,
Чаще роз растут шипы.
Ночи в пытках, дни в крови,
И огонь костров шипит.

Пламя лижет мрамор тел,
Дымом вьется в волосах.
Чей-то голос сладко пел,
В чьих-то радостных глазах
Засверкавшая слеза.
Чей-то вздох, что улетел
В облачные небеса.

Призраки забытых снов

Крыльями шуршат над Ней,
В желтом пламени песков,
В голубых зыбях морей.

ТАЙГА

Скала, поднявшаяся над простором
Тайги зеленой, сумрачных долин,
Коней небесных голубых равнин
За гривы облаков в движеньи скором —

Не удержать влюбленным в солнце взором.
Лишь кедр — угрюмый старый исполин,
Откинув пряди вековых седин,
Любуется их сумасшедшим хором.

И нежатся на скалах теплых тигры,
В свои таежные играя игры,
Изюбри настороженные бродят,

Девичьими глазами смотрят козы.
Но иногда здесь пули цель находят,
И кровь в траве цветет роскошной розой.

ДЫМ

Клубятся космами седыми,
Лохматой сизой бахромой
Безгласые, глухие дымы
За исчезающей кормой.

За облаком закатно-алым
Изгибами драконьих лап
Ползет движением усталым
Просвечивающая мгла.

Слабеет, исчезает в небе,
Лишь облака и волн раскат...
И кажется, вся жизнь, как небыль,
Как дым, растаявший в закат.

4 апреля 1945

КАРУСЕЛЬ

Ноет шарманка и дети визжат
В воздух взмывают роскошные кони.
У балагана подпорки дрожат,
Цепи скрипят от веселой погони.

Взрослые тоже несут пятаки
В круг увлекающих пестрых качелей,
И, разгоняясь, летят седоки
За полосатый брезент карусели.

Шумной, хохочущей, шалой гурьбой
Носятся — только не долго гулянка!

«Крутится, вертится шар голубой», —
Смехом сквозь слезы зовет шарманка.

АНГЕЛЫ

Ничего не осталось. Но в дали,
В неизвестность и тьму, но вперед
Темный ангел последней печали
Устремляет свой острый полет.

И над временем в сумрак лиловый —
Пусть венчают страданье венцом —
Поднимается тенью суровой
Человек с полумертвым лицом.

ЕЛИЗАВЕТА РАЧИНСКАЯ

ВЕСЕННИЕ ТРИОЛЕТЫ

Сад в цвете яблонь, в белой пене,
И дверь раскрыта на балкон.
«Сойди», — зовут меня ступени...
Сад в цвете яблонь, в белой пене,
Восторг душистых снов сирени
И первый царственный пион.
Сад в цвете яблонь, в белой пене,
И дверь раскрыта на балкон.

* * *

О чаша солнечной эмали,
Ты до краев полна хмельным.
Судьбой начертаны скрижали...
О чаша солнечной эмали,
Я разобью тебя сама ли,
Прильну ль к тебе, отдам другим.
О чаша солнечной эмали,
Ты до краев полна хмельным.

* * *

Смотреть на буйный сад весенний
И медлить, медлить, не входить...
Боится сердце совершений.
Смотреть на буйный сад весенний
Пить гамму красок, ощущений.
Сплетать в одно двойную нить.

Смотреть на буйный сад весенний

И медлить, медлить, не входить.

ПОДРАЖАНИЕ КОРАНУ

Дыханье жгучее обманных снов пустыни,

Но путник сладостной надеждою влеком:

Спасение дает издревле и доньше

Из камня сложенный прохладный водоем.

Для всех прозрачных струй доступна благостыня.

Создавший спит давно в песках глубоким сном,

Но дело рук его, живой любви святыня,

Горит сквозь мрак веков немеркнущим огнем.

Сверкающей игрой волшебного обмана

В скитаниях земных встает фата-моргана,

Но лишь безумные ее приемлют власть:

Неисчерпаемо, таинственно-глубоко;

Колодезь мудрости, учение пророка,

И смертным всем дано к воде его припасть.

НА ДОРОГЕ К КЛАДБИЩУ

В вечерних сумерках, когда закат погас,
Я долго шла пустынною дорогой.
Безмерный вид полей, как будто в первый раз,
Мне душу поразил своей печалью строгой.

Как странно обнажен, как скуден их простор,
Как, распростершись ниц, земля нага и сира...
Не в них ли в этот час, как жалобный укор,
Вселяется душа тоскующего мира?

Харбин

«Жизнь мнится мне неверной и случайной...»

Жизнь мнится мне неверной и случайной,
От тени тенью, отраженьем снов,
Пустой мечтой, игрой необычайной,
Насмешкою неведомых богов.

Все ж смутно жду минуты откровенья.
О, дай ответ, единственный, простой!
Дозволь постигнуть тайное значенье
И тайный смысл судьбы моей земной!

Но дни идут — и тяготит молчанье.

Все строже взгляд, печальнее лицо.
Ненужное, мучительное знание,
Бессильное разъять зловещее кольцо!

ВЕСНА В НОЯБРЕ

В лицо нам ветер бьет упругий и порывный,
Рожденный нынче югом на заре...
Мне внятен глас его, тревожный и призывный,
Будящий Май в железном Ноябре.

Какая острота!.. На грани увяданья,
В преддверьи дней томления и мук
Вдруг уловить весны нежнейшее дыханье,
Начала и концы в один сомкнувши круг.

В ЗАКАТНЫЙ ЧАС

В закатный час все линии так четки
В моем окне... в закатный тихий час...
День ноября, тоскливый и короткий,
Безрадостный для равнодушных глаз.

Но мы с тобой, мы — чудаки-фантасты,

И музыка нам слышится во всем,
Милы нам осени капризы и контрасты,
И глубже дум прозрачный водоем.

Смотри, смотри, как дали потемнели,
Стремителен последних листьев лет,
Запели грустные осенние свирели,
Забвенья снег на все, на все падет...

В моем окне мутнеют очертанья,
Разлучница, в него вползает тьма...
О, не грусти, в иное верь свиданье...
Снег повалил... метель поет... зима!

ИЗ БАРИМСКОЙ ТЕТРАДИ

Поднимемся еще... Вон камень, крытый мохом,
На выступе скалы... Мы сядем там вдвоем
И будем радость пить одним блаженным вздохом
С зеленой чащею... Забудем обо всем.

Взгляни, как высоко забрались мы с тобою:
Стальной полоскою внизу чуть блещет Ял,
А дальше, там, где синь слилась с земной чертою,
Он в грудь зеленых гор вонзился, как кинжал.

Как горячи лучи! Как крепок запах хвои
И терпкий аромат багульника и трав!
Какая полнота в сияющем покое.
Топазов, бирюзы и хризолитов сплав!

Потом, когда, насквозь пронизанные солнцем,
Мы спустимся с тобой к прохладе горных струй,
И светлый водоем лазоревым оконцем
Блеснет и утолит, как первый поцелуй, —

Быть может, мы спугнем неловкими шагами,
Паденьем из-под ног сорвавшихся камней
Косулю с кроткими и нежными глазами,
И, золотом сверкнув, нагорных струй вольней,

Она внесет туда, к отвесным горным кручам,
Свой трепетный испуг и бег — почти полет...
И снова тишина... Бежит родник певучий,
И день сияющий над сопками плывет.

ЛОТОС

Китая бедный сын, оборванный и грязный,

Едва прикрыта бронза, нагота...
На голове лоскут, убор своеобразный.
Его удел работа, нищета...

Полудикарь и я... О, как во всем мы разны,
Но сблизила нас странно красота:
Едва раскрывшийся, восторг мечты экстазной,
Цветок священный, лотос, чистота.

Ладонью защитив, он нес его так нежно.
«Эй!» — и монет соблазна полный звон.
Как удивленно оглянулся он!

Жест отрицания был царственно небрежен!
Раздумье... Узких глаз мгновенный блеск и жар,
И лотос он, бедняк, мне протянул, как дар!

ПРЕЛЮД ШОПЕНА № 6

Звонкие капли, как ритм монотонный...
Тает... на солнце... весна...
Светлой печалью неутоленной,
Звуками... нежность полна.

Капают, капают... Шорох хрустальный...

Хрупкий, звенящий апрель...

Утром все прибрано, лужи зеркальны,

В полдень... на солнце капель.

Капля по капле и силы уходят...

Жизни как будто не жаль!

Чудится в окнах, в синеющем своде,

Новая, светлая даль.

Счастье... Бессмертье... Звукам нездешним

Душу я отдал свою.

Смерть наклонилась с улыбкою нежной,

«Баюшки, — шепчет, — баю».

Все-то вы, капли, звените, звените,

Или мне чудится звон?

.....

Счастье и жизнь оборвались в зените...

Что это? Смерть или сон?

Капли, вы звуки земные, последние,

Тих мой могильный приют...

Слышны мне хоры небесной обедни...

Ангелы... капли... поют...

ДА, ПОМНЮ

Да, помню, я видела розы во сне...

В бутонах, охапки душистые...

Шла ночь. Догорали в закатном огне,

Туманились дали росистые.

В зеленый мой сад собралися друзья,

Всем розы дарила я белые.

Прозрачный родник... Ледяная струя...

Кувшинов края запотелые.

И медлила ночь. И зажгла наконец

Созвездий узоры огнистые.

Дрожал Вероники алмазный венец

И звезды сияли лучистые.

Когда же безмолвно Царица прошла,

И краски затеплились нежные,

В кувшины я снова цветы собрала,

Что бросили руки небрежные...

БАРИМ

На все тона, на все лады и звоны
Поет, кипит, звенит со всех сторон вода.
Порожки, родники, неожиданные уклоны,
Стремление и бег... скорей, вперед, всегда.

И холод, и хрусталь прозрачный струй нагорных.
Покорность длинных трав, томящихся на дне...
И трепет мотыльков, их рой иссиня-черный,
И сопок хризолит в лазури и огне.

А на заре обман и призрачность тумана,
И острый холодок лугов в обильи рос.
И влажность на лице, когда, поднявшись рано,
С хозяином спешишь на дальний сенокос.

И древнее ярмо волов, арбы влекущих
С медвяно-пахнущей цветочною травой.
И вздохов глубина, прозрачный воздух пьющих,
Купанье, светлый Ял и холод огневой.

И розоватый крап на серебре форели.
И сладкий сон без грез под тенью дубняка.
Прогулки... все б идти, идти без дум, без цели
Куда спешит, влечет волшебная река,

Туда, где кажутся еще свежей долины.
Где нити темных скал, куда стремится Ял,
Где профиль царственный, где бюст Екатерины
Художник неземной над бездной изваял.

В МЕЧТАНЬЯХ ТАЙНЫХ

Заря раскинула свой хвост прозрачно-алый.
Меж сопok пеленами тянется туман,
И ветер, распахнув широко опахало.
Овеял мне лицо дыханьем дальних стран.

Душа моя звенит... Земля, приют неверный,
Мой бедный, скудный дом, мой вдохновенный храм,
Как я люблю тебя вот в этот час безмерный,
Когда ты вся как гимн высоким небесам!

Настал и для меня веселый час прощанья!
Мой путь лежит туда, на рдеющий восход,
Где в расцветающей улыбке обещаья
К земле проснувшейся склонился небосвод.

Перекрещусь, вздохну перед дорогой дальней,
Все оставляю здесь, весь груз угасших лет.

И имя пусть мое забудет друг печальный,
И ветер занесет мой легкий, быстрый след!

Пылают облака, просторы все безмерней,
Мелькают, уходя, знакомые межи...
Все сердцу радостней: ведь это счастьем, верно,
Сияют мне вдали родные рубежи.

Так вот она, судьба! Так вот в мечтаньях тайных
Куда привел меня мой трудный путь земной!
И жизнь оправданна! И встреча не случайна!
О Русь, о Родина, прими, утешь, укрой!

КАССИОПЕЯ

Глубок и влажен теплый мрак,
Молчим, дрожа и холодея.
Над нами огненный свой знак
Уже зажгла Кассиопея.

Живые искры, светляки,
Немые сполохи зарницы...
Как нереальны, далеки
Нас окружающие лица.

Мы, только мы! Замкнулся круг,
Нам никого уже не надо...
В мерцаньи глаз, в касаньи рук
Такая горькая услада...

Молчим, дыханье затаив,
Стук сердца слушаем, бледнея...
И чертит свой иероглиф,
Как знак судьбы, Кассиопея!

БАЛЛАДА СЕНТИМЕНТАЛЬНЫХ ВЗДОХОВ

Вы эмигрант. В чужой стране
Я тоже эмигранткой стала,
И я была на этом дне,
Где поэтичного так мало...
Но, жизнь начавши жить сначала,
Я не жалею прежних лет
И не грущу о них нимало...
Ведь счастья не было и нет!

Я здесь не по своей вине,
Но тем острее жизни жало!
Я лишь стараюсь, чтоб извне
Ничто мой мир не нарушало,

И дней пустых пустое зало
Мертво, как выцветший портрет.
Давно умолкли звуки бала,
А счастья не было и нет!

И все ж к одной, к одной весне
Мечта моя летит устало...
Тогда весь мир пылал в огне,
Но я, я верила, я знала,
Есть чувства верного закала,
Их не притупит горечь лет...
Теперь сказать пора настала,
Что счастья не было и нет!

Не будем пить до дна бокала,
На дне всегда один ответ:
Все это уж не раз бывало,
Но... счастья не было и нет!

МОЛИТВА

Стою в немой тоске пред каменной твердыней.
Несокрушим, как сталь, безжалостный гранит.
Стеной грехов моих, безумья и гордыни
Воздвигнут предо мной железный монолит.

Где веры взять тепло и благодать молитвы?
Как холод растопить росой горячих слез,
Когда в душе лишь пыл неукротимой битвы,
И ненависти яд, и ярости хаос?

Открой, открой, молю, мне покаянья двери,
Дай мне простить врагам, как Ты прощал долги,
И чудо мне яви, чтоб я сказала: «Верю,
Неверью моему, Спаситель, помоги!»

О Боже, снизойди к рабе Твоей лукавой!
Кровоточит душа, а сердце, словно лед...
Мне застит солнца свет туман вражды кровавой
И мрак, зловещий мрак со всех сторон ползет.

Вот я в слезах, в тоске перед Твоей святыней,
Но нет, несокрушим безжалостный гранит,
Стена грехов моих, безумья и гордыни,
Преграда тяжкая, железный монолит!

НАТАЛИЯ РЕЗНИКОВА

«Ржавчиной разъедена листва...»

Ржавчиной разъедена листва,
Рыже-красная легла трава.

Пожелтевший плющ, как кружева,
Обнял домик у сырого рва.

В этом домике всегда темно —
Зелень занавесила окно...

У крыльца костры из георгин —
Ярко-красные, один в один...

По ночам грохочут поезда
И отстукивают: «Да, да, да...»

Говорят колеса: «Навсегда».
Повторяют: «Вдаль... туда, туда...»

А утрами — стаи журавлей
Над верхушками высоких тополей.

Это осень, это дым костров,

Пахнущих и пряно, и остро,

Это грусть о лете, о цветах,
В Лету канувших минутах и часах.

Это первые седины в волосах,
Паутинки клейкие в кустах.

1937

«Занесенная метелями...»

Занесенная метелями,
Снится мне страна моя...
Небо над седыми елями
Сеет снег, тоску тая.

О, как больно мне, потерянной,
Как до слез чего-то жаль!..
Там, в стране далекой северной
Ослепительная даль.

Посеребрённый сединами,
Там высокий дремлет лес,
И, закованные льдинами,
Реки спят синей небес.

О, страна моя тревожная,
Необъятность вся и ширь,
Как надежда невозможная
Манишь ты меня, Сибирь.

«Мне тогда было девять лет...»

Мне тогда было девять лет,
Я носила длинные косы,
Ярко-красный набок берет.
Целый день задавала вопросы:

Почему у мамы глаза
Зеленеют, когда смеются?
Почему только летом гроза?
Почему ивы плачут и гнутся?

Слепо верила: принц живет
За высоким лесом дремучим
И, как вырасту, он найдет
Замок роз — по шипам колючим.

А пока — была влюблена

В черноглазого мальчика — Борю...

Как была хороша весна

И как остро первое горе!

Он со мною бывал жесток,

Изводил и дразнил часами,

Но порой приносил цветок

И дарил — словно рыцарь даме.

За цветок, за небрежный взор

Полюбила его невольно

И всегда люблю с этих пор

Только тех, кто делает больно.

1938

«Я разучилась ревновать...»

Я разучилась ревновать,

Я больше не живу мечтами,

Я бросила стихи читать

И ждать чего-то вечерами...

Да, можно безмятежно жить.

Презрительно и молчаливо, —

И только втайне нежной быть,

И верность бережно хранить,

И не искать любви счастливой!

1937

«Есть в музыке далекой в синий час...»

Есть в музыке далекой в синий час
Неповторимая, волнующая прелесть,
И в переливах музыкальных фраз
Вся сладость звонкого и теплого апреля.

Есть сладость в боли и в разлуке, друг,
Когда ты знаешь, что любовь сильнее
И всех сомнений, и врагов вокруг,
Сильнее даже нас самих — нежнее...

И в этом мире страшном счастье есть,
Бояться лишь страдания не надо.
И помнить, что у каждого свой крест,
Своя дорога вглубь земного сада...

Отмеренные кем-то наши дни
Полны тревоги, но в них привкус счастья.
Во мраке ярче светятся огни,
Нас согревая в холод и ненастье.

«Пожелтела в саду трава...»

Пожелтела в саду трава,
Вечера над рекой тихи...
Пересказаны все слова.
Перечитаны все стихи...

И седеет твоя голова.

Это было уже не раз.
Это будет опять, опять...
Осень, свет твоих синих глаз
И тоска, что нельзя понять,

Для чего надо всем умирать?

«За окном снеговая мистерия...»

За окном снеговая мистерия —
Снег на землю упал и не тает.
Это ангелы свои перья
Уронили на нас, улетаая.

В небо ангелы улетели
Белокрылой воздушной ратью.
Улетая, сладостно пели...
В первом снеге, в алом закате
И в стихах лишь звучат их трели.

1936

«Не высказать, не выразить тоски...»

Не высказать, не выразить тоски,
Что неустанно точит мою душу...
Чуть шелестят густые тростники,
И сердце бьется тише, тише, глуше...

Теперь зловещим кажется мне все —
Закат сквозь нависающие тучи,
И этот ветер, что грозу несет,
И сизых гор нахмуренные кручи.

Во всем я знаки смерти нахожу,
Повсюду вижу злобу и угрозы...
По вздыбленной земле одна брожу,
Предчувствуя отчаянье и слезы.

И только свет любви моей земной
И вера в чудо, чудо воскресенья,

Мне помогает жить совсем простой
И не страшиться близкого крушенья.

Пусть гибель ждет людей — тебя, меня...

Я одного лишь попрошу у Бога,
Чтоб в вихре разрушенья и огня
Была у нас с тобой одна дорога.

1936

«Довольно клятв, не надо слов любви...»

Довольно клятв, не надо слов любви,
Давно утрачено благоуханье
Произносимых прежде при свиданьи
Нелепых слов о пламени в крови.

Умей смирять желанья свои.
Прячь и храни и радость, и страданье,
Настойчив будь в минуту испытанья,
Но только плащ иллюзий не сорви.

О, вечные, неясные мечты...
Под дымкой их любимые черты,
Преображенные, сияют ярко...

И пусть обман скрывает томность глаз,
Благословишь лукавство ты не раз
За нежность губ, целующих так жарко.

1937

«Случайный взгляд, короткий разговор...»

Случайный взгляд, короткий разговор,
Случайно спутавшиеся дороги
И на мгновение темный, теплый взор,
Всегда такой волнующий и строгий.

И будущего нет у нас... без слов
Столкнулись мы во тьме земных скитаний,
Но в нашей встрече привкус прежних снов
И неизбежность близкого прощанья.

Вы мне чужой, но ближе всех родных...
С охапкой роз я вас уже встречала
В лучах Леванта ярко-золотых
И пламень ваших поцелуев знала...

Но это сны, а здесь в тоске моей
Вы — только передышка от страданий.
И оттого любовь еще острее,
И оттого слова — как заклинанья.

Не надо сожалеть, что завтра нет.
Не надо сожалеть, что все случайно.
Как сумерки, как голубой рассвет,
Прекрасно то, что охраняем втайне.

1937

«Вся жизнь — мучительный и страшный сон...»

Вся жизнь — мучительный и страшный сон.
Проснемся, чтоб увидеть неземное,
Услышать музыки небесный звон,
Увидеть утром небо золотое.

И эта боль моя... она — мираж.
Мечта — любовь, тоска и состраданье,
И даже тонкий смуглый профиль ваш —
Одно обманчивое очертанье...

Пусть это все фантазия, обман —
Я сберегу мечту мою
земную ,
Короткий час, что был подарен нам,
Тот, что слезами после искуплю я...

Все тот же сон я буду видеть

там :

Я подхожу и вас в глаза целую,
В глаза, подобные пылающим кострам,
Что светят, время, ночь и смерть минуя.

1937

«Я скучаю в счастливые тихие дни...»

Я скучаю в счастливые тихие дни,
(Их у нас не бывает с тобой).
Ты зажег в моем сердце тревоги огни
И с тех пор стал моею судьбой.

О тебе об одном я мечтаю до слез,
(Хоть и знаю — напрасны мечты):
Там в России у белых и легких берез
Белый домик, вдвоем — я и ты.

Но Россия, как сон, — недоступна она,
Не построить нам беленький дом.
И я плачу тихонько ночами одна
О тебе и о нем... обо всем.

1938

«Цветет черемуха, и от нее прохлада...»

Цветет черемуха, и от нее прохлада;
Цветет черемуха — пришла весна.
В веснушках от дождя дорожки сада,
И неба и листвы легки тона.

Черемуха цветет, и будто звезды
Рассыпаны средь молодой листвы,
И пахнут сладостно свисающие гроздья,
И так нежны душистые цветы.

Черемуха цветет, и вдруг я забываю,
Что не в Сибири я, что дом далеко мой,
Что в куклы я давно, давно уж не играю,
Что стала взрослой, строгой, непростой...

Черемуха цветет, и так же, как бывало,
Лицо я прячу в белые цветы,
Их жадно рву, но мне все мало, мало...
...А вечер близится, и близок ты...

1938

«Нет, слов не надо, слов так много...»

Нет, слов не надо, слов так много,
А правда лишь одна.

Меня ты встретишь у порога,
И будет ночь темна,
И месяц будет — пьяный кубок,
И будет петь душа...

Горячие, сухие губы
Целуешь, не дыша.
Одно короткое мгновенье,
Во мраке яркий свет,
Весны волшебное цветенье,
Самозабвенье, бред.

1938

«Я скоро задохнусь от муки...»

Я скоро задохнусь от муки:
Ждать больше нету сил.
Ты сокращаешь дни разлуки,
Опять ты победил!
О, ты не первую измучил.
Быть может, и смешны
Упреки, грозовые тучи
Стремительной весны.
Как не поймешь, что после бури
Поломаны цветы?
Что в примирении, в лазури
Все дальше ты.

31 ДЕКАБРЯ 1940

В квартире темной тишина,
И в окнах зимних звезд мерцанье.
Ты жадно ждешь его одна,
Ты знаешь страсть и испытанья.

Шаги... Или опять не он?
Не можешь больше ждать, не веря...
И всех колоколов трезвон
В душе, когда откроешь двери.

Он входит. Он такой, как все,
Не узнаешь его в испуге.
В своей тоске о божестве
Ты тосковала не о друге.

Он не заметит ничего,
Тебя обнимет он небрежно...
И вдруг поймешь, что не его
Ты любишь трепетно и нежно.

Свою любовь ты любишь в нем
И тщетную мечту о счастье.

Иным палимая огнем,
Ты не найдешь покоя в страсти.

Не для того ты рождена,
Чтоб быть счастливой и беспечной,
За темную любовь должна
Платить всю жизнь тоской и песней.

ГРИГОРИЙ САТОВСКИЙ

ЗОЛОТЫЕ КОРАБЛИКИ

Золотые кораблики в синей дали,
Как святые лампы от грешного мира,
Развернув паруса горделивые, шли
Прямо в небо по трепетным волнам эфира.

Золоченые мачты в резных облаках
И на солнце рубиновом — легкие снасти
Зарождали в душе жгучий, сладостный страх
От щемящего сердце огромного счастья.

Этот вечер был прост, как девичий дневник,
Но когда, как давно, не во сне ль это было?

Или детство далекое прежние дни
В золотую легенду, смеясь, превратило?

Но идут, чередуясь бездушно, года
И в бреду бусы будней ненужные нижут,
Вечера так же чисты, но я никогда
Золотые кораблики больше не вижу!

Только в детстве бывают крылатые сны,
Только в тихих стихах эти сказки порхают,
Только в строчках певучих, чисты и ясны,
Золотые кораблики вновь проплывают!

Но минута минует. Звериной тоской
Вновь завоет житейское, злое ненастье,
Снова буря бушует, крутя предо мной
Золотые обломки небывшего счастья!

МОЙ ГОРОД

Ночь крадется в шорохах чуть слышных,
В тараканьих шелестах-шагах,
Беспокойно и пугливо дышит
Тьма слепая в комнатных углах.

Ночь идет минутами, часами,
Кажется — конца не будет ей!
И во мраке тихо шепчет память,
Щедрый дар бессонницы моей...

Снова я под блеклым небосводом
(Никогда забыть его не мог!)
Зазвенел веселым ледоходом
На Фонтанке голубой ледок...

По торцам так мягко бьют копыта,
Влажный воздух так прозрачно-чист,
Что сегодня мною позабыты
Класс, урок и старый латинист...

Невский говорит, бурлит, клокочет,
Мчит поток прохожих без конца.
Как прекрасен величавый очерк
Красной массы Зимнего Дворца!

Тихо-тихо в залах Эрмитажа,
В библиотеке, среди старых книг,
О былом мне тишина расскажет,
Красотой ушедшей приманит...

Помню, помню! В облачном тумане
Промелькнувших бестолковых лет
Город мой передо мной предстанет,
Город, изумлявший целый свет!

Мощность Петропавловской твердыни,
Шпиль Адмиралтейства в облаках
И у Елисеева в витрине
Пара неуклюжих черепак!

Гордый замок Инженерный, площадь
С медным, буйно скачущим конем
И уснувший старенький извозчик.
Летний Сад и крик ребячий в нем —

Все равно! Мне каждый камень дорог,
Мил мне каждый долетевший звук
Этих дней, когда я был так молод,
А вокруг был старый Петербург!

Город мой! Какой святой любовью
Я тебя навеки полюбил
Белой ночью, льнущей к изголовью,
Как больной без стога и без сил.

Всею душою верю я и знаю,
Что увижу снова город мой...
Шелестит бессонница ночная
Бархатной безглазой темнотой...

ПИСЬМО

Мне так страстно хочется в Россию,
В западные нищие поля,
Где озера сине-голубые
Васильками смотрят из жнивья,

Где дороги в комьях желтой глины
С косогора убегают в лес
И болотистые низкие равнины
Спят под блеклым пологом небес,

Где под осень золотые нити
Паутинки в воздухе дрожат —
В Режицу, в забытый тихий Витебск,
В царственно-холодный Петроград!

Дорогая! Я, наверно, болен:
С каждым днем и часом меньше сил,

Все слабее бьются крылья воли,
Сердце словно обруч мне сдавил.

Каждый день встречаю я тоскою,
Давит слабость, как огромный груз.
Ничего-то больше я не стою,
Ни за что с охотой не возьмусь!

И когда мне бархатным молчаньем
Входит в душу злая ночь без сна,
Вижу я, что это — умиранье,
Что и жизнь мне больше не нужна.

И тогда волна тоски огромной
Заливает тихо душу мне:
Умереть хотелось бы мне дома,
Чем-то послужив родной стране!

Хоть бы раз один еще услышать
Запах яблонь рано поутру,
Увидать соломенные крыши,
Старый дом над садом, на юру,

Вновь взглянуть на русские просторы,
У колодца старого опять

Услыхать простые разговоры,
О России песню написать!

ЗА СТЕНОЙ

Воздух недвижим пропитан тяжелою влагой,
Словно чуть терпким, но приторно-сладким вином,
Хоры лягушек, с заката начавшие квакать,
Вертят гигантской трещоткой маньчжурскую ночь.

Сверху и снизу трепещут набрякшие звезды —
Капли густого, застывшего в небе огня;
Древней шаланды во тьме обрисованный остов
Мачту бескрылую к черному небу поднял.

Там, в отдалении, — опущены стрелами в воду,
Переливаются береговые огни,
Синий неон на веранде яхт-клуба поодаль
Пестрой циновкой на воду отсвет уронил.

Там, вдалеке — говорливый и суетный город,
С криками радио, с блеском реклам и витрин,
С жадой сенсаций и скукой пустых разговоров,
С мерным жужжаньем тяжелых и мертвых машин.

Это все там, за горящим во тьме ожерельем
Странной тоской овевающих зыбких огней, —
Здесь же мы только вдвоем, как в неведомой келье,
В мраке и в звездах, как в призрачном царстве теней.

Мерно шуршат, опускаясь в тяжелую воду,
Легкие весла, чуть шепчет струя за кормой...
О, как легко бы навеки я сердце Вам отдал,
Если б остаться за этой хрустальной стеной!

Если бы мы никогда, никогда не пристали
К сходням непрочным у этих далеких огней,
Как бы любил я тогда без тяжелой печали,
Вечных сомнений, тревог и грошовых страстей!

Берег все ближе... И хватит наивных мечтаний:
В тридцать пять лет и поэты не прыгают в рай!
Сходни скрипят... Я сегодня скажу: «До свиданья»,
Чтоб не пугать Вас правдивым, холодным: «Прощай!»

КОРАБЛЬ

Харбинскому кафедральному Св. Николаевскому собору

Как корабль в житейском бурном море,
Верное прибежище средь бурь,
С окружающим бетоном споря,
Ты вознес свои шатры в лазурь!

Утром — словно девушка, румяный,
В кубовом затейливом платке;
Ночью — царь, короною венчанный,
В бармах и с державою в руке.

Летним днем, одетый пышным златом
Драгоценной солнечной парчи,
Ты — летящий, легкий и крылатый,
Внемля Богу, благостно молчишь.

Иль, купаясь в проливной лазури,
Умываясь пеной облаков,
Будишь ты дремоту тихих улиц
Золотым дождем колоколов!

Но промчится вихрь осенней бури,
И слетится туч седая рать —
Ты восстанешь, грозен и нахмурен,
Чтоб судить, вязать и разрешать.

.....
Радостно, легко работал плотник,

Русый вологодский паренек;
Пели под его ногою сходни,
Лился стружек золотой поток.

А вверху шатра в рубахе белой,
Да в онучах, с лыком у колен,
С бородой от лет заиндевелою
Мастер строго резал орнамент.

Песней освящались эти стены,
Обливались золотой смолой,
Словно потом — символом священным
Всей крестьянской жизни трудовой.

Весело работать на стропилах!
С шуткой шла работа ясным днем,
Поутру же с верою и силой
Плотник осенял себя крестом.

Ясные глаза смотрели строго,
Балагуру бросит невзначай:
«Строишь церкву, строишь дом для Бога,
Так с молитвой, парень, приступай!»

Топоры побрякивали густо,

Да рубанки бегали, шурша...
В этом чуде русского искусства
Воплощалась русская душа!

И теперь, средь холода изгнания,
Ты вознесся в плеске голубей,
Как священное обетованье
Воскресенья родины моей!

АНЬДА

А. Ф. Лаврентьевой

Равнодушно брожу по чужим городам,
Вечный странник без дома и связей,
Но в изгнание запомнится слово — Аньда —
Этот русский пустынный оазис.

Поезд мчится в степи. Здесь куста не сыскать,
В этих желтых маньчжурских равнинах.
Тихой грустью внезапно пахнула опять
На перроне родная картина:

Русский стрелочник с выцветшим серым флажком,
Русский смазчик, бредущий с развальцей,

И с околышем красным, с блестящим жезлом

Вышел к поезду русский начальник.

На вокзале встречает нас русская речь,

Улыбаются русские лица,

Белокурый парнишка с лозою стеречь

Гонит в травы послушную птицу.

Точно в русской деревне, коровы бредут,

У ворот их хозяйки встречают,

И в любом из домов здесь пришельца зовут

К бесконечному русскому чаю.

В деревенской церковке к вечерне звонят,

Тихой грустью на улицах веет.

Да откуда-то отзвуки песни летят,

Растревожить молчанье не смея...

Ночь. В окошках мелькают вдали огоньки,

Жаркий ветер по улицам рыщет,

Из маньчжурской пустыни наносит пески

Он к могилам на русском кладбище.

Заметает с шуршанием желтый песок

Зелень, улицы, рельсы стальные;

В жарком саване пыльном заснул уголок
Прежней, грустной любимой России.

НА ПОЛУСТАНКЕ

Силуэты сиреневых гор,
Словно туч грозowych очертанья
Стерегут бесконечность молчанья,
Замыкая собою простор.

Изумрудная зелень болот
Да обрывистый берег речушки,
Чьим-то годам подводят кукушки
Бесконечный, бессмысленный счет.

За вокзалом — прозрачный родник,
Как единая бедная гордость
Дачных станций последнего сорта,
Чуть течет между листьев гнилых.

Бродят утки и свиньи. Индюк
Гордо ходит пугливым султаном,
Пчелы смехом звенят неустанным,
Небо, зелень и скука вокруг...

Переулок и лестница. В ней
Перегнив, провалились ступени;
Купы вязов причудливой тенью
Укрывают жилища людей.

У начальника вечером чай.
Тихий дождик пустых разговоров:
— Вот и дачники съедутся скоро...
Ван-то наш: перевелся в Китай!

Рельсы скупно блестят за окном,
Опустилась рука семафора,
Мчится поезд... О, Боже! Как скоро!
Сколько света, блистания в нем!

Бьется в окнах экспресса судьба,
Улыбаются женские лица,
Машинист на лету, словно птица,
Круг путевки схватил со столба.

Затихает ритмический стук,
Наступает опаловый вечер,
Вспомнить день догорающий нечем:
Небо, зелень и скука вокруг...

Не желай, не люби, не страдай,
Так проходят и весны, и зимы:
Жизнь, как поезд, проносится мимо...
У начальника вечером чай.

НОЧЬЮ

Ночь набросила ризы спокойной печали
На усталые дали земли.
Рассыпную росой в небесах засверкали
Дальних звезд золотые огни...

В руслах улиц шуршит, говорит и хохочет
Жизнь, безумно летящая прочь,
Но смежают дома утомленные очи,
Чтобы слушать бездонную ночь.

В темных улицах плавится страшно и гулко
Пьяный крик, гоготанье и визг.
А в пустынном провале над тьмой переулка
Тонкий месяц серьгою повис.

И идут облака... Серебристой вуалью
Острый серп, точно дымкой, повит;

Дуновение ветра весенней печалью,
Свежей далью ночью пьянит...

Засыпает усталый, измученный город,
Бредит пьяным рычаньем во сне,
Закрываются двери, как тяжкие створы,
Бедной жизни, прожитой вполне.

С осторожным шуршаньем проносится мимо,
Бросив пригоршни света, авто;
Из далекого сада, едва уловимый,
Льется запах кленовых листов.

И становится улица радостно-свежей,
Точно счастье у всех впереди...
Ночь баюкает город усталый и грешный
На своей материнской груди.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Фаине Дмитриевой

Я жил всегда чужим среди людей,
Я тщательно и долго, как ученый,
Повсюду собирал коллекцию страстей,

Чувств человеческих и злобных, и влюбленных.

Теперь полна коллекция моя:

Есть экземпляры дружбы и участия,

Печали, злобы — и имею я

Такую редкость: грамм чужого счастья!

По вечерам, когда немая мгла

Мой кабинет от мира отделяет,

Классифицирую я мысли и слова

И трупы прежних чувств перебираю...

Бегут часы, проходят дни, года

И время, — страж у двери кабинета, —

Готово скоро пропустить сюда

С аллегорической косой скелета.

Зачем же сердце вздрогнуло больней?

Пересыхает горло, как от крика:

О, Боже! Я всегда лишь изучал людей,

Своею жизнью не жил я ни мига!

В ВЕЧЕРНЕЙ ТИШИНЕ

Н. К. Завадской

В ореоле тишайшего, чуткого вечера
Слышен шелест шуршащих шагов,
И встают в тишине белоснежные глетчеры
Осиянных зарей облаков.

Город дышит спокойнее грудью усталою,
Стали тихими улиц ряды,
Между дымных домов, за глухими кварталами,
В чахлой зелени дремлют сады...

В этих темных и низких домах замурованный,
Слышу будней медлительный шаг.
И, как узник, в тяжелые цепи закованный,
Беспричинно томится душа...

И когда ароматные, чистые, нежные
Посещают меня вечера,
А в бескрайней небесной дали белоснежная
Облаков возрастает гора,

Сердце полнится тихой, певучей печалию.
Рвется дух мой усталый туда.
Где плывет бесконечными вечными далями
Ледяная немая гряда.

Только цепи тревог, суета ежечасная,
Держат душу в пределах земли...
А вершины прекрасные, ясно-бесстрастные
Проплывают в бескрайней дали...

НИКОЛАЙ СВЕТЛОВ

ЦВЕТОК ВАН-ХАО

Из китайской философии

Дивный цветок есть в роскошных долинах Китая,
Юный и нежный, чудесный дар светлого рая.
Благоухая тончайшим святым ароматом,
Радует глаз он своей неземной красотой.

Люди цветок тот чудесный назвали Ван-Хао...
Радуйся, смертный, на чудо земное любуясь,
Воздух, цветком опьяненный, восторженной грудью вдыхая!
Радуйся, смертный!.. На быстрых фантазии крыльях

В светлую высь далеко улетаешь ты в грезах прекрасных,
В волнах эфира качаясь, баюкаясь музыкой неба.
Смертный!.. Но только коснись дерзновенной рукою,

Только сломи стебель нежный бутона Ван-Хао, —

Диво чудесней увидишь ты, ужасом вдруг пораженный:

Жизни и сил, красоты неземной, счастья светлого полный,

Сладость дающий, таящий могучие чары,

Вмиг умирает цветок... Лепестки, загибаясь, сереют...

Молодость, прелесть, волшебные силы и чары —

Все покидает Ван-Хао... И вот он уже бездыханный

Серый бесцветный комок, смерти и тления символ...

«Страсти подобны Ван-Хао» — так некогда молвил Конфуций,

Древний китайский мудрец, седовласый почтенный философ.

Страсти красивы, пьянящие сладостью мига;

Страсти могучи, манящие взор истомленный;

Непоборимы — в своей чудодейственной власти.

Но безобразны, бесцветны, мертвы и сухи

Кажутся вдруг они нам, лишь блаженством их сладким упьешься...

Будто с небесных высот вновь слетишь в царство зла и порока.

Да, наши страсти земные подобны расцветам Ван-Хао!

НОВЫЙ ГОД КИТАЯ

Ночь морозная, крутая...

Завтра — Новый год Китая!

Трррам-там-там!.. Таррам-там-там! —

Раздается здесь и там.

Это лихо в барабаны

От вина и шума пьяный

Бьет китайский весь народ,

Провожая старый год.

Звуки скрипок, труб и гонга

Отбивают такты звонко,

И растет, растет экстаз,

Увлекая в дикий пляс.

В небе, точно громы пушек,

Сотни рвущихся хлопушек,

Трах!., тах-тах!.. Тах!.. Тах!.. Тах-тах!

Так что звон идет в ушах...

Это духов злых и вредных

От своих фанзёшек бедных

Гонит прочь китайский люд,

Чтобы в доме был уют,

Чтобы светлых духов сила

Торговать им пособила,

Чтобы всем чертям назло

Им во всем бы повезло.

И, живя в столь сладких грезах,

Ходят все в блаженных позах,

Говоря (как на Руси!)

Встречным всем: «Синь-нянь! Синь-си!»

ДЕВУШКЕ В КИМОНО

Вы в цветное кимоно

Обернули стан свой тонкий,

С грустью смотрите в окно

На мелькающие джонки.

В нежном профиле лица

Яркий проблеск тайной муки.

Голубой опал кольца

Сжали трепетные руки...

Но зачем, зачем скрывать?

Ведь понятно все! Я — лишний...

Не со мною вам срывать

Поцелуев сладких вишни.

На пути своем, сквозь сон.

Вы другого увидали...

И не я теперь, а он

Поведед вас в яркость далее...

Я ж уеду далеко

Поискать иного счастья.

У заморских берегов

Попрошу себе участия.

Спрячу бережно на дно

Сердца стон и вопль стозвонкий.

Позабуду кимоно

И мелькающие джонки...

ОТКРЫТКА С РОДИНЫ

Открытка с родины. На ней

Поленовский «Московский дворик».

И, как в бинокле, в зорком взоре

Встают виденья давних дней.

Зажженные полдненным солнцем,

Церквей пылают купола.

Над ними даль из грез сплела

Прозрачных тучек волоконца.

А дворик — яркий изумруд!

Конюшня, дом с зеленой крышей...

И тихо так, что ухо слышит,

Как дети возятся, поют.

Там, за колодцем, мирный садик
Зовет под мирный свой уют.
Листы берез прохладу льют.
А тополя, как на параде!

Далекой, крепкой старины
Давно забытые виденья!
Надолго ли сокрыл вас тенью
Дым революций и войны?

СТРАННЫЙ ВЕЧЕР

Я помню. Помню, как сейчас:
Луна в тот странный вечер
Была — как деревянный таз,
Обстрелянный картечью.

И в сетке сумрака: дома
Чудовищами мнились,
Глаза тараща сквозь туман,
Лиловые, как ирис.

Обоим было нам смешно
В тот вечер беспричинно...
Кто ж станет отмерять весной

Восторги — на аршины?!

Ваш голосок-колоколец

С моим баском в дуэте

Был, точно перезвон колец,

Единственный на свете.

Весна — пьяна! об этом нам

Стихов писалась масса...

Но кто поверит, что она

Нам строила гримасы?

А в небе, — помню, как сейчас,

Луна в тот странный вечер

Была — как деревянный таз,

Обстрелянный картечью.

ЗИМОЙ

Квадриллионом лучиков

Солнце глаза пронзит,

Если, тоской замученный,

Выйду — отдать визит

Улице, той, что нежится,
Стройная, как стрела,
В пухе перинной снежности.
Дверь распахну! стремглав

Выброшусь, в шубу втиснутый,
В воздух студёный дня.
О, как легко повисну там!
О, как легко меня

Ноги помчат по россыпям
Давленного стекла!
Там — озорник мороз, сопя,
Щиплетя, — чтоб стекла

Из остеклевших глаз слеза,
Чтобы на охре щек
Розами разукрасился
Кожи нежный клочок.

Кончено!.. Мысль об улице
Вспыхнула лишь на миг!
Сяду за стол — сутулиться,
Слушая шепот книг.

ОСЕННЯЯ ФАНТАЗИЯ

Рыжие скачут кони...

Ветер вослед им: Сто-о-ой!..

В воздухе от погони

Грохот повис и стон.

Это старик Октябрь, —

Плохонький режиссер, —

«Осени» так оттяпал

Сценку, что — стыд, позор!

Гаркнул — в артель артистов —

Каждому: «Сам играй!..»

С гиканьем и с присвистом

Вырос ответ: «Ол райт!»

Вмиг безобразник ветер

Вырвался и — гулять!

Парус срывать с корвета,

Резать речную гладь!

Рыжие скачут кони...

Ветер вослед им: Сто-о-ой!..

В воздухе от погони,

Грохот висит и стон.

НА УЛИЦЕ

Китаец лепит фигурки из теста,
Его окружает толпа зевак.
Сгрудились, склонились стеною тесной,
Китаец — мастер зевак зазывать!

Следят за ловкой игрою пальцев
С наивным вниманьем полсотни глаз.
Фигурки растут... И в ритмичном вальсе
В руках искусных ходит игла.

Чиновников важных ряд вырастает.
У рыцаря в шлеме блещет копье.
— А сабля, гляди, на ём... — золотая!
Знать, чин охвицерский...
— Кан-ка пуё!..[37]

Солдаты гордятся медной кокардой,
Купцы — животами (в руках — кошель!)
— Вон, куня!..[38]
— Ишь, тоже, цаца какая!..
— Лицо-то... лицо... брусничный кисель!..

Недолго на свете живут фигурки...
Цена им — пятак, чтоб прожить два дня.
Рассохнувшись быстро, в мусор, в окурки
Летят их тела, к потехе дворняг.

Фигурки из теста! Так странно схожа
Судьба ваша — с черной судьбой людей;
Но только за жизнь мы платим дороже,
И мачеха-Жизнь к нам еще лютей.

ЗА РУБЕЖОМ

Колдовская ночь! Мороз жестокий
Хочет кровь артерий затушить,
И туман глядит глазами Блока
В нищенскую пустоту души.

Фонари качаются — слепыми
Призраками снятых с неба звезд.
Со двора на них, с глазами злыми,
Лается провинциальный пес.

Сердцу холодно. И, согреваясь,

Сердце сказку теплую творит:

Предо мною улица кривая

Принимает петербургский вид.

И в тумане улицы — виденья:

Пушкин, Достоевский, Гоголь, Блок,

Чьи неумирающие тени —

Всей былой России эпилог.

Хочется упасть лицом в сугробы

Сонного проспекта и уснуть,

Чтоб забыть, смиряя в сердце злобу,

Ту страну, куда заказан путь.

ТВОЙ ГОЛОС

Я слушаю

твой

влекущий голос,

Аукающий

из Владивостока.

И сердце — в смятеньи,

как радиола,

Послушная дальним

токам.

Грудью своей

восьмисоткилометровой

Нас,

озверев,

растолкало пространство.

Меж нами,

с присвистом,

пронзающим ветра вой,

Лишь поезд,

как нищий с котомкой,

странствует.

Мне — праздник,

когда,

вскричав мое имя,

Почтарь серьезный

в зеленой тужурке

Приносит пакет

со слезами твоими,

Выплаканными

в зимние

пурги.

Читаю.

И вижу

миниатюрный,

Опененный кружевом

твой платочек,

Который служит

бездонной урной

Бессонной тоски

в одинокие ночи.

Ложусь.

Погружаюсь в туманные кущи.

И лестницей сна

в небо высокое,

Уводит меня

твой голос влекущий,

Аукающий

из Владивостока.

1931 Харбин

ДЕВУШКЕ ИЗ СУЧЖОУ

Отчего, скажи мне, ты такая

Нежно-золотая, как закат?

Отчего, в моих объятьях тая,

Ты загадочный свой прячешь взгляд?

Отчего, скажи мне, эти косы

Так черны, как беспросветный мрак?

Отчего в твоих глазах раскосых

Мне мерцает сказочный маяк?

Отчего, скажи мне, так душисты

Эти плечи, сладкие, как мед?..

Хорошо под небом золотистым

Нежно прижимать к ним теплый рот.

Ты грустишь, свою тоску скрывая,
Незабвенная моя Линь-Ху.
Ты чужда, язычница святая.
Душному и сладкому греху.

О могучих, о крылатых джонках
(Злая поэтическая ложь!)
Голосом нежнее лютни тонкой
Ты мне песни грустные поешь.

Мчит тебя из города чужого
Песня легкокрылая назад.
Знаю, вспомнила родной Сучжоу...
Дом отца... луной залитый сад...

Замолчи! Мне эта песнь знакома.
Я заплакать сам с тобой готов
О тепле утерянного дома,
Ласке незабытых вечеров.

Помолчим, сплетем теснее руки.
В поцелуе заглушим тоску.
В радостной, в невыразимой муке
Мы сгорим с тобой, моя Линь-Ху!

Знаю, что опять, в объятьях тая,
Будешь прятать ты свой робкий взгляд,
Грешница, язычница святая,
Нежно-золотая, как закат.

Но в глазах лукавых и раскосых
Я найду свой сказочный маяк,
И меня задушат эти косы,
Черные, как беспросветный мрак!

Шанхай

СТОРУКАЯ

Я целовал твое святое тело,
Я целовал твои святые руки;
Но ты, божественная, захотела,
Чтоб наше счастье стало нашей мукой.

И стало так. По твоему велению
Дневное солнце больше не всходило.
Я стал молиться, преклонив колени,
Невидимому черному светилу.

Я стал учиться трудному искусству
Быть каменным, быть всюду одиноким.
Я поклонился в ноги Заратустре

И сам себя стал называть пророком.

Я уходил под своды древних храмов,
Где, в свете свеч, пред золотым Майтрейей
В тумане фимиама дремлют ламы,
Рыдает гонг, и жертвенник алеет.

Я там искал Сторукую богиню,
Ту, у которой бронзовое тело,
Одежд которой дым струею синей
Касается неслышно и несмело.

Я жег пред нею тлеющие свечи,
Бросал в огонь священную бумагу.
И на лицо ее, на грудь, на плечи
Смотрел со страстью, с дерзкою отвагой.

Божественная! Ты глядела строго
Куда-то вдаль, в ненужное нам небо.
Вокруг тебя толпились молча боги,
Прося — со мной — твоей любви, как хлеба.

Да, это ты! Века, тысячелетья.
Мильоны лет — ты та же, ты все та же;
И эти храмы, пагоды, мечети —

Тебе, звезде, которая всех краше.

1933

ВЕСНОЙ

Какая невозможная весна!

Какое злое бронзовое солнце!

Цветут магнолии. И эта новизна

Мучительнее, чем бессонница.

Мелькающие пятки потных рикш

Чарльстонят по веселому асфальту,

И хочется запеть девичьим альтином

Сердцещипательный романс «Шери».

А ночью — я, никчемный и чужой,

Ищу чего-то в матовом тумане,

Грущу о чем-то. И Шанхай большой

Меня ко дну огнями баров манит.

Но ради блеска чьих-то близких глаз,

Сияющего мне во тьме мытарства,

Твой яд, весна, я превращу в лекарство.

И дни пройдут — и разорвется мгла.

1932

О НЕПОСТИЖИМОМ

Л. Д. Густову

Александр Сергеевич!

Про вас ли это рассказывают книги,
Что вы были необычайно суеверны?

Вы, гений своей страны,
Вы, буйн и бунтарь,
Вы, ловелас и скептик,
Вы верили...

Но нет, этого не могло быть!

Верили в глупые народные приметы
И так таинственно шушукались
С темными тайнами магнетизма.

Вспомните,
Как вы откладывали карету до завтра,
Если в момент отъезда
Лакей вручал вам забытые часы
Или же носовой платок.

Помните, в какое сильное смущение
Привело вас пролитое на стол масло?
И многие, многие миллионы соотечественников

Вспоминают теперь с улыбкой
О счастливом «нащокинском» фраке,
В котором в Москве
Вы пришли просить руки у Гончаровой.

Его вы стали носить
Во всех серьезных случаях жизни,
И в нем же, именно в нем
Вас приняла к себе гостеприимная вечность.

Вспомним, наконец, и о цыганке,
Предсказавшей вам
Скорую смерть от «белой головы».

Как серьезно вы отнеслись к гаданью!
С каким детским трепетом
Бегали вы с тех пор от белокурых,
Страшась с ними знакомств!

Но непостижимое — подстерегло.
И не помогли вам тогда
Ни гаданья, ни предостережения.
Ни даже бирюзовое кольцо на пальце,
Спасаящее «от насильственной смерти».

Несравненный Александр Сергеевич!

Вы, гений нашей страны,
Вы, буян и бунтарь,
Вы, ловелас и скептик, —
Если вы так по-ребячески
Верили в непостижимое,
То что же тогда делать мне,
Обычному человеку,
Который, как и все, жаждет — жить,
Но который не знает, что такое — жизнь,
И, самое главное,
Что же такое там — над жизнью?

1930

ОТДЫХ

Дышу дыханием святым
Деревьев, трав и тверди синей,
И солнце кругом золотым
Плывет в пылающей пустыне.

И сердцу праздному легко,
Когда, и грустный, и безвольный,
В покой уснувших облаков
Струится голос колокольный.

Он будни сонные пронзит,

Он души сонные разбудит,
И к алтарям, где свет горит.
Придут измученные люди.

И станет им легко, как мне,
Как мне в моем огромном храме,
Где даже воздух весь в огне,
Под голубыми куполами,

Где расцветает каждый куст
Неопалимой купиною,
И вышний мир так мудро пуст
Непознанною глубиною.

1933

СЕРГЕЙ СЕРГИН

ЗАВЕТНЫЕ СЛОВА

Россия. Петербург. Нева.
Как ни зови их, смысл все тот же.
Душа забудет все слова,
Но этих позабыть не сможет.

Нас цепкая связует нить,

Клубок таинственный и грозный.

Не вычеркнуть, не примирить...

О Родина, с тобою розно

Чем я живу, как жить могу?

Печалью, длящейся годами,

Иль памятью?.. Я берегу

Ее, как выцветшее знамя,

Впитавшее сражений дым,

Как щит, с надеждою несомый, —

Когда-нибудь, немолодым,

Сквозь слезы улыбнуться — дома.

ВОСПОМИНАНИЕ

Последнее нашлось звено,

Сбывается все слово в слово —

Вот башенка с одним окном

И с дверью на семи засовах.

Вот сад, где не растет трава,

Где дерево всегда из листьев...

Все то, что раньше узнавал

В рисунке чьей-то древней кисти,

Возникло вдруг передо мной
На площади пустой, бескрайной...
Я в дом войду — и путь земной
Осветится последней тайной.

1934 Харбин

МОЛИТВА

В пустынной церкви, днем, одна,
Ты поднимаешься на хоры,
И вздрагивает тишина
При взлете шелковых оборок.

Задумчиво проходишь ты
По медленно скрипящим доскам...
Вон там, внизу, — ряды святых
Молчат, закапанные воском.

И прямо пред тобой — алтарь,
Подальше, чуть правей — распятие,
А руки рвут с груди янтарь,
И мнется шелковое платье,

Как на коленях, с высоты,

Прильнув к расшатанным перилам,
Не дрогнув пред лицом святых,
Ты шепчешь: «Господи, помилуй...»

СТРАННИК

Посыпанная солью корка хлеба,
Глоток воды в лесу из родника...
Мой путь идет за ту черту, где небо
Сошлось с землей. Дорога далека!

Взлетают крылья мельниц над деревней.
Над тихой речкой тает тень моста.
Передохну я у часовни древней,
Разрушенной, забытой, без креста.

Легко дышать. Легка моя котомка
И палка сучковатая легка.
Приду в село. Урядник скажет громко:
— Как звать тебя? Возьмите старика!

Ни имени, ни радости, ни грусти.
— Непомнящий... — и, поднимая взгляд,
Увижу, как урядник взор опустит.
— Куда идешь? — Куда глаза глядят.

И скажет он — чуть дрогнет голос строгий:

— Пустить его! — Окончился допрос.

Вздохнут старухи: — Странничек убогий,

Забыл, как звать... Спаси его, Христос.

СТИХИ ОБ ОТЪЕЗДЕ

I

Уехать... Любимое слово —

Его твердить не устану,

Много во мне такого —

Наверно, от предка цыгана.

Уехать... хотя бы в трюме,

Где крысами пол исцарапан,

Сдержанней став и угрюмей —

На берег спуститься по трапу.

Уехать... И этим вот словом

Мир, как альбом, перелистан...

Видится город портовый,

В сумерках сонная пристань.

II

С улыбкой в глазах скажу на прощанье: «Так надо».

Радость не скрою и тем от себя оттолкну...
Исчезнет вокзал. Растает вдали эстакада.
Вечерние тени подступят вплотную к окну.
Приснится в вагоне мне шумный неведомый город,
Где в пыльных конторах лежат на столах чертежи.
Где все я забуду, где жизнь деловитая скоро
С другими столкнет, и прошлое станет чужим.

III. Будни

Воедино собираю я отрезки,
Жизнь скрепляя просмоленной нитью,
В провалившемся, наскучившем гротеске
Незадачливый бессменный исполнитель.
В безысходном черпаю усладу,
Голос будней внятн мне и близок —
Спор соседок, сплетен едкий ладан, —
Запах щей и чьи-то вокализы.

1933 Харбин

У ДВЕРИ

Настанет день, судьбой отмеченный, —
Я возвращусь в заветный дом...
По лестнице, никем не встреченный,
Похолодев, взойду с трудом.

Увижу дверь, кошмой обитую,
И кнопку белую звонка...

Молчанье в доме. Так за плитами
Надгробными молчат века.

И будет слышен сквозь молчание
Там, за дверями, ход минут...
То маятник — его качание
Судьба подстерегает тут.

Дверь приоткроется, и к скважине
Старушечье лицо прильнет,
И раньше, чем она все скажет мне,
Почувствую смертельный гнет.

Старуха спрячется в переднюю
И рассмеется из угла:
«Я здесь живу одна... последняя...
А молодая — умерла!»

ЖИЗНЬ

Р. Р.

Час пробьет, и по ступенькам шатким
Ты сбежишь с высокого крыльца,
И сойдет со взмыленной лошадки

Твой избранник в шапке в бубенцах,
В пестрых лентах и с улыбкой пьяной
Намалеванных небрежно губ...
А соседки хором песни грянут,
А соседки вас подстерегут,
А потом они о вас расскажут
Шепотком друг дружке на ушко...
Дни пойдут за штопкою и пряжей,
Дни пойдут размеренным шажком —
От кровати только до кастрюли —
И замрут, часы остановив...

Это будет в сумерках, в июле,
У пруда, у низкорослых ив —
Ты придешь и встанешь между прачек
И глубоко в первый раз вздохнешь...
А ведь все могло бы быть иначе,
А ведь прожитого не вернешь!
И вода пойдет кругами, пенясь,
И затихнет слабый стук валька...
У дверей соседки, подбоченясь,
Не услышат крик издалека.

ЧУДО

Наталии Резниковой

Первыми укладывались куклы,
Засыпал глазастый медвежонок,
А потом — сама, и лампа тухла,
И никто не вскрикивал спросонок.

По утрам будили волны света,
Мамины душистые ладони.
Одеваясь перед туалетом,
Застывала в трепетном поклоне.

Улыбалась в зеркале кому-то,
Вскидывала брови в знак вопроса,
И лениво (сбились, не распутать!)
Черной лентой обвивала косы.

Гнулись пальцы. Узкое колечко
Зацепляло вьющиеся пряди,
А на столике у жаркой печки
Поджидали толстые тетради.

Рядом с нерешенною задачей
Столбик слов подчеркнутых французских.
С новым платьем вышла неудача —
Не на месте складка, плечи узки...

И над непонравившимся платьем,
И над нерешенною задачей
Опускалась, голову взлохматив,
Собираясь разразиться плачем.

На ресницах слезы повисали,
Колыхался непокорный локон,
И урок в гостиной за роялем
В день такой разучивался плохо.

За обедом — толки о погоде,
О знакомых споры, пересуды...
А однажды... Как любовь приходит?
Кто словами перескажет чудо?

Полюбила. Поняла, есть кто-то,
За кого и жизнь отдать — так мало!..

С этих пор не раскрывала ноты,
Кукол перед сном не целовала.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Любви весенней еле слышный отзвук —

Души томленья, чувство без названья...
Из книги старой вынимаю розу,
Прощаюсь с ней последним целованьем.
Горсть лепестков! Холодный календарный
Подсчет свиданий, стершиеся даты —
Горсть лепестков. Но в сердце благодарном
Горсть лепестков — печаль одной утраты.
Я воскрешаю мертвую подругу
Своей горячей, любящею кровью,
И в танце вновь она идет по кругу...
Я упиваюсь первою любовью
И взгляд ловлю — увы, неблагоприятный.
В глазах улыбка тает постепенно...
...Взмах розового платья о колонну —
Захлестнута колонна райской пеной...
Так ангел жизни пролетал в эфире,
Струился плащ, на солнце розовея...
Как музыка — чудеснейшая в мире! —
«Благодарю, что подержали веер,
В награду — роза, в ней — мое дыханье.
Я в ней цвету, я в ней живу мгновенье»
...Цветок, забывший о благоуханьи,
Осыпавшийся от прикосновенья...

ЦЫГАНКА

Пробегу по темным тротуарам,
Вниз по узкой лестнице сбегу...

Отравлюсь до одури угаром —
Близостью доступных чьих-то губ.

Кто-то хлопнет по плечу: «Приятель!» —
И сплетется странной дружбы связь...
Выскользнув устало из объятий,
Женщина закурит, наклонясь.

Эти лица, эти разговоры
И глаза, глаза пьяней вина!
А под всплески струнных переборов
Отойдет цыганка от окна.

Подмигнет с усмешкой пианисту,
Тот стряхнет кого-то там с колен...
Прозвенят заливчиво мониста,
И взметнется сноп волос и лент.

Вспыхнут вдруг глаза черноголовой
Отблеском невидимых костров...
А ко мне, склонившись, друг мой новый
Скажет что-то злобно и остро.

СУЕТА

Все — суета сует, и тленно все, что мило, —
Уйдет, растает, точно из кадила
В высь купола струящийся дымок.

Лишь звук молитв и вечен, и глубок...

Есть в сердце каждого заветные святыни.

Они для нас — оазисы в пустыне,

И, как оазисы, заносит их песок.

Лишь звук молитв и вечен, и глубок...

А взгляд змеиных глаз, что душу мне волнует?..

И он, и он забвенья не минует

И будет он так чужд мне, так далек!

Лишь звук молитв и вечен, и глубок...

Все — суета сует, все только обольщенье,

Любовь в душе горит всего мгновенье,

Лишь в Вечной Книге смысл вечен строк,

Лишь звук молитв и вечен, и глубок.

АЛЕКСАНДРА СЕРЕБРЕННИКОВА

ПЕСЕНКА О КИТАЕ

Мы, помню, в детские года,
Об Азии читая,
Не представляли никогда
Страны такой — Китая.

На чайной банке голубой
Мы знали по картинке
Китайца с длинною косой
В халате цвета синьки.

И все мы пили, стар и млад,
Китайский чай душистый,
Замерзший ели виноград
И груши в корке льдистой.

Затем мучная пастила
С начинкой из ореха
Для всех сибиряков была
Любимою утехой.

Китайской фанзой с чесучой
Всегда мы запасались,
В курмы с расшитою каймой
Охотно наряжались.

Мы знали: эти все Китай
Шлет жителям Сибири.
Но где находится сей край?
В каком далеком мире?

Вдруг в этот самый край судьбой
Мы брошены случайно —
И стал нам родиной второй
Китай с коробки чайной.

Но мы не видим пред собой,
Как прежде на картинке,
Китайца с длинною косою
В халате цвета синьки.

Тогда, с загадочным лицом,
В одежде странной этой,
Он нам казался существом
С неведомой планеты.

Теперь же кос в помине нет,
И наряду с халатом
Китаец здесь в пальто одет
С подкладкою из ваты.

Ушла в забвенье навсегда
Картинка с банки чайной,
Что нас в те детские года
Пленяла чрезвычайно.

1930-е

ОЛЬГА СКОПИЧЕНКО

«Люблю лежать в траве примятой...»

Люблю лежать в траве примятой:

На солнце плавится тоска.

Когда по зареву заката

Плывут, алая, облака.

И облачные силуэты

Скользят в лазурной вышине,

И, словно заревом согреты,

Подтаивают на огне.

Знакомых городов строенья

Встают громадами вдали

И их багровое горенье,

Как отражение земли.

Я вижу, — облачная лава,
От легких взлетов ветерка,
Дает изгнаннице усталой
Мираж родного городка.

Капризный и неверный случай
Виденье яркое дарит.
А ветер развивает тучи
И треплет отблески зари.

Я облакам кричу: «Верните ж!
Воздушный город мой родной!»
Но мой недостижимый Китеж
Дрожит и тает надо мной.

«Лучше пути победного...»

Лучше пути победного,
Краше мечты о рае,
Только одно я ведаю,
Только одно я знаю.

Это сказать за сильными:

«Вместе на крест восходим мы», —

Это гореть светильником

Перед иконой Родины.

«Дни мои в изгнании сделались привычкою...»

Дни мои в изгнании сделались привычкою,

Гордое терпение ставлю, как пароль.

Маленькая девочка с русою косичкою

Принесла мне, крохотка, сдавленную боль.

Рассказала девочке сказку позабытую,

Сказку нашу русскую, где снега да лес...

Было удивление в ротике открытом,

Словно рассказала я чудо из чудес.

И спросила девочка: «Это что — Россия?

Город вроде нашего или так — село?»

Не могла я выслушать те слова простые,

Горькое отчаянье душу замело.

Вырастешь ты, девочка, не увидев Родины,

И не зная, крохотка, где страна твоя.

Часто мимо маленьких, взрослые, проходим мы,

Забывая души их средь заботы дня.

Буря революции, наши будни узкие...
Многое потеряно... многое ушло...
Вырастут в изгнании, вырастут нерусскими,
Думая, что Родина город иль село.

Дума неотвязная на душе израненной:
Как бы в сердце детское Родину вложить.
С детской молитвою русского изгнания
Будет нам отраднее на чужбине жить.

«В ветки игольчатой туи...»

В ветки игольчатой туи
Бросила блестками нить,
Чтобы мечту золотую
В памяти вновь пережить.

Господи! Чем успокою
Грустную душу свою?
Разве над светлой страной
«Вечную память» спою!

Нет! — ослепительней, лучше
В годы изгнанья мечты,

Снова в напевы созвучий

Вкралось: «Любимая — Ты».

И, негодуя и плача.

Светлой надеждой горя,

Я повторяю иначе

Зимний напев тропаря.

Строгий, торжественный, ясный

Рвется знакомый мотив.

Прожили мы не напрасно,

Родине жизнь посвятив.

Знаю, мечту золотую

В жизни печальной дождусь,

Около маленькой туи

Елке зеленой молюсь:

Снова надеждой крылатой

Вера взовьется к весне.

Чисты молитвы и святы

О непогибшей стране.

ВСАДНИК

По стране, ураганом примятой,
Распластались деревни вдали.
Обливаются кровью заката
Пожелтелых полей конопли.

Всадник низко склонился на гриву,
Опустил из руки поводя.
Среди этих тропинок пугливых
Трудно правильный путь угадать.

Шепчет в чуткое конское ухо:
«Посмотри, опустели поля.
Много лет от резни и засухи
Почернела родная земля.

Верный спутник, до Волги далекой
Доберемся голодной тропой.
Слышишь, в небе разносится клетот
Хищный коршун кружит надо мной.

Ждет, когда обессилев в скитаньи
Упаду мертвым телом в песок.
Только сила и смелость за нами,
Но я верю — поможет нам Бог».

Там, за синим прекрасным Уралом,
Притаилось родное село...
Небо темно-багровое стало,
Словно судоргой тучи свело.

Скачет конь, и червонным закатом
Вся страна утонула в крови...
Неотступною смертью крылатой
Хищный коршун над ними парит.

ДАЙРЕН И... ВОЛГА

Солнце в вуали, будто девица
Вечером на randevу.
Бисером снежным утро стремится
Водную вышить канву.

Бросили якорь. В дымке тумана
Издали виден Дайрен.
Сказочным замком рисуются странно
Башни дайреновских стен.

Море сегодня пестрит парусами
Джонок, медлительных барж.

Чайки, ныряя, летят над волнами...

Море! Я вечно твой паж.

Я влюблена в тебя, море, надолго,

Пленница зыби твоей.

Ты мне напомнило дальнюю Волгу,

Волгу — царицу полей.

Море! Ты царствуешь в вечном просторе,

В водном покое дворца.

Не утаю от тебя свое горе

И не закрою лица.

Волны твои — боевые дружины,

Верная стража царя.

Я тебе горе изгнанника кину

В сумерки этого дня.

Я расскажу тебе странные были

Жуткой Великой страны,

Были страшнее, чем мне говорили

Плески зеленой волны.

ГОМОН ВЕСНЫ

Знаешь, сейчас бы в широкое поле
Слушать, как ширится гомон весны,
Слушать, как ветер — весел и волен,
Шепчет подснежников сны.

Знаешь, сейчас бы к проснувшейся Волге:
Льдины бегущие взором догнать.
Слишком изгнание тянется долго,
Слишком устали мы ждать.

Знаешь, сейчас бы в сосновые боры:
Хвоя зеленая пахнет весной.
Родина милая! Скоро ли, скоро ли
Светлая встреча с Тобой!

Сгрудились здания. Вечно нахмуренный
В душу мне смотрит гранит,
В сердце изгнанника, горем прокуренном,
Гомон весенний молчит.

ПОТЕРЯННЫЙ ЗВОН

Затеряла я ценность великую,
И сыскать много лет не могу,

Все брожу и без умолку кликаю
На холодном чужом берегу.

Среди шума столичного города
Заблудилась, как в темном лесу.
Между теми, кем счастье распродано,
Я счастливую ношу несу.

Растерялась я в будничной сутолке
Незнакомых презрительных снов.
И звучат неизбежно скукою
Перепевы фабричных гудков.

Ах, поймите вы думу печальную,
Что давно я на сердце таю...
Потеряла я звоны пасхальные —
Одинокую радость свою.

КИСТЬ И ПЕРО

И я заблудился среди бездорожия
В смятении неясных угроз.
Зачем не родился беспечным художником —
Творцом неожиданных грез.

Пусть краски палитры разбросаны пятнами,
Пусть кисти свалялись в комок...
Но странник лазури казался понятнее,
Чем рыцарь разрозненных строк.

Я мог бы бродить замолчавшею улицей,
И в радостном вздохе весны
Заметить, как ласково смотрят и хмурятся
Мои разноцветные сны...

Пить пьяную влагу стакан за стаканами,
И в профиле крашенных лиц
Найти — не найдённую проблеском пьяного
Одну из своих небылиц.

Нестрогая дума с печалью неясною
Бросала б штрихами пастель...
В натурщицы взял бы я вечно прекрасную
Раскрашенных дней карусель.

И в женщине каждой шаблонно-подкрашенной
Искал бы следы красоты,
И с серыми буднями скучными нашими
Я не был бы больше «на ты».

Но кисть — это яркий мазок в повседневности
Из мира нездешних тонов.
Перо — это горечь тоскливой безгневности
От склепа схороненных слов.

ТЕБЕ

Я белой девушкой вошла за твой порог
На светлые широкие ступени.
Незримой ласкою далекий Бог
Коснулся нас Своим благословеньем.

И в куполе церковном, в синеве
Две вспыхнули звезды и заблестели вместе,
И было радостно тогда и жутко мне,
Твоей застенчивой и глупенькой невесте.

Не знали мы тогда своих дорог,
Какие нам Великий Рок укажет.
Я белой девушкой вошла за твой порог, —
Дрожали трепетно цветы от флердоранжа.

И год прошел, стирая след у дней,
Вплетая в жизнь мечты и неудачи.

И каждый день был лучше и ясней,

А это много... очень много значит.

Вся наша жизнь такой неровный слог

Поэмы сказочной о счастье и печали...

Я белой девушкой вошла за твой порог,

А в тюле радостно листы цветов дрожали.

Сегодня год... И снова я стою

У двери в наш чертог нездешних откровений,

Я снова душу приношу свою

На те же светлые, широкие ступени.

И, как тогда, прекрасен твой чертог,

И жутко мне, как и тогда, немного.

Я белой девушкой вошла за твой порог,

Я белой женщиной пройду твою дорогу.

ЛЮБОВЬ КОРОЛЯ

А за окнам шелестят тополя... А. Ахматова

Беспокойно деревья склоняют

Ко мне пальцы безлистных рук.

Я тебя, мой король, понимаю, —

Я тебя понимаю, мой друг.

Душу манит глубокий, глубокий,

Словно омут, таинственный взор.

Омут краше, чем светлые стекла

Безмятежных зеленых озер.

Короли любят шум охоты,

Турий рог и олени следы.

В твою душу неведомый кто-то

Бросил блеск королевской звезды.

И поверь, что лесной пейзажке

Не затмить простотой любви

Твою вечную грусть о странном

И кочевья души твои.

Пусть у хижины за горою

Ты отбросил повод коня.

Ночь промчится твоей стрелою

И погаснет в отблеске дня.

Конь соскучится по золотому

Вкусно пахнущему зерну.
И тебя, навсегда родного,
Я у хижины обниму.

Цок подков будет глуше, глуше,
Ты уедешь к другой, король.
Турий рог на лесной опушке
Протрубит неземную боль.

Не забьется сердце в испуге,
Перескажет память звеня,
Как у бедной моей лачуги
Ты отбросил повод коня.

ШАНХАЙСКОЕ ЗАХОЛУСТЬЕ

Я прошла, озираясь, по улице:
Ряд лавчонок и грязных домов
Пожелтевших и серых сутулятся
И толпятся у темных углов.

Китайчата босые раскосые
Копшата у лужи с водой,
А за ящиком грязным с отбросами
Спит, раскинувшись, нищий больной.

Китайки столпились у лавочки —
Оживленный ведут разговор,
Вместо ног у них тонкие палочки,
И в прическах прилизан пробор.

За прилавком купцы полуголые
Бесконечно играют в маджан, —
И у входа в харчевку грошовую
Цедят пиво в немытый стакан.

Окна рваной бумагой заклеены,
И лохмотья торчат из дверей.
Я пройду, озираясь рассеянно, —
Сквозь толпу, пробираясь скорей.

Пробирается к носу настойчивый
Запах масла, жаровен, бобов.
На прилавке за стенкой решетчатой
Позолота китайских богов.

Боги смотрят на шумную улицу
И на игры раскосых ребят,
На дома, что окошками хмурятся,
Смотрят боги и вечно молчат.

У китайца, насквозь прокопченного,
Что лениво следит за толпой,
Истукана куплю золоченого
И пойду, направляясь домой.

В своей комнате, где перемешаны
Книги, кипы бумаг и стихи,
Я поставлю божка безутешного
На столе, где пролиты духи.

Только Будда невольно нахмурится:
Моя комната будет скучна —
Без шанхайской запущенной улицы,
Без узорной решетки окна.

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ

Марианне Колосовой

Я память дней тихонько отодвину,
Хотя тех дней разлуке не вернуть...
Ты где-то там на клавишах машинки
Отстукиваешь будничную муть.

Я в сутолке размеренной фабричной
Записываю цифры и часы.
Разлука занавескою привычной
Между тобой и мной назойливо висит.

И нет ночей, когда врывались строфы,
Вливая веру в призрачный успех.
И на пути писательской Голгофы
Мы не расставили знакомых вех.

Пишу-письмо и чувствую, что трудно
Сказать о том, что неотрывно жжет:
Твой строгий стих чеканно-изумрудный,
Мой юный и надломленный полет.

Мне жалко нашу хмурую каморку
Наш сломанный диван, наш старый табурет,
Мне жалко смех твой сдавленный и горький
И свечи тусклый распыленный свет.

Пусть только в снах я прошлое придвину:
Зашла бы я в ту комнату опять,
Чтоб клавиши у пишущей машинки
Тайком от всех тихонько целовать.

Там сторожит тебя Великая Идея,
Меня любовь и счастье стерегут.
И наша встреча победить не смеет,
Хотя бы встреча нескольких минут.

Сентиментальная, как в повестях старинных,
Разлука темным пологом висит.
Ты буднями стучишь на клавишах машинки,
А я записываю цифры и часы.

ПЕКИН

Высокая белая лестница к башне,
В кумирню великих богов.
Я яркими красками пестро раскрашу
Узорную сказку стихов.

Резные колонны. На лесенке вышит
Резцами столетний дракон.
И Будда под яркой узорною крышей
Глядит на изгибы колонн.

Глаза золотые на солнце мерцают,
Глаза его смотрят в упор.

Забывшую мудрость большого Китая
Замкнул в себе пристальный взор.

Когда-то входили сюда богдыханы
Склонялись в молитве пред ним...
И падал безумец к ногам бездыханный,
Сраженный безумьем своим.

Когда-то по этим холодным ступеням
Молиться ходил Чингисхан,
Для нас он остался далекою тенью,
Властитель исчезнувших стран.

Ему здесь мерещились дальние сопки
Богатой славянской земли,
Победу просил он смиренно и робко,
А дни беспощадные шли.

Погиб он в далеком, спокойном просторе,
Курган его сон сторожит,
А Будда — свидетель победы и горя
Все так же спокойно молчит.

Узорная башня. На мраморе сложен
Видением сказочным храм.

Никто его мирный покой не встревожит,
Он верен прошедшим векам.

Все так же он будет смотреть на столетья.
У Будды молчанье в глазах —
Блестят они золотом в призрачном свете,
Они не тускнеют в слезах.

Забытая сказка большого Китая,
Ушедшая мудрость веков...
В кровавом столетьи мы сказок не знаем,
И нет у нас сказочных снов.

ВЛАДИМИР СЛОБОДЧИКОВ

СТАТУЯ

Ты, как Ева, изгнана из рая
За соблазн, за грех, за пустоту,
А теперь в тебе молва людская
Воплощает райскую мечту.

Ты рукою, обращенной к звездам,
Вечности указываешь путь,

Раскаленный и тяжелый воздух
Не проникнет в мраморную грудь...

С этих губ, в улыбке задремавших,
Не сорвутся никогда слова.
В этих взорах, некогда пылавших,
Не таятся чары волшебства.

И, готовая раскинуть крылья,
Чтоб, как ангел, взвиться в высоту,
Ты стоишь, окутанная пылью,
На горячем каменном мосту.

Ты стоишь, на звезды устремляя
Свой слепой и равнодушный взор,
Ты стоишь, под грохот вспоминая
Тишину твоих Каррарских гор.

«О, лишь для нас с тобою, дорогая...»

О, лишь для нас с тобою, дорогая,
Для нас двоих десятки тысяч лет
Летят миры, в морях пространств сгорая,
Сияет солнце, разливая свет.

Сияет солнце, согревая вешним
Своим теплом бутон земли, чтоб он
Цветком не расцветавшим и нездешним
Расцвел бы раз в безбрежности времен.

Расцвел бы раз цветком любви нетленной,
Любви моей, любви твоей, мой друг,
Единственным в истории вселенной,
Но завершающим созданья круг.

НЕПТУН

Черной ступней придавил
Воду, трезубцем взбурлил:
«Больше меня не зови
В пленную сладость земли!»

В холод спускал пароход.
(Волны и волны кругом;
Гребни взлохмаченных вод
Гулко боролись с винтом).

Из глубины вылезал,
Тонким трезубцем играл.

(Злые акулы глаза
Чудились мне до утра.)

За пароходом нырял
И выползал на корму;
Тонкий трезубец бросал
В настороженную тьму.

Звезды над нами качал,
Руки в пространство тянул,
Силился перекричать
Неумолкаемый гул;

Силился перекричать
Голосом хриплым своим.
Кровь его не горяча.
Светом пронзенный дневным,

Он опустился на дно.
Волны разбил пароход.
Звезды ушли в небосвод.
Солнца открылось окно.

ГАДАНЬЕ

Зима сворачивает полог,
Но души холодом полны.
Как скучен и тревожно долог
Обетованный шаг весны!

Умрет февраль, и в серых лужах
Расплавится, размякнет март.
Что будет после — лучше? хуже?
Возьму колоду старых карт.

Дорога и еще дорога,
Шестерка и восьмерка пик.
Я с возрастающей тревогой
Душой к вещанью карт приник.

Безумие или виденье?!
Я вижу призраки: везде
Проходят тени — отраженья
Бегущих от судьбы людей.

Как за страницу страницу
Листают книги, так и тут —
Знакомые, родные лица
Бегут, бегут...

ИСКУШЕНИЕ

Большие вопросы

Простыми словами...

Вот ты с папиросой

Склонен над стихами.

Пьянящие волны

Все выше и выше...

Вот голос тяжелый

Откуда-то слышен:

«В бездонную пропасть

Все люди несутся.

К чему твоя робость?

Пора встрепенуться!

Ведь, кажется, просто

Добиться свободы:

С высокого моста

Под черные воды...

Иль выстрелом четким

С улыбкой надменной

Земные решетки

Разрушить мгновенно...»

«Нет, голос, ты демон,

Ты жалок и беден

Всегда и везде мы

Стремимся к победе!

А ты соблазняешь

Безумьем и душишь,

И в пропасть толкаешь
Бессильные души». . .
...А дым сизоватый
Все выше и выше...
Вот голос крылатый
И ласковый слышен:
«И сумрак могильный,
И смерть безобразны.
Ты — бодрый и сильный —
Не слушай соблазнов,
А думай о Боге,
О жизни безгрешной,
О светлой дороге
Веселой и вешней...»

С надеждой на Бога
(Так просто и ясно)
Земная дорога
Легка и прекрасна!

МИХАИЛ СПУРГОТ

«Сижу с китайцами в харчевнях...»

Сижу с китайцами в харчевнях,
Ведя бесед несложных ряд,

И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!

И, жадно впитывая соки
Культуры чуждой мне страны,
Я знаю, что подходят сроки
Тоскою вздыбленной весны!..

Горячий ханшин чуть туманит
Мозг, обожженный жаром слов,
И тихо плавают в тумане
Виденья чудищ и богов.

И сердце вдруг вздымает бурно,
Как от тайфуна иль грозы,
Один лишь мысли всплеск лазурный
Из мудрых песен Лао-цзы!..

СЕРДЦЕ ЛУ-ШУ

Из «Китайских теней»

На пыльном тротуаре, где рикши зло гогочут
над девушкой, что много в квартале Нью грешит,
там роза под ногами, что сухо ее топчут,
алея лепестками, печальная лежит.

Вчера ее в блестящем цветочном магазине купив,
красавец стройный — агент фирмы Грин,
в бумаге папиросной, смеясь, на лимузине,
увез в палаццо, жил где китайский мандарин.

На рауте блестящем, где были только леди
и лорды-иностранцы, — там маленькой Лу-Шу
поднес с поклоном розу агент фирмы «Трэдинг»,
сказав шаблон с усмешкой: «Цветок идет цветку».

Ах, знает ли кто ужас любовности трагедий —
минутных только взглядов из ревности лучей...
...Отдав цветок — любезен был слишком агент с леди
одной в парчовом платье, фокстрот танцую с ней.

В порыве гнева нервно швырнула Лу-Шу розу
из шелковой гостиной на улицы асфальт,
и маленькою ножкой растоптала грезу,
сердце переплавив ревностью в хрусталь...

1924-я Весна Фудзядин (Тао-Вэй)

17 ИЮЛЯ

Из поэмы «Екатеринбург»

В глухой подвал Их всех свели.
Был вечер душен, грозен, зноен.
Но, как все заточенья дни,
Царь был и сдержан, и спокоен.

Упала ночь. И в тишине
Лишь часовых шаги звучали.
И трепетно молились все
В предсмертной муке и печали.

Убийцы дерзкою толпой
Вошли. В глазах зверь красный бился.
И в тайне ночи роковой
Кровавый ужас совершился.

И стали стены все в крови,
И глухо выстрелы гремели,
И, убивая, палачи
В глаза страдальцам не смотрели...

...Прошли года. От тех времен
Осталось мало что знакомо,
Но тайной страшной окружен
Подвал Ипатьевского дома.

И как легенда говорит, —
Ее народ весь повторяет, —
Теней загробных грозный вид
Там часто сторожей пугает.

Они приходят по ночам —
Так повествуется в народе, —
И с ними Император сам
Со всей Семейей своей приходит.

И там, колени преклоня,
Так, как и прежде, в дни былые.
Он молится — не за себя,
А о спасении России!

ОЛЬГА ТЕЛЬТОФТ

ЖЕНЩИНА

Это Он, и любя, и жалея,
Чтобы душу ее убересть,
Ношу выковал ей тяжелее
Для ее беломраморных плеч.

Дал, как арфу, звенящее имя,
Хрупкость рук, не таящую сил,
А глазами, как солнце, большими,
Чтобы зрила печаль, наделил.

Рек ей: «Скорбь умножая, умножу;
Будет в муках твое бытие».
И ответила женщина: «Боже,
Да прославится имя Твое».

РАХИЛЬ

Ты глазами израненной серны,
Чтобы небо узреть, напряглась,
И металась от боли безмерной,
От бичующей муки рвалась.

Блеял скот. Дребезжали повозки.
Сено мирно жевали волы.
Как плетей бичевания хлестки,
Новых мук набегали валы.

Ты сгорала и ты догорела
Самой страшной из творческих мук.
И от тела рожденное тело

Первым издало плачущий звук.

САРА

I

Опахала ресниц, будто тени,
Опустились на кожи атлас;
И никто не глядел без смятенья
В бархатистые сумраки глаз.

Подходили к Египту. В тревоге
Ей Аврам на пути говорил:
«Ты прекрасна. Глаза твои строги,
Драгоценные, словно берилл.

Только если узнают злодеи,
Что жена ты моя, не сестра, —
Ты увидишь, как я холодею
У ночного простертый костра».

II

Горько, если любимейший мимо
Равнодушно проходит, как брат;
Только, Сара, тебе быть любимой,
Не любя, — тяжелее в сто крат.

Что же, брови, как луки, не горби —
Скорбь бесстрашной, чем недругов рать,
Участь женщины: песни о скорби,
Ночь проплакать да дотемна ткать.

Видишь — жизнь для Аврама дороже
Драгоценнейших слез или мук.
Так дели с фараонами ложе,
Испытай их изнеженность рук.

«Душа научилась беречь...»

Душа научилась беречь
Твое чужестранное имя.
Твоя нероссийская речь,
Слова твои стали родными.

Плыву ль по вечерней реке,
Скалу огибаю ли, мыс ли —
Шепчу на твоём языке
Мои сокровенные мысли.

В душе моей властно ты стер
Другие любимые лица,
И образ твой в ней распростерт,

Как крылья парящей орлицы.

С тех пор не молюсь о другом...

Но, друг мой, скажи, — отчего же

Чужим для тебя языком

Молю: «Сохрани его, Боже»!

1936

«Тыходишь в дом — нездешний, неземной...»

Тыходишь в дом — нездешний, неземной.

Плащ за спиной, как крылья серафима.

Сияньем глаз ты следуешь за мной,

Касанье рук твоих неуловимо.

О, если б ты нахлынувший восторг

Исторг из струн души, тебе покорной, —

Он затопил бы запад и восток,

Пустынь песок и рек исток нагорный!

Но ты, безмолвный, не подашь руки —

По ветру плащ рванется в ночь, как крылья:

И (может быть, то вспыхнут светляки!)

Следы твои заблещут звездной пылью.

1938

ЛЮБОВЬ

Одиночество — глубже колодца...

Слезы веки разъели, как соль...

Это мною любовью зовется,

Оттого, что любовь моя — боль.

Я не вижу тебя по неделям, —

Разве только сквозь сон или бред, —

Мы печали и горя не делим,

А в любви моей радости нет.

Радость мне может только присниться:

Быть, сквозь сон улыбаясь, с тобой.

Даже с блудным — беспутной блудницей,

Даже с падшим — смиренной рабой.

1939

«У тебя, как золотые сливы...»

У тебя, как золотые сливы,

Солнцем напоенные глаза.

Для тебя пишу стихи, счастливый,

В танце гнусь, как тонкая лоза.

Ты глубок, мой голубок, и робок.
Я пуста, беспечна и горда,
Из ненужных из-под шляп коробок
Я могу построить города.

Дорогими я душусь духами,
И рука в рубинах, как в крови...
А любовь, пропетая стихами, —
Не любовь, но песня о любви.

1940

ДИТЯ

Я шелесты листьев и шорохи трав
Вбираю, как пчелы цветочную влагу,
И, солнца лучи золотые вобрав,
Храню для тебя, как великое благо.

Я, душ отогретых вдыхая тепло,
Вливаю в души твоей хрупкие соты.
Чтоб в душу, творимую мною, втекло,
Что я собирала недели и годы.

Мечты мои, мысли, стремясь к облакам,
Простерлись в груди, как орлиные крылья.
Их, кроме тебя, никому не отдам

И в душу твою ненасытную вылью.

Ты будешь могучим, как крылья орла,
И гордым, как горды орлиные скалы,
Создашь ты, чего я создать не смогла,
Найдешь то, чего не нашла, но искала.

1939

ОТСТУПНИЦА

I

Ты видел мудрость, и приник,
И пил, и вот сумел напиться,
И завещал мне гимны книг
Счастливейшего очевидца.
Твой лоб, как купола, высок,
И хищен нос, как ночью филин.
Но, словно мудрости исток,
Не разгадать мне губ извилин.
Твои заветы берегу
И, волею твоей хранима,
На самом солнечном лугу
Иду, не озираясь, мимо.
Ни горе, ни внезапный страх
Мне сердце острием не тронут.
Ты завещал хранить в веках
Мне мыслей глубочайших омут.
Мой взор всегда пронзитель готов,
Как извлеченный меч из ножен;

И лишь твоих могучих слов
Для сердца голос непреложен.

II

И вот сегодня ветер стих,
И вечер пламенен и жарок.
Я слышу шепот слов глухих
Меж зеленью увитых арок.
Моя душа черства, пуста,
Нагретая, как камня плиты;
И чьи-то грешные уста
С моими, праведными, слиты.

III В века протянутая нить
Звенит печальней и короче,
Но он, пришедший осквернить,
Опять владеет мною к ночи.
Я вижу, день горит бедой.
Мой дивный путь уже не светел.
И в небе меркнувшей звездой
Ты, грозный, мне судьбу отметил.
Твой взор бичует, будто плеть,
И гнев подобен темным грозам.
За то, что не дала дозреть
Я мудрости бесценным лозам.

1942

«В каждом лепестке неповторимый...»

В каждом лепестке неповторимый
Свой живой чарующий изгиб:
Так по-разному благодарим мы,
Так иначе каждому близки.

И не рви же лепестки нарочно,
Стебельки не стягивай узлом.
Или ты, клейменный и порочный,
Как и в душах, сеешь только зло?

И, питая тело горькой желчью,
Отравляешь ею все кругом?
Что ж мечтаю о тебе я молча
И пишу стихи не о другом?

Ты мне душу засоришь, как илом,
Слезы грусти выжмешь из очей.
Отчего же я тебя любила
И теперь люблю тебя зачем?

ВЕСНА

Подражание танка

Мне жесткой мнится мягкая кровать;

В томимом теле горечь и недуг.
Сакуры нынче я не буду рвать:
А говорят — твой расцветает луг,
И ты скликаешь ласточек-подруг.

Шанхай

«Верить хочу ли в победу твою...»

Верить хочу ли в победу твою,
Или она ясна?
Кажется мне, что в твоём краю
Плавно плывет весна.
Горе большое, как степь, как ширь;
Солнце сжигает твердь.
Ты, на победном коне богатырь,
Прочь прогоняешь смерть.
Горе большое, но ты велик —
Жажду снесешь и зной.
Грозный святого Георгия лик
Зрю за твоей спиной.

1940

«Не плачь в Путивле, Ярославна...»

Не плачь в Путивле, Ярославна,
Печаль, как сизый дым, развей, —
За князя, что в плену бесславном,
Я шлю ответить сыновей.

Им дам я меч неотразимый
И щит Георгия вручу —
И лягут северные зимы,
Покорны дивному мечу;

А сердце западного зверя
Затравит старшего стрела:
Она, покорности не веря.
Уже убийственно смела.

Пусть солнце южное смеется,
Заполненное на щит,
И у восточного колодца
Мой младший сын коней поит;

Но только, жизни новой пламя,
Я дочь мою тебе не дам, —
Я провожу ее, как знамя,
К родным заветным теремам.

Пускай, как я, она бесславна,
Но для грядущих дивных дней
Тебе, Россия — Ярославна,
Она родит богатырей.

1942

СЛАВА

Не начертит в небе комета
Для потомков имя мое;
А зачем мне слава поэта,
Если варвар сотрет ее.

Словно тьма саранчи размножен.
Не учен, но трижды хитер,
Вынет огненный меч из ножен.
Запалит огромный костер.

Все погибнет в натиске новом.
Уцелеть ли моим стихам.
Даже нас, исчезнувших, словом
Назовут непонятым нам.

Только звезды будут, как эти.
Да к полудню такой же зной...
Пусть же грезят новые дети
О бесславной славе земной.

1941

«Мне некому завидовать; и лгать...»

Мне некому завидовать; и лгать

Не стану я за крохи скудной пищи.

Ты дал мне все, что только можно дать

Такой, как я, — и радостной, и нищей.

Я не боюсь ни умереть, ни жить —

И вот пою, сплетая дни, как пряжу,

И знаю, жизни немудреной нить

На небесах мне ангелы развяжут.

А в Судный день мы все к Тебе слетим.

Твой будет лик властительно-чудесен.

И я тогда перед Тобой одним

Дам покаянную за бренность песен.

1943

ЭММА ТРАХТЕНБЕРГ

НЕ ТЕРЕМ

У меня мансарда, не терем,

Вместо мягкого ложа — кровать,

Но я в лучезарное верю

И пишу поэмы в тетрадь.

По ночам близко воют кошки;
До утра стану свечку жечь,
Но зато у меня в окошке
Золотится звездная сеть.

Частым ветром ветхие ставни
Ржавым стоном поют псалмы,
И я с Музой, с гостьей недавней,
На крутые всхожу холмы.

А ночами все мысли строже,
А ночами так много слов:
Ведь бессонница черной рожей
Вылезает из всех углов.

Не Слышать здесь ни шума, ни спора,
Здесь никто никогда не кричал;
И на маленький томик Тагора
Хрупким светом светит свеча.

А на стенах в белой известке
Нет картин, нету красок, огней,
Лишь портрет Гумилева-подростка —
Символ гостыи ранней моей.

Мне не жаль, что это не терем,
Что так страшно и пусто спать;
Но я в лучезарное верю
И пишу поэмы в тетрадь.

1930 Шанхай

ПИСЬМА

С конвертов сорвана печать,
И пальцы в трепетной тревоге...
Прекрасной музыкой звучат
Все русские слова и слоги!
И эти письма с той земли,
Где все мне близко и понятно,
Привозят птицы-корабли
Так бережно и аккуратно...

Здесь месяц только что взошел
И свет дробит, в листах качаясь.
Мне кажется, сто лет прошло,
Как чужестранкой я считаюсь.
Но все еще жива во мне
Разлука, выпитая нами,
И он, оставленный в стране,
Где люди с узкими глазами.

И оттого мне все грустней,
Что мой призыв несмело-робкий.
Как сладко вместо Пиреней
Маньчжурские увидеть сопки!
И думать, что он там живет,
И пишет письма на балконе;
Пускай Китай всю щедрость льет
В упругие его ладони!

И пусть напомнит про роман,
Оконченный жестоко рано;
Теперь меж нами столько стран,
И городов, и океанов!
А к берегам его земли
Я не вернусь уже обратно...
Привозят письма корабли
Так бережно и аккуратно.

1931

«Над озером — белые голуби...»

Над озером — белые голуби,
А в небе — фрегатная снасть...
Я знаю, ты многое отдал бы,
Чтоб в нашу страну попасть.
И я отдала бы тоже
Озерную эту тишь,

Чтоб видеть желтую кожу
И цепь ободранных рикш!..

1932

ПИСЬМО МАТЕРИ

Опять в печали сердце сжалось,
Опять волнует близкий май,
Но я такую же осталась
И родиной зову Китай!..

Опять весна, моя родная!..
Но не тоскуй, не жди, не плачь,
Ведь я уже не вспоминаю
Начало наших неудач.

Года летят, как камни с кручи.
Нельзя за ними уследить...
И может быть, намного лучше,
Что суждено разлуке быть...

Как хорошо вдруг стать здоровой,
Писать поэмы на лету!..
Но я опять уже готова
Тоскливо кашлять в темноту.

Здесь горы, словно тень Урала, —
Где детства светлая печать.
Я там когда-то умирала
И... умираю здесь опять.

Но только здесь чужие лица,
Чужой восход, чужой закат...
Зажму глаза и вижу: птицы
С крылами синими летят.

Летят стрелою птицы эти
Туда, где древняя страна,
Туда, где в складках многолетья
Косая Азия видна.

Мир и привет вам, мысли-птицы,
Без вас бы было тяжелей,
А здесь горячий свет ложится
На замки принцев и царей.

И каждый вечер, засыпая,
В спокойных горбах Пиреней,
Я нежно, нежно вспоминаю
Тебя, и брата, и друзей...

Как все прошло, как все далеко,
Зачем такой излом в пути?
И тропы к Дальнему Востоку
Не так легко теперь найти...

И ты, я знаю, твердо знаю,
Наверно, плачешь обо мне,
А я уже не вспоминаю
Начало страшных, черных дней.

Про эту боль и эту жалость
И ты совсем не вспоминай...
Ведь я такую же осталась
И родиной зову Китай.

ШЕПОТОМ

Впереди прекрасное видно,
По чужим ступаю следам...
Пусть ударят — мне не обидно.
Предадут пусть — я не предам.

Не святая я и не лучше
Тех, кто в жизни ведал беду;

Видно, просто сквозь тьму и тучи

Я узнала свою звезду.

Это — чудо случилось со мною...

Безголосой долго жила,

Вдруг услышала за спиною

Шелест маленького крыла.

И второе скоро явилось...

Невысок был мой первый взлет,

Но незримая дверь открылась

В близкий, тихий небесный свод!

Пусть мой голос нестройно ломок,

Пусть я песню только шепчу, —

Не орлица ведь я — воробьенок, —

Все же чувствую, что лечу!

И откуда такое благо

Мне, невзрачной, слабой, простой?

Пролился дождем на бумагу

Весь восторженный шепот мой.

ЛИДИЯ ХАИНДРОВА

«Смятенная душа не знает слез...»

Лидия Хаиндрова

Смятенная душа не знает слез,
Пощады нет тому, кто раз смирился.
Но эта ночь полна таких угроз,
Что ангел вздрогнул и ко мне явился.
Благословляя огненным крестом,
Вошел в мой всеми позабытый дом.

1936

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Каким был тусклым круглый лик луны
И как в углу смеялся желтый Будда,
Когда пришелец из моей страны
На память горсть земли принес оттуда!

На память о борьбе добра и зла —
Напоминанье горькое оттуда...
Дрожит рука — не развязать узла!
Смеется надо мною желтый Будда.

Пылающим костром была страна...
Без сна лежу. Как больно слезы ранят!
Опять с тобою мы лежим без сна,

Моя сестра, всепомнящая память.

В последний раз мы встретились с тобой.

Передо мною горсть земли оттуда...

И мы смеяться будем над судьбой,

Как ты теперь смеешься, желтый Будда.

1936

«Далеко покинутая родина...»

Далеко покинутая родина

С бесконечной шириной степей.

Много верст с тоской-подругой пройдено,

Верст, рожденных смутой наших дней.

Мы идем дорогой темной, суженной

По еще непройденным тропам,

Ночь покинул день — веселый суженый,

Ночь поет торжественный тропарь.

В небе пролил кто-то краску синюю,

Неизвестный, дерзкий и шальной.

Тихо над бездонною пустынею —

Ночь спустила плотный полог свой.

И сейчас не спит, как страж разбуженный,
Месяц острый в синеватой мгле.
Видно, счастье мною не заслужено,
Или счастья нету на земле.

«Расплакавшийся звездный луч...»

Расплакавшийся звездный луч
В густые сумерки скатился,
Ночь прилегла у снежных туч
И тихо колокол молился.

Как синий мрак, печаль вползла,
Раскашлялся бураном ветер...
И оттого, что много зла, —
Не выйдет солнце на рассвете.

«Всю жизнь Ты создавал меня, мой ум...»

Всю жизнь Ты создавал меня, мой ум,
Выращивал мое долготерпенье,
Но Ты не знал моих тревожных дум,
Моей любви к иному песнопенью,
И в двадцать лет я ощутил тоску,
И сердце переполнилось тревогой,

Но дула темного не приложил к виску
И обреченной не пошел дорогой.
И все, что не любил, учил любить,
В мой темный храм не звал других молиться
И, отрицая жизнь, хотел бессмертным быть,
Пред мудростью божественной склониться.
И, возлюбив весь мир — Твой светлый дом,
Я презираю гордое стремленье
Разрушить все, что создал Ты с трудом,
С таким нечеловеческим терпеньем.

ПОД ЧУЖИМ НЕБОМ

Чужое небо над тобою плачет,
С тобою женщина чужой страны.
Ты горестно считаешь неудачи,
Припоминая пройденные дни.

А женщина нерусскими речами
Старается тревогу разогнать,
И мальчик твой с твоими же глазами
Не может всей тоски твоей понять.

И, радуясь огненному лету,
Он ненавидит, как волчонок злой,
Твою страну, затерянную где-то,

И город, называемый Москвой.

1936

НЕ ЗАКРИЧУ

Не закричу и не заплачу,
Но покорюсь судьбе во всем:
Благословляю неудачу,
Отнявшую мой отчий дом,

Благословляю неудачу —
Уйду в небытия туман,
Чтоб подсмотреть, как ангел плачет,
Забыв свой херувимский сан.

1938

«Стремительно бежим — куда, не зная...»

Стремительно бежим — куда, не зная,
Смеемся, плачем, горести таим,
И скоро станет родиной изгнанье,
А родина — как стелющийся дым.

Что ж, примиришь, душа, и с этой ложью:
Ведь жизнь проходит, словно ледоход,
И ты следишь с уже привычной дрожью,

Как все проходит — и совсем пройдет.

И хочется посторониться — вчуже,
Жизнь, проходи — и не воспрекословь
Нам поглядеть, как все скупей, все туже
Ползет по жилам наша кровь...

1938

«Не плакать, нет... и не просить щедрот...»

Не плакать, нет... и не просить щедрот,
И крыльев не просить земных и слабых,
Но вдруг увидеть свет иных высот
И веточку любимых белых яблонь.

И вот постигнуть: наша жизнь не мрак,
Не горестное заточенье духа,
Раз не осилить, не сломить никак
Прозренья взора, окрыленность слуха.

И нет тоски... а если есть она,
То светлая, воздушная, святая,
И если власть ей надо мной дана,
То легкая, как облачная стая.

1940

ПАМЯТЬ

Будь равнодушна и тогда, когда
Неистовая память сердце жалит:
Пускай идут медлительно года —
На них начертаны судьбы скрижали.

Живи тоской и другом назови
Весенний день с апрельскими глазами,
И карточкой отцветшею порви
Лукавую предательницу — память.

1937

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Ты обречен, живя в двадцатом веке,
Питаться соками своей души —
И видеть в каждом близком человеке
Пришельца из тропической глуши.

И слушая неспешный жизни говор —
Куда спешить? — все к одному пути —
Оглядываешь всех и ловишь взоры:
В них радости и солнца не найти.

Не открывая сердца их укорам,
Ты сознаешь, что молодость не та.
Ах, не Колумбом плыть к чужим просторам
Нам, у которых Родина — мечта!

1937

«Усталый взор. Поклон учтивый...»

М. В. Х.

Усталый взор. Поклон учтивый,
И снова думы о былом.
Несется вдаль трамвай крикливый
С синеющим на окнах льдом.
И каждый раз на том же месте,
Неся тяжелый груз тоски,
На задрожавшие мостки
С трамвая сходит с нами вместе
Седой, усталый генерал,
Который блеск России знал,
Которому Россия снится
Замученной императрицей...

1937

«Молва земная принесла к тебе...»

Валерию Перелешину

Молва земная принесла к тебе
Волнения житейские, печали,
Приклеила их ярлыком к судьбе,
Чтобы они пророчеством блистали.

И ты, вдохнув их безнадежный яд,
Неясные намеки, вздохи, стоны,
Воинствующий сбросил свой наряд,
Стал иноком коленопреклоненным.

И мир с его враждою и тоской
Ушел во мглу. А ты выходишь, мудрый,
Благословляя благостной рукой
Беспечный мир и ласковое утро.

1937

КУСТ САКУРЫ

У нежности влекущие глаза...
Как в этот век, стремительный и четкий,
Бетонированный, запутанный вокзал
Стыдливо приютил в углу решетки

Не кактусы, не пальмы дальних стран —
Взглянув на них, душа не дрогнет даже —
Нет, там в углу, как розовый туман,

Сакуры куст. Он часовой на страже!

Пусть поезда (не деревенский мул)
Орду людей несут в иные дали,
Где в городах свинцовый дым и гул
И новые написаны скрижали.

И житель равнодушный городской
С покорностью и скукой небывалой
В который раз гудящую толпой
Пройдет — столикий — по вокзальным залам.

В который раз... Но вот однажды он
Помедлит вдруг у кованой решетки...
И в этот миг стремительный и четкий,
Когда над городом разлит неон,

Услышит музыку далеких сфер,
И крылья нежности подхватят душу.
Так, городской столикий Агасфер,
Покой гранитный будет твой нарушен.

1940

КИТАЙСКАЯ ПАШНЯ

Осторожней проходи по пашням:

Мирно спят здесь прадеды твои,

Охраняя твой посев вчерашний

Всем долготерпением любви.

Посмотри, закат стал бледно-синим,

Выцветшим, как рубище твое.

У колодца слышен крик ослиный —

У колодца, где вода гниет.

И, встречая легкие зарницы,

Ласково кивнут тебе цветы.

Станет взрослым сын твой желтолицый,

Тишину полей поймет, как ты.

Он не сложит песен. В строгом взоре

Мудрость предков и покой земли.

Никакое не осилит горе

Тех, что слиться с пашнями смогли.

Дедовские холмики средь пашен —

Густо покрывает их трава —

Без гранитных усыпальниц, башен,

Шепчут внукам вещие слова.

Наклонившись над холмом убогим,
Слушает бесстрастный сын полей,
Как вдали по солнечным дорогам
Пролетают стаи журавлей.

1940

«Я знаю, шестикрылый серафим...»

Я знаю, шестикрылый серафим
Не спустится с благою вестью рая.
Так почему ж надеждой мы горим
На то, что долетит к нам весть благая,

Такая весть, что сердце, замерев
На миг, как будто биться перестанет?
И кажется: пройдут усталость, гнев
И счастье недоступное настанет.

Но серафимы не слетают к нам —
Миры иные их влекут сияньем —
Ведь мы, представ их ангельским глазам,
Им грудь пронзим неведомым рыданьем.

И скажет нам Господь: «Я дал вам жизнь,
Я подарил вам житницы, просторы,
Когда же ангелы мои взглянули вниз,

Вы горечью наполнили их взоры.

И вот отныне суждено, как вам,
Им слезы знать, отчаянье и муку!»
И серафимы не слетают к нам,
Боясь узнать про нашу боль и скуку.

1941

БЕЖЕНЦЫ

Бегут чредой встревоженные годы,
Как кони древнеримских колесниц,
И снова поезда и пароходы,
На пристанях смесь языков и лиц.

У всех в глазах, не знающих покоя,
Стремление неведомо куда.
С какою беспредельною тоскою
Они ушли из дома навсегда!

А старцы на библейские страницы
Слезливыми глазами смотрят вновь,
И вздрагивают трепетно ресницы,
И в жилах так неровно бьется кровь,

Когда они читают про изгнание.

«Куда идти?» Немой упрек в глазах,

Тысячелетнее в груди рыданье

И прадедов молитвы на устах.

Гонимые... Подрубленные ветви...

Тысячелетья длится тяжкий сон.

Его потом опять увидят дети,

Он словно тайным смыслом освящен.

1941

«Твоя страна — за дымкой непогоды...»

И ладанки с землей родимой

Мне мой отец не завещал.

В. Ходасевич

Твоя страна — за дымкой непогоды.

Не увидеть, не услышать ее.

Ты перерос печали и невзгоды,

Но не поймешь, о чем она поет.

Как ни влечет тебя полет орлицы,

Подъемы ввысь неведомы тебе.

Скорей архангел Божий лётот птицы

Низринется наперекор судьбе.

Опустится он, как орел крылатый,
На гребни гор, где Демон пролетал...
Но может быть, проснешься?.. Час расплаты
Приблизился... Ты обновленным стал.

За то, что столько лет была гонимой,
Ей шлешь благословение любви.
Не зная запаха земли родимой,
Ты пыль ее таил в своей крови.

1941

«Карусель, карусель... Снова дни закружились мои...»

Карусель, карусель... Снова дни закружились мои
Я в плену у тебя, я почти не бываю своей.
Карусель, карусель, лебединую песню любви
Напевают опять хороводы твоих лебедей.

Но ответь, почему обмануть меня хочешь опять
И со мною несешь не моих, а чужих лебедей?
Поверни, карусель, я не буду их песням внимать!
А не можешь — тогда закружи и убей
И меня, и чужих лебедей!

«Снова голос надтреснутый, резкий...»

Снова голос надтреснутый, резкий

Слышу в долгие ночи без сна.

Бормочу тишине: «Достоевский?»

«Эпилептик», — кричит тишина.

День за днем — никакой перемены.

Пустота и опять пустота...

В катакомбы уйти, на арены,

Чтоб терзали во имя Христа?..

Отвечает: «Не вам катакомбы!

Для ничтожных, презренных, как вы,

Лишь квадраты, да тесные ромбы,

Да картонные мертвые львы...»

«Ты был то снисходительным, то строгим...»

Ты был то снисходительным, то строгим,

И вот уходишь — что же, добрый путь!

Но, мудрая, и я пущусь в дорогу,

Чтоб встретиться с тобой когда-нибудь.

Я прошлое захлопнула, как двери:

Довольно мне падений и высот,
Довольно веры, смешанной с неверьем;
Довольно торричеллевых пустот.

Прости, мой ангел, взглядом укоризны
Проводишь ли на новые пути?
Ведь я, как ты, иду к пределам жизни,
Чтоб где-то беспредельность обрести...

«Дым едкий, въедчивый, невозмутимый...»

Дым едкий, въедчивый, невозмутимый
Над городом, над робкою весной,
Над нашим счастьем, над тобой и мной.

Ты говоришь, что я тобой любима,
А я смотрю, как проплывает дым,
И уплываю сердцем вместе с ним.

Нет дыма больше, счастья тоже нет,
А вместо дыма неотвязный бред.

Вот почему и мне приснился дым

Таким чужим, удушливым и злым:
Ведь мы на все по-разному глядим.

«Я ничего под солнцем не имею...»

Я ничего под солнцем не имею,
Ни от чего теперь не пламенею,
Лишь берегу от юности своей
Прелестную безгрешную камею.
Кто — римлянка, гречанка, иберийка?
Чей это профиль для камеи взят?
Вот так всегда: берут — потом казнят
И о любви к умершим говорят!
Но я не так люблю свою камею —
Ее огонь нетленным берегу
И не отдам ни другу, ни врагу
Пока дышать, протестовать могу.
Прелестная безгрешная камея,
Хранительница горнего огня,
Мне все равно, кто ты, но знаю я:
В тебе погребена душа моя.

СВЕТИЛЬНИК

Слишком поздно приходит прозреньё подчас —
Наступает расплата потом.

Как и многих, судьба разлучила и нас,
Разметала счастливый наш дом.

Пусть течет небывалая скорбная жизнь,
Ты сказал мне: «Светильник храни!»
Я хочу сохранить и шепчу: «Возвратись!
Возврати мне счастливые дни!»

Ты припомни, я честью твоею была
И началом томленья и мук:
Потому и светильник, не дрогнув, взяла
Из твоих коченеющих рук.

И теперь вот брожу от угла до угла.
Продолжаю с тобой говорить:
«Если жизни твоей убережь не смогла,
Как светильник мне твой сохранить?»

МЫ ПЛЕТЕМ КРУЖЕВА

Если кто-то запутан в измене,
Но любви повторяет слова,
Значит, занавес поднят на сцене,
И плетутся опять кружева.

Где кончается жизнь? Где подмости?

Ложь от правды нельзя отличить:

Здесь и ветер искусственно хлесткий

Заплетает узорами нить.

И когда кружевное искусство

Открывает иные миры,

Кто заметит наигранность чувства,

Разгадает притворство игры?

Наклоняется профиль орлиный:

«Не тревожь ты ее, не тревожь!»

Тихо падает занавес длинный,

Исчезает волшебная ложь...

РОССИЯ

Россия, твой ветер привольный

Призывно и мощно поет,

И радостно сердцу, и больно,

И просится сердце в полет.

Но поздно! я слишком устала...

Душа каменеет моя.

О гребень девятого вала

Моя разобьется ладья.

И я не дойду — не узнаю

Ни ласки, ни власти твоей

И вздохом тревожным растаю

Средь чуждых китайских полей.

6 июня 1945

ХИМЕРА

Кто бы ни был в полуночной страже

У далекой небесной черты,

Пусть отец и возлюбленный даже —

Не ответит: что жизнь... что мечты?

Не тюрьма, не свобода — химера...

Так проходят года и года...

Но какая в нас гордая вера,

Что душа не умрет никогда.

Это мы, возлюбившие вечность, —

Нам ее испытать не дано, —

Бесконечно в веках бесконечных

Пьем обманное злое вино.

И, химерою жизнь называя,
Презирая ее, не любя,
Все же знаем: достигшие рая,
Нас припомнив, вздохнут про себя...

Шанхай

АЛЬБОМ

Смотри, моя Муза, смотри: вот олени,
Как легок и четок их бег.
А вот пастушонок склоняет колени
На рыхлый веснушчатый снег.

В альбом, где китаец с бамбуковой тростью
Идет торопливым шажком,
Опять привела свою Музу, как гостью,
В затейливо убранный дом.

Смотри же, как эти погнулись ступени
Под гнетом прошедших веков.
На черном и синем причудливы тени
Оленей, детей, стариков.

Ты только ли гостья? Мила и любезна,
Надеюсь, не будешь со мной?

И ты загляделась в манящую бездну —
Услышала голос родной.

И ты наклонилась над девочкой тоже
И смотришь с нахмуренным лбом:
Не кажется ль ей, что Россия похожа
На этот китайский альбом?

НИКОЛАЙ ШИЛОВ

НА ПАПЕРТИ ХИНГАНА

Велик Хинган. Раскинулся кругом
Он здесь собором многоглавым.
Далекий кедр мне кажется крестом
Над этим храмом величавым.

Он — не один. Кресты и купола
Уходят вдаль, теряясь где-то...
Толпа берез на хоры скал взошла
С молитвой о возврате лета.

А вон одна склонившаяся ель
О смерти молится безгласно.

Она стара, и зимняя метель
Ей так страшна, ей так ужасна.

А вон, внизу, на камнях у воды.
Печально молятся осины.
Пугают их блуждающие льды,
Они хотели б на вершины.

А по горе три черные сосны
Идут служить молебен к лесу
И там, за всех отчаяньем полны,
По дням зеленым справить мессу.

И внемлет всем божественный Хинган,
Но говорит о покаяньи.
И этот глас, как неземной орган,
Звучит в просторах мирозданья.

Я тоже здесь, стоя на берегу.
Молюсь на паперти Хингана.
Войти во храм я, грешный, не могу,
Там слишком праведна Осанна.

И надо быть безгрешным и святым,
Чтобы внимать богослуженью,

Чтобы вдыхать лесных кадилъниц дым
И слышать праведное пенье...

Молчи! И стой! И внемли тишине
И эху дальнему Осанны.
Когда нельзя молиться в глубине,
Молись на паперти Хингана.

Смотри! И здесь такая красота.
Что никакой другой не надо!
Молись, да снидет в сердце чистота,
Покой, безгрешность и отрада...

И я мольбу греховную шепчу,
И плачу сердцем покаянно,
И стать святым и праведным хочу,
Чтобы войти в алтарь Хингана.

Он так красив... Раскинулся кругом
Хинган собором многоглавым...
Высокий кедр покоится крестом
На этом храме величавом...

МИХАИЛ ШМЕЙССЕР

«Грустим по Северной Пальмире...»

Грустим по Северной Пальмире,
Но грусть о ней не так сильна,
Когда с изгнанием горьким мирит
Руссейший облик Харбина.

ПРИЗЫВ

Вдруг придет и постучится в двери
Жизни угасающий закат...
Может быть, и ты тогда согласишься,
Что дороги не было назад!

И, крестя своей рукою тонкой
На прощанье перекресты рук,
Холод пальцев освятишь иконкой,
Прошептавши ласковое: «Друг!..»

В этот миг, по незнакомым сферам
Пробираясь в неизвестный край,
Я пойму, что у тебя есть вера
В новое свидание. «Прощай!» —

Крикну я, и стоголосым взрывом
До твоей трепещущей души
Долетят мои слова призыва
В голубой предутренней тиши...

В мире том, где бесконечны дали,
Ты придешь, любимая, ко мне,
И мы скажем то, о чем молчали
На убогой маленькой земле...

ПАМЯТЬ

Память, друг мой, друг мой верный,
Книгу юности листая,
Ты вернешь опять, наверное,
Нас в минувшие года.
Проплывут они пред нами
Серебристо-белой стаей,
Отошедшие, казалось,
Безвозвратно навсегда.
Городок, давно знакомый,
Встанет вновь на косогоре,
И над ним, залитым светом,
Даль безоблачно ясна.
И бегут ручьи по склонам
В неумолчном разговоре,

И стучится в стекла окон
Синеглазая весна!
Наплывает, набегают, налетает
Пьяный ветер,
Зеленеет у заборов
Первый пух весенних трав.
И дома, и колокольни
Утонули в ярком свете,
Пар клубится над полями
От утра и до утра.
Память, друг мой, друг мой милый,
Ты расскажешь про былое,
В городок, залитый светом,
В нашу юность уведешь.
Все, что бережно и свято,
С детства сердце сохранило,
Все ты, друг мой неизменный,
В дни весенние вернешь!

ПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Весенний день к закату клонится,
На облаках узорна рябь,
И старой белой церкви звонница
Надела солнечный наряд.

Звонарь ступенями скрипучими

Взошел на звонницу с утра.
Клубилось огненными тучами
Подножье Божьего шатра.

И воздух был медово-сладостным
И по-весеннему томящ.
Со свежих трав под солнцем радостным
Земля снимала росный плащ.

«Ишь, как поля внизу раскинулись!» —
Сказал, в ладони поплевав,
Качнул язык, и в небо ринулись
Тугие медные слова.

Колоколов напевы падают
В весеннем воздухе с трудом,
И солнце яркою лампадою
Горит у врат в Господний дом.

МЫ — ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

Русская кровь — как брага:
Радостна и хмельна,
Сердце пьянит отвагой —
Мыслям и не до сна.

С крыльями наши мысли,
Взоры — острее стрел.
В земли чужие вышли
В поисках смелых дел
Наши отцы и деды —
Стала Москва тесна.
Славная цепь победы —
Русские имена.
В царство князька Кучума
Шел атаман Кольцо.
Волны Иртыш угрюмо
Гнал и шуршал гольцом.
И, рассекая волны,
Шел на Искерь баркас.
Души отвагой полны,
Зорок казачий глаз.
В море Меркурий Вагин
Вышел. На море льды.
Русской не сбить отваги
Вьюгам, не сбить, седым.
Сердце не зябнет в стуже,
Сердце кричит: «Вперед!»
Русская поступь стружит
Арктики синий лед.
Карта и компас, вы ли
К новым вели морям?
Русский из стали вылит.
Русский найдет и сам.
Разве и мы не те же?
Бражная кровь сильна.

Русской разрухи скрежет
Сердце не ранил нам.
Мы, как И наши деды,
К новой пошли земле.
Робости нам не ведать,
Нам ли от страха млеть?
Русское имя с нами.
Всюду пройдем мы с ним.
Русское наше знамя
В странах чужих храним.
Нам ли бояться стужи,
Нам ли страшиться ран?
Русская поступь стружит
Земли далеких стран.

«Весенний ветер...»

Весенний ветер
Поднял тучи пыли,
Пошли стадами
В небе облака.
Они сюда, ажурные,
Приплыли
Флотилией небес
Издалека.

Сегодня утром,

Может быть, под ними
Лежали степи
Милой нам земли...
Весенний ветер
Трепетный поднимет
Со дна души
Былого корабли.

Их паруса
Наполнит зноем жизни
И поведет
К далеким берегам,
К оставленной,
Но дорогой отчизне,
Весенним сном
Являющейся нам.

Опять поля
В цветочном ярком ситце,
И в пене яблонь
Тихо проплывут...
От зовов памяти
Нам никогда не скрыться,
Они всегда
Нас, властные, зовут.

Весною сердце

Молодеет снова.
Весною сердце —
Неустанный ткач —
Всей нашей жизни
Крепкую основу
Старается
Из прошлого соткать.

НИКОЛАЙ ЩЕГОЛЕВ

ОПЫТ

Одиночество — да! — одиночество злее марксизма.
Накопляешь безвыходность: родины нет, нет любви.
Содрогаешься часто, на рифмы кладешь пароксизмы,
Бродишь взором молящим среди облаковых лавин.

«Не от мира сего...» И горят синема, рестораны,
Ходят женщины, будят сознание, что ты одинок
На земле, где слывешь чудачком захудалым и странным,
Эмигрантом до мозга костей, с головы и до ног.

Эмиграция — да! — прозябанье в кругу чужестранцев,
Это та же тоска, это значит — учить про запас
Все ремесла, языки, машинопись, музыку, танцы,

Получая гроши, получая презренье подчас.

Но ты гордый, ты русский, ты проклял сомненья и ропот —

Что с того, что сознание трезвое спит иногда? —

Но себя ты хранишь, но встречаешь мучительный опыт

Не всегда просветленно, но с мужественностью всегда!

1932

ДИССОНАНС

Спрятанный в кlobук Савонарола

Близок мне с девизом: пост и труд...

А в соседней комнате — виктрола

И уют.

Чувствую, что с каждым часом чванней

Становлюсь, заверченный в тиски

Горестного самобичеванья

И тоски.

Но в припадке жесточайшем долга,

В свой афористический блокнот

Что-то заношу, смотря подолгу

На окно.

К желтым костякам фортепиано

Прикасаюсь скованным туше,
Думаю бессвязно и беспланно
О душе.

Пусть соседи под виктролу скачут
Вечером — лишь вынет диск луна —
Все равно: ударю наудачу
Диссонанс.

Если же случайно выйдет нежный,
Тихий, грустью задрожавший звук —
Приглушу его своей мятежной
Парой рук.

1930 Харбин

ОТ САМОГО СТРАШНОГО

Я стою у забора. Сквозь воздух вечерний
Долетает из дальнего сада симфония,
Вероятно, продукт математики Черни,
Виртуозности Листа, Сальери агония.

И какие созвучия! Чем обогреешь
Их полет? Прикасясь к ушам, холодят они
До мурашек, до дрожи. И тянет скорее

В освещенную комнату. Там благодатнее.

Там и легче. А утром, когда, обозленный,
Выбегаешь и щуришься, сутки прободрствовав, —
Воспаленные веки на вязах зеленых
Отдыхают от самого страшного, черствого.

ЖАЖДА СВОБОДЫ

Глаза глядят туда,
В далекие долины.
Слова готовы с уст
Сорваться навсегда.

Я пуст, как эта даль
За дымкой паутины,
И черен я, как туч
Текучая гряда.

Надвинулась весна.
Избитые мотивы
Подстерегают нас,
Как придорожный волк.

Зачем я — человек?

Души моей извивы

Пронизаны навек

Суровым словом: долг.

А даль — пестрей, пестрей —

Пересыпает краски.

Озимая трава

На солнечном костре.

И хочется стереть

С лица печать опаски

И разом оборвать

Обязанностей сеть!

ПОКУШАВШЕМУСЯ

Неделя протекала хлопотно.

К субботе ты совсем раздряб.

Пришел к реке, нырнул и — хлоп о дно!

Оставив пузыри и рябь.

Но на мостках матрос внимательный

Не потерял момента, и, —

Стругая гладь, спешит спасательный

Мотор, надежду затаив.

Прыжок. И вынут утопающий —
Свободе личности назло.
Ах, вымокшая шантрапа! Еще
Печалится: не повезло.

Беда! становишься ехидою,
Беседуя с тобой. Ты — тот,
Кто жизнь считает панихидою,
Тогда как жизнь — переворот.

Тогда как жизнь — великий заговор
Громов и ловля на лету Клинков,
взлетающих зигзагово
В нетронутую темноту.

ЗА ВРЕМЕНЕМ!

Устал с утра давиться
Идущей в такт со временем
Слепой передовицей
Газеты. Жизнь, согрей меня!

Не прихоть! Еле-еле

Теперь справляюсь с ленью я

К концу моей недели...

Мутит (перечисление):

От улиц, от традиций

Кивков, от «дам с собачками»,

Спешащих возвратиться

На мой закат запачканный...

Бывают люди сталью,

А жизнь — магнитом ласковым

Для них. Глядишь, пристали

Проворными булавками.

Бывают люди медью,

Как я. И нет проворства в них!

И — медлят, медлят, медлят,

Чтобы потом наверстывать.

Но в этот ад — в погоню

Вольют, как бы нечаянно,

Последнюю агонию,

Победное отчаянье!

В РАЗДУМЬИ

Что я? Калика перехожий, —
Смирился внешне и притих...
Жизнь смотрит искривленной рожей
На гордость замыслов моих,
И с горечью я понимаю,
Что я не все осуществлю, —
Но так безумно я мечтаю,
С такою верностью люблю,
Что даже и в часы лихие,
В болезни, в гнете и тоске,
Все мнится мне, что я в России,
А не в маньчжурском городке...
И в самом деле, в самом деле —
Иль не со мной моя тоска,
И покаянные недели,
И трепет сердца у виска —
Вся русская моя природа,
Полузадушенная мной?
И как я рад, когда порой
Веду себя, как иноземец, —
Холодный бритт, упрямый немец —
Как горд!..

Кровь моего народа

Во мне сияет новизной!

РУССКИЙ ХУДОЖНИК

Кидающий небрежно красок сгустки
На полотно, укрепленное в мольберт,
Художник — я, и, несомненно, русский,
Но не лишенный иностранных черт.

Люблю рассвет, холодный и линиялый, —
Нежнейших красок ласковый разлад.
Мечта о власти и меня пленяла,
Меня пленяла и меня трясла.

На всякий звук теперь кричу я: занят;
Но этим жизнь исчерпана не вся:
Вокруг враги галдят и партизанят,
Царапины нередко нанося.

Мне кажется, что я на возвышеньи,
Вот почему и самый дух мне люб
Французской плавности телодвижений,
Англо-немецкой тонкой складки губ.

Но иногда я погружен по плечи
В тоску и внутреннюю водоверть, —
И эту суть во мне не онемечит.
Не офранцузит никакая смерть!

Харбин

«Устаю ненавидеть...»

Устаю ненавидеть.

Тихо хожу по проспектам.

«Некто в сером» меня

В чьи-то тяжкие веки влюбил.

Устаю говорить.

Пресловутый и призрачный «некто» —

Надо мной и во мне,

И рога — наподобие вил.

Впрочем, это гротеск.

«Некто» выглядит благообразней, —

Только рот как-то странно растянут

При сжатых губах:

Таковы и лица людей в торжественный праздник,

Если отдыха нет —

Борьба,

Борьба,

Борьба!

Я себе говорю:

Мы сумеем еще побороться,

А пока

Стану петь,

Стану сетовать,
Стихослагать!
И пишу,
И пою,
И горюю —
Откуда берется
Лихорадочность музыки,
Бьющейся в берега?

Непонятно!

Ведь я потерял беспорядочность мнений.

Я увесист, как полностью собранный

Рокамболь.

Я лиризм превозмог.

Но недостаточно книжных сравнений,

Как прочитанное

Обернется в знакомую боль.

Через двадцать пять лет

Ты увидишь, что мир одинаков,

Как всегда,

И что «некуда больше (как в песне) спешить».

И, вздохнув, захлебнешься

В обилии букв и знаков,

Нот и шахматных цифр,

И запутанных шифров души.

ЗИМА БЛИЗКА

Все прозрачней воздух,

Все острее слеза,

Все синее звезды,

Все слепей глаза.

И дымятся трубы,

И бурлит река,

Холоднее губы,

Холодней тоска...

И зима близка!

ЗАГОВОР

Объединяются весна с луной

И на меня напасть приготавлиются,

Шушукуются, рыщут надо мной,

Шушукуются, рыщут, ухищряются.

Угроза новой затяжной любви...

Ах, не попасть бы из огня да в полымя.

Борюсь с собой, держу глаза, как Вий,

Прикрытыми ресницами тяжелыми.

Стихи читаю вслух и про себя,
Ритм создаю холодный, острый, бритвенный,
И рифмы обличительно скрипят...
Я — как монах, настроенный молитвенно.

Напрасный труд... Весна с луной сильней
Моих словес холодной окрыленности, —
Стихи становятся острее, больней,
Но даже им не одолеть влюбленности.

«Розовело небо, задыхался колокол...»

Розовело небо, задыхался колокол,
Искры разлетались.
Мокрый падал снег и стлался, стлался пологом,
И глаза слипались.

Старичок скользил, покашливал и щурился,
Переносье сморщив.
Яркие рекламы плавали над улицей,
До костей промерзшей.

Улыбались люди и друг друга под руку
Брали, кляли стужу.
Мчался сбор пожарных. Старичок шел бодренько.
Хоть и был простужен.

Но не грипп свалил его — цистерной медною
В перекрестке сбили.
И опять помчались с ветром люди бледные
В рев автомобилей.

И опять на сердце знак багровый чертится,
И опять я занят
Мыслями о смерти, о своем бессмертьице,
И — самотерзаньем.

Харбин

ЖИВАЯ МУЗА

Есть что-то сладкое в небытии,
Есть что-то притягательное в смерти,
Но эти узкие глаза твои
Такие светлые зигзаги чертят,
Что, кажется, не только умирать.
Но даже, даже вспоминать об этом
Грешно. Пусть клонит в сон — не надо спать!
Будь человеком твердым, будь поэтом
Не холода, а теплоты, не сна,

А бодрствованья; отвори объятья
Навстречу музе — светлая она...
Давно ли ей ты посылал проклятья
За девичий восторг, за чистоту?
Ах, мы меняемся, не знаем сами,
Когда же ангел нам укажет ту
Живую музу с узкими глазами!

.....
И странными становятся тогда,
И слышными как будто издалика
Мучительные вдохновенья Блока,
Несущие свой яд через года.

«Отряхни свою внешнюю скуку...»

Отряхни свою внешнюю скуку,
Пусть заблещут глаза новизной.
Протяни свою теплую руку
Без смущенья при встрече со мной.

Год назад неживое, как камень,
Сердце жжется, и чудом труда,
Чудом творчества сотканный пламень
Не угаснет теперь никогда.

Наши общие крылья во вьюгу

Никогда не повиснут, как плеть,
Наши души навстречу друг другу
Никогда не устанут лететь.

И, смеясь над боязнью былою,
Синим воздухом страстно дыша,
Знай, что пыльной маньчжурской весною
Иногда воскресает душа.

«Одно ужасное усилие...»

Одно ужасное усилие,
Взлет тяжко падающих век,
И — вздох, и вырастают крылья,
И вырастает
человек .

И в шуме ветра городского
И пригородной тишины
Он вновь живет, он верит снова
В те дали, что ему видны, —

Обласканные солнцем дали,
Где птицы без конца свистят,
Где землю не утрамбовали,

Где звезды счастием блестят...

Но облака идут волнами,
Как холодно и — что скрывать! —
Как больно хрупкими крылами
Уступы зданий задевать!

«От замыслов моих неподкрепленных...»

От замыслов моих неподкрепленных
Ни силою, ни верой, ни трудом,
От слов моих, всегда полувлюбленных,
Полупрохладных, как забытый дом,

От вечно спутанных и сероватых
Туч, копошащихся над головой,
И даже от просветов синеватых —

От всей земли, скользящей по кривой,
Бежать, бежать, бежать!.. — в какое царство?
О ложь, о бесполезное бунтарство!

СВЕТИЛЬНИК

Ночь, комната, я и светильник...
Какой там светильник! Огарок
Свечи...
Тик-так — повторяет будильник,
Мой спутник рассудочный старый
В ночи.

Час поздний. Но светоч чадящий
Внезапно разгонит дремоту
Совсем
И душу хватает и тащит
В былое — назад тому что-то
Лет семь.

В тот возраст, когда мы любили
И вечность в любви прозревали...
И вот:
у То странною сказкой, то былью
Вся жизнь из могил и развалин
Встает.

Мгновенное заново длится,
Истлевшее светится ярко
До слез...
Забытые вещи и лица —
Все снова при свете огарка

Зажглось!

7 апреля 1944

СИРЕНА

Сидит — поджатые колена,
Большие лунные глаза, —
Оцепенелая сирена,
Как затаенная гроза...

Как много, как ужасно много
Людей — в былом, теперь — калек,
Толчется у ее порога!
Один красивый человек
Теперь в нее влюблен. Печально
Он с ней до сумерек сидит.
Она не гонит, но глядит
С холодностью необычайной...

А по ночам — она — сирена —
Она — сирена — по ночам
Крадется в парк: дрожат колена,
И косы бьются по плечам,
Как перегрызенные цепи...
Стоят беседки. Месяц строг.
И — ждущий
фавн табачный пепел

С козлиных стряхивает ног.

ДВА ПОЕЗДА

Ты уезжаешь завтра. Солнце встанет,
И на вокзале соберется люд.

Ты уезжаешь завтра. Как в тумане,
Гремя, вагоны предо мной пройдут.

Свисток... Проклятый уходящий поезд
Умчит тебя в лазоревую даль.
Широкополой шляпой я прикроюсь —
Скрыть слезы, замаскировать печаль.

Жить — это ждать, ждать терпеливо, молча,
Неделю, месяц, — каждый день, как год...
О сердце жадное, о сердце волчье, —
В нем никогда надежда не умрет,

Что будет день, день жизни настоящей,
Рай на земле, осуществленный сон!..
И поезд милый, поезд приходящий
Стальной походкой содрогнет перрон!

ДЫМ

Я близок к устью
Больших дорог...
Я с той же грустью,
Я столь же строг,
Я так же занят
Одним, одним —
Ловлю глазами
Белесый дым...

Туман и сырость
Три дня подряд...
Таким я вырос,
И что ж! — я рад
Нести все время,
Всю жизнь мою
Себя, как бремя,
В разлад со всеми,
И даже с теми,
Кого люблю...

И через много
Шумящих лет
Я столь же строго
Взгляну на свет —
Да, он мне ближе,

Но — что скрывать? —

Ведь я увижу,

Что я опять

Все так же занят

Одним, одним...

Мильон терзаний!

Белесый дым!..

ГОНГ

Живешь, как говорится, полегоньку...

Сплошная трезвость, здравый смысл во всем.

Вдруг странный тяжкий звук, как будто гонга

Удар... И все меняется кругом.

Знакомый звук, как мир — больной и старый,

Пронзительный, надрывный и лихой...

Чайковский ждал такого же удара,

Бетховен, будучи уже глухой;

Толстой — насупленный, косматобровый,

В биеньи жизни звук тот различал,

И вздрагивал, и вслушивался снова,

И вышла «Смерть Ивана Ильича».

У Чехова «Вишневый сад», у Блока

Расцвел над бездной «Соловьиный сад»...

Везде — куда ни глянь! — над одинокой

Душой — мечи дамокловы висят...

И я, пигмей, — живу и торжествую.

Вдруг грянет гонг, и станет жизнь тесна,

И хочется проклясть ее — лихую,

Прогнать ее и прыгнуть из окна...

В такие дни влачится тупо время.

Живешь в каком-то гулком колесе,

Ругаешься и плачешься со всеми —

Другой и все-таки такой, как все...

Как все, как все... Нет певческого дара.

Ну что ж! приду домой, напьюсь тайком

И буду до надсады «

Две гитары » —

Мотив давнишний, затхлый, стертый, старый,

Мне в уши занесенный ветерком,

Себе под нос мурлыкать тенорком.

ДОСТОЕВСКИЙ

До боли, до смертной тоски

Мне призраки эти близки...

Вот Гоголь. Он вышел на Невский

Проспект, и мелькала шинель,

И нос птицеклювый синел,

А дальше и сам Достоевский

С портрета Перова, точь-в-точь...

Россия — то вьюга и ночь,

То светоч, и счастье, и феникс,

И вдруг, это все замутив,

Назойливый лезет мотив:

Что бедность, что трудно-с, без денег-с.

Не верю я в призраки — нет!

Но в этот стремительный бред,

Скрепленный всегда словоерсом,

Я верю... Он был, и он есть,

Не там, не в России, так здесь.

Я сам этим бредом истерзан...

Ведь это, пропив вицмундир,

Весь мир низвергает, весь мир

Все тот же,

его , Мармеладов

(Мне кажется, я с ним знаком)...

И — пусть это все далеко

От нынешнего Ленинграда!

Но здесь до щемящей тоски

Мне призраки эти близки!..

МИХАИЛ ЩЕРБАКОВ

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Арсению Несмелову

Упрямо винт сверлит пучины,

В каюте сухо и тепло,

А рядом пенные вершины

Бьют в борт и в толстое стекло.

Еще этап, еще потери,

А думал — нечего терять!

О, сердце бедное, в безверьи

Ты вновь обречено стучать...

Ушсса дом манил во мраке,

И Пенелопа за станком, —

Мы, Одиссеи без Итаки,

Каким прельстимся маяком?

Не все равно ли, где оставить

След мимолетный корабля:

В коралловых морях истаять,

Иль резать льдистые поля?

Нам каждый берег будет чуждым,

Ненужной каждая земля,

Пока под облаком жемчужным

Не заблестят кресты Кремля!

1922 Желтое море

СОВРЕМЕННОСТЬ

Борису Бета

Когда-то царственным венцом

Венчался вождь сердец — певец,

И свитки пламенных канцон

Хранил раздушенный ларец.

Теперь же должен ловчий слов

Идти на грубый лов монет,

И сыпать жемчуга стихов

В надменный крик столбцов газет.

Но не пропустит зоркий взор
Среди реклам и жирных строк
Твоих стихов простой набор,
Как в щелчке — голубой цветок!

МАГИ

Нет, мы не люди — мы древние маги,
В башнях чертившие свой гороскоп;
«Было» и «будет» связав на бумаге,
Ждем прохожденья завещанных троп.

Варваров орды гудят под стенами,
В шлемах у латников волчьи хвосты;
Светоч Психеи мерцает над нами:
Мы не опустим цепные мосты.

Крошатся глыбы под медью тарана,
Кровью запятнаны мышцы гонцов,
Но не воскурим чужим истуканам
Тайными знаниями наших отцов!

Выше, все выше витыми ходами:

Бездне и смерти посмотрим в лицо!

Светоч Психеи мерцает над нами,

Внукам несем Золотое Яйцо!

1925

СООТВЕТСТВИЕ

Взойти ступенями, внизу оставив гам,

Промеж гранитных псов и темнохвойных сосен,

И вдруг над кленами, чей лист кровавит осень,

В сквозистом воздухе — резной на сваях храм.

Амиде ли, Фудо или иным богам,

Которых вид свиреп и смертному несносен,

Кому ты посвящен? Кому в рассветах весен

От белых пышных груш исходит фимиам?

В ограде лаковой пространство мерит шагом

Старушка в кимоно, свершая свой обет,

И звонко падает мольба ее монет.

Так дальний костромич в часовне над оврагом,

Соседа постучав по тощему плечу,

Направит «к Празднику» семишную свечу.

1922 Фузан. Корея

ЖЕНЬШЕНЬ

Л. А. Зандеру

Того, кто волей тверд и помыслами чист,
Проводят гении лесистым Да-Дянь-Шанем
В извилистую падь, к затерянным полянам,
Сокрывшим зонт цветов и пятипалый лист.

Но злобны демоны, владыка-тигр когтист:
Не торопись звенеть серебряным данном
Под вязью вывески торговца талисманом,
Где пряных зелий дух и горек, и душист.

Сложив шалаш, постись! Из недр росток женьшеня
Сбирает старику любовные томленья
И смертному двоит даренный Небом срок.

А в мглистый час Быка, созвездиям покорен,
С молитвой праотцам бери олений рог,
И рой таинственный, подобный людям, корень.

ГАНЕША

У розовых развалин в буйных розах
Укрыл воздушными корнями баниан
Старинный жертвенник, и в кружеве лиан
На плитах воины в даронесущих позах.

Горящим обручем лампад обрамлена,
Синеет в мраморе таинственная ниша,
Где дремлет в лотосе, глухие гимны слыша,
Большая статуя премудрого Слона.

В ногах у Ганеши лег ворох полумертвый
Душистых венчиков, янтарных, как заря;
Рассыпан крупный рис на плитах алтаря,
И медь блестит, устами дев истерта.

1920 Кэнди, Цейлон

КУРИЛЬЩИК

Малаец курит. Воспаленный взгляд
Прикован желтым огоньком светильни.
В углу, над палубой пустой и пыльной,
Дым опиума стелет сладкий яд.

Весь день грузили. Плечи, грудь болят...
Упал туман, горячий и обильный,
Но белый человек, колдун всесильный,

Зажег шары сверкающих лампад.

И наглый мертвый свет неумолимо

Бьет яшмово-коричневую грудь.

Вдыхая благодать святого дыма,

Дрожит иссохший стан. Зрачки — как ртуть,

Но узколобое лицо надменно:

Он курит — что ему до всей вселенной?

1921 Сингапур

СТИХИ ИМПЕРАТОРА ЮАНЬ-ХАО-СЯНЬ

Надпись на фарфоровой чашечке в Яшмовой зале музея Гимэ, в Париже

От грусти осени темнее сумрак леса,

А тени облаков вечернюю несут прохладу.

К растениям водяным прильнули рыбы в каменном бассейне,

И гуси дикие на инее песчаной мели отдыхают.

Начертано Императорской кисточкой в один осенний день года У-Чже

ЯПОНСКИЙ ХРАМИК

М. Урванцеву

Коричневый дракон изваян в потолке;
колючие хвосты сползают по колонкам.

На лаке алтаря зеркально-ломком
нефритовый божок уселся в уголке
и пухлым улыбается ребенком.

Внизу — огромный и горбатый черный краб —
потрескавшийся гонг старинных церемоний,
и бронзовых курильниц ряд зеленый.

Приятно приторен и ароматно слаб
увядший запах прежних благовоний.

1922 Шимоносеки

ТАНКА

Белокрылая

Стайка бабочек дрожит

На ветвях с утра.

Нет, то слива расцвела
У взмутненного пруда!

ВИШНЯ

Холодно.

На бумажном окне, за решеткой бамбука,
карлик-вишня в чашечке синеузорной.

Долгая мука
искривила росток непокорный...

Плачет одна горбатая ветка
розовым роем цветков.

Переплет тростников —
как клетка.

1920 Моджи, Япония

ФОНТАН

Китайская вышивка

Фон — темно-шелковистая листва.

В кольце из бархаток оранжевых — фонтан
роняет на папирусы серебряные капли.

Над притаившейся водой краснеют листья;
их отраженья, оторвавшись,
поплыли стайкой рыбок золотых.

Среди фаянсовых зеленых ваз
лиловы бабочки гелиотропа,
а около нарциссов золотых —
лазурный зимородок с длинным клювом.

Вдали, меж сосен, видно море
и облака прозрачно-розовых вершин.

1921 Гонконг

НА СЕВЕРЕ

Бубен

А. П. Ющенко

Сопки сегодня с проседью,
Иглы льда у отлива;
К самым поварням[39] осенью
Нерпы легли лениво.

Скоро с гор на равнину
В нартах скочуют тунгусы;
Будут менять пушнину
На спирт, бисер и бусы.

Хилый старик зашаманит
Ночью в угарной юрте;
Бубном огромным грянет —
Грозный, хмельной и юркий.

Пламя костра ответит
Бубну тревожной дрожью,
Зайчиками расцветит
Кагаглю[40] из красной кожи.

Бубна тупые удары
Вырвались из юрты в селенье:
Бродят по стуже чары,
Жметя табун олений,

И вокруг луны возникает
Круг ледяной и туманный:
Глаз Аннанэля[41] мигает —
Слышит он бубен шаманий!..

1923

«Когда в аду встречались Данту...»

Как Данту — подземное пламя
Должно твои щеки обжечь.

В. Брюсов

Когда в аду встречались Данту
Милльоны трепетавших душ,
Когда король лобзал инфанту,
И к Дездемоне крался муж;

Когда Франческа да Римини
Прочла, как умер Ланчелот,
И Фауст к Броккенской вершине
С проклятым направлял полет —

Я с ними был. За их плечами
Меня сжигал огонь сердец
И ранил острыми мечами
Страстей безрадостный конец.

Но если страсти и страданья
Теперь затоптаны толпой,

Поэт их ждет среди скитаний

Своей мятущейся душой.

«Ветер весною вишневый мой сад осыпает цветами...»

Ветер весною вишневый мой сад осыпает цветами;

Милая, тело твое — розовый жемчуг весны!

Летом брожу у дверей, истомленный любовью и жаждой;

Милая, лишь поцелуй жажду мою утолит!

Осенью роза роняет на мрамор усталые листья;

Милая, розою будь: сбрось предо мной лепестки!

Волны зимою выносят на берег немало богатства;

Милая, нашу любовь тоже зима принесла!

ВАМПИР

Когда бродячий пес вещает срок живого,

И скрип сухих осин, назойлив и визглив,

На самом дне души царапается снова,

И, камень времени от склепа отвалив,
Из тьмы встает вампир, как Лазарь воскрешенный,
И в ржавой плесени когтистых крыл извив.

В могиле не потух твой рот окровавленный,
Как прежде бел и остр неровный ряд зубов,
И бледен хищный лик, и узкий, и влюбленный.

Полуночный палач! Всю лаву южных слов,
Все рудники души, молитвы и пороки
Ты жадно высосал в кошмаре знойных снов,

Когда багряный серп, как язва на востоке.
И страшны мне живых пытливые зрачки:
Я — гроб ограбленный, пустой и одинокий,

Где зреют в трещинах седые пауки...

У БЕСЕДКИ

Вы ускользнули с медальона
Времен Мари Антуанетт,
Который мне оставил дед;

Вы ускользнули с медальона,
Но на эмали — шелк роброна,
Парик, и фижмы, и корсет
Времен Мари Антуанетт.

Я помню черные ресницы
И глаз египетский разрез:
Ведь он доселе не исчез!
Я помню черные ресницы,
Чуть резковатый профиль птицы,
И пальцы, полные чудес,
И глаз египетский разрез.

И чудится: встречался с Вами,
Шептал изрядный мадригал
В ротондах опустевших зал...
И чудится: встречался с Вами
И вечерами в быстрой гамме
Духов, сандалов и зеркал
Шептал изрядный мадригал...

«Двенадцать строк пропели мне...»

Двенадцать строк пропели мне
Подарок робкий и нежданный;
Так мореходу — на волне

Вдруг огонек мелькнет желанный.

Когда я думаю о Вас,
Я вижу лес в смятеньи вешнем,
И влажный блеск лучистых глаз,
Который хочет быть безгрешным.

Но разве грех, когда в коре
Берез могучий Эрос бродит,
Иль в буреломе, на горе,
Себе подругу лось находит?

Рога в крови, протяжен рев,
И клочья шерсти на отлете...
Так неужели этот зов
Вы тоже грешным назовете?

«Больше года не слышал пули...»

Больше года не слышал пули.
Не летал, не встречал друзей;
Вы жар-птицею впорхнули
В пустоту раскаленных дней.

Тридцать суток был болен Вами —
Ни задуматься, ни писать.
Только в памяти вечерами
Целовал Вашу медную прядь.

Ворожил из бетонных будней
Суховатый и странный рот,
Но теперь, вместо сладких лютней,
Завывает о страсти фокстрот.

И не медленная мандолина,
Над подстриженным парком паря,
Колыхает края кринолина
В круге розового фонаря!

«Ты вся — как терпкое вино...»

Ты вся — как терпкое вино,
Твои движения крылаты,
И странно: крыльев не дано
Плечам, по-девичьи покатым.

Ты вся — стремленье, вся — полет,
Ты — Никэ на носу триремы,
И мчится складок хоровод,

Как ритм любимейшей поэмы.

В твоих порхающих шагах,
В точеном, легком, нежном теле,
Отважно-ласковых руках
Былые весны мне запели,

И я хочу лететь с тобой,
Не озираясь на преграды,
Единоборствуя с судьбой
За долгожданные награды!

ПЕСНЯ О КАМНЕ

Ольге Тельтофт

I

Камень суров и спокоен,
Неповоротлив на вид,
Но приглядитесь: он строен,
Сколько свершений таит!

Камень в кольце королевы.
Камень измолот — в пыли,
В каменном панцире чрево
Пламенно-жидкой земли.

Жизни прообраз — в кристалле:

Творческий в гранях расчет;
В форме, застывшей в начале,
Радужно камень цветет.

Но бирюза, изумруды,

Слишком истерты толпой:
Взглянем на мощные груды,
Спящие в толще земной.

II

Пращур косматый и древний

В гари пещерных костров
Камнем обтесывал кремни
Для боевых топоров.

Выточил острые стрелы,

Тверже, чем мамонтов клык:
Ими, упорный и смелый,
Бил ледниковых владык.

Бросив кремневые сверла,

Гнал табуны среди степей —
Выпить горстями из горла
Кровь захрапевших коней.

Шили сутулые дети
Жилами в рыбьей игле,
Жар сохраняя столетья
В крытой костями золе.

III

Вертится шар... Подо льдами
Жарче дохнули моря;
Первый божественный пламень
Плиты лизнул алтаря.

В реве стихий — перемены:
Требуют жертвенных мук;
В рощах дубовых дольмены
Грубо смыкаются в круг.

Возле курганов отчизны
Плоские идола баб
Видели скифские тризны,
Падал заколотый раб.

Липкою кровью согретый,
Камень родил колдовство:
В каждом кристалле — приметы,
В каждой скале — божество.

IV

Ярче забрезжили боги,
Тверже их воля велит:
Храмы им нужны, чертоги,
Серый и красный гранит.

Циркулем скалы обмерив,
Полировали песком;
В зное застывшие звери
Сжали Египет кольцом.

Ходом пробитый песчаник —
Мумиям верный приют;
Царь пышносвитный и данник
В охре на стенах живут.

Солнца законы суровы
В иероглифных строках:
Камень, израненный словом.
Слово лелеет в веках.

V

В царствах низовий Евфрата —
Клином заостренный знак;
Бык пятиногий, крылатый
Серый дробит известняк.

Мысль улетала все выше,
Звездный исчислен полет,
Строит ступенчато крыши
Чернобородый народ.

Ведомы злобные силы
Бесов пустынь и чумы,
Но амулеты — бериллы
Щит пробив ангелов тьмы.

На плитняке, в барельефах,
Шествуют важно вожди:
Круглые мышцы в доспехах
С камня не смоят дожди.

VI

Вот в белый мрамор Пароса
Звонко внедрилась кирка:
На корабле остроносом
Камень белей молока.

В мраморе — мир задремавший,
Сонм олимпийских богов;
Каменщик, гением ставший,
Их разбудил из оков.

Знаем недаром преданье,
Будто бы камень ожил:
В статую страстную дланью
Мастер дыханье вложил.

В тихих триклиниях — гермы.
Лики уснувших отцов;
Стройные храмы и термы
Мрамором славят творцов.

VII

Знали и позже, что в рудах
Скрыт заповеданный мир:
В каменных толстых сосудах
Жизненный зрел эликсир.

Тяжки подвальные глыбы,
Трепет светильников хил;
Вопли подъятых на дыбы
Камень в себе задушил.

В панцире каменных башен
Встали в горах города;
Хлынула в борозды пашен
Красная кровь, как вода.

Глянули окна часовен
В стрельчатый сдавленный свод
Камень узнал, как греховен
В исповедальнях народ.

VIII

А короли погибали,
Вера скудела в сердцах...
Ввысь небоскребы из стали!
Вниз — купола на церквах!..

И, сокрушая святыни
Натиском мертвых машин,
Смерч обращает в пустыни
Лоно цветущих долин.

Души теперь не крылаты,
Чудо ли нас изумит?
Камень, из жизни изъятый,
Злобно и медленно мстит.

И не на вечных порфирах,
И не на стойких камнях
Вписаны наши стихиры
О лихорадочных днях...

IX

Но иссякает Природа,
Вижу в тумане веков:
Встанут и сгинут народы,
Дети последних отцов.

Будет, о, будет мгновенье
Смерти всего, что живет —
Каждая клетка растений
Втянется в круговорот...

И на потухшей гробнице,
В холоде звездных лучей,
Зашевелятся частицы —
Семя оживших камней.

Тайна сия велика,
Нам ли ее обнять?
Жизни иной, многоликой,
В камне-кристалле печать!

1922–1943 Владивосток — Шанхай

ВИКТОРИЯ ЯНКОВСКАЯ

ЯПОНСКИЙ ВЕЧЕР

В окно мое смотрятся горные вишни...
В окно мое смотрятся пики хребтов...
Вдали разбиваются волны чуть слышно
В бетонные линии серых молвов.

Ты знаешь ли ветер душистый и теплый?
Он в вечер японский скользит в городах,
И сыплются звезды осколками стекол,
И жутко, и странно мне в чуждых садах...

Гитары японской кот
о в отдаленны
Щемящий и с детства знакомый надрыв...
Средь рам раздвижных и в сквозном углубленьи
Слегка резонирует странный мотив.

А запах поджаренных свежих каштанов
И возглас, понятный мне: «Кори-мам
э »,
С далеких и ближних прошедших экранов
Мгновения жизни сближают в уме...

ЧЕТЫРЕ КАКЕМОНО

Из цикла «Японской кистью»

Весна

Шляпы, шляпы, шляпы — зонтики,

А под ними пары голых ног.

Поле водное на ломтики

Тропки режут вдоль и поперек.

Руки липнут в грязной слякоти;

В них зеленые росточки: рис,

Как надежды, садят шляпы те —

Всю весну качаясь вверх и вниз.

Лето

Вечер. Тихи лягушек дуэты.

Спелся даже с цикадой кузнечик!

И ласкался — заметило это —

С черной бабочкой розовый венчик...

На огонь от моей сигареты

Светлячок налетел по ошибке...

А луна — ты придешь для поэта,

С ним деля одинокость улыбки...

Осень

У щита золотой нимб.

Он червлёный. На нем ворон

И сухая ветка под ним...

В отдаленьи — черные горы.

Кто свой мрачный герб бросил?

Не Вселенная ли? Нет!

Это вид. Это только — Осень

И луна, пролившая свет.

Зима

Ветром прорвано бумажное оконце:

Чья рука по фолиантам бродит ровно,

А другая зябко жметя над жаровней?

Тонкая, точеная рука японца...

Вижу чайничек с дымящеюся чашкой,

Ноги скрещенные, пестроту подушки...

Но прихлопнул ветер дырочку, как вьюшку,

И чужая жизнь навек ушла из вашей!

1930 Корея Виктория Янковская и Елизавета Кауфман,

жена редактора журнала «Рубеж». Корея ,

1934 г.

СЧАСТЬЕ

Из цикла «Японской кистью»

Подо мной долинныи шири.

Цвета неба веер в руках,

А на нем нарисован ирис:

Вверх и вниз четыре мазка;

Он один, как и веер этот;
Тень от бабочки села вдруг:
Показался на шелке трепет?
Или это от дрожи рук?..

«Жить хотите в веере, бабочка?
Этот ирис я вам отдам —
Неживой, не отцветет, не в вазочке...
Вы же знаете: счастье — обман!»

Тень от бабочки на неживом ирисе...
Разве это не счастье само?
Потому что счастье — вымысел.

Сейсин, Корея

ПОБЕГ

Ужасны вы, ненужные часы!
Обычно, август, ты мне их бросаешь.
И, путаясь в кустах среди росы,
Я ласковые веточки кусаю.

В такие дни бегу я не хребтом:
Пересекая яростно отроги,

Туман вдыхаю воспаленным ртом,
О скалы расцарапываю ноги!

Промокнуть и продрогнуть бы насквозь!
Устать бы, наконец, до бессознания!
Побольше шрамов, ссадин и заноз,
Побольше внешних острых задеваний...

Заглохнет и затупится внутри
То, для чего нет места в этом мире,
И четкие корейские хребты
Опять предстанут радостней и шире.

1932 Корея

ГУСИ

Это ночью пролетали гуси —
Над уснувшим городом большой табун;
Но от крика их всегда проснусь я,
Точно в душу сна вонзается гарпун!

Этот звук всегда одно и то же:
Беспокойная тоска, стремленье вдаль...
Весь инстинкт бродяжий растревожит,
Сдернет память драпирующий вуаль.

Вижу тающие озеринки,
И протоки за шуршащим камышом,
И ледок последний — паутинка —
Исчезающий под утренним лучом.

Распушились вдоль по речке вербы,
И тальник набух и покраснел в ветвях,
Задрожат охотничьи нервы,
Сердце, мысли — в пролетающих гусях.

Пойнтер мой проснулся, поднял уши
И, повизгивая, закусил губу...
Милый, мы с тобой родные души —
Бросим город весь за фанзу иль избу.

Чтоб она у озера стояла,
Где на зорях отдыхает дикий гусь,
Где багульник расцветает в скалах,
Где была нам незнакома эта грусть...
Пойнтер милый, разве это мало?

Синьцин

ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТ

Все в красочном осеннем оперенье,

Как распустивший хвост фазан-петух,
Крадусь с двустволкой вдоль озер в волненьи
И, точно пойнтер, напрягаю слух.

Слетают утки всплесками приборя,
«На юг! На юг!» — октябрьский их девиз.
Ах, поменяться бы своей судьбою
И с птичьего полета глянуть вниз!

Нежданно — смерть от маленькой дробины,
Зато в полете вечном жизни путь,
И мир просматривать, как ленту кино,
И где понравится — там отдохнуть.

Осенняя утиная фиеста!
И бесконечные простор и ширь!..
А мы — рабы друзей, вещей и места,
Нам узы эти — тяжелее гирь.

И, наглядевшись, я стреляю в стаю...
Опомнись. Не завидуй облакам!
Мгновенно жизнь утиная простая
Безвольно падает к моим ногам.

И всплески судорожно будят воду...

Луна за горизонтом жжет костер.

Осенняя вечерняя природа

Роняет оперенье вглубь озер.

ВЕСНОЙ

Мы блуждаем весною втроем

В зеленеющих парках столицы.

Над весенним, но мутным ручьем

Одуванчик цветет златолицый.

И сирени, и яблони тут

Непохожи на грустных невольниц —

Так обильно, космато цветут...

Мне за них не обидно, но больно.

Две-три пагоды выгнули вдаль

Темно-красные стильные крыши;

Горизонт — перламутр и эмаль,

Небо майское радостью дышит.

И, как новая вольная мысль,

Как контраст старины с современным, —

Самолет чертит гордую высь

И в душе зарождает волнение.

Синьцин

НЕДАВНО

Недавно я видела южное небо

И даже колосья пшеницы...

Красивы прообразы нашего хлеба,

Колосья, как стрелы-ресницы.

А южное небо совсем не такое —

И глубже оно, и звездистей.

Но режут экспрессы пространство любое,

Я снова в стране этой льдистой.

Здесь реки не синие — реки в оковах.

Под небом беснуются галки,

Предвестники зим неприятно суровых...

Мне лета минувшего жалко!

Синьцин

«Точно раковина, небо на закате...»

Точно раковина, небо на закате

Отливает перламутром и багровым,

И луна дневное бёленькое платье

На глазах сменила золотым покровом.

И в неверном этом переходном свете
Почернели чайки и взвились, как листья, —
Как сухие листья, что взметает ветер,
Как мазки небрежной своенравной кисти.

Я сама не знаю, как случилось это,
Заволнилось море, стал прозрачен воздух...
И — ушло опять незримо быстро лето,
Как, срываясь в ночь, летят в пространство звезды...

Корея

ХАРБИНСКАЯ ВЕСНА

За белой мартовской метелью
Пришла немедленно весна,
В саду запахло талой прелью,
Природа тянется со сна...

Каток расплылся желтой кашей —
И голуби снуют по ней:
Урчат, блаженствуют и пляшут —
Их шейки — радужней, синей.

По-новому грохочут звонко

Составы поездов вдали.

А в воздух — золотой и тонкий,

Исходит нежность от земли...

Не служат ей помехой трубы,

И копоть не мешает ей —

Весна скользит в глаза и губы,

Добрее делает людей!

ОТ ОДНОГО КОСТРА

Кто мне раздвинул широкие скулы,

Бросил зигзаги из черных бровей?

В леность славянскую круто вогнулись

Злобность и скрытность восточных кровей.

Беженству рад, как дороге скитаний,

Любящий новь непоседливый дух:

Чувствую предка в себе, Чингисхана,

И устремляю в минувшее слух...

С ухом прокушенным конь иноходный

Мчится по Гоби душисто-сухой:

Раньше не знала бы этой свободы,

К возгласам крови была бы глухой!

Плоское звездное небо над нами;

Бледный костер поедает аргал;

Пахнет уставшими за день конями;
Воет в степи боязливый шакал.

Наш огонек замечают другие:

Вот подскакал любопытный монгол —
Черные космы и скулы тугие.
Делим свой вкусно кипящий котел.
Это — мой брат, разделенный веками,
Лег на кошму и запел в темноту.
Теплый аргал разгребаю руками —
Миги из жизни тихонько краду.

Из двадцати семь столетий откинув,

Вижу идущей себя по степи:

Неизгладимые в сердце картины —
Годы не могут их тьмой окропить...
Годы не могут отчерпать из крови
Влитую Азией в тело струю,
И над глазами раскосыми — брови
Часто чернеют в славянском краю.

1930

У ГРАНИЦЫ

В хижине у озера далёко,
Где проходит русская граница,
Я живу... и думаю жестоко

О стране, которая мне снится...

Там вдали, на плоском побережье,
Бродит пограничник цвета хаки.
Между мной и тем река мережит
Синей ниткой земляную скатерть.

Мне преградою не эта речка...
Путеводные сгорели вехи.
И не перекинуться словечком
Со страной, где слезы даже в смехе...

.....

Больно стыннут мысли... Недалёко
В дымке горизонта, за границей —
Белый дом... мой дом... Но жизнь жестока,
Без конца и вечно только снится...

1935 На берегу реки Тюмень-Ула

«Весенними влажными днями...»

Папе-Тигру

Весенними влажными днями
Одна я блуждаю с винтовкой.
Пересекаю часами
Овраги, долины, сопки.

По-разному смотрят на счастье.

По-разному ищут дороги.

А мне — побродить по чаще,

В росе промочить ноги.

И сердцем дрожать, как собака,

На выводок глядя фазаний,

А ночью следить из мрака,

Как угли пылают в кане.

Такие простые явления,

А жизни без них мне не нужно.

И здесь, в горах, в отдаленье,

Мне кажется мир — дружным.

1934

Я ЖДУ

Кузине-Фиалке!

В старой заброшенной хижине

Я развела огонек.

Стелется пламя униженно

Возле смуглеющих ног.

Ты же тропую окольною
На огонек мой придешь.
Сумерки дрожко-стекольные
Лезут в отверстия рогож.

Синее, звездное, вечное —
Сдвинулось складками штор...
Счастье осеннего вечера
Ссыпалось в этот костер.

1928

«В чаще, где пахнет грибами...»

В чаще, где пахнет грибами,
Хвойными талыми смолами,
Я пробираюсь за псами —
Дикая и полуголая.

Как раскричались цикады!
Путь мой запутан лианками...
Вновь ничего мне не надо!
Снова я стала
Тарзанкою !

1936

БАГУЛЬНИК

Пора была вам распуститься лишь весной,
Цветы багульника малиновых оттенков,
Но, в вазочку поставленные мною,
Вы распустились вдруг на тонких ветках...

На улице зима и снег еще белеет,
А вы нежнейшими дрожите лепестками,
И листики тихонько зеленеют,
Глядя кругом весенними глазами.

Вам преждевременное пробужденье странно?
Вам кажется — судьба цветочная ошиблась?
Нет, — каждого
не поздно и не рано —
По предопределенью сердце билось.

1930

«Ночью я зачиталась нечаянно...»

М. С. Рокотову-Бибинову

Ночью я зачиталась нечаянно.
Вышла в сад. Все уже голубое.
И луна — точно роза чайная
За рассветным туманным прибором.

Сразу тополи стали глазастыми,
Растопырив ресницы впервые;
А движения ветра вихрастого
Провели по песку кривые.

Это май бросил ландыш с азалией
На хребты исполинской горстью...
Ты весна моя радостно-шалая!
Ты, душисто-крылатая гостья!

1930 Сейсин

ШАНХАЙСКОЕ

Б. Л. Суворину

На Французской Концессии есть пустыри,
Где могилы китайцев буграми;
Где трава, как в деревне, цветами пестрит;
Где плакучие ивы ветвями
В нежно-желтеньких почках качают весну...
Где свистят настоящие птицы —
Не из клеток... где я почему-то взгрустну
На горячих кусках черепицы...

Наш асфальтовый серый унылый пассаж
С целым рядом домов трафаретных —

Затенит на мгновение далекий мираж.
Проскользнувший в цветах незаметных:
Золотой одуванчик увижу я вдруг...
Вспомню пастбище в нашем именье!
Молодых лошадей, коз и клеверный луг,
Белый замок внизу в отдаленье...

Но... пронесся зачем-то крикливый мотор!
Задрожал и поник одуванчик
На печальный китайский могильный бугор,
Прошептал: «Извини, я — обманщик...»
Я жалею цветы городских пустырей
И забытые всеми могилы...
А посаженных в клетки пичуг и зверей
Я бы всех навсегда отпустила...

И корейским цветам расскажу я потом
Про смешной одуванчик шанхайский,
Что могилу считает высоким хребтом,
А пустырь — обиталищем райским!
И про то, как, забывши свой грустный удел
И раскрыв золотистые очи,
В этом городе плоском мгновенно успел
Одуванчик меня заморочить...

1929 Шанхай

СКАЛА-БУДДА

Здесь море, шиповник, песок раскаленный.

Цветы голубые морского царя[42],

И я — человек, перед ним оголенный,

Сливаюсь с песком. Я желтей янтаря.

Второй человек — это Будда из камня.

Природа швырнула его на скалу —

С ним встреча сегодня случайно дана мне:

Ему поклоняюсь, его я люблю.

Теперь поняла я пристрастие к растениям:

Он травы велел мне в потоки кидать;

Их жизнь берегу я с языческим рвением —

За лишний цветок может он покарать!

Спокойный и серый. Он к морю очами,

А справа и слева огни маяков.

Он их наблюдает густыми ночами,

От скал отстраняя слепых моряков.

Шиповник малиновый, белый ползучий

И плющ — все по скалам стремится к нему...

Твое ли ученье, приказ ли твой лучший

Я в лунную ночь эту точно пойму?

1929 Лукоморье

БУДДА И Я

Разбросаны в небе лохмотья
Багровые в серых штрихах,
А море в закатной дремоте
Качается в берегах.

На пляже песчаном и нежном
Беседуем с Буддой одни,
Следя, как меняют одежды
Горячие летние дни.

Он тихо спросил о желаньях —
Он каменный, вечно немой.
И с грустью, услышав молчанье,
Задумался надо мной.

Но я прочитала в ответе:
Не думай о них никогда,
Дано больше многих поэту —
Все прочее суета!

1932 Лукоморье

ОСЕНЬ

Только слышать шумы буйных сосен.
Только видеть взвихренное море!
Это ты — прекраснейшая осень,
Ты летишь ко мне, ветра пришпорив.

Куришь смолы пряных ароматов
И бросаешь огненные блики.
Но воинственно блистают латы
Сквозь просветы девичьей туники.

В солнце — обжигающая нега.
В ветре — всепронзающая стужа.
Горизонт сверкает в блеске снега,
Волны мечутся в обрывках кружев.

А вокруг еще пылают клены,
И синее неба генцианы,
И томящие, как зов влюбленной,
Звуки неба — птичьи караваны.

1938

«Звонящие волны чумизы...»

Звонящие волны чумизы
И сжатый созревший ячмень.

Под летним полуденным бризом

Им шевелиться лень.

Иду по полям бороздою,

Иду, улыбаюсь и жду:

Какою наделишь мздою?

Какую пошлешь звезду?

ВЕЧНОСТЬ

Михаилу Щербакову

Луна, как нерпа золотая,

Нырять в облачных волнах,

А моря гладь лежит, блистая,

И плещется в дремотных снах.

Хребет богатырем уснувшим

Глядит на небо сквозь века.

Кто знает больше о минувшем,

Чем волны, скалы, берега?

Песчинкой на песке у жизни

Проходит бытие людей:

Печали, радость, укоризны —

Вот чем полны осколки дней...

А вечность проплывает мимо,
А вечность окружает нас —
Она одна, одна не мнима,
Непостижимая для глаз...

Глядите в море, в звезды, в небо,
Послушайте лучи луны:
Там вечность совершает требу...
Все остальное — только сны...

Все остальное — преходяще.
Есть мы иль нет, а жизнь течет.
Роса горит в сосновой чаше,
Земля свершает оборот...

А Вечность — мудрая, простая,
Лежит вокруг меня в песках.
И, точно нерпа золотая,
Луна ныряет в облаках.

1940 Лукоморье

НА ПЕРЕЛЕТЕ

Ландшафт Маньчжурии равнинный

Уходит в даль бескрайнюю.

Над ним царит гомон утиный —

Беседа птичья тайная.

Из затонувшей старой лодки

Я наблюдаю озеро:

Закатный пурпур сетью тонкой

На камыши набросило.

А перелетной птицы стаи

Из неба, как из вороха.

Летят, летят и где-то тают...

И вкусно пахнет порохом...

1942

«Шелестит тальник. Журчит, звенит река...»

Шелестит тальник. Журчит, звенит река.

Пухнут в синеве снежками облака.

И жужжат-гудят печальные шмели.

Пляшут бабочки над илом на мели.

Растворяюсь в синем небе и воде.

Я ли всюду? Или нет меня нигде?

Или это ощущение бытия?

Может, нет меня и вовсе я — не я!..

Мне теперь бы только речкою бежать...

Ни о чем не знать, не помнить, не страдать...

Колыхаться в тальниковых берегах...

И не думать о людских больных делах...

Зеленеют томно-сонно тальники.

Плещут рыбы по извилинам реки.

И жужжат шмели, и жгутся овода...

И бежит, бежит куда-то вдаль вода...

1943 Сахаджан

ЗЕМНОЙ ПОКОЙ

Стеклом зеленым движется река.

Шуршит головками созревший гаолян.

И сумерки, плывя издалека,

Свежи и ароматны, как кальян.

Затягиваясь ими глубоко,

Я увожу с собой такие вечера.

Дабы жилось когда-нибудь легко,

Иметь нам нужно светлое вчера.

Чем меньше на земле любимых душ,
Тем мне пустынное среди толпы людской.
Лишь блики зелени, закатный руж
И плеск воды дают земной покой.

Земной покой — предел чего хочу,
Раз я должна зачем-то жить да быть.
Земной покой — пока не замолчу —
Траву, закат и воду, чтобы плыть.

1943 Меергоу

ТЕ ГОДА

Несколько лет я ходила за плугом,
Несколько лет я полола грядки.
Время летело тогда без оглядки —
Даже зима не давала досуга.

Дров запасала по двадцать сажень, —
Чудных трескучих березовых дров,
Сечку рубя для быка и коров,
Лучшие вещи нося на продажу...

До восемнадцати километров
Шла по морозу давать уроки...
И все равно бормотала строки

Всех подходящих к моменту поэтов.

Или свои запишу на дощечке,
(Часто гвоздем на кусочке коры...)
Мысли мои расстилали ковры
Или неслись, как бурлящие речки...

Помню ночные свои бормотанья...
Длинные годы без слухов, без вести...
Жизнь в опустевшем, покинутом месте...
Яркость весны и красу увяданья...

Цену узнала и дружбе, и лести,
И одинокой прекрасной свободы...
И не забыть мне те страшные годы —
Стали они для меня всех чудесней.

1947 Тигровый Хутор

«Спасибо, Господи, что юмор мне отпущен...»

Спасибо, Господи, что юмор мне отпущен,
Что есть на свете розовые стекла.
Что хоть гадаю на «кофейной гуще»,
Но вера в счастье все же не поблекла.

Что ночью еду я с промокшими ногами
На собственной арбе по хлипкой грязи.
Но верю — ждут меня за дальними горами,
И теплится огонь приветным глазом...

Курю, пою тихонько, вспоминаю были —
Под скрип колес и стон быка протяжный.
Дай, Господи, чтоб чувства не остыли —
Раз все события мира здесь так маловажны...

1947 Тигровый Хутор

ВСТРЕЧА С МОИМ РОБИНЗОНОМ КРУЗО

Как пригоршни сверкающих червонцев,
В сухой траве рассыпались цветы:
Адонис-амурензис[43] — это солнце —
Его осколки с синей высоты.

Передо мною бурундук изящный
По сваленной лесине пробежал,
А на скале над хвойной дикой чащей
Как изваяние застыл горал.

Прозрачны реки, каменисты, быстры...
В зеленый сумрак не проникнет зной.
И тишину не нарушает выстрел.

Лишь кедры хмуро шепчутся со мной.

.....
Брела одна, свободная, как ветер...

И вдруг... в твое попала зимовьё...

Так Океан Тайги расставил сети

И принял нас во царствие свое.

1949 Сахаджан

ЕВГЕНИЙ ЯШНОВ

МУЗА СТРАНСТВИЙ

Пропала во мраке тропинка,

Туманом запахло с болот,

И месяца медная льдинка,

Обтаяв, по ветру плывет.

Зажег я костер у дороги.

Безлюдье, бугор да ветла,

Да тень моя длинные ноги

В соседний овраг занесла.

Лишь паспорт намокший в кармане

И старое с ним портмоне...

Поплачь о заблудшем Иване,

Молись, моя мать, обо мне!

«Лысая Азия! Сколько кругом...»

Лысая Азия! Сколько кругом
Дикой извечной свободы!
Все зародилось на лоне твоём:
Злаки, стада и народы.
В круговращеньи судеб мировом,
Знаю, весенние воды
Снова наполнят степей водоем.

Чувствую я, из Европы беглец,
Отпрыск культуры постылой,
В гаме верблюдов, коней и овец
Потенциальные силы.
Слышу, как в творческом акте Отец
Пружит набухшие жилы.
Вижу, мужает скуластый творец.
Жатва — на западе, в Азии — жнец!

1920

«Смотрю ли в небо голубое...»

Смотрю ли в небо голубое,
В ночи ль мечты свои таю,
Слежу ли время роковое —

Я чувствую любовь твою.

Она ведет меня в пустыни
Бездушных сумасшедших дней,
И тихо в сердце тает иней
Бездомной старости моей.

3 февраля 1920

НА КОКСУ

Рассказывая про былое,
Как встарь, течет-кипит Коксу.
Заката око
Позолотило золотое
Твою осеннюю красу.

Превращены мои желанья
В прозрачный золотистый свет.
И издалека
Едва доносится дыханье
Умчавшихся в былое лет.

Их буйный хмель невозвратимый
Как будто воротить спеша,
Надеждой хрупкой
И страстью острою томима,

К тебе, голубка,
Любовно тянется душа.

8 апреля 1920

«Чернеют вечера, сереют годы...»

Чернеют вечера, сереют годы,
В душе все ветер, ветер... не любовь,
А старческая желчь свободы —
Ненужной! — раздражает кровь.

Осталась лишь одна — последняя! — отрада:

За шахматною постигать доской,
Что преходящи ухищренья ада,
Неколебим порядок мировой!

1 ноября 1923

СМЕРТЬ

Осеннее солнце, поля, паутинки,
Вдали — горизонт голубой,
И змейка бегущей в пространство тропинки
Безмолвно зовет за собой.

Как будто немного, и ты потеряешь

Все связи с былым до конца,

И близкого друга совсем не узнаешь,
Любимой не вспомнишь лица.

Останется только пустынное поле
С простором его голубым,
В котором сознание без страха и боли
Тихонько растает, как дым.

17 сентября 1926

«Взглянешь в окно на город ночной...»

Взглянешь в окно на город ночной,
Спросишь судьбу: зачем и куда?
Треплет, уносит ветер года —
Желтые листья по мостовой.

Чье-то лицо вонзится в тебя.
Это ж она! Но время не ждет.
Ветер уносит листья вперед.
Новую встретить и люби, не любя.

Только стихи в душе зазвучат,
Как в кабаке, утонешь в тоске.
Вот и седая прядь на виске.
Годы все так же вихрем летят.

Взглянешь в окно на город ночной,
Спросишь судьбу: зачем и куда?
Броситься, что ли, вниз головой
И позабыть себя навсегда?

19 сентября 1926

АЗИЯ

Вариант

Колыбель и надгробье,
Пракультура, праглушь, —
Ты глядишь исподлобья
На сумбур наших душ.

Взрастила ты злаки,
Оседлала коней,
Пролила ты во мраки
Тихий свет алтарей.

Обрела ты в пустыне
Изначальный закон,
Написала на глине
Начертанье имен.

Наполняла ты тропы

Гулом конских копыт,
Потрясала Европы
Зарождавшийся быт.

И с невольным вопросом
До сих пор мы в твоём
Древнем взгляде раскосом
Новых замыслов ждем.

4 августа 1928

В МАНЬЧЖУРИИ

Судьбы запутанный итог,
Сводимый говором копыта.
Пыль сладковатую дорог,
Цвета и гам чужого быта,
Чужой пейзаж, чужой порог,
Восточной девушки ланиты
И речи кружево чужой
Люблю бродяжною душой.

И здесь, в Маньчжурии, слепят
Иероглифы, тряпки, знаки,
Лавчонок с чем-то чайный ряд,
Меж них голодные собаки,
Гортанный крик, замкнутый взгляд
И сквозь сползающие мраки

Зовущий к радостям ночей
Фонарь китайский у дверей.

Как Духа Мрака древний стяг,
Фонарь качается кровавый...
Он, как убийца, что в овраг
Немую жертву сталью ржавой,
Влечет усталых и бродяг
В притон забыться за отравой...
Тысячелетья напролет фонарь зовет...

1920-е

«Бегут сумасшедшие годы...»

Бегут сумасшедшие годы,
Звенит колокольчик-мечта,
И юноша седобородый
Вдруг видит, что жизнь прожита.

Он может, коль хочет, смеяться,
Он может поплакать в тиши,
А годы без усталости мчатся
С остатками юной души.

1 июля 1929

«Я слушаю вьюг завыванье...»

Я слушаю вьюг завыванье
В пустынях отживших сердец,
Я чувствую горечь сознания,
Что близок печальный конец.

Но самое главное — это
Бессилье понять, почему
Душа человека от света
Бежит в безысходную тьму.

4 сентября 1931

«Медлительно по азиатским долам...»

Медлительно по азиатским долам
Текла вперед истории река,
Порой плескаясь гунном иль монголом.

Забыты нами кочевые тропы;
Наполненные ржанием века
Заглушены шоферами Европы.

Но нас ведет тропинкой прихотливой
Судьбы неугомонная рука,
Сменяются приливы и отливы.

Для наших внуков не придет ли время,
Когда они среди смут издалека
Услышат вновь бряцающее стремя?

10 сентября 1932

В МАТРОССКОМ КАБАКЕ

Когда на мир нисходит мрак,
Неразрешимые вопросы,
Люблю порой уйти в кабак,
Где дико пьянствуют матросы.

Там власть дает мне скверный ром
Иной увидеть мир, нездешний,
Над нашим безысходным злом
Сияющий красою вешней.

Кипенье скорби мировой,
Звон золота, мольбу, рыданья
Преображаю я в покой
Вновь созданного мирозданья.

И тот матрос, что здесь, как волк,
Глядит кругом и ищет ссоры,
Там в детской ясности умолк,

Взглянув в надзвездные просторы.

28 декабря 1932

ПОЭЗИЯ

Сей дар богов, сей пламень ледяной,
Перегоревший в слово жар сердечный,
Певучий ветер из страны иной
Над нашей жизнью быстротечной.

Мы слышим в нем и муки естества,
И радость жизнетворческого пира,
И падает багряная листва
С садов священных на дороги мира.

Но гордый ум, водитель жизни нашей,
Оценщик благ на рынке городском,
Глумится часто над волшебной чашей,
Над бредовым ее вином.

1933

НА ПРОГУЛКЕ

Медлительно вечер навстречу ведет
Прохожих и окон туманный черед.
Был молод и ты, и вон та же звезда

Сияла над миром вечерним тогда.
Но жизнь отсмеялась, друзья отошли,
Любовь догорела, и сердце в пыли...

.....
Доходит до нас через тысячи лет
Угасшей звезды отсветившийся свет.
Так слышишь и ты из истлевших гробов
Былого знакомый настойчивый зов.
И юность ты вспомнишь, и скорбную мать,
И книги, что ты собирался писать,
И книги, что ты написал, рубежи,
Которые ты проходил...

Расскажи

О правде прошедшего, но не тревожь,
Могильщица-память, уснувшую ложь!

11 декабря 1928 — 9 марта 1933

«Немало в мире зеленеет...»

Немало в мире зеленеет
Неведомых материков,
Немало в сердце цепенеет
Невысказанных чувств и слов.

Измученные нервным зноем
Испепеляющих нас дней,
Мы, может, так и не откроем
Прохлады в глубине своей.

15 марта 1933

«Чудесный жезл коснется слова...»

Чудесный жезл коснется слова,
И, ритмами окрылена,
Его житейская основа
Иным значением полна.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» —
Не проза, а язык скупой
Тоски трагического века
Пред наступавшею грозой.

Трагизм судьбы давно нам введом.
Поэтому близка ты нам,
Та песня, что когда-то дедам
Пропел печальный Вальсингам.

1933

ВЕСНОЙ

Опять в полях я, и душа нагая
Меж небом и землей одна, одна...
Весенний свет в пространства проливая,
Сияет голубая вышина.

Стоит повсюду тишина такая,
Что в воздухе недвижимом слышна,
Когда прорезает ласточка, играя,
Ее крыла звенящая струна.

Прислушаешься к сердцу. Даже в нем
Замолкли сожаленья о былом.
Судьба изменчивая, но благая

Ведет извилистым своим путем,
И чувствуешь, что ближе с каждым днем
К первоисточникам душа слепая.

17–18 марта 1933 Сунгари — Цуанченпу

«Чуть-чуть затеплилось вдали...»

Чуть-чуть затеплилось вдали
Зари заплаканное злато;
Украдкой звезды понесли
Свои светильники куда-то.

Замолкла, посерела тьма,
Как будто в первый день творенья.
Всплывает силуэт холма

Туманной первозданной тенью.

И следом дикою тоской

Нежданно крик совы гортанный

Прорезывает этот странный

Борьбой насыщенный покой.

28 февраля 1933

«Вселенная прозрачною красою...»

Вселенная прозрачною красою.

Волной прохладной обтекает нас.

Трепещем мы крылом короткий час,

Как бабочки над бездной голубою.

Но в этот час мы испытаем много

И счастья, и отчаянья... Порой

Среди раздумья в тишине ночной

Услышим даже тихий голос Бога!

19 апреля 1935

ИЗ ЦИКЛА «ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА»

* * *

Устали мы за круговою чашей

На пиршестве. Но новый плеск вина!

Харбинская эпоха жизни нашей

Исчерпана и выпита до дна.

Не обещал ли старый виночерпий
Нам в юности свободу и покой?
А ныне катастроф напиток терпкий
Бесстрастно подносит он рукой.

Пред демоном истории — Пилатом —
Вновь истине не поднимать очей!
И суждено нам расставаться с братом
И отречься от души своей!

Мы, потерявши небо, одиноко
Расходимся в сияющую ночь.
В душе — загробная усмешка Блока
Над всем, над всем, чему нельзя помочь!

Ну что ж, и эту чашу выпьем, други!
Цените дружбы преходящий час!
Ведь скоро не услышат среди вьюги
Ответа многие из нас.

1934 * * *

На скучных сунгарийских берегах
Мы жили в те томительные годы,
Когда незримо разлагаться в прах

Уж начали беспечные народы.

Запутан был истории узор.

Надежды нам всегда сродней и ближе.

Мы верили. Лишь мой киргизский взор

Порой провидел вандалов в Париже.

Но надо мной смеялись: «Кто ж они?»

Я пожимал плечами, сам не зная,

Хоть голос внутренний шептал: «Взгляни,

В самом тебе есть бездна роковая!»

1935

РАЗДУМЬЕ ЗА РАБОТОЙ

От цифр приподнимаешь взгляд,

И видишь — годы вдаль летят

Колонной журавлиной.

Любви трагический дымок,

Да дум развеянный песок,

Да сердца хладный иней.

(Закономерность величин

В метелях следствий и причин

Над жизненной пустыней!)

Мое печально ремесло:

Доказывать, что лишь число

Лежит в основе мира.

Счастлив был, может, только раз

С забытым другом в поздний час

В хмельном чаду трактира.

Да радость горькую порой

Дарила праздною игрой

Прельстительная лира.

27 января 1936

«Зажги, Пекин, вечерние огни...»

Зажги, Пекин, вечерние огни

Морщинистой рукой,

От шепота столетий отдохни,

Глаза на миг закрой.

Пусть вновь нарушат старика покой

Слепой судьбы шаги, —

Ты равнодушно качнешь головой, —

Как тень пройдут враги.

И золоту из-за запретных стен

Вновь улыбнется май.

Все в мире суета и тлен,

Недвижим лишь Китай.

13 апреля 1937

«В вечерней полутьме едва маяча...»

В вечерней полутьме едва маяча

И от усталости едва дыша,

Стоит пред Ним заезженная кляча,

Обглоданная временем душа.

Отчаявшаяся, полуживая,

Испившая судьбу свою до дна,

Она глядит на мир, не понимая,

Зачем была на жизнь осуждена.

Под кислотой отчаянья истлела

Последняя земная страсть,

И шелуха истощенного тела

Готовится — отжившая — отпасть.

27 июня 1941

«Веленью тайному покорный...»

Веленью тайному покорный,
С открытой ясною душой
Выходит мальчик в мир просторный
Судьбы незримою тропой.

Но нудному земли волненью
Сейчас же отдается он.
Уходит Бог прозрачной тенью
Спесиво на вакантный трон.

Садится разум непреложный,
Дешевый толкователь снов,
И скоро пылью придорожной
Закрыта даль материков.

И мальчик, распрощавшись с миром,
С вершинами, с морской волной,
Живет, скитаясь по квартирам,
Грустя увядшею душой.

30 мая 1942

«Хлещу я музу по худым бокам...»

Хлещу я музу по худым бокам,
Но, старая, изверилась в себе.
Действительно, пора настала нам
Уйти в себя, покорствуя судьбе.

Средь диких воплей войн и мятежей
Печальному не прозвучать стиху,
И Аполлона не поймет речей
Глухая чернь внизу и наверху.

26 мая 1942

ПРИМЕЧАНИЯ[44]

Китай

Киворий (церк.) — сень, под которой на престоле освящаются дары.

Алл Николай

Алл Н. Ектенья: Стихи о России. Харбин, 1923. 30 с. В сборник вошло 17 стихотворений и поэма «Ектенья». * * *

Алл Николай Николаевич (наст. фам. Дворжицкий; 189(?), Петербург — после 1966, США). Жена — поэтесса Елена Антонова. Алл учился в Морском корпусе и в Константиновском артиллерийском училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В конце 1920 г. эмигрировал в Китай. Редактировал харбинский художественно-литературный еженедельник «Дальневосточный огонек». Сотрудничал в русских газетах Китая «Русский голос», «Новости жизни», в журналах «Вал» (1922), «Китеж», «Дальневосточный синий журнал». В 1923 г. вышел в Харбине его сборник «Ектенья». В том же году переехал в США. Преподавал русский язык в Гарварде, редактировал «Русскую газету», сотрудничал в «Новом русском слове», в журнале «Зарница». Переменил несколько профессий. В последние годы перед выходом на пенсию работал в инженерных компаниях, специализировавшихся на строительстве дорог и мостов. Участвовал в Кружке русских поэтов в Америке (Нью-Йорк).

Стихи Алла вошли в коллективный сборник этого кружка — «Четырнадцать» (1949) и в антологию «Содружество» (1966). Темы и мотивы поэзии Алла связаны с фольклором, мифологией, русской историей и с родным Петербургом — «памятником умершей свободы».

Алымов Сергей

Алымов С. Киоск нежности. Харбин: Окно, 1920. 121 с. 1200 экз. Художник Николай Гущин.

Тальер — фасон приталенного платья. * * *

Алымов Сергей Яковлевич (5.4.1892, село Славгород Харьковской губ. — 29.4.1948, Москва). Отец — крестьянин. Учился в Харьковском коммерческом училище. Курса не окончил. За связь с революционной организацией был арестован, более года провел под стражей. Летом 1911 г. сослан в Енисейскую губ. «на вечное поселение». Через несколько месяцев бежал в Китай. Побывал во многих странах (Япония, Корея, Австралия и др.). Жил тяжелым трудом неквалифицированного рабочего. С 1917 г. поселился в Харбине. В 1919 г. ездил во Владивосток, познакомился и сблизился с находившимися тогда в Приморье футуристами Д. Бурлюком, Н. Асеевым, С. Третьяковым. По словам Ю. Крузенштерн-Петерец, в 1919 г. Алымов участвовал в харбинской студии искусства «Кольцо». В 1920 г. вместе с известным публицистом Н. В. Устряловым редактировал харбинский ежемесячник «Окно». В 1921 г. редактирует вечернюю газету «Рупор». В 1923 г. Алымов — редактор-издатель журнала «Гонг». В том же году редактировал однодневную газету в помощь голодающим в России. Печатался в харбинских журналах «Окно», «Фиал», «Гонг» и др., в газете «Копейка»; первый же сборник его стихов — «Киоск нежности» (Харбин, 1920) — принес Алымову известность. «Он стал кумиром харбинской молодежи», — вспоминала Ю. Крузенштерн-Петерец. Для его ранней лирики характерна театральность, эксцентричность, пристрастие к фразеологическим «изыскам», напоминающим Игоря Северянина. «Оклик мира» — второй сборник Алымова (последний изданный в эмиграции) отличается от первого и тематически, и поэтическим строем. В 1926 г. Алымов вернулся в СССР. Написал роман на китайскую тему. Был репрессирован, отбывал срок в Соловецких лагерях. Впоследствии стал известным поэтом-песенником, выпустил в СССР несколько поэтических книг; посмертно вышло его «Избранное» (М., 1953).

Андерсен Ларисса

Андерсен Л. По земным лугам... Шанхай, 1940. 56 с. «Яблони цветут...» — ранее в коллективном сборнике «Семеро»; с разночтениями и с пропуском одного четверостишия:

Как вы, мысли, не устали виться,

Словно пчелы над одним цветком?!

Почему-то все бледнеют лица

Пред одним немеркнущим лицом!

* * *

Андерсен Ларисса Николаевна (25.2.1914, Хабаровск —?). Уехала с родителями из Владивостока в Харбин в октябре 1922 г. Отец — военный; в Харбине он стал служащим управления КВЖД. Андерсен училась в харбинской гимназии М. А. Оксаковской. С 16 лет участвовала в кружке «Молодая Чураевка» и стала печататься в одноименной газете. В 1931 г. ее стихи вошли в коллективный сборник «Семеро». Печаталась также в журналах «Рубеж», «Прожектор», в газете «Слово». В 1933 г. через Корею приехала в Шанхай. Некоторое время работала секретарем в журнале «Прожектор». Зарабатывала на жизнь танцами. Танцевала в кинотеатрах перед началом сеанса, в кабаре, ночных клубах, в оперетте. В 1940 г. вышел ее сборник стихов «По земным лугам». Участвовала в поэтическом кружке «Пятница». Итогом собраний «Пятницы» стал лучший дальневосточный коллективный сборник «Остров» (1946), в котором в числе девяти поэтов представлена своими стихами и Андерсен. «Остров», по словам Андерсен, был «лебединой песней русского зарубежного братства поэтов». С мужем-французом, служившим в судоходной компании, уехала в начале 1950-х на Таити. В 1960-х, когда муж вышел на пенсию, переехала во Францию. Супруги поселились в городке Иссанжо. Андерсен продолжала писать стихи. В 1950–1970 гг. они изредка появлялись на страницах «Граней», «Возрождения», «Современника», а также вошли в антологию Ю. Терапиано «Муза диаспоры». В 1988 г. вышла в США подготовленная Э. Штейном антология «Остров Лариссы». Кроме стихов самой Андерсен, книга включает факсимильно воспроизведенный альбом, в котором записали посвященные ей стихи восемнадцать дальневосточных поэтов.

Андреева Тамара

Лестница в облака; «Волнистой линией тянулся горизонт...»; Сон // Лестница в облака: Стихи. Харбин: Издание литературного кружка «Акмэ». 1929. 63 с. Холодный ветер // Рубеж. 1928. № 40. Эпитафия // Рубеж. 1929. № 41. Родине // Рубеж. 1929. № 46. «Китайцы тихо пели песню...» // Рубеж. 1930. № 23. В черных джунглях // Рубеж. 1930. № 26; стихотворение получило второе место на конкурсе «Чураевки». Ми-син // Парус. 1932. Январь — февраль. № 2. В храме Ми-син // Врата. 1935. № 2.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882–1964) — писатель; с 1924 жил в США.

Кордакс — комический танец с фривольными телодвижениями.

Сиди — достойный (искаж. араб.), т. е. здесь — учитель, господин.* * *

Андреева Тамара П. Жила в Харбине. В 1929 г. опубликовала семь стихотворений в харбинском коллективном сборнике «Лестница в облака», изданном литературным кружком «Акмэ». Свое название сборник получил по открывавшему книгу стихотворению Андреевой. Акмеистов, сплотившихся вокруг Гумилева в 1912–1913 гг., было шестеро, участников харбинского кружка «Акмэ» также было шесть человек: Н. Алябьев, Т. Андреева, Г. Копытова, В. Обухов, Н. Резникова и Н. Светлов. Печаталась в «Парусе», «Рубеже», в шанхайском «Понедельнике», в пражском журнале «Вольная Сибирь». В конце 1920-х переехала в США, жила в Калифорнии. Продолжала печататься в дальневосточных периодических изданиях.

Аракин Яков

Из бирманских песен // Рубеж. 1929. № 49. Любовь // Рубеж. 1932. № 28. Восход луны //

Аракин Яков Иванович (1878, Вологодская губ. — кон. 1945 или нач. 1946., Харбин). Учился в Казанском ветеринарном институте, затем работал в Министерстве земледелия. Печататься начал в ноябре 1906 г. Через два года издал сборник «Стихотворения, романсы (в переложении на музыку)» (СПб., 1908). Его пьеса «Гибель Византии. (За Царьград)» была поставлена на столичной сцене. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В Чите в 1920 г. вышла отдельным изданием его повесть «Буржуевы мытарства». Затем Аракин переехал во Владивосток. Там издал книгу «Новая сказка об Иванушке» (1921). В Харбине поселился в 1922 г. Опубликовал в Харбине более десяти книг, в их числе — несколько поэтических сборников. Писал в разных жанрах — стихи, поэмы, рассказы, сказки, очерки, пьесы (написал их более десяти); переводил западноевропейских поэтов. В 1923 г. редактировал двухнедельный журнал для семейного чтения «Баян» (всего десять номеров). Отдельным изданием выходит его поэма «Корсар» (1923), названная автором повестью, по образцу романтических поэм первых десятилетий XIX в. Действие поэмы отнесено в Испанию времени великих географических открытий. Аракин печатался во многих эмигрантских изданиях: «Вера и жизнь», «Гун-бао», «Заря», «Рубеж», «Рупор», «Зигзаги», «Католический вестник». Написал драму «Роман принцессы», поставленную на харбинской сцене. Поэма «Неприятность в небесах; из китайской мифологии» представляет собой попытку переложения легенды о даосском мудреце Сун У-куне. Издал также книгу сказок «Мартышка в городе». Аракин — автор первой в Китае русской антологии китайской поэзии (1926); книга двуязычная и включает стихотворения 33-х поэтов — от эпохи Тан до современности. По словам В. Перелешина, Аракин «умер от голода на крыльце чужого дома» (Новый журнал. 1972. № 107. С. 261).

Ачаир Алексей

По странам рассеяния. Эмигранты; Игра; После грозы; Звено; Проще в лесу; Тропа судьбы; Северные мхи // Ачаир А. Первая книга стихов. Харбин: Содружество поэтов «Медитат», 1925. 70 с.; в этом сборнике 34 стихотворения. Сунгари — из частного собрания. Песня весны во дворе // Россияне в Азии. Торонто. 1995. № 2. Барабанная дробь // Парус. 1932. Март — апрель. № 4–5. Эмигрантка; Оттепель // Ачаир А. Полынь и солнце. Харбин: Стремя, 1938. 45 с. «Полынь и солнце» — третий сборник Ачаира; в книгу вошло 28 стихотворений. Снова в путь; Встреча; Как и прежде; Дорога к дому; В фруктовой лавчонке (также: Рубеж. 1938. № 25) — из четвертой книги стихов: Ачаир А. Тропы. Харбин, 1939. 62 с. В сборник вошло 46 стихотворений. Ханьчжоу (или Ханчжоу) // Рубеж. 1939. № 13.

Фармы — фермы. Гуран — самец косули (сиб.). Вампу (совр. Хуанпу) — приток Янцзы, одна из рек, на которых стоит Шанхай; зависит от океанских приливов, во время которых меняет течение. Банд — одна из главных улиц в Шанхае в тридцатые годы.* * *

Ачаир Алексей Алексеевич (наст. фам. Грызов; 5.9.1896, станица Ачаир близ Омска — 16.12.1960, Новосибирск). Отец — полковник Сибирского казачьего войска. В 1914 г. Ачаир окончил Первый сибирский императора Александра I кадетский корпус в Омске. Учился в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве (1914–1917). Хорунжий Сибирского казачьего войска, участник Гражданской войны, воевал в отрядах атамана Семенова. К началу 1920-х оказался во Владивостоке. Здесь редактировал газету «Последние известия» (1922). В октябре 1922 г. уехал из Владивостока. Пешком через тайгу ушел за рубеж. Через Корею в конце 1922 г. эмигрировал в Маньчжурию. Работал в отделении Христианского союза молодежи и издал брошюру «Русский христианский союз молодых людей в Харбине» (1923). Много лет оставался помощником генерального

секретаря этой организации. При Христианском союзе организовал кружок поэтов «Вечера под зеленой лампой», более известный как «Молодая Чураевка» (официальное название «Содружество работников литературы, науки и искусства „Молодая Чураевка“»). Был редактором одноименной литературной газеты, впоследствии получившей название «Чураевка». Печататься начал в омской газете «Дело Сибири» в 1918 г. Затем последовали публикации в газете «Наша заря», в журнале «Отечество», в газете «Вечер» (Владивосток). Книга стихов «Первая» вышла в 1925 г. Другие его поэтические сборники: «Лаконизмы» (1937), «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939), «Под золотым небом» (1943). Сочинял песни для скаутов, редактировал коллективный сборник стихов «Семеро» и написал к нему вступительную статью, печатался в «Русском слове», «Родной ниве», «Парусе», в сборнике «Харбин в зеркале прессы», часто в журнале «Рубеж» и время от времени в эмигрантских изданиях в Европе и Америке. Его стихи вошли в антологию «Якорь». Работал над романами «Цветные огни» и «Валерий Бухтармин» (хроника Гражданской войны в Сибири) — о судьбе манускриптов ничего не известно. В сентябре 1945 г. был арестован, депортирован в СССР, сидел в пересыльной тюрьме под Владивостоком, в тюрьме Смерша в Уссурийске.

Его обвинили в связях с английской и американской разведывательными службами. После вынесения приговора (1946) десять лет пробыл в заключении в Красноярском исправительно-трудовом лагере. После освобождения жил в Байките (Красноярский край), затем в Новосибирске. Преподавал пение в средней школе. Руководил большим хором школьников. Умер на работе от сердечного приступа.

Баженова Таисия

Сторожиха // Молва. 1925. 19 апр. Япония — написано в 1927; печатается по автографу, на автографе примечание: «По дороге из Харбина в Америку в 20-х гг.». Непогода // Рубеж. 1928. № 38. Русская старушка // Феникс. 1935. № 5.

Хибачи — деталь традиционного японского стола (встроенная плита). Самисен — китайская скрипка.* * *

Баженова (Постникова) Таисия Анатольевна (г. Зайсан Семипалатинской обл. — 1978, Сан-Франциско). Печататься начала в 1917 г. в омской газете «Вечерняя заря». В дальнейшем писала для журналов «Отечество» и «Иртыш», газеты «Вперед». Типография этой газеты отпечатала сборник Баженовой «Песни сибирячки» (1919). Жила в Харбине с 1920 г. Сотрудничала в газете «Русский голос», в которой были опубликованы ее поэмы «Харбинка» и «19-й год». Стихи, рецензии, рассказы Баженовой появлялись также в газете «Заря», в журналах «Рубеж», «Русское обозрение», «Дальневосточный синий журнал», «Вал», «Архитектура и жизнь», в иллюстрированном еженедельнике «Родная нива». В 1927 г. Баженова переехала в США, жила в Сан-Франциско, продолжала печататься в харбинских журналах, работала в редакции сан-францисской газеты «Русская жизнь», сотрудничала в газете «Новая заря». Ее стихи печатались в «Калифорнийском сборнике» (1934), «Вратах» (1935), «Земле Колумба» (1936), в нью-йоркском сборнике «Ковчег» (1942).

Батурин Кирилл

Нё-Н // Понедельник. 1930. № 1. В пути// Понедельник. 1931. № 2. Луна. Поэма // Врата. Дальневосточный сб. при лит. — худ. объединении «Восток». Кн. 1. Шанхай, 1934.

«Мгновений несколько меж серых облаков...» // Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935. Гу-пан гун-шу // Феникс. 1935. Сент. № 3.

Маджан (мадзян, маджонг) — китайская азартная игра.

Сампан — круглая лодка, разновидность джонки.

Нин-по (совр. Нин-бо) — порт в Южном Китае.

Гу-пан гун-шу — управление генерал-губернатора (кит.); правильная транслитерация: губань гуншу.* * *

Батурин Кирилл Викторович (23.12.1903, Москва — 1971, Нью-Йорк). Эмигрировал в Харбин, позднее переехал в Шанхай. Состоял в правлении литературного объединения «Восток», основанном в декабре 1933 г. Печатался в «Фениксе», «Понедельнике», в альманахе «Врата». Писал очерки. Его проза тематически связана с китайской стариной, экзотикой и мистицизмом. В 1950-е жил в Бразилии, затем переехал в США. Умер в больнице для неимущих в Нью-Йорке.

Бета Борис

Лошадь Паллада; Голос // Врата. Кн. 1. Шанхай, 1934. Маньчжурские ямбы // Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935.

Кан — отапливаемая лежанка.* * *

Бета Борис (Борис Васильевич Буткевич; 1895, Уфимская губ. — август 1931, Марсель). Из дворянской семьи. Окончил Петербургское Николаевское кавалерийское училище. Офицер Пятого Александрийского гусарского полка. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1920–1922 гг. жил во Владивостоке, там же начал печататься. В числе других дальневосточных периодических изданий участвовал во владивостокской газете «Русский край». Печатался в коллективном поэтическом сборнике «Парнас между сопок» (Владивосток, 1922). Известен был богемным образом жизни. Ночевал по знакомым или на редакционных столах, а то и под открытым небом. В 1922 г., после занятия Владивостока красными, перебрался в Китай. Жил в Харбине, Пекине, Циндао, Шанхае. Ездил в Японию. Печатался в «Маяке», «Гонге», «Родной ниве», «Рубеже», в альманахе «Врата» (посмертно). Из Шанхая в 1924 г. уехал с Сибирским кадетским корпусом в Сербию. В Европе работал портовым грузчиком, пастухом в Нижних Альпах, носильщиком, плавал кочегаром в Средиземном море в Африку и в Малую Азию. Вел жизнь бродяги. Изредка печатался в парижских эмигрантских изданиях — «Новом доме» (1926), «Новом корабле» (1927), «Числах» (1931), в газете «Возрождение». Мечтал выпустить сборник рассказов. Умер от туберкулеза в нищете и одиночестве в марсельской городской больнице. По словам Н. Берберовой, «от него остался ненапечатанный роман „Голубой павлин“, затерянный в одной из парижских редакций».

Ветлугин Виктор

У окна // Чураевка. 1933. 4 окт. «Тонкой змейкой раскинута сталь...» // Чураевка. 1934. 6 дек. Узник — из собрания В. Перелешина. «Гляжу, не зажигая света...»; У станка; «Еще, еще одна морщина...» // Излучины. Харбин, 1935. 47 с. Тираж 200 экз. Сборник вышел 22 апреля 1935 г.

под редакцией В. Ф. Перелешина, издатель М. Н. Володченко (поэт Михаил Волин). Вместе с В. Ветлугиным в коллективном сборнике участвовали М. Волин, В. Перелешин, Н. Резникова, С. Сергин, В. Слободчиков, Л. Хаиндрова и Н. Щеголев. * * *

Ветлугин Виктор (Виктор Францевич Салатко; 1915—?). Младший брат поэта Валерия Перелешина. Писал стихи в молодости. Жил в Харбине. Печатался в газете «Чураевка», в журнале «Рубеж», в коллективном сборнике «Излучины» (1935). В конце тридцатых переехал в США. Четыре года служил в военном сигнальном отряде на Аляске. Позднее жил в Рио-де-Жанейро, работал в международном консорциуме по строительству гидроэлектростанций. Затем поселился в США.

Визи Мария

«Я с неба яркую звезду...»; «Мой бог — таинственная замкнутость лесов...»; Блоку; «Есть остров в океане...»; «Мне город твой не нужен темный...»; «Есть встречные немые корабли...»; Володе Визи; «Я уйду куда-то, где сейчас темно...»// Визи М. Стихотворения: Первый сборник стихов. Харбин: В. Камкин, 1929. 167 с. «Иду одна...»; «Нам скорбь великая дана...»; «Чем выше и блистательней полет...»; «Нелепы в жизни перемены...»; «Я не Мария больше: только Марфа...»; «Поцелуешь горестные веки...» // Визи М. Стихотворения II. Шанхай: Книгоиздательство В. П. Камкина и Х. В. Попова, 1936. 56 с. «Белая апрельская луна...» //Содружество. Вашингтон: Издательство Виктора Камкина, 1966. Китайский пейзаж: В небе сонном и алом; На китайском хуторе; Город; Память о Пекине; Плач по харбинскому разрушенному Св. Николаевскому собору — из собрания составителей.

Кватроченто — XV век в культуре итальянского Возрождения.

Хирошигэ — точнее, Хиросигэ Андо (1787/1797–1858) — выдающийся японский график.

Хана — одно из названий китайской водки.* * *

Визи Мария (в замужестве Туркова Мария Генриховна; псевдоним Раевская; 17.1.1904, Нью-Йорк — 18.10.1994, Сан-Франциско). Родители привезли ее из США в Петербург в младенчестве в 1904 г. Отец, чье имя Custis Harry Vezeу, — гражданин США, служащий американского посольства в России, издавал англоязычную газету в Петербурге. Визи училась в Петрограде. В 1918 г. уехала из России. Окончила Харбинское коммерческое училище, затем училась в Пекине. В 1924 г. уехала в США. Окончив Калифорнийский университет, вернулась в Харбин. С 1933 г. жила в Шанхае. В 1939 г. снова уехала в США. Работала в Калифорнийском университете, жила в Сан-Франциско. Писать стихи начала в восемь лет. «Первое мое стихотворение было послано в журнал „Задуманное слово“, но было ли оно напечатано — так и не знаю» (Новое русское слово. 1994. 29 ноября). В 1920-е Визи печаталась в журнале «Рубеж». Ее сборник «Стихотворения» (1929) включал стихи, написанные на русском и на английском. «В первой книге, — писал рецензент „Русских записок“, — русские стихи казались переводом с английского, а английские — переводом с русского» (И. Ф. Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке. // Русские записки. 1937. № 1. С. 325). Критика отмечала подражательность второго сборника «Стихотворения II» (1936), влияние Блока, Гумилева, еще чаще Ахматовой. Ю. Крузенштерн-Петерец вспоминала о поэтессе в очерке «Чураевский питомник»: «Стороной, мимо Чураевки, прошла Мария Визи, тоненькая Муся, американка по отцу, русская по матери. С чураевцами у нее было личное знакомство, со многими из них она училась. Семья Муси была известной в городе; отца ее, редактора-издателя единственной в городе американской газеты, знали все. Муся... не стремилась ни печататься, ни выступать, „пряталась“, и лишь немногим было дано оценить ее певучую чистую лирику. Наконец, ее уговорили выпустить книжечку стихов. Книжка вышла

в Харбине и быстро была раскуплена. Вторую поэссеса издала уже в Шанхае. Потом долгое молчание, и лишь в 1966 г. стихи Марии Визи появляются в сборнике „Содружество“». Лучший сборник Визи — «Голубая трава» (1973), единственный изданный в США, где Визи прожила большую часть жизни. Темы книги — верность, преданность, семейное счастье, любовь. Перелешин заметил, что в этом сборнике «более двадцати стихотворений, в которых дух прощупывает очертания запредельного мира». Стихи Визи печатались в «Современнике», «Возрождении», в альманахах «Перекрестки» (1981, 1982) и «Встречи» (1985, 1988), в газете «Русская жизнь». Чистота тона, сжатость, недосказанность, прозрачность, лирическая грусть, моментальные наплывы воспоминаний, простота синтаксиса — достоинства ее поздней поэзии. Визи продолжала писать и на английском. Переводила Блока, Гумилева, поэтов-эмигрантов на английский язык. Сама Визи, печатавшаяся большей частью в русских эмигрантских изданиях, не считала себя эмигрантским поэтом: «Я — 12-го поколения американка, сродни многим известным (даже знаменитым) в истории Америки лицам».

Волин Михаил

«Прими, что прекрасно и свято...»; Россия («Это — тройка и розвальни-сани...») // Излучины. Харбин, 1935; стихотворение «Россия» впервые напечатано (без разделения на строфы): Чураевка. 1932. № 7. «В переулочок пустынный...» // Рубеж. 1936. № 39; в книге М. Волина «Путем строк» это стихотворение напечатано под названием «Из старой тетради»; без первой строфы; в строке «Погляди, погляди, оживает китайский профессор...» слово «китайский» заменено на «японский». «О нежности, которой нет границ...» // Рубеж. 1936. № 43. Разговор с Тютчевым // Волин М. Путем строк. Аделаида, 1987; в 1960-е Волин читал это стихотворение на литературных вечерах, добавляя, что оно написано в Шанхае. Свидание друзей; Муза дальних странствий; Братья; Конец войны; Стихи о стихах; Стихи о Китае («Над широкою желтой рекою...»); Стихи о Китае («Помню дымки от походных жаровень...»), Россия («Зашумели ветры, загудели...») — написаны в Шанхае, печатаются по книге «Путем строк».

Мистангет — звезда парижского кабаре «Мулен Руж» Жанна Буржуа (1875–1956).* * *

Волин Михаил (Володченко Михаил Николаевич; 12.8.1914, станция Имяньпо КВЖД — 17 мая 1997, Аделаида, Австралия). Дед поэта, генерал Н. Г. Володченко, был помощником командира Заамурского военного округа. Отец — секретарь русского посольства в Монголии. Семья Волина переселилась в Китай в конце XIX в. Писал стихи уже в школьные годы, когда учился в харбинской гимназии Христианского союза молодых людей. Первое выступление в печати в 1931 г. Почти с самого основания кружка «Чураевка» участвовал в его деятельности. Печатался в газетах «Молодая Чураевка» и «Чураевка», в коллективном сборнике «Излучины». Работал корреспондентом в газете «Заря». Переехал в 1937 г. в Шанхай, там открыл школу гимнастики и йоги. После Харбина, писал Волин в своих мемуарах, «это был другой мир, другие люди; там даже дышалось иначе». Через двенадцать лет эмигрировал в Австралию. Жил в Сиднее, а с 1969 г. — двенадцать лет в США. В 1981 г. вернулся в Австралию, поселился в Аделаиде. Написал более десяти книг по хат-ха-йоге. В 1960–1980 гг. его стихи и рассказы изредка появлялись на страницах эмигрантских периодических изданий («Грани», «Перекрестки», «Возрождение», несколько чаще в «Новом журнале»). В 1987 г. в Аделаиде (Австралия) вышел его сборник стихов «Путем строк», в 1988 г. был издан на русском и на английском сборник Волина «Избранные стихи». Посмертно в «Новом журнале» (1997. № 209) опубликованы его воспоминания.

Пулеметчик сибирского правительства; Конец пути; Пески, Дымный след; Дракон, пожирающий солнце; В китайском павильоне; Гобийские пески // Волков Б. В пыли чужих дорог: Стихи. Берлин: Парабола, 1934. С портретом автора (фотография скульптурного бюста работы М. М. фон Мейера). Книга вышла в конце 1933 или в январе 1934 г. В сборнике 77 стихотворений и отрывки из поэмы «Возведенные на эшафот». Большинство включенных в книгу стихотворений публиковалось в 1921–1933 гг. в эмигрантских периодических изданиях. «Вкус его эклектичен, — писал об авторе „В пыли чужих дорог“ Г. Адамович. — По-видимому, он сильнее всего тянется к раннему Гумилеву...» (Последние новости. 1934. 8 фев.). Ставя Волкова в ряд незаслуженно забытых поэтов, Г. Струве был уверен, что будущий историк зарубежной литературы «исправит эту ошибку» (Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 369). Простые строки; Звездоносец. Парад на экране // Феникс. 1935. № 4. * * *

Волков Борис Николаевич (17/31.5.1894, Екатеринослав — 9.6.1954, Сан-Франциско). Гимназические годы прошли в Иркутске. В 1912 г. поступил на юридический факультет Московского университета. Учился на курсах военных санитаров и затем с 10.4.1915 до середины 1917 г. был на фронте. Георгиевский кавалер. В тот же период начал печататься в газетах. В декабре 1917 г. воевал в Белой армии в Иркутске. В 1919 г. после падения правительства Колчака перешел монгольскую границу. Был приговорен Унгерном к смерти, бежал с помощью монголов в Хайлар. Скитался по странам Азии. Побывал в Персии, на арабском Востоке. Жил в Японии и в Китае. Сотрудничал в харбинской газете «Русский голос». В 1923 г. эмигрировал в США. «Чего я только в Америке не делал: шоколад, колбасные изделия, натирал полы, проводил дороги, строил дома, грузил и разгружал пароходы» (Вольная Сибирь. 1929. № 5. С. 112). Стихи писал еще в России. Его первая известная публикация в США — в альманахе «Дымный след» (1925). В дальнейшем находим его публикации в шанхайском альманахе «Врата», в «Калифорнийском альманахе» (Сан-Франциско), в «Земле Колумба» (Сан-Франциско), «У Золотых Ворот» (Сан-Франциско), в журналах «Рубеж» (Харбин), «Феникс» (Шанхай), «Вольная Сибирь» (Прага), «Москва» (Чикаго), «Asia», «Русские записки» (Париж), «Возрождение» (Париж). В 1929 г. стал американским гражданином. Был женат: в первый раз в Китае — на В. П. Витте; второй раз в США, после развода, на В. В. Townley. В 1934 г. вышла его единственная книга «В пыли чужих дорог». В этом сборнике заметно знакомство автора с «Чужим небом» Гумилева. Книга проникнута мужественным и серьезным отношением к жизни. «Живительный огонь» воспоминаний напрямую связан с автобиографическими мотивами: память о гимназии, «тишь вековой усадьбы», университет, старый московский быт, окопы Первой мировой, мемуарный триптих о Гражданской войне, странствия «в дикой стране Пророка» и за «тысячелетними стенами» Китая. Волков готовил на английском и на русском издание второй своей книги — автобиографического романа «Царство золотых будд». Известны только отрывки под названием «В стране золотых будд». Написал несколько других романов и повестей, все они не опубликованы. Умер Волков от травм, полученных в автомобильной катастрофе, в которой погибла его жена.

Гранин Георгий

Дантон // Чураевка. 1933. 7 фев. № 8 (2); Россия — по автографу; было напечатано с разночтениями: Парус. 1932. Март — апрель. № 4–5. «Где-то там кудрявой пеной вьется...» // Рубеж. 1932. 28 мая. № 22. «Ничего не сказать...» // Парус. 1932. Май — июнь. № 6–7. Возвращение // Рубеж. 1932. 30 июня. № 31. «Пусть ничего и не было на свете...» // Парус.

1933. Февраль. № 11. Сказка // Рубеж. 1933. № 13. «За ваше холодное имя...» // Чураевка. 1933. 28 марта. № 39; Утром у реки // Рубеж. 1933. 12 авг. № 33; Рассказ // Авангард. 1934. 18 марта. № 4. * * *

Гранин Георгий (Сапрыкин Георгий Иванович; подписывался также И. М-ов; 23.7.1913, станция Пограничная на КВЖД — 6.12.1934, Харбин). В 1923 г. Гранин переехал с матерью в Харбин. Учился в гимназии им. А. С. Пушкина, затем поступил в Харбинский политехнический институт, но бросил учебу на первом курсе. Учился также на курсах английского языка при Христианском союзе молодых людей. Был секретарем кружка «Молодая Чураевка». Печатался в газете «Чураевка», в «Рубеже», «Парусе». Писал и прозу, начал роман «Небо». В 1933 г. был исключен из кружка «Чураевка». Примкнул к фашистской группе К. В. Родзаевского и стал сотрудничать в фашистской газете «Наш путь». «Что победит — надрыв или преодоление?» — писал о нем А. Ачаир. Победил надрыв: Гранин и С. Сергин (см. справку о нем) в ночь на 6 декабря 1934 г. покончили с собой в японском отеле «Нанкин». «За свою короткую жизнь Гранин написал много стихотворений. Считался одним из подающих большие надежды» (Волин М. Поэты русского Китая // Континент. 1982. № 34).

Гроссе Лев

«Ты — юная, ты — стройная, как ель...» // Гроссе Л. Мысли сердца. Том III–I. Шанхай: Издательство Корпората друзей автора, 1929— «в количестве пятидесяти нумерованных экземпляров, из коих лишь двадцать пять поступило в продажу». Книге предпослан эпиграф из А. С. Пушкина: В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни... Два храма // Понедельник. 1930. № 1. Пространство — из собрания В. Перелешина. Стансы // Рубеж. 1939. № 44. Она // Рубеж. 1940. 13 июля. № 29 (650); посвящено поэтессе Лариссе Андерсен. Старый дом // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1971. 12 авг. * * *

Гроссе Лев Викторович (? — конец 1949, СССР). Отец — российский генеральный консул в Шанхае. С 1929 г. участвовал в кружке «Понедельник» и в одноименном журнале. В середине 1920-х и затем в 1930-е временно жил в Париже. Печатался в европейских и американских эмигрантских изданиях. В 1948 г. по собственному почину уехал в СССР. «Шанхайского поэта Льва Гроссе, — писал о его кончине В. Перелешин, — переводили из одной тюрьмы в другую, и он так и умер в тюрьме». Гроссе — автор ряда эротических сочинений в жанре эссе: «Новое человечество», «Навстречу апокалипсису». Его перу принадлежат поэтические книги и брошюры: «Мысли сердца», т. 1 (1925), «Грехопадение» (1926), «Видение» (1926), «Песня жизни» (1926), «Кремль» (1926), «Пророк» (1928), «Мысли сердца», т. 3 (1929), «Башня Вавилона» (1929), «Крест поэта» (1930), «Я, вы и он» (роман в стихах, 1930), «Мирам сердца» (Париж, 1931), «Мертвая смерть» (1932), «Она» (поэма 1938–1939).

Даль Елена

Письмо из Африки // Луч Азии. 1941. № 3. Второй родине; Моему вечеру // У родных рубежей. 1942. № 2; напечатано также: Луч Азии. 1942. Март. № 91. Старый звонарь // Рубеж. 1944. № 16. * * *

Даль Елена Ф. (наст. фам. Плаксеева). Отец — офицер, погиб в Гражданскую войну. В 1922 г. Даль приехала вместе с матерью в Харбин. В 1940-х ее стихи печатались в журнале «Рубеж», в альманахах «У родных рубежей» и «Прибой».

Дмитриева Фаина

Голубые дороги // Рубеж. 1939. № 36. Осенний закат; Осенью; Снежный поцелуй (также: Рубеж. 1940. № 13); Неоновый снег (также: Рубеж. 1940. № 14); «Ты хризантемы мне принес в подарок...» (также: Рубеж. 1938. № 46) по кн.: Дмитриева Ф. Цветы в конверте. Харбин, 1940. 62 с. Баркарола Чайковского; Циннии; Синева; Молитва // Лира: Книга девяти поэтов. Харбин, 1945. * * *

Дмитриева Фаина (в замужестве Кононова; 1913, ст. Ханьдаохецзы на КВЖД — 1990, Свердловск). Выросла в Харбине. Издала сборник «Цветы в конверте» (Харбин, 1940). Печаталась в «Рубеже», в коллективном поэтическом сборнике «Лира» (1945), в котором участвовали также Т. Беляева, Д. Езерский, А. Кондратович, Е. Недельская, А. Несмелов, Е. Рачинская, М. Шмейссер. В 1950-е Дмитриева уехала в СССР.

Ещин Леонид

Таежный поход // Родная нива. 1925. № 2. Поняла // Зигзаги. 1927. № 3. Про Москву; «И опять в беспредельную синь...» — по автографам из архива Е. Д. Воейковой, хранившимся у ее дочери, советской писательницы Н. Ильиной в 70-е годы. Ямаджи // Рубеж. 1928. № 5; в этом же номере «Рубежа» помещена фотография японки в траурной рамке и подпись: «Убитая любовью. Портрет юной артистки японки Ямаджи, трагически погибшей в Харбине. Молодая красивая женщина покончила самоубийством, приняв яд. Поэт Леонид Ещин посвятил ей свое прекрасное стихотворение, помещенное на 7-й с. нашего журнала». Маята. Фрагмент поэмы // Рубеж. 1929. № 11. Маята. Эскиз поэмы // Рубеж. 1929. № 11. Фокстрот // Рубеж. 1929. № 8. В ожерельи огней // Рубеж. 1929. № 16. Беженец // Рубеж. 1930. № 1. Мимо // Рубеж. 1930. № 2. Две шинели — посмертная публикация // Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935.

Маята — вариантная форма слова «маета».

Джесс — джаз.

Фанзу, курму и чифан (кит.) — т. е. дом, одежду и пищу.* * *

Ещин Леонид Евсеевич (1897, Нижний Новгород — 14.6.1930, Харбин). Учился в Московском университете на историко-филологическом факультете. Курса не кончил — ушел на Гражданскую войну. Участник Ледового похода, офицер. Перед эмиграцией Ещин жил некоторое время во Владивостоке. Там опубликовал в 1921 г. сборник «Стихи Таежного похода». Прожил в Харбине семь лет — все годы в нужде, в тяжелых условиях. «Раздетый, разутый, голодный ходил по улицам Харбина в поисках случайного заработка: стихов для актера, стихов для газеты; за ничтожную плату у него покупали стихи и забывали о нем, не интересуясь, как живет, чем живет этот талантливый поэт, с душой нежной и глубокой», — писал Арсений Несмелов. В эмигрантских стихах Ещина преобладала тема Гражданской войны. Печатался в харбинских периодических изданиях, включая газеты «Рупор», «Молва», журналы «Родная нива» и «Рубеж». Писал рассказы, статьи, рецензии. Начал печататься также в советской газете, выходившей в Харбине. Собирался издать свой второй сборник, под предварительным названием «Стихи». «Огромный, редко умытый... Ещин подкупал своим детским беззлобием, и его любили, как беспризорного ребенка» (Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник // Возрождение. 1968. № 204). Умер от злоупотребления алкоголем.

Ещин — герой нескольких рассказов А. Несмелова («Голубое одеяло» и др.) Грубо искаженный портрет Ещина (под фамилией Евсеев) см. в романе Н. Ильиной «Возвращение».

Завадская Нина

Завадская Н. Светлое кольцо. Харбин: Издатель О. Ф. Басов, 1944. 271 с. 350 экз. * * *

Завадская Нина К. (апрель 1928, Харбин — 18.11.1943, Харбин). Скончалась на шестнадцатом году жизни от тифа. Посмертно вышел сборник «Светлое кольцо» (Харбин, 1944).

Иванов Всеволод

Поэма еды //Иванов Вс. Поэма еды /Рисунки, заставки и книжные украшения О. Ракова. Изд. 4. Харбин, 1928. 26 с. Казнь; Дракон // Иванов Вс. Сонеты. Харбин, 1930 (Изд. 2). 32 с. Сумерки; Харчевка // Врата. Кн. 1. Шанхай, 1934. Японские стихи // Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935.

Алкиной — внук Посейдона, царь феаков, гостеприимно устроивший пир Одиссею в своем дворце на острове Схерия, когда Одиссеей был бурей заброшен на этот остров.

«Диван» — «Западно-восточный диван» Гёте, цикл стихотворений, навеянный персидской поэзией (окончен в 1819).* * *

Иванов Всеволод Никанорович (19.11.1888, г. Волковыск Гродненской губ. — 9.12.1971, Хабаровск). Отец — учитель рисования. С 1897 до 1906 г. жил в Костроме. Начал печататься в 1909 г. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1912). Преподавал в Перми на кафедре философии права. В 1920 г. через Корею эмигрировал в Харбин. Жил в Хабаровске. В Китае вышли его книги: «В гражданской войне. Из записок омского журналиста» (1921); «Огненная душа» (1921); «Беженская поэма» (1926); «Мы. Культурно-исторические основы русской государственности» (1926); «Крах белого Приморья» (1927); «Поэма еды» (1928); «Ленин. Биография» (1928); «1905 год. Роман молодой души» (1929); «Сонеты» (1930); «Огни в тумане. Думы о русском опыте. Сборник статей» (1932); «Повесть об Антонии Римлянине» (1932–1933); «Дело человека. Опыт философии культуры» (1933). Под редакцией В. Н. Иванова выходила русская харбинская газета «Гун-бао». В 1930-е жил в Мукдене, затем в Шанхае, где работал в местном отделении ТАСС. В феврале 1945 г. вернулся в СССР.

Иевлева Варвара

Город Харбин // Рубеж. 1928. № 40. Светильник; Химера; Поэт; Джиоконда // Остров. Шанхай, 1946. * * *

Иевлева Варвара Николаевна (17.11.1900, Казань — 1960, СССР). Жила в Харбине, а с 1934

г. в Шанхае. Печаталась в шанхайских газетах. Переводчица с французского и английского. Писала также художественную прозу. Участница шанхайской «Пятницы» — поэтического кружка, в который входили Л. Андерсен, М. Коростовец, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешин, Н. Петерец, В. Померанцев, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев. Много стихотворений Иевлевой вошло в «Остров», коллективное издание кружка «Пятница». В 1947 г. уехала в СССР. О ней писал в «Поэме без героя» Валерий Перелешин:...Иевлева — журналистка, блистательнейшая лингвистка (я сохранил ее статью и два большие интервью, написанные лучшим слогом).

Увы, ей было суждено одной из первых — и давно — оправдываться перед Богом, а несколько последних лет прожить без муз и без газет.

Ильнек Нина

В кино (впервые: Рубеж. 1930. № 25); В поезде (Рубеж. 1930. № 46); У театра; О моей собаке / / Семеро. Харбин: Молодая Чураевка, 1931. 74 с.; с предисловием А. Ачаира. * * *

Ильнек Нина. Жила в Харбине. Участвовала в объединении «Молодая Чураевка» и в изданном этим объединением коллективном сборнике «Семеро». Печаталась в журнале «Рубеж». Об Ильнек писал поэт Алексей Ачаир, сравнивая ее с Лариссой Андерсен: «У Нины Ильнек нет такого надрыва. Она много спокойнее. Но и от внешнего спокойствия ее строк... веет скорее пониманием непреложности жизни, нежели приятием ее. От творчества ее... мы отходим с желанием еще послушать, что она скажет» (Семеро: Сборник стихотворений. Харбин. 1931.С. 7–8).

Камышнюк Федор

Неизбывной памяти А. Блока // Фиал (Харбин). 1921. Окт. № 1.Святая Русь // Сунгарийские вечера: Тетр. 1. Харбин, 1923. «Вы, глумясь, называли меня...» // Трибуна (Харбин). 1925. 24 марта. «Наступает желанный искус...» — печатается по инскрипту, сделанному рукой владельца («Саши»; видимо, востоковеда А. Н. Усова) в конце книги Ф. Камышнюка «Музыка боли» из собрания Л. Турчинского (Москва).

Сы Кун-ту (Сыкун Ту) (837–908) — китайский поэт.

Ли Тай-бо , точнее, Ли Бо (701–762) — величайший китайский поэт.* * *

Камышнюк Федор Леонтьевич (1894(?) — не ранее 1932). В детстве был привезен родителями в Харбин (1903). Там в 1914 г. окончил коммерческое училище. Один учебный год работал в школе на станции Фуляэрди. Летом 1915 г. уехал поступать в Петроградский психоневрологический институт. В 1917 г. шесть стихотворений Ф. Камышнюка были опубликованы в сборнике статей профессоров и студентов, приуроченном к 18-й годовщине основания Восточного института (дата и место издания — 21 октября 1917, Владивосток). Курса не окончил и вернулся в Харбин. В 1918 вышел его сборник стихотворений «Музыка боли». Входил в харбинскую студию «Кольцо». В 1921 г. вышел его второй сборник — «Лепестки. Скрижаль». В двадцатые годы в Берлине должна была выйти его книга «Вино мгновений» (найти ее не удалось). Камышнюк печатался в журналах «Даль» (1920), «Окно» (1920), «Гонг», «Фиал»(1921), «Дальневосточный синий журнал» (1921–1922), «Вал» (1922),

«Китеж» (1922). Участвовал в коллективном сборнике «Сунгарийские вечера» (Харбин, 1923). Выступал с чтением своих стихов. Известно, например, о его чтении в Литературно-художественном кружке при Коммерческом собрании. Переводил стихи с китайского. По словам литературоведа Дяо Шаохуа, Камышнюк знал китайский язык в совершенстве, был близко знаком с образцами древнекитайской поэзии, и переводы его талантливы и заслуживают доверия. Между 1923 и 1926 г. Камышнюк уехал в Советский Союз. В собрании Л. Турчинского (Москва) имеется экземпляр книги Камышнюка «Музыка боли», в котором на свободных и вклеенных страницах рукой владельца, дарственная надпись которому есть на книге («Саша» — видимо, тоже поэт и тоже востоковед, вероятней всего — А. Н. Усов, — ему в книге посвящено два стихотворения) переписано множество стихотворений Камышнюка: самое раннее датировано 1926 г., с припиской «Самара»; поздние стихотворения 1929–1932 гг. (последнее — 18 октября 1932) помечены: «Ленинград. Павловск».

Колосова Марианна

Д. Л. Хорват // Не покорюсь! Харбин, 1932. Дмитрий Леонидович Хорват (1859–1937) — управляющий КВЖД в 1902–1922 гг., с 1911 г. — генерал-лейтенант. Последние 15 лет жизни провел в Пекине. Время его «правления» на КВЖД современники нередко именовали «Счастливой Хорватией». Склад пороховой // Господи, спаси Россию! Харбин, 1930; Добей меня! // Рубеж. 1932. № 47; «Это было в восставшей России...»; «Наши матери влюблялись при луне...»; «Встретились на вокзале...»; «Завесу былого откроем...» // Рубеж. 1930. 1 марта. № 10; эти четыре стихотворения впервые напечатаны под общим заголовком «Гибель любви» и за подписью Елена Инсарова. В мире мемуаров // «Не покорюсь!»; Медный грош // На звон мечей. Харбин, 1934. Нечего терять // Русское слово. 1932. 21 февр.; Рождество на чужбине // Медный гул. Шанхай, 1937; ранее печаталось: Рубеж. 1934. 7 янв. № 2; Письмо в Америку // Армия песен. Харбин, 1928. Бессмертник // Рубеж. 1933. 14 окт. № 42; Дар Ульгеню // Медный гул. На постоялом дворе — там же; (ранее напечатано: Рубеж. 1934. 27 янв. № 5 под названием «Дорогой дальнею»). Елка на чужбине // «Господи, спаси Россию!»; Новые // Рубеж. 1934. № 51; Путем героев // Часовой. 1934. Декабрь. Все о том же // «Господи, спаси Россию!».

Ульгень — добрый бог алтайцев.

«Золотое озеро» — Алтын-Коль.

Чолышман — река на Алтае. (Прим. автора.)

Адмирал — А. В. Колчак (1873–1920)

Атаман — А. П. Кутепов (1882–1930?)

Командарм — барон Роман Унгерн фон Штернберг (1886–1921).* * *

Колосова Марианна (Виноградова Римма Ивановна, в замужестве Покровская; печаталась также под псевдонимами Джунгар и Елена Инсарова; 13.5.1903, Алтай — 6.10.1964, Сантьяго, Чили). Дочь священника, убитого «воинствующими безбожниками». В Харбине жила более десяти лет, с начала 1920-х. Училась на Юридическом факультете. Поддерживала связь с поэтами «Молодой Чураевки», хотя сама в этом объединении не состояла. Из Харбина ее в 1934 г. выселили японцы, она уехала в Шанхай. Содержала вместе с мужем А. Н. Покровским (одним из основателей фашистской партии в Харбине) платную русскую библиотеку. Написала множество патриотических стихов. Ее называли «бардом Белой армии».

Некоторые стихотворения Колосовой появились только в периодических изданиях и не были включены в ее поэтические сборники. Печаталась Колосова в «Рубеже», «Парусе», в газете «Русское слово» и др. В харбинский период ею издано четыре поэтических сборника: «Армия песен» (1928), «Господи, спаси Россию!» (1932), «Не покорюсь!» (1932), «На звон мечей...» (отпечатана 28.7.1934). Пятый сборник, «Медный гул», вышел в Шанхае в 1937 г. После войны эвакуировалась на Филиппины, оттуда уехала в Бразилию. В 1957 или в 1958 г. переехала в столицу Чили Сантьяго. Как и раньше в Китае, держала платную библиотеку — собрание русских книг числом более четырех тысяч. Жила в бедности, книги были единственным ее достоянием.

Кондратович Алла

Лето // Луч Азии. 1943. № 6. Алые паруса; На яхте — написано в Харбине. * * *

Кондратович Алла. Родилась в 1925 г. Жила в Харбине. Печаталась в газете «Луч Азии», в сборнике «Лири» и др.

Кормчий Яков

Кормчий Яков // Валаам: Поэмы. Шанхай, 1931.

Венадад — царь Сирии, разорвавший иудейское и израильское царства. Азаил — полководец Венадада и его убийца, а затем царь Сирии. (Прим. автора.) * * *

Кормчий Яков — псевдоним Николая Александровича Сетницкого (1888 — арестован в ночь с 1 на 2 сентября 1937 г., Москва, вероятно, расстрелян). Учился в Петербургском университете на отделении восточных языков, с 1913 г. служил в Министерстве торговли в Петербурге, затем год провел в армии, переехал к родителям в Одессу. Печатался с 1919 г. В 1922 г. издал в Одессе брошюру «Статистика, литература и поэзия». Вскоре уехал в Москву. В 1925 г. переехал из Москвы в Харбин, где служил при КВЖД, активно печатаясь и пропагандируя идеи Н. Ф. Федорова. В 1935 г., после продажи КВЖД японцам, с семьей возвратился в Москву. Опубликовал за рубежом ряд работ своего друга Александра Константиновича Горского (1886–1943), остававшегося в СССР, в том числе издал под псевдонимом А. Горностаев книгу стихотворений «Лицо эры» (Харбин, 1928), поэму «Высказывания и картины» (Харбин, 1935, под псевдонимом А. К. Горностаев), а также сборник «Одигитрия», Харбин, 1935, под псевдонимом Зин. Герв. Яхонтов; некоторые харбинские писатели, в том числе Валерий Перелешин, считали псевдоним Горностаев псевдонимом именно Сетницкого — оба они были верными последователями Н. Ф. Федорова, что при множестве псевдонимов Сетницкого (Г. Гежединский, П. Трубников, Д. Кононов, И. Козодоев, П. Лучицкий) и привело к путанице. Сетницкий издал две собственные поэтические книги — поэму «Эпафродит: эпопея» (Харбин, 1927) анонимно и цикл библейских стихотворений «Валаам: поэмы» (Шанхай, 1931) за подписью Яков Кормчий. Существует также неизданная поэма Сетницкого «Авраам: драматическая хроника в 2-х д.» за подписью П. Лучицкий, датированная 1925 г. и изданная в Харбине.

Коростовец Мария

Пекин // Рубеж. 1942. № 46. Китайская шкатулка — из архива В. Перелешина. Прочие стихотворения печатаются по коллективному сборнику: Остров. Шанхай, 1946.

Феникс — Цы Си, последняя императрица последней китайской (маньчжурской) династии Цин.

Кубилай — т. е. Хубилай, или Кубла-хан (1215–1294), внук Чингисхана, китайский император (при его дворе побывал Марко Поло).* * *

Коростовец Мария Павловна (урожд. Попова;? — 1970-е, Австралия). Отец — российский консул в Монголии, синолог-лексикограф Павел Попов. Жила в Пекине, с 1943 г. — в Шанхае. Участвовала в шанхайском кружке «Пятница». Вышла замуж за сына русского посла в Китае И. Я. Коростовца (автора нескольких книг, включая записки о Портсмутском мире с Японией). Участница сборника «Остров» (1946). В 1950-е уехала с семьей в Австралию.

Крузенштерн-Петерец Юстина

Покамест не надо... // Крузенштерн-Петерец Ю. Стихи. Шанхай, 1946. 78 с. 500 экз. Строка «Я очень спокойна, но только не надо» — в данном случае из романса А. — Вертинского на переделанный текст стихотворения А. Ахматовой «Чернеет дорога приморского сада...» (1914) (у Ахматовой — «Я очень спокойная. Только не надо...»). Дом — там же. В экземпляре, имеющемся у составителя, строка «Да, в этом сердце не сыскать...» — почерком Крузенштерн-Петерец заменена на: «Увы, теперь уж не сыскать...» Дым («Уходя от родины навеки...») — там же. Стихотворение написано на тему, предложенную в кружке «Пятница»; предназначалось для сборника «Остров»; но включено не было. Поражение — по автографу. «Когда-то...» — из частного собрания; на той же странице примечание поэтессы М. Визи: «Написано в Шанхае в то время, когда город был занят коммунистами». China Doll// Перекрестки. 1981. № 5. Филадельфия. Ян Гуэй-фей — по автографу в частном собрании. Ли Тай-бо — по автографу. «Холод осенний в китайском панно...»; Дым («Волчья кровь у меня...»); Встреча; «Часто на Бога сетую...»; «Шорох ли...» — из частного собрания. «Жизнь спокойней...»; Прощание; «С ногтей так быстро сходит лак...»; «Ты любишь цветы?..» // Крузенштерн-Петерец Ю. Стихи. Шанхай, 1946. Россия — там же; в экземпляре составителя датировано рукой автора: 28 июля 1944; вошло в «Остров».

China Doll — китайская кукла (англ.).

Владимир Померанцев — поэт (см. его стихи и биографические сведения о нем в наст. издании).

Ян Гуэй-фей — красота и трагическая судьба Ян Гуэй-фей, или Ян Гуй-фей (правильнее — Ян-Гуэйфей) (719–756) описана во многих произведениях китайской литературы. Необыкновенная красавица, она была любимой наложницей императора Танской династии Сюань Цзуна. Когда один из военачальников восстал против императора и вынудил его покинуть столицу Сиань, войска императора взбунтовались, обвиняя Ян Гуэй-фей в близких отношениях с восставшим военачальником и в слишком большом влиянии при дворе. Император приказал задушить Ян Гуэй-фей.

Норны — в скандинавской мифологии низшие женские божества, определявшие судьбу людей при рождении. Аналогичны мойрам (паркам) из античной мифологии.* * *

Крузенштерн-Петерец Юстина (в первом браке Степанова, во втором Петерец; псевдонимы: Снорре, — Сибилла Вэн, Т. Штерн, Merry Devil; 19.6.1903, Владивосток — 8.6.1983, Сан-Матео, США). Ее предком по отцовской линии был адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Отец — армейский офицер, служивший в пограничной страже Заамурского округа; погиб в Первую мировую войну. Попала в Харбин вместе с родителями в 1906 г. в трехлетнем возрасте. В 1920-е стала журналисткой, сотрудничала во многих газетах, в частности в русской газете «Гун-бао». Первый муж — поэт С. Ф. Степанов (1874–1934). В начале 1930-х переехала в Шанхай. В декабре 1934 г. вышла замуж за поэта и критика Н. В. Петереца. Сотрудничала в ежедневной газете «Шанхайская заря» и в «North China Daily News», для которой писала по-английски. Нередко писала фельетоны под псевдонимом Merry Devil (т. е. Веселый Бесенок). Участвовала в кружках «Понедельник» и «Пятница». Книга Крузенштерн-Петерец «Стихи» была издана в 1946 г. тиражом 500 экз., в том же году с участием Крузенштерн-Петерец выходит «Остров» — большой коллективный сборник шанхайского литературного кружка «Пятница». В конце 1940-х Крузенштерн-Петерец издала свой сборник статей «Антигона». Не успев вовремя уехать, несколько лет жила в красном Китае, и лишь после продолжительных хлопот ей удалось эмигрировать в Бразилию. В начале 1960-х переехала в США. Работала в Вашингтоне на «Голосе Америки». В 1968 г. в парижском «Возрождении» был напечатан ее мемуарный очерк о дальневосточных поэтах, остающийся первоклассным источником для истории поэзии «русского Китая». В 1969 г. Крузенштерн-Петерец издала в Торонто книгу рассказов «Улыбка Псиши». Выйдя на пенсию, переехала в Сан-Франциско. Позднее 79-летнюю Крузенштерн-Петерец пригласили стать редактором сан-францисской газеты «Русская жизнь». «Маленькая седовласая старушка с неизменной сигаретой во рту, отчаянно барабанившая на пишущей машинке, — такой вспоминал ее мемуарист. — Ее веселый, а порой и саркастический нрав выявлялся вспышками громкого хохота... Бескорыстие, порядочность, живой ум, острую наблюдательность и интеллектуальную любознательность она пронесла через всю свою жизнь» (Новый журнал. 1983. № 153. С. 304). Стихотворения Крузенштерн-Петерец печатались в журналах «Грани», «Возрождение», «Современник», вошли в антологию Ю. Терапиано «Муза диаспоры». Ее воспоминания опубликованы в ежегоднике «Россияне в Азии» (Торонто).

Крук Нора

«Белые, чистые хлопья на этой панели...» — из архива В. Перелешина. «Я хочу, чтобы память осталась в ладонях...» — прислано автором. * * *

Крук Нора (урожд. Нора Мариановна Кулеш; 1920, Харбин). Писать стихи начала в школьные годы. В 1939 г. переехала в Шанхай, работала журналисткой. С 1957 до 1975 г. жила в Гонконге, где начала писать по-английски, печаталась в местных газетах и журналах. С 1975 г. живет в Австралии.

Лесная Ирина

Степные зеркала // Рубеж. 1931. № 26; Далекий сон // Рубеж. 1929. № 2; Осень любви // Рубеж. 1929. № 45; Любовь-чародейка // Рубеж. 1929. № 47; Напиток осени // Рубеж. 1929. № 40; Сквозь кружево лет // Рубеж. 1929. № 52; Хрустальная постройка // Рубеж. 1930. № 1; Издалека — печатается по автографу из частного собрания. Мельница в лесу — по автографу из частного собрания. На той же странице рукою И. Лесной написано: «Я

почему-то люблю это простенькое стихотворение, как какое-то воспоминание — картинку из древней Руси, потому и послала Вам — не для печати, оно мне „для себя“ нравится». Тайга // Рубеж. 1936. № 33; Осень; Поезда — из частного собрания. У пруда — печатается по автографу (из архива В. Перелешина). Стихотворение посвящено поэтессе Лариссе Андерсен. Вариант этого стихотворения приведен факсимиле в кн.: Остров Лариссы / Под редакцией Эммануила Штейна. Орэндж: Antiquary, 1988. * * *

Лесная Ирина (наст. фам. Лесевицкая Ирина Игоревна; 19.2.1913, станция Хайлар, Маньчжурия — 1997(?), Асунсьон, Парагвай). Жила в Харбине. Вышла замуж за профессионального охотника и переехала жить на глухой полустанок Китайско-Восточной железной дороги. После смерти мужа уехала в Шанхай. Печаталась в «Рубеже». Работала маникюршей в дамском салоне. «В ее стихах была своя нота: какая-то особенная интимность, уютность. Писала она о праздниках, о елке и вербе, о деревьях, цветах, бабочках и птицах». (Перелешин В. Два полустанка. С. 33). В начале 1950-х, после установления в Китае коммунистического режима, уехала в Парагвай. Поселилась в г. Асунсьоне. Оттуда изредка присылала свои стихотворения в сан-францисскую газету «Русская жизнь».

Логинов Василий

На Сунгари. Терцины // Рубеж. 1930. № 25; «О, сунгарийская столица!..» // Логинов В. Створа триптиха. Харбин, 1935. Оморочка // Рубеж. 1939. № 28; Ученый // Рубеж. 1939. № 24.

Сунгари — река, на правом берегу которой был построен Харбин, а на левом находились Затон и дачи; харбинцы говорили «за Сунгари» обо всем, находящемся на левом берегу.

Джангуйда — по-китайски хозяин (лавки, магазина, предприятия).

Пьер Мак-Орлан (Пьер Дюмарше) (1882–1970), французский писатель.

Купеза, или купеса — искаженное дальневосточное «купец».

Ханжа, или ханша , — китайская водка.

Китайская — так называлась главная улица прибрежного коммерческого района Пристани.

Фудзядян, или Фуцзядянь , — китайский пригород Харбина, со временем слившийся с ним.* *

Логинов Василий Степанович (псевдонимы: Капитан Кук, Лингва; 28.6.1891, Екатеринбург — 1945 или 1946, Харбин). Происходил из семьи уральских купцов-золотопромышленников, владельцев крупных лесопромышленных предприятий и сам стал купцом-лесоторговцем (по его собственному выражению, «коммерческими способностями никогда не блистал»).

Логинов учился в Петербургском университете на юридическом факультете (1908–1913). Первое выступление в печати в 1908 г. Печатался в газетах «Уральский край» и «Зауральский край». Во время Гражданской войны жил во Владивостоке. В конце 1919 г. эмигрировал в Японию. В 1923 г. уехал в Харбин. Начал работать в журнале «Новости жизни» и в газете, издававшейся под тем же названием. Позднее работал за комнатку при типографии и за гроши в газете «Гун-бао». В 1929 г. вышел его сборник рассказов о природе, быте и фольклоре Сибири и Урала «Ял-Мал» (в который включена повесть «Ял-Мал», двадцать или более рассказов и пьеса). В 1935 г. издал сборник рассказов «Сибирь». Сюжеты и образы у Логинова-прозаика основаны на личном жизненном опыте. Некоторые стихотворения посвящены той же теме, что и рассказы, — освоению Сибири. Печатался в

газетах «Новости жизни», «Русский голос», «Харбинское время», журналах «Рубеж», «Казачий клич», сборниках «Понедельник» (стихи), «Багульник», «Врата» (отрывок из повести «Вечерний звон»). Под псевдонимом Капитан Кук издал книжку фельетонов «Харбин в стихах. Бытовые картинки» (1932). Сборник стихотворений Логинова «Створа триптиха» (Харбин, 1935) показывает поэта брюсовской школы. «О Брюсове, о теории стихосложения Логинов мог говорить часами» (Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172–173). В своей любовной лирике он романтик, идеалист, созерцатель, «никому не причинивший зла непрактичный русский интеллигент» (Н. Резникова). Когда «Гун-бао» закрылась, Логинов впал в крайнюю бедность, «ходил в жутком тряпье, грязным оборванцем» (В. Перелешин). В начале оккупации Харбина советскими частями Логинова неоднократно вызывали на допросы. В последние месяцы жизни работал на железнодорожном топливном складе сторожем. Умер в харбинской больнице.

Март Венедикт

Март В. Песенцы: Китайские этюды. Стихи. Харбин: Камена. Типография т-ва «Кооператив». 1922. 14 с.

Модягоу, или Мацзягоу — район Харбина.

Шампунки — искаж. сампаны.

«Юлит» — см. ниже прим. А. Несмелова к стихотворению «Юли-юли».

Хай-шин-вей — «Залив Великих Трепангов», китайское название Владивостока.* * *

Март Венедикт (более ранний псевдоним Венедикт Марьин; наст. фам. Матвеев Венедикт Николаевич; 27.3.1896, Владивосток — 1937, Киев). Отец — писатель-краевед, поэт, журналист Николай Петрович Матвеев-Амурский. Сын — известный эмигрантский поэт Иван Елагин. Стихи Март начал писать гимназистом. Его первый сборник «Порывы» вышел в 1914 г. во Владивостоке (под псевдонимом Марьин). Там же вышли и последующие его книги стихов — «Песенцы» и «Черный дом». В 1918 г. он подготовил манускрипт еще одного сборника «Русь — кровь моя!». В 1917–1921 гг. Март редактировал владивостокские журналы «Глашатай» и «Великий океан». Непродолжительное время входил в группу футуристов, съехавшихся к 1919 г. во Владивостоке (Д. Бурлюк, С. Третьяков, Н. Асеев, С. Алымов, Б. Бета и др.). В 1920 г. Март уехал в Харбин. Печатался в русских периодических изданиях в Китае и в Японии (ежемесячный журнал «Окно», еженедельник «Вал» и др.). Опубликовал в Харбине книги: «Файн» (1918), «Строки» (1919), «Тигровые чары» (1919), «Изумрудные черви. Поэма» (1919), «Лепестки сакуры. Танки и хокку» (1919), «Украденная смерть. Поэма» (1921), «История моей смерти. Три солнца» (1921), «Луна» (1922), «Благословенный голод» (1922), «На любовных перекрестках причуды» (новелла-миниатюра, 1922), «Синий благовест. Россия без „Ъ“» (1922), «Китайские стихи» (1922). Переводил китайских классических поэтов. В 1923 г. Март вернулся в СССР. В двадцатые годы и в начале тридцатых продолжали выходить его книги в Москве и Ленинграде; последняя вышла в Киеве в 1932 г. В ноябре 1928 г. его арестовали и выслали по этапу в Саратов. После саратовской ссылки Март жил на Урале, в Ленинграде, в Киеве. 12 июня 1937 г. он был снова арестован, видимо, тогда же расстрелян.

Недельская Елена

Откровение; Из окна поезда; Волга; Вечер; Раздумье; «Всеми навсегда стать покорной...» // Недельская Е. У порога. Харбин: Издательство А. Ф. Недельского. Отпечатано 1 июня 1940, издано 10 июня 1940. Белая роща; Наш дом; Далекое; «Как хорошо в борьбе с судьбою многоликой...»; Было; Радость снежная; Лето; Сумерки // Недельская Е. Белая роща: Вторая книга стихотворений. Харбин, 1943. «В душном мраке усталые люди...»; Зимней ночью — из архива В. Перелешина. Утро // Рубеж. 1944. № 16. Светлая нить // Лира. Харбин, 1945.

Ходя — пренебрежительное прозвище китайцев.* * *

Недельская Елена Николаевна (1912, Ярославль — 31.8.1980, Сидней). Выросла в Самаре. После революции эмигрировала с родителями в Харбин. Печаталась в журнале «Рубеж», в альманахе «Прибой» (1941, 1942), в коллективном сборнике «Лира». Выпустила поэтические сборники «У порога» (1940) и «Белая роща» (два издания: 1941 г. и начало 1943 г.). Характер поэзии Недельской вполне соответствует авторскому определению: «Все мыслю ясным и простым». Недельская писала о городе своей юности Харбине, о домашнем уюте, о церковной «тишине святой», о «душном плене» души и мечтах о свободе, о зимней «снежной радости» вдвоем с другом. В ее стихах заметна поэтизация бытовых подробностей, попытка увидеть прекрасное в обыденном, стремление к акмеистической ясности. «Харбинская страница русской зарубежной литературы, — писал В. Перелешин, — была дописана в 1945 году. Останется от нее, быть может, немного, но нельзя будет обойти молчанием... стихи Елены Недельской». В начале 1950-х ей удалось уехать из Харбина. Последний период жизни прошел в Австралии. В 1978 г. Недельская издала сборник «Стихи» (Франкфурт-на-Майне).

Несмелов Арсений

В Китае // Азия. 1932. 2 апр. Гряда // Феникс. 1935. 1 дек. № 14. «Свою страну, страну судьбы лихой...»; Переходя границу; Ночью; Прикосновения; Пять рукопожатий; Леонид Ещин (стихи Л. Ещина включены в наст. издание), «Ловкий ты и хитрый ты...» // Несмелов А. Без России. Харбин: Печатано в художественной типографии «Заря»; 1931. 61 с. «Уезжающий в Африку или...»; Стихи о Харбине; Хунхуз; Около Цицикара; В сочельник // Несмелов А. Полустанок. Харбин: Изд-во А. З. Бельшева. Отпечатано 20 августа 1938, издано 30 августа 1938. 30 с. 150 экз. Флейта и барабан; В затонувшей субмарине; Потомку; Эпитафия // Несмелов А. Белая флотилия: Стихи. Харбин, 1942. 63 с. Из Китайского альбома // Рупор. 1932. № 242. Юл

и -юл

и // Рубеж. 1936. № 7, с авторским примечанием: «„Юл

и -юл

и “ называют во Владивостоке лодки с парусом и кормовым веслом, а также и лодочников-китайцев, управляющих этими судами». Наша весна // Рубеж. 1939. № 12. В закатный час // Луч Азии. 1939. № 8/60. Как на Россию непохоже // Луч Азии. 1940. № 7. Старое кладбище // Рубеж. 1943. № 32. В полночь // Рубеж. 1945. № 4; Тень — по автографу из архива П. П. Балакшина.

Райский, Вера — герои романа И. А. Гончарова «Обрыв» (1870);

Хорь — персонаж рассказа И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» (1847).

Саводники — имеются в виду учебники В. Ф. Саводника (1874–1940) «Краткий курс русской словесности с древнейших времен до конца XVIII века» (1913) и «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1906), служившие основным пособием для изучения русской литературы в гимназиях, позднее — в средней школе до конца 20-х годов XX в.;

дьякон Ахилла — один из героев романа Н. С. Лескова «Соборяне» (1872).

«

Мару » — составная частица в названии почти любого японского судна, особенно транспортного, здесь — употреблено вместо слова «корабль».

Макленка — маленькая пушка (прим. А. Несмелова).

Хунхуз — буквально «краснобородый»; разбойник.

Цицикар — город на северо-востоке Китая.

Манза — китаец (диалект.).* * *

Несмелов Арсений (наст. фам. Митропольский Арсений Иванович; 8(20).6.1889, Москва — 6 декабря 1945, Гродековская пересылка близ Владивостока). Учился в кадетском корпусе. Печататься начал в 23-летнем возрасте. Первая публикация в «Ниве» под фамилией Митропольский. Первая книга — «Военные странички: стихи и рассказы» (М., 1915). Участник Первой мировой войны. С армией Колчака отступал через Сибирь. В Омске в 1919 г. еще печатался под своей фамилией, во Владивостоке взял псевдоним в память о друге, убитом в бою под Тюменью. В 1921 г. во Владивостоке вышла его книга «Стихи», написанная под влиянием футуристов. В том же году напечатана поэма «Тихвин», а в 1924 г., также во Владивостоке, издан сборник «Уступы». В 1924 г. Несмелов перешел советско-китайскую границу, поселился в Харбине. Много печатался в периодических изданиях, в том числе под псевдонимами (Анастигмат, Тетя Розга, Н. Рахманов, Мпольский, Н. Арсеньев, Арсений Бибилов — последний псевдоним взят по фамилии матери). Стал членом Всероссийской фашистской партии в Харбине. Под псевдонимом Николай Дозоров выпустил две ультра-патриотические книги «Только такие!» и «Георгий Семена» (обе — в 1936 г.). Несмелов был одним из очень немногих русских дальневосточных поэтов, чье творчество вызывало интерес эмигрантских читателей в Европе и в Америке. Несмелов печатался в «Современных записках», «Русских записках», «Вольной Сибири» (Прага), в «Воле России», в чикагском журнале «Москва», в антологии «Якорь», в сан-францисском сборнике «Земля Колумба». Писал прозу — рассказы, роман «Продавцы строк» (не найден). Основное поэтическое наследие Несмелова — шесть книг: «Кровавый отблеск» (1929, на обложке 1928), «Без России» (1931), «Через океан» (1934), «Полустанок» (1938), «Протопопица» (1939), «Белая флотилия» (1942). В августе 1945 г. Несмелов был арестован смершевцами и отправлен в СССР. Умер он в пересыльной тюрьме.

Обухов Василий

«Ты не Синей Звездой родилась...»; «Не могу ни плакать, ни молиться...»; «И Пушкин был влюблен...»; «И ямбом неотточенным...»; М. Е. Ф. // Лестница в облака: Стихи. Харбин: Издание Литературного кружка «Акмэ», 1929. 63 с. Участники этого коллективного сборника — Н. Алябьев, Т. Андреева, Г. Копытова, В. Обухов, Н. Резникова, Н. Светлов. «О гравий дорожек хрустит башмачок...» // Рубеж. 1933. № 25. Кукольная маркиза // Рубеж. 1933. № 10; посвящено Наталии Резниковой (см. о ней в наст. издании). В таверне // Рубеж. 1934. № 22.

Почтальон // Рубеж. 1934. № 7. Земная муза // Рубеж. 1934. № 16. Сухум-кале // Рубеж. 1934. № 13. Сентябрь // Врата. Кн. 1. Шанхай, 1934. Ранее это стихотворение было напечатано: Рубеж. 1932. № 45, под названием «На крыльях осени». Опустошение // Врата: Кн. 1. Ранее: Рубеж. 1933. № 261, под названием «Опустошенность» и с одним разночтением. «Прежде бродил я...»; «Воспомяненье это или сон?..» // Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935. «Грохоча, колыхалось вечернее чрево трамвая...» // Рубеж. 1940. № 50. Повесть о Пскове // Луч Азии. 1942. Март. № 91.

Пернач — род булавы с перяным набалдашником.

Совна (или совня) — восточноевропейское древковое оружие с наконечником в виде ножа.

Стефан Баторий (1533–1586), король Польши с 1576 г., полководец.

Гармата — пушка.

Клыч — турецкая сабля.* * *

Обухов Василий Константинович (5.1.1905, юг России — 17.6.1949, Харбин). Стихи начал писать с пятнадцати лет. Жил в Харбине. Окончил юридический факультет. Печатался в журнале «Рубеж». Его стихотворения вошли в коллективный сборник «Лестница в облака» (Харбин, 1929). Стихи и проза Обухова напечатаны также в шанхайских сборниках «Врата» (1934, 1935). В поэзии Обухова заметна несомненная зависимость от Н. Гумилева. «Его кумиром был Гумилев», — писала Н. Резникова (Новый журнал. 1988. № 172–173). В. Перелешин назвал Обухова «дальневосточным акмеистом» (Новый журнал. 1988. № 172–173). В 1941 г. Обухов издал свою единственную книгу стихов «Песчаный берег». На конкурсе Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи получил первую премию за стихотворение на патриотическую тему «Повесть о Пскове» (1942). После оккупации Маньчжурии советскими войсками был арестован, увезен из Харбина в СССР, некоторое время сидел в лагере, но вскоре был отпущен. Вернулся в Харбин пешком. Умер от рака. «Каждое стихотворение Василия Обухова — отражение его трудной, мучительной жизни, в которой единственной настоящей радостью было творчество». (Резникова Н. // Новый журнал. № 172–173. С. 393).

Орлова Изидида

Лайфу // Зороастра Кшижанна. Черные иммортели. Харбин: Изд. Г. Сорокина, 1929. 53 с. В связи с этим стихотворением В. Перелешин отметил, что слова «тачинкин»; «канфа»; «алтабаз» и «чай лянсин» не китайские, а изобретенные И. Орловой, писавшей под псевдонимом Зороастра Кшижанна. Слияние; Инкарнация // Орлова И. Мистические розы: Стихи. Шанхай, 1946. «От невзгод, суеты и насилия...» — из архива В. Перелешина, стихотворение посвящено Перелешину.

INRI — Иисус Назорей Царь Иудейский (лат.).* * *

Орлова Изидида (Изидора) Томашевна (урожд. Джушковская; псевдоним Зороастра Кшижанна). Участница объединения «Чураевка». Автор поэтических сборников «Черные иммортели» (Харбин, 1929) и «Мистические розы» (Шанхай, 1946). В 1930-е переехала из Харбина в Шанхай. В начале 1950-х уехала с мужем А. Л. Орловым из Китая в Аргентину. Жила в Буэнос-Айресе, преподавала музыку.

Паркау Александра

Весна в Харбине // Рубеж. 1930. № 16. Под сиренью; Воспоминание; Паутинки — по автографу из архива составителя. Бегство; Багульник; Серебряный Дайрен; Туда — к чужим; Сказка веков; Лунный новый год (впервые: Рубеж. 1931. № 11); На шаланде; Злая осень; По китайскому календарю; Харбинская весна // Паркау А. Огонь неугасимый: Стихи. Шанхай, 1937. 191 с. Кельнерше // Современная женщина. 1938. Март. Пятнадцать лет // Паркау А. Родной стране. Шанхай: Типография издательства «Слово», 1942. 51 с.

Пятиполосный флаг — пятицветным китайским флагом, поднятым в 1932 г. над Правлением КВЖД в Харбине, был сменен трехцветный российский в знак перехода КВЖД из рук России в руки Китая (на самом деле Японии).

Женских курм — см. выше прим. к Л. Ещину.* * *

Паркау Александра Петровна (в замужестве Нилус; 16.6.1889, Новочеркасск — 1954, СССР). Жила в Батуме и в Тифлисе. Выйдя замуж, переехала в Петербург. В 1916 г. вместе с мужем Е. Х. Нилусом (адвокатом, а во время войны военным следователем, полковником, получившим назначение в правление КВЖД) приехала в Харбин. Печататься начала, по словам Ю. Крузенштерн-Петерец, «вскоре после революции» (Возрождение. 1968. С. 204). В 1920 г. в пекинском «толстом» журнале «Русское обозрение» была напечатана ее поэма «Москва горит». Некоторые стихотворения подписывала фамилией Нилус, но чаще печаталась за подписью Александра Паркау. Стихи писала также и по-французски, переводила французских поэтов на русский, писала прозу. В 1928 г. в ее переводе в Харбине вышла книга Поля Жеральди «Ты и я». Ее стихи печатались в журнале «Рубеж», в харбинском литературно-художественном сборнике «Багульник» (1931). В 1933 г. переехала в Шанхай. В 1937 г. вышел сборник стихотворений Паркау «Огонь неугасимый», в 1942 г. — «Родная страна». У нее на квартире собирался литературный кружок «Среда». В конце 1940-х вместе с сыном и его семьей уехала в СССР.

Перелешин Валерий

«Живешь в глуши страны чернильной...» // Рубеж. 1935. № 25. В лабиринте — по авторизованной машинописи. Подражание китайскому — из собрания составителя. Молчанье — по авторизованной машинописи. Галлипалийцы // Перелешин В. В пути: Стихи 1932–1937. Харбин: Заря, 1937. 64 с. 200 экз. Мы // Герман. Добрый улей: Вторая книга стихотворений. Харбин, 1939. 27 с. 200 экз. (Герман — монашеское имя Перелешина.) Поездка в Дун-лин; Расплата; Картина; Счастье // Перелешин В. Звезда над морем: Третья книга стихотворений. Харбин: Заря, 1941. 200 экз. Передел; Возвращение; На середине моста; Чжунхай; Ностальгия; Хуцинь; Вид на Пекин из Би-юнь-сы; В Шаньхайгуане // Перелешин В. Жертва: Четвертая книга стихотворений. Харбин: Заря, 1944. 51 с. Сянтаньчэн; Последний лотос; Сочельник // Перелешин В. Южный дом: Пятая книга стихотворений. Мюнхен: Издание автора, 1968. 45 с. 500 экз. Россия — впервые в коллективном сборнике «Остров» (1946), здесь — по кн.: «Южный дом». Заблудившийся аргонавт; Южный ветер; Красные листья под инеем; Ху-синьтин; Издалека — по кн.: «Южный дом». Extasis; Озеро любви // Перелешин В. Качель: Шестая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Издание автора, 1971. 84 с. Подражание китайскому // Россияне в Азии. 1994. № 1. Пекин // Перелешин В. С горы Нево: Восьмая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Издание автора, 1975. 71 с. (Впервые это стихотворение напечатано: Новый журнал. 1972. № 109 без разделения на строфы.); Изгой — по кн.: «С горы Нево». Три Родины // Новое русское слово. 1973. 30 дек. (Нью-Йорк),

вошло в кн.: «С горы Нево». В разлуке // Перелешин В. Ариэль: Девятая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Издание автора, 1976.

Дун-лин (совр. Дунлин) (Восточная гробница) — место захоронения императоров Цинской династии, в том числе и последней императрицы Цы Си; Дунлин находится близ Пекина, в провинции Хэбэй.

Чжунхай — район старого Пекина, где находятся императорские дворцы и сады.

Хуцинь — китайский смычковый инструмент.

Би-юнь-сы (совр. Биюньсы) — храм в пекинском пригороде.

Шаньхайгуань — пост, от которого начиналась Великая Китайская стена, известная также под названием Первая Застава Вселенной, о ней говорится в первой строке стихотворения. Здесь же упоминается Барабанная башня, по-китайски гулоу; в китайских городах были колокольные башни (башни с часами) и барабанные башни, на которых отбивали время. В этом же стихотворении говорится о «мудром Вэньчане»; известном даосе Чжан Янцзы. Сянтаньчэн (Сянтань) — город на юге Китая. Хусиньтин — здесь имеется в виду остров Гушань (т. е. «Остров Одинокой Горы»), насыпанный посередине озера Сиху (в Ханчжоу) в 1607 году. Собственно «Хусиньтин» — название чайного домика на островке посреди большого пруда в городском парке в Шанхае, где Перелешин жил с 1943 года.

Чжи жу фа — прямая, как волос (китайский фразеологизм).

Чи — мера длины в старом Китае.

Гуаньинь — букв.: «слышащая все в мире» — китайская богиня милосердия, бодисатва женского начала. * * *

Перелешин Валерий Францевич (наст. фам. Салатко-Петрище; печатался также под псевдонимом Монах Герман; 7(20).7.1913. Иркутск — 7.11.1992, Рио-де-Жанейро). Родился в семье железнодорожного служащего. Мать, журналистка Евгения Александровна Сентянина, уехала с сыновьями в 1920 г. в Харбин. По окончании школы (1930) Перелешин поступил на Юридический факультет, где учился до 1935 г. и был оставлен при кафедре гражданского права. В 1937 г. зачислен на Богословский факультет института св. Владимира. В 1938 пострижен в монахи в Казанско-Богородицком монастыре в Харбине. Вскоре переехал в Пекин и начал работать в Российской духовной миссии. С 1943 г. жил в Шанхае. После окончания войны с Японией работал переводчиком в шанхайском корпункте ТАСС. В 1950 г. пытался эмигрировать в США. Из Сан-Франциско был выслан эмиграционными властями обратно в Китай. С января 1953 г. жил в Рио-де-Жанейро. Работал в ювелирном магазине, на мебельной фабрике, преподавал английский в школе Берлица, служил библиотекарем в британском консульстве, несколько лет преподавал русский язык в морском училище. Писать стихи Перелешин учился, по его собственному признанию, «у Блока, Гумилева, даже Ахматовой» (Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 578). Печататься начал в 1928 г. в газете «Рупор». Сам Перелешин чаще называл другую дату: «Мое первое выступление во „взрослой“ печати относится к 1930-му году» (Новый журнал. 1972. № 107. С. 255). С 1932 г. участвовал в кружке «Чураевка». В 1937 г. тиражом 200 экз. вышла его первая книга «В пути», составленная из сорока с небольшим стихотворений, ранее появившихся на страницах журнала «Рубеж». Другие его сборники — «Добрый улей» (1939), «Звезда над морем» (1941), «Жертва» (1944). Участвовал в большом коллективном шанхайском сборнике «Остров» (1946). Затем наступил длительный перерыв, и лишь в 1967 г. Перелешин вернулся в литературу. Перелешин — автор 12-ти поэтических сборников, большой автобиографической поэмы (409 стр.), написанной онегинской строфой («Поэма без предмета», 1989), мемуаров «Два полустанка» (1987), нескольких книг переводов с английского, китайского и португальского на русский и «Александрийских песен» М. Кузмина на португальский. Первая

книга Перелешина-переводчика «Сказание старого моряка» С. Т. Колриджа вышла в Харбине в 1940 г. Перелешин осуществил также поэтический перевод даосского трактата Лао-цзы «Дао дэ цзин».

Петерец Николай

«Из детских снов...»; «Третий том Александра Блока...» — по автографу (рукописный сборник «Помятая тетрадь»), Любовь — нить; «Нет, не Москва...» — из архива В. Перелешина. Карусель; Кольцо; Камея; Светильник; Мы плетем кружева; Сквозь цветное стекло; Достоевский; Россия; Дом // Остров: Сборник стихотворений. Шанхай: Изд. Шанхайской студии поэтов, 1946. 252 с. 1200 экз. (участники: Л. Андерсен, В. Иевлева, М. Коростовец, Ю. Крузенштерн-Петерец, Н. Петерец, В. Перелешин, В. Померанцев, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев). Море — в коллективный сборник «Остров» не попало; жена поэта Юстина Крузенштерн-Петерец вклеила это стихотворение в свой личный экземпляр «Острова» и датировала его 27 апреля 1944. Колокол — вклеено в «Остров» с примечанием Ю. Крузенштерн-Петерец: «Одно из предсмертных стихотворений Николая Петереца, не включенное в сборник редколлегией».

«Бо Брюмель » — прозвище Джорджа Бриана Брюммеля (1778–1840), английского денди, известного своей дружбой с принцем Уэльским, впоследствии королем Георгом IV. Также персонаж известнейшей на рубеже веков пьесы (1890) американского писателя Фитча Клайда (1865–1909) с одноименным названием, написанной для актера Ричарда Мэнсфилда.* * *

Петерец Николай Владимирович (псевдонимы: В. Строев, Аркадий, Protector;? — 11.12.1944, Шанхай). По словам поэта Михаила Волина, Петерец родился в Риме (Новый журнал. 1997. № 209. С. 226). Отец — Владимир Николаевич Рихтер, революционер, жил за границей, после революции вернулся в Россию, примкнул к оппозиции, был арестован. Родственники по матери — уроженцы Словакии, поселившиеся во Владивостоке и сменившие австрийское подданство на российское. После развода мать дала сыну свою девичью фамилию Петерец. Мать и сын получили чехословацкое гражданство и смогли уехать в Харбин. Жена — поэтесса и прозаик Юстина Крузенштерн-Петерец. Николай Петерец окончил в Харбине гимназию, затем учился на Юридическом факультете, где примкнул сначала к фашистам, затем к легитимистам. Участвовал в «Молодой Чураевке», в 1933 г. был избран председателем этой литературной студии. Основал в Харбине группу «Круг поэтов». Увлекался стихами Георгия Иванова. Около 1934 г. переехал в Шанхай. Зарабатывал журналистикой. Опубликовал несколько брошюр о младороссах. Заинтересовался марксизмом. Вступил в просоветский «Союз возвращенцев». Стал редактором еженедельной газеты «Родина», издававшейся этим «Союзом». С лета 1941 г. «Родина» была преобразована в ежедневную «Новую жизнь», в которой по-прежнему первую скрипку играл Петерец и оставался на главных ролях до своей ранней смерти. В 1941 г. он участвовал в шанхайском коллективном патриотическом сборнике «Стихи о Родине». В 1943 г. стал одним из организаторов кружка «Пятница». В кружке участвовали Крузенштерн-Петерец, Иевлева, Коростовец, Андерсен, Померанцев, Перелешин, Щеголев, Хаиндрова. Статьи Петереца печатались в шанхайских газетах, рассказы — в «Парусе», стихи — в журнале «Рубеж», в газете «Молодая Чураевка» (с 27 декабря 1932 г. называлась «Чураевка»), коллективном сборнике «Остров». Его стихи, статьи, рецензии печатались также в шанхайском журнале «Сегодня». Своего сборника стихов Петерец не издал. Сохранился черновик подготавливавшейся им поэтической книги «Памятная тетрадь». В 1946 г. посмертно был издан в Шанхае сборник его статей. Умер от воспаления легких.

Померанцев Владимир

Тайга // Чураевка. 1933. № 4(10). Сирена; «Бледен был солнца восход...» // Феникс. 1935. № 9. «В желтом пламени песков...» // Феникс. 1935. № 14. Дым; Ангелы; Карусель // Остров. Шанхай, 1946. * * *

Померанцев Владимир Николаевич (24.10.1914, Литва — 22.5.1985, Кемерово). Отец служил на КВЖД еще до революции, но Померанцев родился в Литве, куда поехала навестить родственников его мать. Позднее родители Померанцева встретились в Москве. В середине 1920-х уехали в Харбин. Учился в Харбине в гимназии Христианского союза молодых людей (в одном классе с будущим поэтом Михаилом Волиным). Участвовал в кружке «Чураевка». Занимался музыкой и живописью. В 1930-е печатался в журналах «Парус» и «Феникс». Как и многие харбинцы, после японской оккупации Маньчжурии переехал в Шанхай. Участвовал в кружке «Пятница» и в изданном этим кружком сборнике «Остров». Вместе с женой Миррой Гальпериной уехал в 1946 г. в СССР. Около года жил в Находке, затем поселился в Кемерове, работал художником-оформителем. «Долго не было сведений о В. Померанцеве, — говорит в своих воспоминаниях Л. Андерсен, — и по единственному письму, что он мне написал, мы узнали, что он стал художником, что потерял жену и что если он не ответит на следующее письмо, значит он уже по ту сторону добра и зла» (Новый журнал. 1996. № 200).

Рачинская Елизавета

Весенние триолеты (также: Рубеж. 1930. № 23); Подражание Корану; На дороге к кладбищу // Вольная Сибирь. № 9. «Весенние триолеты» были признаны лучшими стихотворениями на свободную тему на конкурсе «Молодой Чураевки», в котором приняло участие 14 поэтов. «Жизнь мнится мне неверной и случайной...» // Рачинская Е. Перелетные птицы. Сан-Франциско: Глобус, 1982. Весна в ноябре; В закатный час — из собрания составителя. Из Баримской тетради // Рубеж. 1942. № 26. Лотос; В мечтаньях тайных // Лира. Харбин, 1945. Барим // Рубеж. 1940. № 37. Прелюд Шопена № 6; Кассиопея; Баллада сентиментальных вздохов; «Да, помню...»; Молитва — из собрания составителя.

Барим — станция на западной линии КВЖД.

Бюст Екатерины — скала около станции Барим, напоминает женскую фигуру, важно сидящую за пианино; русские называли эту скалу Екатериной, т. е. Екатериной Второй.

Ял — река, близ которой расположена станция Барим.* * *

Рачинская Елизавета Николаевна (в замужестве Гусельникова; 8.7.1904, Тюсьбю, Финляндия — 23.1.1993, Лондон). Из дворянской семьи. Отец — полковник. По словам поэтессы, он принадлежал к «военной аристократии». Мать получила воспитание в Смольном институте. Муж — присяжный поверенный И. А. Гусельников; в 1945 г. он был арестован, увезен в СССР, осужден и отправлен в лагерь. В детстве Рачинская жила в Гельсингфорсе. В 1918 г. эмигрировала в Китай. Училась в Харбинском коммерческом училище, затем в частной гимназии. Прослушала цикл лекций на юридическом факультете в Харбине. Работала в коммерческом агентстве Южноманьчжурской железной дороги и в маньчжурском отделении швейцарской торговой фирмы Бриннера. Печаталась в харбинской «Студенческой газете», в журналах «Рубеж» (Харбин), «Иллюстрированная Россия» (Париж), «Вольная Сибирь» (Прага), «Студенческие годы» (Прага), в коллективном сборнике «Земля Колумба» (США). В 1926 г. вышел ее сборник стихотворений «Ключи». Вышла также ее книжка «Кому в Харбине

жить хорошо». В 1937 г. опубликовала сборник рассказов «Джебел-Кебир». В 1941 и 1942 г. участвовала в альманахе «Прибой», в 1945 г. — в сборнике «Лира». С 1956 г. жила в Сиднее, работала в писчебумажной фирме и во французской инженерной компании. Начиная с 1964 г. тринадцать лет работала на Би-би-си в Лондоне. Ее статьи появлялись в русских австралийских периодических изданиях и в нью-йоркском «Новом русском слове». Рачинская — автор мемуарных книг «Перелетные птицы» (1982) и «Калейдоскоп жизни» (1990).

Резникова Наталия

«Пожелтела в саду трава...»; «За окном снеговая мистерия...»; «Не высказать, не выразить тоски...»; «Довольно клятв, не надо слов любви...»; «Случайный взгляд, короткий разговор...» (впервые: Рубеж. 1937. № 16); «Вся жизнь — мучительный и страшный сон...»; «Я скучаю в счастливые тихие дни...»; «Цветет черемуха...»; «Мне тогда было девять лет...» (впервые: Рубеж. 1938. № 35), «Ржавчиной разъедена листва...»; «Я разучилась ревновать...»; «Нет, слов не надо...» // Резникова Н. Песни земли. Харбин: Изд-во В. В. Плотникова, 1938. 150 экз. «Занесенная метелями...»; «Я скоро задохнусь от муки...»; «Есть в музыке далекой в синий час...»; 31 декабря 1940 // Резникова Н. Ты: Стихотворения. Книга вторая. Харбин: Заря, 1942. * * *

Резникова Наталия Семеновна (в первом замужестве Тарби, во втором — Дерюжинская; 7.7.1911, Иркутск — 1990-е, Нью-Йорк). Отец — адвокат, около четверти века практиковавший в Харбине, куда семья Резниковой эмигрировала в 1921 г. «Тайком, оставив все наше имущество, простившись только с близкими друзьями, мы поездом отправились в Читу, а оттуда перебрались в Маньчжурию... В Харбине зажили свободно, забывая, что живем в Китае — не у себя» (из неопубликованной автобиографии). В 1928 г. окончила русскую гимназию и поступила на Юридический факультет, который окончила в 1932 г. Работала в редакции журнала «Рубеж», вела отдел библиографии, опубликовала ряд рецензий на сборники современных поэтов. Переводила с английского и французского. Участвовала в кружке «Молодая Чураевка», печаталась в коллективных сборниках «Лестница в облака» (1929), «Семеро» (1930), «Багульник» (1931), «Излучины» (1935). В журнале «Рубеж» регулярно появлялись ее стихи, рассказы, переводы. В 1930-е вышли романы Резниковой «Измена» и «Побежденная», книга рассказов «Раба Афродиты». Первая книга стихов «Песни земли» была издана в 1938 г., вторая поэтическая книга «Ты» вышла в 1942 г. после переезда в Шанхай из Харбина, где, как Резникова писала в автобиографии, стало душно с приходом фашистски настроенных японцев. Работала в «Шанхайской заре», писала для этой газеты статьи о спектаклях, художественных выставках, концертах. В Шанхае опубликовала книгу «Пушкин и Собаньская». В 1943 г. вышла замуж за датчанина-капитана Helge Tarbu. С 1948 до 1951 г. жила в Копенгагене и в Лондоне. «Почти перестала писать, поменяв лиру на личное счастье» и, только потеряв мужа в 1948 г. и очутившись в 1951 г. в Нью-Йорке, вернулась к писательству. Училась на курсах бизнеса. В 1956 г. вышла замуж за известного скульптора Г. В. Дерюжинского (1888–1975). В 1990-е жила в приюте для слепых в Нью-Йорке.

Сатовский (Сатовский-младший) Григорий

Сатовский-младший Г. Золотые кораблики: Стихи. Харбин, 1942. 62 с. Корабль — впервые: Рубеж. 1942. № 4 под названием «Залог возрождения». Аньда — впервые: Рубеж. 1940. № 38. На полустанке — впервые: Рубеж. № 32; под стихотворением указано место, где оно было

написано: ст.[анция] Чен.

«...красной массы Зимнего дворца» — в начале XX века Зимний дворец был выкрашен в темно-красный цвет.

Аньда — станция на западной линии КВЖД.

Фаина Дмитриева, Нина Завадская — поэтессы, о них см. в наст, издании.* * *

Сатовский-младший Григорий Григорьевич (также Сатовский-Ржевский; псевдоним Д. Грей; 1909, Петербург — апрель 1955, Харбин). Один из предков отличился в сражении с наполеоновскими войсками под Ржевом, отсюда пошла вторая фамилия — Сатовские-Ржевские. Отец поэта Григорий Григорьевич Сатовский-Ржевский-старший — офицер, в Харбине он стал журналистом. Журналистом был и старший брат поэта — Дмитрий Григорьевич. (Перелешин называет его в воспоминаниях «одним из столпов „Зари“, известной харбинской газеты»), Сатовские приехали в Харбин в 1918 г. Печатался в журнале «Рубеж», в газете «Заря», в альманахе «Прибой». Писательница Ирина Грэм вспоминала о Сатовском-Ржевском в письме В. Крейду: «Мой друг детства Гриша Сатовский-Ржевский, с которым мы из песочка пироги лепили, был талантливым поэтом... Гриша умер от чахотки после войны. Его старший брат Дмитрий писал статьи и очерки. Были мы неразлучной тройкой. В 1940 я выписала Гришу из Харбина в Шанхай, где он в течение месяца написал книгу „Бушидо“, обличающую японцев, захвативших Северный Китай». Устроился на фабрику штамповщиком. С 1945 г. работал в газете «Русское слово». Собирался уехать в Россию, умер незадолго до предполагавшегося отъезда. Его единственный поэтический сборник «Золотые кораблики» вышел в свет летом 1942 г. в Харбине. Название дано по первому стихотворению, в котором противопоставлены «жизнейское злое ненастье» и «золотые обломки не бывшего счастья». В сборнике 43 стихотворения. Книжка посвящена брату Дмитрию. В числе других — посвящения поэтессам Елене Недельской, Фаине Дмитриевой, Нине Завадской. Согласно В. Перелешину, Сатовский «обожал стихи Бориса Поплавского и знал их все наизусть». Впрочем, влияния Поплавского в стихах Сатовского не чувствуется.

Светлов Николай

Цветок Ван-Хао // Лестница в облака. Харбин, 1929. Новый год Китая // Рубеж. 1929. № 7. Девушке в кимоно // Рубеж. 1929. № 40. Открытка с родины; Странный вечер; Зимой; Осенняя фантазия; На улице // Семеро. Харбин, 1931. За рубежом // Рубеж. 1931. № 3. Твой голос // Понедельник. 1931. № 2. Девушке из Сучжоу // Феникс. 1935. № 4. Сторукая; Весной; О непостижимом; Отдых // Светлов Н. Сторукая: Сб. стихотворений. Шанхай: Шанхайская Чураевка, 1934. 56 с., 300 экз. Сборнику предпослан эпиграф из Арсения Несмелова: «Твоих имен святой тысячелистник, / Как драгоценность, бережет душа».

Синь-нянь! Синь-си! — С Новым годом! С новым счастьем! (кит.)* * *

Светлов Николай (наст. фам. Свинын; псевдоним Ваня-Сибиряк; ок. 1908, Сибирь — начало 1970-х, СССР). В Харбин привезен был в детстве. Там же окончил школу и поступил в Харбинский институт востоковедения (Ориентальный институт), проучился три года. Изучал китайский язык. Переводил китайских и японских поэтов. Участвовал в «Молодой Чураевке» и в начале 1930-х был председателем этого объединения. Писал стихи, прозу, газетные статьи. Печатался в газете «Молодая Чураевка», в сборниках «Лестница в облака» (1929), «Семеро» (1931), «Понедельник» (1930–1932), в журнале «Парус». В 1930 г. получил первое место на конкурсе русских поэтов Маньчжурии. В 1931 г. переехал из Харбина в Шанхай. Осенью 1934 г. в Шанхае вышел сборник его стихов «Сторукая» тиражом 300 экз... В 1946 г. в переводе

Светлова была напечатана книга Ай Цина «К солнцу».

Вскоре после издания этой книги Светлов уехал в Советский Союз.

Сергин Сергей

Стихи об отъезде // Парус. 1933. № 16. Молитва // Парус. 1934. № 20 и посмертно в коллективном сборнике: Излучины. Харбин, 1935. Воспоминание // Парус. 1934. № 20. Странник // Рубеж. 1934. № 27. Заветные слова // Рубеж. 1934. № 29. У двери // Рубеж. 1934. № 39. Жизнь // Чураевка. 1932. № 7, напечатано также в коллективном сборнике «Излучины». Чудо — в сб.: «Излучины»; посвящено поэтессе Наталии Резниковой (ее стихотворения и о ней см. в наст. издании). Первая любовь — в сб.: «Излучины». Цыганка — из собрания составителей. Суета // Рубеж. 1935. № 50; публикация этого стихотворения предварялась редакционным заголовком — «Памяти поэта С. Сергина» и вступительным словом редактора: «5 декабря исполнилась первая годовщина со дня трагической смерти сотрудника „Рубежа“, молодого талантливого поэта Сергея Сергина (Петрова). Уход от жизни скромного, симпатичного юноши явился тем большей неожиданностью для всех знавших его, что вся поэзия Сергея Сергина была насыщена искренним и глубоким религиозным чувством. Помещаемое здесь стихотворение Сергея Сергина, частично выбитое на его надгробном памятнике, является характерным для его поэзии...» * * *

Сергин Сергей (Петров Сергей Федорович; 1910 — 6.12.1934, Харбин). Отец, по специальности лесовод, в Харбине служил бухгалтером в Банке домовладельцев. Мать — сестра милосердия, участница Первой мировой войны, пережившая немецкий плен. Сергин зарабатывал на жизнь грошовыми переводами и частными уроками. В начале 1930-х стал участником общества «Молодая Чураевка». Увлекался поэзией Цветаевой («брeдил Цветаевой», по словам В. Перелешина). Печатался в газете «Чураевка», в «Рубеже», «Парусе». В 1932 г. окончил Харбинский политехнический институт, получил специальность инженера. В ночь на 6 декабря 1934 г. в отеле «Нанкин» в Харбине вместе со своим другом поэтом Георгием Граниным (см. справку о нем) покончил с собой. Посмертно его стихи были напечатаны в коллективном сборнике «Излучины» (1935).

Серебренникова Александра

Песенка о Китае // Россияне в Азии. 1995. № 2 (Торонто).

Фанза — здесь в значении шелковая ткань из Китая.* * *

Серебренникова Александра Николаевна (урожд. Петрова; 1.5.3.1883, Олекминские ленские золотые прииски — 12.4.1975, Сан-Франциско). Муж — общественный деятель, экономист, автор многочисленных исследований на темы Сибири и Китая Серебренников Иван Иннокентьевич. Серебренникова поступила в Петербургский психоневрологический институт. Вернувшись в Иркутск, вела литературный отдел в газете «Сибирь». После Февральской революции была гласной Иркутской думы. В 1920 г. эмигрировала с мужем в Харбин, в конце 1920-го переехала в Пекин. Работала в журнале «Русское обозрение». Автобиографические записки «С чехами от Иркутска до Харбина» опубликованы как приложение к двухтомнику ее мужа «Мои воспоминания» (Тяньцзинь, 1937). В 1922 г. переехала в Тяньцзинь. Работала преподавательницей русского языка. Печаталась в газете «Вестник русской национальной

общины», в «Китайском благовестнике», «Возрождении Азии» и др. Писала исторические исследования, воспоминания, литературные и публицистические статьи, рецензии, стихи. В 1938 г. в Тяньцзине Серебренникова вместе с мужем издала книгу переводов «Цветы китайской поэзии» (подготовленную «с большой любовью и вниманием», как писал рецензент «Русских записок». 1939. № 14.) Впрочем, переводы китайских и японских стихотворений выполнены с английского. В 1953 г. Серебренникова уехала из Китая в Европу, позднее эмигрировала в США.

Скопиченко Ольга

Все, кроме стихотворения Пекин, — по кн.: Скопиченко О. Путь изгнанника: Стихи. Шанхай, 1932. 165 с. Обложка художника-архитектора Н. К. Соколовского. Стихотворение Пекин, написанное в Китае, — по кн.: Скопиченко О. Рассказы и стихи. Сан-Франциско (на титуле дата 1993, на обл. — 1994), 313 с. * * *

Скопиченко Ольга Алексеевна (в замужестве Коновалова; 25.5.1908, Сызрань — 12.5.1997, Сан-Матео, Калифорния). Отец — офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн. В семь лет начала писать стихи. В годы Гражданской войны некоторое время жила в Троицке. В главе из повести «На спинах верблюдов» (1988) Скопиченко вспоминает о трагическом переходе ее семьи с небольшим отрядом через безводную солончаковую степь на пути в Китай. Около 1923 г. семья поселилась в Харбине. Скопиченко окончила там русскую гимназию, в Харбине же поступила на Юридический факультет. С середины 1920-х печаталась в газетах и журналах, в том числе в «Рубеже». Сблизилась с Марианной Колосовой, чьи стихи оказали на Скопиченко сильное влияние. В студенческие годы Скопиченко и Колосова жили вместе — в «сторожке», описанной в рассказе Скопиченко «Неожиданный завтрак». В 1926 г. Скопиченко издала свой первый сборник стихов — «Родные порывы». В 1928 г. переехала в Тяньцзинь, где вышел ее второй сборник «Будущему вождю» (1928) — тематически наиболее близкий к стихам М. Колосовой. Через несколько лет Скопиченко переехала в Шанхай. Там был опубликован ее довольно объемный (170 с.) третий сборник, «Путь изгнанника» (1932). С установлением коммунистического режима в Шанхае Скопиченко с потоком беженцев попала на маленький остров Тубабао на юге Филиппин, где прожила два года в эвакуационном лагере. Здесь выпустила несколько маленьких поэтических книг, отпечатанных на гектографе. В ноябре 1950 г. приехала в Сан-Франциско. Сотрудничала в сан-францисской газете «Русская жизнь». Изредка печаталась в других изданиях («Грани», «Возрождение», «У Золотых Ворот»). Опубликовала книги «Неугасимое» (США, 1954), «Памятка» (Сан-Франциско, 1960-е), «Стихотворения». В 1990 г. потеряла зрение. В 1994 г. (на титульном листе — 1993) вышла ее итоговая книга «Рассказы и стихи», включившая 43 рассказа и стихотворения разных лет.

Слободчиков Владимир

Гаданье// Чураевка. 1934. № 6 (12). Испытание; Нептун // Излучины. Харбин, 1935. Статуя // Феникс. 1935. № 8. «О, лишь для нас с тобою, дорогая...» // Феникс. 1936. № 23. * * *

Слободчиков Владимир Александрович (сент. 1913, Самара). Подписывался также — Ю. К. Отец — адвокат, в Харбине занимался судебной практикой. Мать интересовалась теософией. Жена — поэтесса Ольга Тельтофт. В Харбин попал в 1920-е, участвовал в литературном объединении «Чураевка». Печатался в одноименной газете, в коллективном сборнике

«Излучины» (вышедшем в Харбине 22.4.1935; 200 экз.), в «Парусе», в шанхайском издании «Мысль и творчество». В. Перелешин вспоминал о Слободчикове как о «человеке тонкой культуры». Поселился в Шанхае, служил в шанхайской муниципальной полиции. Участвовал в кружке «Понедельник». В 1953 г. выехал в СССР. Жил в Саратове, оттуда переехал в Москву. Опубликовал несколько научных работ и учебники французского языка для средней школы.

Спургот Михаил

«Сижу с китайцами в харчевнях...» // Спургот М. Желтая дама. Шанхай: Заря, 1931. 63 с.
Сердце Лу-Шу. Из «Китайских теней» // Спургот М. Изломы. Харбин, 1926. 17 июля. Из поэмы
«Екатеринбург» // Луч Азии. 1943. № 6.

Ханшин — китайская хлебная водка.* * *

Спургот Михаил Цезаревич (псевдонимы: Пурга, Сэр Майк; 6.11.1901, Гродно — 1993, Советск Калининградской обл.). Жил в Петербурге и в Одессе. Побывал в Париже. Учился в гимназии во Владивостоке. С 1915 г. в Китае, затем снова в России. Участник Гражданской войны. С 1921 г. жил в Харбине. Испытал влияние Игоря Северянина и харбинского поэта Федора Камышнюка. Вместе с Михаилом Зельдау опубликовал сборник «Букволязг гордых» (1925). Другие книги Спургота, вышедшие в Харбине в двадцатые годы, — «Изломы» (1926), «Новый букволязг» (1926), «Тени прошлого» (совместно с Л. Ещиным и Ф. Щеголевым, 1926(?)), «Экзотика и эротика» (ок. 1930). В Харбине его называли «наследником Алымова». Самой известной книгой Спургота стал сборник «Желтая дама» (Шанхай, 1931). Опубликовал также сборник «Над кем смеетесь?» (Тяньцзинь, 1944). Печатался в газетах «Речь», «Вечерний телеграф», журналах «Вал», «Рубеж», «Дальневосточный синий журнал». В 1925 г. начал редактировать еженедельник «Дальневосточный прожектор», но он прекратился на первом же номере. В 1929 г. переехал в Шанхай. Работал журналистом в «Шанхайской заре». В первом номере журнала «Понедельник», основанного в 1930 г., были напечатаны отрывки из поэмы Спургота «Сергей Есенин». В 1947 г. уехал в СССР. Перед отъездом подготовил к печати сборник «Прошлое», о судьбе которого ничего не известно. В СССР отошел от занятий литературой. Работал в театре. В 1951 г. был арестован и сидел до 1955 г. Позднее работал в филармонии и в кукольном театре. В середине 1960-х вышел на пенсию. До самой смерти жил в г. Советске (бывш. Тильзит).

Тельтофт Ольга

Женщина (впервые: Рубеж. 1943. № 13); Рахиль; Сара (впервые: Рубеж. 1943. № 13); «Душа научилась беречь...»; «Тыходишь в дом...» (впервые: Рубеж. 1938. № 40,); Любовь; Дитя (впервые: Рубеж. 1939. № 28); «У тебя, как золотые сливы...» (Рубеж. 1940. № 21, под названием «Не любовь»); «Верить хочу ли в победу твою...»; Слава; Отступница; «Не плачь в Путивле, Ярославна...»; «Мне некому завидовать...» // Тельтофт О. Бренны песни. Харбин, 1943. 50 с. «В каждом лепестке неповторимый...» — по авторизованной машинописи из архива В. Перелешина. Весна. Подражание танка // Рубеж. 1943. № 30. * * *

Тельтофт Ольга Ярославовна (в замуж. Слободчикова; 1915, Екатеринбург — 1.10.1945, Харбин). Муж — поэт Владимир Слободчиков. Тельтофт приехала в Маньчжурию вместе с матерью и братом около 1920 г. Училась в гимназии в Харбине. Печаталась в журнале «Рубеж», в газете «Шанхайская заря». В 1940-е жила в Шанхае. В 1943 г. вышел ее

единственный сборник «Бренны песни». В том же году после развода с В. Слободчиковым вернулась в Харбин. Многие образы в стихах Тельтофт религиозного происхождения. Даже говоря о романтической любви, Тельтофт пользуется словами с религиозным значением. Темы Тельтофт — земная любовь и восторженная вера, брeнная слава поэта и молитва в храме, борьба человека с самим собой и радость весеннего пробуждения.

Трахтенберг Эмма

Не терем // Понедельник. 1930. № 1. Письма // Понедельник. 1931. № 2. «Над озером — белые голуби...» // Парус. 1932. № 4–5. Письмо матери // Парус. 1933. № 12. Шепотом // Рубеж. 1935. № 28. * * *

Трахтенберг Эмма (? — 1937, Париж). В детстве жила на Урале, в 1920-е — в Харбине, затем в Шанхае. Печаталась в «Парусе», «Понедельнике», «Рубеже». В 1930 или 1931 г. уехала во Францию, но продолжала печататься в харбинских и шанхайских журналах.

Хаиндрова Лидия

«Далеко покинутая родина...» // Багульник: Литературно-художественный сборник. Харбин, 1931. «Всю жизнь Ты создавал меня, мой ум...» // Излучины. Харбин, 1935. «Расплакавшийся звездный луч...»; Под чужим небом; «Смятенная душа не знает слез...»; Горсть земли; «Усталый взор. Поклон учтивый...»; Память; Двадцатый век; «Молва земная принесла к тебе...»; Не закричу (впервые: Рубеж. 1938. № 7); «Стремительно бежим — куда, не зная...» // Хаиндрова Л. Ступени: Стихи 1931–1938. Харбин, 1939. 61 с. «Не плакать, нет...»; Куст сакуры; Китайская пашня; «Я знаю — шестикрылый серафим...»; Беженцы; «Твоя страна — за дымкой непогоды...» // Хаиндрова Л. Крылья. Харбин: Заря, 1941. «Карусель, карусель...»; «Снова голос надтреснутый, резкий...»; «Ты был то снисходительным, то строгим...»; «Дым едкий...»; «Я ничего под солнцем не имею...»; Россия; Мы плетем кружева; Светильник // Остров. Шанхай, 1946. Химера — из собрания составителя, стихотворение написано на тему, предложенную в кружке «Пятница»; предназначалось для «Острова»; но в сборник не вошло. Альбом — по тексту несброшюрованного сборника: Сердце. Шанхай, 1947. * * *

Хаиндрова Лидия Иулиановна (также Юлиановна; наст, фам. Хаиндрава; по мужу Сереброва; псевдоним Эристави; 10.6.1910, Одесса — 19.6.1986, Краснодар). Отец Иулиан Леванович Хаиндрава — предприниматель, старожил грузинской общины в Харбине. В раннем детстве жила в имении деда на Кавказе. В Харбин ее привезли шестилетним ребенком. Окончила русскую гимназию. В 1928 г. начала печататься. Участница объединения «Молодая Чураевка». Работала в издательстве при газете «Заря», была представительницей этой газеты в Дайрене. В начале 1940-х жила в Дайрене и Тяньцзине. В 1943 г. переехала в Шанхай. Работала кассиром в ресторане. Печаталась в газетах «Чураевка», «Русское слово», в журналах «Рубеж», «Понедельник», «Парус», «Феникс», в коллективных сборниках и альманахах «Излучины», «Семеро», «Врата», «Багульник», «Остров», в «Гумилевском сборнике». Издала книги: «Ступени. Стихи 1931–1938» (Харбин, 1939), «Крылья. Вторая книга стихотворений» (Харбин, 1941), «На распутье» (Шанхай, 1943), «Сердце» (Шанхай, 1947). Тираж сборника «Сердце» был уничтожен. В 1947 г. Хаиндрова вернулась в СССР. Работала в Казани в газете «Красная Татария». Переехала в Краснодар, преподавала в школе английский. В Краснодаре вышла ее книга стихов — «Даты, даты...» (1976), а также коллективный сборник с ее участием «Щедрость» (1986).

Шилов Николай

На паперти Хингана // Рубеж. 1928. № 44.

Хинган — горный хребет, отделяющий Маньчжурию от пустыни Гоби.* * *

Шилов Николай Дионисьевич (псевдонимы: Герцог Лоренцо, Коля Шило;? — 1936, Шанхай). По профессии горный мастер, служил в военном ведомстве. Сотрудничал в дальневосточных газетах. В 1918 г. эмигрировал в Китай. Работал в харбинских газетах «Заря», «Рупор» и др. Некоторое время заведовал редакцией «Рубежа». Писал фельетоны. В 1932 г. переехал в Шанхай, продолжал газетную работу. В 1934 г. был избран «королем поэтов». Его стихи печатались в русских периодических изданиях в Китае, в том числе в «Рубеже». Умер от туберкулеза.

Шмейссер Михаил

Призыв // Семеро. Харбин, 1931. «Грустим по Северной Пальмире...»// Рубеж. 1938. № 1.

Память — по автографу с примечанием М. Шмейссера: «Это только начало большого стихотворения, написанного в конце тридцатых годов; запомнилось только начало».

Пасхальный день // Луч Азии. 1941. № 3. Мы — землепроходцы // У родных рубежей. Харбин, 1942; участники: Е. Даль, А. Несмелов, В. Обухов, В. Перелешин, Г. Сатовский-Ржевский, М. Шмейссер. «Весенний ветер...»// Лира. Харбин, 1945. * * *

Шмейссер Михаил Петрович (10.10.1909, Новониколаевск — июль 1986, Свердловск). Отец — офицер, погибший в Первую мировую войну. Шмейссер эмигрировал вместе с матерью в 1925 г. в Харбин, где жил брат матери, служащий КВЖД. По окончании русской гимназии учился в педагогическом институте. Около года работал учителем, затем устроился на работу в Международное общество спальных вагонов. Печататься начал в 1927 г. Участвовал в кружке «Молодая Чураевка» и Литературно-художественном кружке при Объединении монархистов. Писал сценические миниатюры, пьесы для детей, скетчи для радио, либретто для театра оперетты. Сотрудничал в «Рубеже», «Луче Азии» и других изданиях. В периодической печати опубликовано более ста его рассказов. Стихи Шмейссера печатались в журнале «Рубеж», в сборниках «Семеро», «Лира». В 1945 г. арестован, увезен в СССР, сидел в лагере. В середине 1950-х освобожден. В 1961 г. после смерти жены переехал в Свердловск.

Щеголев Николай

Опыт — по авторизованной машинописи. Диссонанс // Понедельник. 1931. № 2. От самого страшного; Жажда свободы; Покушавшемуся; За временем! // Семеро. Харбин, 1931. «Устаю ненавидеть...» // Багульник. Харбин: Типография «Меркурий», 1931. В сборнике участвовали поэты Н. Алова, А. Жемчужный, А. Несмелов, А. Паркау, Н. Резникова, Л. Хаиндрова, В. Янковская. Зима близка // Рубеж. 1932. № 14. «Розовело небо...»; Русский художник // Парус. 1933. № 11. «Отряхни свою внешнюю скуку...» // Рубеж. 1934. № 50. Живая муза // Феникс. 1935. № 6. «От замыслов моих неподкрепленных...» — из частного собрания. «Одно ужасное

усилье...»; Сирена; Два поезда // Излучины. Харбин, 1935. Светильник; Достоевский — по сборнику: «Остров». Дым — написано на тему, предложенную участникам кружка «Пятница», издавшим коллективный сборник «Остров», но это стихотворение почему-то в «Остров» не попало. Гонг — из собрания составителя. * * *

Щеголев Николай Александрович (псевдоним Николай Зерцалов; 1910, Харбин — 15.3.1975, Свердловск). В эмиграцию привезен мальчиком. Жил в Харбине, учился в консерватории по классу рояля. Входил в литературный кружок «Молодая Чураевка», был его вице-председателем. В 1929 г. в Харбине издал сборник «Искры минувшего». В 1937 г. переехал в Шанхай, зарабатывал журналистикой. В 1947 г. из Шанхая по своей воле вернулся в СССР. Стихи Щеголева печатались в харбинской газете «Чураевка», в шанхайском журнале «Сегодня», в коллективных сборниках и альманахах русского Китая — «Багульник» (1931), «Семеро» (1931), «Излучины» (1935), «Остров» (1946). Лучший из дальневосточных поэтических альманахов «Остров» редактировал Щеголев вместе с В. Перелешиним. Предисловие к «Острову» написано Щеголевым. Его стихи были напечатаны в «Числах» (единственный случай публикации в этом журнале стихов дальневосточного поэта), а также в антологии «Якорь». В 1943 г. журнал «Сегодня» (Шанхай) опубликовал его роман «Из записок одиночки». В 1947 г. уехал в СССР.

Щербаков Михаил

Щербаков М. Отгул: Стихи. Шанхай: Отпечатано в типографии издательства «Шанхайская заря», 1944. 51 с. В сборник вошло 32 стихотворения и поэма «Песня о камне».

О

Борисе Бета см. в наст, издании.

Японский храмик — посвящено художнику Михаилу Урванцеву, нарисовавшему книжные украшения для сборника «Отгул».

Женьшень — ранее в литературно-художественном альманахе: Китай. Шанхай, 1923 с датой под стихотворением: 1922. Курильщик — ранее: Парус. 1932. № 4–5; в книге со значительными разночтениями. Японский храмик — ранее: Врата. Кн. 1. Шанхай, 1934, с местом и датой под стихотворением: Токио, 1927. Танка — ранее: Врата. Кн. 1. Шанхай, 1934, с местом и датой под стихотворением: Моджи, 1928. Стихи императора Юань-Хао-Сянь — ранее: Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935, под названием «Стихи императора Юань-Хо-Сянь», с местом и датой под стихотворением: Гонконг, 1922.

Амида (в японской огласовке, он же Амиитаба по-китайски) — Будда Единого спасения, Властитель Чистой земли, рая, лежащего на Западе.

Фудо, или Фудо Мео , — буквально: непоколебимость; бодисатва — разрушитель иллюзий.

Даян — серебряная монета.

Баниан — баньян, несколько видов деревьев рода фикус сем. тутовых. Наиболее известен под этим названием фикус бенгальский. Широко распространен по всей Индии, где с древности выращивается ради густой тени. * * *

Щербаков Михаил Васильевич (ок. 1890 — 3.1.1956, Булонь, Франция). По образованию физик. В начале Первой мировой войны был командирован в школу летчиков в Лион. По окончании школы служил военным летчиком. В 1916 г. воевал в армии генерала Дитерихса на

Балканском фронте. В 1917 г. попал во Францию, вступил добровольцем во французскую армию. В начале двадцатых работал во Владивостоке в правительственном учреждении и редактировал «Крестьянскую газету», а также монархический «Русский край». За два дня до вступления во Владивосток Красной армии, т. е. 24.10.1922, отбыл на пароходе «Лейтенант Дыдымов» в составе большой флотилии с 10 000 беженцами на борту в корейский порт Сейсин. С заходом в корейские порты Гензан и Фузан флотилия направлялась в Шанхай, куда прибыла 7.12.1922. Переход из Владивостока в Шанхай длился полтора месяца. Свой беженский путь Щербаков обрисовал в очерке «Одиссеи без Итаки» (Архив русской революции. 1926. Вып. 18). Им написаны также фантастический роман «Токсин любви», повесть «Черная серия» (Шанхай, 1931), рассказы, вошедшие в сборник «Корень жизни» (Шанхай, 1931). Много путешествовал. Сочинял эссе, рецензии, воспоминания, переводил с китайского. Был избран председателем содружества русских работников искусства «Понедельник». Печатался во многих дальневосточных изданиях: «Окно», «Врата», «Понедельник», «Багульник», «Парус», «Феникс», «Шанхайская заря» и др., а также в сан-францисском альманахе «Дымный след», в «Балтийском альманахе», «Современных записках». Перевел с английского роман П. Вудхауза «Оптимист» (Шанхай, 1933). Щербаков издал две поэтические книги: «Vitraux» (Иокогама, 1923) и «Отгул» (Шанхай, 1944). После Второй мировой войны уехал в Сайгон, там открыл свою фотостудию. Заболел и как французский гражданин был эвакуирован во Францию. Страдал нервным расстройством, проходил курс лечения но, выйдя из больницы, в состоянии депрессии покончил с собой.

Янковская Виктория

Японский вечер // Рубеж. 1929. № 44. Четыре какемоно // Понедельник. 1931. № 2. Счастье// Багульник: Литературно-художественный сборник. Харбин, 1936. Побег // Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935. Гуси // Рубеж. 1940. № 19. Осенний перелет // Рубеж. 1938. № 45. Весной // Рубеж. 1939. № 24. Недавно // Рубеж. 1940. № 3. «Точно раковина, небо на закате...» // Рубеж. 1939. № 40. Харбинская весна // Рубеж. 1942. № 13. От одного костра и все последующие — по кн.: Янковская В. По странам рассеяния... Нью-Йорк: Ам-издат., 1978. 62 с. 500 экз.; с портретом автора; обложка худ. Николая Андрианова; сборнику предпослан эпиграф из Алексея Ачаира: «...И за то, что нас Родина выгнала / Мы по свету ее разнесли». От одного костра — впервые: Понедельник. 1930. № 1, с разночтением в 8-й строке: Степь выявляет проснувшийся пух... У границы — впервые: Рубеж. 1937. № 49. «Весенними влажными днями...» — ранее: Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935. В кн.: «По странам рассеяния...» опущена заключительная строфа:

Но стоит мне вторгнуться к людям,

Как бешенство душит и злоба —

И мы друг для друга — судьи,

И мы негодуем оба.

Будда и я — ранее: Рубеж. 1939. № 29, под названием «Будда». На перелете — впервые: Рубеж. 1942, № 17. с разночтением в 7-й и 8-й строках: «Закатным солнцем кругло-четким / Пурпурный отсвет разлило...»

М. С. Рокотов-Бибинов — редактор журнала «Рубеж».

Борис Алексеевич Суворин (ум. в 1940) — редактор газеты «Вечернее время» (Петроград), журналист, беллетрист; автор романа «Фазан» (1927) и повести «Барон» (Шанхай, 1932).

Михаил Щербаков — поэт, прозаик (см. о нем в наст. издании).

Аргал — (монг.) сухой навоз, или же кизяк, используемый в качестве топлива.

Генциана — один из видов горечавки, лечебное растение с фиолетовыми цветами.

Руж — красный цвет, от фр. rouge — красный.* * *

Янковская Виктория Юрьевна (18.2.1909, Владивосток — 6.4.1996, Калифорния). «Родители — Маргарита Михайловна, урожд. Шевелева, дочь основателя пароходства. Отец, Юрий Михайлович Янковский, родился на о-ве Аскольд» (из письма В. Крейду). Отец поэтессы создал крупное оленеводческое хозяйство, оставшееся в Сидеми после бегства семьи из родных мест. Писать стихи начала с восьми лет, когда жила и училась в Кобе (Япония). В октябре 1922 г. семья эвакуировалась в корейский город-порт Сейсин. В Корее Янковская прожила 18 лет. Бывала наездами в Харбине, участвовала в вечерах «Чураевки», а позднее приезжала в Шанхай. Печататься начала в «Рубеже», затем и в других периодических изданиях: в журналах «Прожектор», «Понедельник», «Парус», в газете «Слово», в коллективных сборниках «Багульник», «Врата». Первая книга Янковской (окончена в феврале 1932 г.) — повесть «Это было в Корее» (Новины. Корея, 1935). В книгу включен и написанный в октябре 1930 г. рассказ Янковской «Без Бога, без закона, без обычая», получивший первую премию на конкурсе шанхайской газеты «Слово». Рассказ был переведен на японский и напечатан в «Осака Майничи». Рукопись написанного ею романа из японской жизни оказалась потеряна. Десять лет прожила в маньчжурской тайге, на Тигровом Хуторе. В августе 1945 г. Янковскую арестовал НКВД. Сыну было девять месяцев, и «они не знали, куда его девать... сжалились и посадили меня под домашний арест... Обобрали до нитки... Отняли дом. И велели основать колхоз. Вот тут-то я и пахала, и сено косила. Связи с миром не было никакой» (из письма В. Крейду). В марте 1953 г. удалось уехать в Гонконг, оттуда в Южную Америку. До 1961 г. жила в Чили, с 1961 г. в Калифорнии, в Форт-Россе. В 1966 г. ее стихи и краткая автобиография напечатаны в антологии «Содружество». В 1978 г. издан единственный поэтический сборник Янковской — «По странам рассеянья», в котором представлены стихи трех периодов — дальневосточного, южноамериканского и калифорнийского. Стихи продолжала писать и после выхода этого сборника. В 1991 г., почти через семьдесят лет после эмиграции из России, она побывала во Владивостоке, чтобы присутствовать на открытии памятника своему деду — первопроходцу.

Яшнов Евгений

Муза странствий // Русское обозрение. 1921. № 5. (Пекин). «Лысая Азия!...»; В Маньчжурии; «Устали мы за круговую чашей...»; «На скучных сунгарийских берегах...»; «Веленью тайному покорный...»; «Хлещу я музу по худым бокам...» — из архива составителя. Все другие стихотворения печатаются по кн.: Яшнов Е. Стихи. Место издания не указано [Шанхай], 1947. 103 с. С портретом автора. Книга состоит из разделов: По Руси; Степные ночлеги; Туркестан; На пути в Афганистан; Из тетрадей и листков. Почти все стихотворения последнего раздела написаны в Китае. Вообще же в сборник вошли стихи 1911–1941 гг. * * *

Яшнов Евгений Евгеньевич (28.11.1881, Норская мануфактура близ Ярославля — 25.6.1943,

Шанхай) — одно из наименее известных имен среди русских поэтов Китая. Его отец происходил из крестьян Нижегородской губ., мать — из семьи ярославских мещан. В 1897 г. Яшнов окончил Ярославское городское училище. С 1899 г. жил литературными заработками, писал стихи и рассказы, работал корректором, печатался во многих газетах: «Нижегородский листок», «Самарский курьер», «Северный край», «Самарская газета» и др. Одновременно с началом журналистской деятельности устанавливает связь с революционной организацией. Три раза был под арестом; годы 1902–1904 провел в ссылке в Вологде, где работал земским статистиком. После окончания срока ссылки скрывался в Финляндии, затем осел на время в Петербурге, наездами бывал в Москве. Начал печататься в столичных периодических изданиях. Побывал в качестве корреспондента газеты в Италии, Германии, Австрии. «В 1907 г., — писал он в автобиографии, — я уехал в Туркестан, где вскоре стал работать в Управлении переселенческим делом в Сыр-Дарьинском районе». Работа состояла в обследовании казахского хозяйства. Верхом на лошади Яшнов объехал аул за аулом весь край. Исполнял он еще и поручение по статистическому обследованию русских поселенцев в Персии; по многу ночей кряду ночевал в степи под открытым небом. С начала 1915 до осени 1917 г. опять Петербург (заведовал отделом продовольственной статистики). После переворота переехал в Омск, а в конце 1919 г. во Владивосток, где служил при правительстве Антонова. После недолгого пребывания во Владивостоке Яшнов в 1921 г. эмигрировал в Харбин, нашел работу в Экономическом бюро КВЖД. Участвовал в кружке «Чураевка». Это был наиболее стабильный период в его жизни. Осенью 1935 г. дорогу купила Япония. Яшнов уехал в Тяньцзинь, затем в Пекин и, наконец, в Шанхай, где и прошли последние пять лет жизни. Он написал и издал шесть книг по экономике и статистике Китая: «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии» (за эту книгу Яшнов в 1928 г. удостоился премии Русского географического общества), «Население и крестьянское хозяйство Китая», «Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы» и др.

Стихи он писал с юности и до начала сороковых, т. е. более сорока лет. Выпустил брошюры «В каменном городе» (Петербург, 1906) и «Голоса молодости» (Петербург, 1907) (брошюры прозаические, с включением нескольких стихотворений). Его вдова, издавшая в 1947 г. посмертный сборник «Стихи», утверждала, что, живя в Петрограде, Яшнов встречался с Сологубом, Вяч. Ивановым, Блоком. Стихотворения, вошедшие в посмертный сборник, — лишь малая часть им написанного. Остальные стихи, очевидно, утрачены. Даже по сравнению с поэтами, известными своими путешествиями (Бальмонт, Гумилев, Б. Волков), стихи Яшнова поражают своей необъятной топонимикой. Вот некоторые указания мест под его стихотворениями: Москва, Нижняя Быковка, Пустынька, Петровские Выселки, Кр. Городищи, Рельевка, Коровино, Чердаклы, Векиль-Базар, Сазан-тюбе, Байрам-Али, Серахс, Персия, Астрабад, Сун-гари-Шуанченпу, а также география в названиях стихотворений: «Речка Тананычка», «В Астраханской губернии», «На Неве», «К Соловкам», «Заврежье, Майна, Ить...», «Тургай», «Вечер на Тянь-Шане», «Джес-Тырнак», «На пути в Афганистан», «Горячий ветер из Андхоя...», «На Коксу», «Зажги, Пекин, вечерние огни...».

ПОЭТИЧЕСКИЕ КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ В КИТАЕ В 1918–1947 гг.

1918

Федор Камышнюк. Музыка боли. Харбин

Венедикт Март. Черный дом. Харбин

Венедикт Март. Фаин. Харбин

1919

Таисия Баженова. Песни сибирячки. Харбин (Омск?)

Венедикт Март. Изумрудные черви. Харбин Венедикт Март. Строки. Харбин

Венедикт Март. Тигровые чары. Харбин И. Фурман. Звуки силы. Харбин

1920

Сергей Алымов. Киоск нежности. Харбин

К. Е. Антонов. Цветы религии и веры. Харбин

Георгий Омидов и П. Е. Душа, тело и платье. Харбин

Варвара Слатьева. Стихи. Т. 1. Шанхай

Владимир Танин. Грустные песенки. Харбин

1921

Сергей Алымов. Оклик мира. Харбин

Ральф Барт. Триолеты. Харбин

С. Виригин (Иосиф Авдашков). Красный зверь. 1921 (?). Харбин

Любовь Горная. Иней. Харбин

Иосиф Израилевич. Браслет горизонта. Харбин

Федор Камышнюк. Лепестки. Скрижаль. Харбин

Венедикт Март. Три солнца. История моей смерти. Харбин

Венедикт Март. Украденная смерть. Харбин

О. Петровская, В. Силлов. Зрачки весны. Харбин

1922

Сергей Алымов. Арфа без молний. Харбин

К. Е. Антонов. Мельник и жена. 1922(?). Харбин

И. Жуковский-Жук. Цветы крови. Харбин (Благовещенск(?))

Венедикт Март. Благословенный голод. Харбин

Венедикт Март. Китайские стихи. Харбин Венедикт Март. Луна. Харбин

Венедикт Март. На любовных перекрестках причуды. Харбин

Венедикт Март. Причуды. Харбин

Венедикт Март. Синий благовест. Россия без «Ъ». Харбин

Венедикт Март. Хай-шин-вей. Песенцы. 2-е изд. Харбин

Вениамин Северский. Песни революции. Харбин Борис Троицкий. Взлет. Харбин

1923

Николай Алл. Ектенья. Стихи о России. Харбин Яков Аракин. Корсар. Харбин

Яков Аракин. Царь Гатор. Харбин

П. А. В. В. Первые песни. 1923(?). Харбин

Георгий Эм (Г. Т. Мурашев). Паутинки мгновений. Харбин

1924

Гри (В. Д. Григоросуло). Собрание сочинений

Валентина Дмитриевича Гри. Харбин

Георгий Эм (Г. Т. Мурашев). Сумеречные мессы. Харбин

1925

Алексей Ачаир. Первая. Харбин

Раиса Левина. Черный камень. Харбин

Михаил Спургот и Михаил Зельдау. Букволязг гордых. 1925. Харбин.

1926

Сергей Алымов. Пьяное сердце. Харбин

Яков Аракин. Мечты и мысли. Харбин

Яков Аракин. Остров благ. Повесть в стихах. Харбин

Александр Бушуев. Бегущие мгновения. Харбин

П. И. Волгин. Эмигранты. Харбин

Лев Гроссе. Грехопадение. Шанхай

Лев Гроссе. Видение. Шанхай

Лев Гроссе. Песня жизни. Шанхай

Всеволод Иванов. Беженская поэма. Харбин

И. Н. Иванов. Шахматная поэма. Харбин

Вэн Леонов. Выпархивающие стихи. Харбин

Вэн Леонов. Лиропевь. Харбин

Вэн Леонов. Октябрь. Харбин

Николай Мацокин. Дерзновения. Харбин

Елизавета Рачинская. Ключи. 1926(?). Харбин

Ольга Скопиченко. Родные порывы. Харбин

Михаил Спургот. Изломы. Харбин

Михаил Спургот. Новый букволязг. Харбин

Михаил Спургот. Тени прошлого. 1926(?). Харбин

1927

(Без ук. автора, на самом деле — Н. Сетницкий, он же — Яков Кормчий). Епафродит. Харбин

Б. Л. (Леонид Барташев). Симфония смерти. 1927(?). Харбин

Павел Волгин. Последний монгол. Харбин

Лев Гроссе. Мысли сердца. Т. 3. Шанхай

Екатерина Сундуева. Пушкинки. Харбин

1928

Яков Аракин. От эха дальнего. Харбин

Лев Гроссе. Пророк. Харбин

Всеволод Иванов. Поэма еды. 4-е изд. Харбин

Марианна Колосова. Армия песен. 1928(?). Харбин

П. Михайлович. Харбинские блики. Харбин

Ольга Скопиченко. Будущему вождю. Тяньцзинь

1929

Мария Визи. Стихотворения. Харбин

Лев Гроссе. Башня Вавилона. Шанхай

Зороастра Кшижанна (Орлова). Черные иммортели. Харбин

Комаров. Год Порт-Артура. Харбин

Арсений Несмелов. Кровавый отблеск (на обл. — 1928). Харбин

Федор Щеголев. Искры минувшего. Харбин

1930

И. И. Вонсович. Покуривая трубку. Рифмованный блокнот № 1. Харбин

Лев Гроссе. Я, вы и он. Роман в стихах. Шанхай

Лев Гроссе. Крест поэта. Шанхай

Вс. Иванов. Сонеты. Токио. 1922. 2-е изд. Харбин

Марианна Колосова. Господи, спаси Россию! Харбин

Михаил Спургот. Экзотика и эротика. 1930(?). Харбин

1931

Александр Жемчужный. Холодные зори. Харбин

Яков Кормчий (Н. Сетницкий). Валаам. Поэмы. Шанхай

Арсений Несмелов. Без России. Харбин

М. Спургот. Желтая дама. Шанхай

Н. Языков. Стихи о самоваре. Шанхай

1932

Иосиф Авдашков. Христос и Россия. Харбин

П. И. Волгин. Родные напевы. Шанхай

Лев Гроссе. Мертвая смерть. Харбин

К. Званцев (К. Педенко). Стихотворения. Харбин

Капитан Кук (Василий Логинов). Харбин в стихах. Бытовые картинки. Харбин

Марианна Колосова. Не покорюсь! Харбин

Василий Логинов. Створа триптиха. Харбин

Ольга Скопиченко. Путь изгнанника. Шанхай

1933

Александр Жемчужный. Северные цветы. 1933(?). Харбин

Н. Языков. Стихи о самоваре. 2-е изд. Шанхай

1934

И. И. Вонсович. Проблески. Блокнот № 2. Шанхай

Марианна Колосова. На звон мечей. Харбин

Арсений Несмелов. Через океан. Поэма. Шанхай

Николай Светлов. Сторукая. Шанхай

1935

Николай Кованцев. «Довольно крови!!!» и другие избранные стихотворения. Шанхай

Николай Кованцев. Любимые стихи. Шанхай

Василий Логинов. Створа триптиха. Харбин

1936

Я. Н. Благих. Изгнанник. Поэма. Шанхай Мария Визи. Стихотворения II. Шанхай

Николай Дозоров (Несмелов). Георгий Семена. Харбин (на титульном листе — Берн)

Николай Дозоров (Несмелов). Только такие! Харбин

Михаил Спургот. Желтая дама. 1936(?). Шанхай М. Шмидт. Цветные якоря. Шанхай
1937

Алексей Ачаир. Лаконизмы. Харбин

Валь (В. Присяжников). Дорога к счастью. Шанхай

Лев Гроссе. Апокалипсис пола. 2-е изд. Харбин

Марианна Колосова. Медный гул. Шанхай

Александра Паркау. Огонь неугасимый. Шанхай

Валерий Перелешин. В пути. Харбин

Николай Языков. Записки журналиста. Встречи, поэзы и рассказы. Шанхай
1938

Алексей Ачаир. Полынь и солнце. Харбин

Лев Гроссе. Она. Поэма. Тяньцзинь

Елена Дарем. У моря. Харбин

Арсений Несмелов. Полустанок. Харбин

Андрей Поляков (А. З. Бельшев). Мудрость быта. Харбин

Наталия Резникова. Песни земли. Харбин

1939

Алексей Ачаир. Тропы. Харбин

Арсений Несмелов. Протопопица. Харбин

Валерий Перелешин. Добрый улей. Харбин

Лидия Хаиндрова. Ступени. Харбин

1940

Ларисса Андерсен. По земным лугам. Шанхай

Фаина Дмитриева. Цветы в конверте. Харбин

Елена Недельская. У порога. Харбин

Е. Рачинская. Кому в Харбине жить хорошо. Стихи, дружеские шаржи и эпиграммы,
посвященные 60-летию фирмы «Бриннер и К°». Харбин

А. Сокол-Черниловская. Тебе. Пекин

1941

Василий Обухов. Песчаный берег. Харбин

Валерий Перелешин. Звезда над морем. Харбин
Лидия Хаиндрова. Крылья. Харбин
Людмила Энгельгард. Остывшие ночи. Шанхай
1942
Лев Гроссе. Героическая поэма. Шанхай
Арсений Несмелов. Белая флотилия. Харбин и Шанхай
Александра Паркау. Родной стране. Шанхай
Наталья Резникова. Ты. Харбин
Г. Г. Сатовский-младший. Золотые кораблики. Харбин
Лидия Хаиндрова. На распутье. 1942(?). Харбин
1943
Алексей Ачаир. Под золотым небом. Харбин
Елена Недельская. Белая роща. Харбин
Ольга Тельтофт. Бренные песни. Харбин
В. Тимошевский. Стихи. Харбин
1944
Нина Завадская. Светлое кольцо. Харбин
Валерий Перелешин. Жертва. Харбин
Г. Сатовский-Ржевский. Великая Восточная Азия. Поэма. Харбин
С. Пурга (М. Спургот). Над кем смеетесь? Стихотворные фельетоны. Тяньцзинь
Михаил Щербаков. Отгул. Шанхай
1946
Кшижанна Зороастра (Изида Орлова). Мистические розы. Шанхай
Ю. В. Крузенштерн-Петерец. Стихи. Шанхай
1947
Лидия Хаиндрова. Сердце. Шанхай
Е. Е. Яшнов. Стихи. Шанхай КОЛЛЕКТИВНЫЕ СБОРНИКИ
1920 Арс. Харбин
1923 Когда все мягко так, и нежно, и незрело. Харбин
1923 Сунгарийские вечера. Харбин

1925 Костер порыва. Харбин
1928 Молодое творчество. Харбин
1929 Лестница в облака. Харбин
1930 Молодые побеги. Харбин
193 °Семеро. Харбин
1935 Излучины. Харбин
1937 Гумилевский сборник. Харбин
1939 Весенний сборник литературно-художественного кружка. Харбин
1941 У родных рубежей I. Харбин
1942 У родных рубежей II. Харбин
1945 Лира. Харбин
1946 Остров. Шанхай

Примечания

1

Таскина Е. Поэтическая волна «Русского Харбина» (20-е — 40-е годы) //Записки русской академической группы в США. 1994. Т. 26. С. 244.

2

Перелешин В. Русские дальневосточные поэты //Новый журнал. 1972. № 107. С. 255.

3

Дяо Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) //Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 108.

4

Дяо Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) //Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 76.

5

Резникова Н.В. русском Харбине //Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 385.

6

Крузенштерн-Петерс Ю. Чураевский питомник //Возрождение. 1968. № 204.

7

Щербаков М. Литература и книгоиздательство //Врата. 1935. Кн. 2. С. 238.

8

Адамович Георгий. Литературные заметки //Последние новости. 1934. 29 марта.

9

Осоргин Мих. Феникс //Последние новости. 1935. 10 октября.

10

А. Л. Харбинские поэты //Последние новости. 1935. 27 июня.

11

Адамович Георгий. Литературные заметки //Последние новости. 1934. 6 декабря.

12

Щербаков М. Литература и книгоиздательство //Врата. 1935. Кн. 2.С. 238.

13

И. Ф. Эмигрантские писатели на Д. В. //Русские записки. 1937. -V? 1. С. 323.

14

Перелешин В. Два полустанка //Russian Poetry and Literary Life in Harbin and Shanghai. 1930–1950. Amsterdam. 1987. С. 27.

15

Багульник: Литературно-художественный сборник. Харбин, 1931. — Предисловие.

16

Там же.

17

Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник //Возрождение. 1968. № 204.

18

Многие песни, «твердо» приписывавшиеся Вертинскому, в последние годы уже обрели своих авторов: «Россия» («Проклинали... плакали...вопили...») оказалось стихотворением Ю. Крузенштерн-Петерец, «Попугай Флобер» — стихотворением парижской поэтессы Наталии Поплавской (старшей сестры Бориса Поплавского) и мн. др. (Прим. ред.)

19

Рубеж. 1940. № 24.

20

Русский Харбин/Сост. Е. Таскина. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 67.

21

Резникова И. В русском Харбине//Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 392.

22

Русский Харбин/Сост. Е. Таскина. С. 72.

23

Резникова Н. В русском Харбине//Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 386.

24

Русские записки. 1939. № 14. С. 199.

25

Рачинская Е. Калейдоскоп жизни. Париж: YMCA-Press, 1990. С. 121.

26

Перелешин В. Русские дальневосточные поэты//Новый журнал. 1972. 107.

27

Шанхайская заря. 1940. 4 апреля. № 24.

28

Волин М. Гибель Молодой Чураевки. Воспоминания //Новый журнал. 1997. № 209. С. 235.

29

Остров: Сборник. Шанхай, 1946. С. 11.

30

Перелешин В. Два полустанка. Amsterdam, 1987. С. 101.

31

Щеголев Н. Предисловие к сборнику «Остров». С. 9.

32

Нё-н — девушка.

33

Во ай ни — я люблю тебя.

34

Предсмертное стихотворение поэтессы, положенное на музыку композитором Н. Н. Иваницким.

35

Китайцы не боятся смерти. В смерти они видят начало нового, более светлого существования. Между прочим, если старику перед смертью сын смастерит гроб, растроганный отец будет благодарить богов за то, что они ему дали столь почтительного сына.

36

Положено на музыку Л. М. Тереховым.

37

На местном жаргоне — «не трогай!»

38

На местном жаргоне — девушка.

39

Поварни — избы на сваях, для копчения рыбы.

40

Кагагля — рубашка шаманов из оленей кожи.

41

Аннанэль — верховное существо тунгусов.

42

Цветы морского царя — местное название береговых растений с голубыми листьями.

43

Первые цветы на Дальнем Востоке.

44

В Примечаниях библиография дается по хронологии публикаций. В тексте книги порядок стихотворений может быть иным. (Прим. ред.)